

**ТРАДИЦИОННАЯ
ОДЕЖДА НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Дружбы народов
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Ответственные редакторы
кандидат исторических наук Н. П. ЛОБАЧЕВА,
кандидат исторических наук М. В. САЗОНОВА

МОСКВА «НАУКА» 1989

ББК 63.5(2)
Т65

Авторы:

И. В. ЗАХАРОВА, Н. П. ЛОБАЧЕВА, Ф. Д. ЛЮШКЕВИЧ,
А. С. МОРОЗОВА, О. Б. НАУМОВА, Р. Я. РАССУДОВА, М. В. САЗОНОВА,
Т. Н. ТОМИНА, Р. Д. ХОДЖАЕВА, З. А. ШИРОКОВА

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. ЛЕБЕДЕВА,
кандидат исторических наук Л. А. ЧВЫРЬ

Т65

Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — 255 с.
ISBN 5-02-009929-5

Книга содержит статьи о новейших исследованиях традиционной одежды народов Средней Азии и Казахстана, проведенных авторами по программе Историко-этнографического атласа этого региона, представляет собой опыт типологических классификаций элементов костюма. Она знакомит с богатейшим разнообразием форм народного костюма в многонациональном регионе, его этническими особенностями (в покрое, тканях, украшениях и др.) и чертами сходства, отражающими многовековые историко-культурные контакты этих народов и взаимовлияния с соседними странами и культурами.

Для этнографов, археологов, историков культуры и модельеров современной одежды.

К 0505000000—341
042(02)—89 214—89—1

ББК 63.5(2)

ISBN 5-02-009929-5

© Издательство «Наука», 1989

Предисловие

Настоящий тематический сборник принадлежит к серии трудов, издаваемых Институтом этнографии АН СССР с участием этнографов республиканских академий наук. Материалы его войдут в готовящийся к изданию Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана по народной одежде¹.

Сборник содержит статьи авторов атласа, освещающие результаты проведенных ими исследований, разработанные ими типологии и историко-этнографические карты по отдельным территориям и народам.

В основу типологий элементов костюма положен принцип конструирования одежды — ее покррой; этот признак признан определяющим при составлении общерегиональной типологии традиционной одежды народов Средней Азии и Казахстана.

Открывается книга статьёй Н. П. Лобачевой, освещающей некоторые методологические вопросы и предварительные итоги по выявлению общих черт сходства в одежде народов региона. Остальные статьи представляют собой конкретные исследования, основанные главным образом на полевом материале, его классификации и картографировании.

В сборнике представлены разные уровни типологических классификаций костюма отдельных народов региона: костюма в целом (А. С. Морозова), его локальных вариантов (статьи М. В. Сазоновой, Ф. Д. Люшкевич, Р. Я. Рассудовой), отдельных элементов одежды (статьи Н. П. Лобачевой, О. Б. Наумовой), в том числе столь важного, отражающего этническую специфику компонента, как головной убор (статьи З. А. Широковой, И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой). Отражены также

результаты изучения такой малоисследованной темы, как использование тканей в традиционной одежде народов Средней Азии (статья Т. Н. Томиной).

Карты выполнены по эскизам авторов статей в лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР. Таблицы и рисунки подготовлены художниками М. Р. Семашкевич, Т. Л. Юзепчук, С. Н. Третьяковым.

Сборник посвящается памяти одного из крупнейших советских этнографов, О. А. Сухаревой, положившей начало систематическому изучению костюма народов региона и на протяжении ряда лет руководившей сложной работой по созданию Историко-этнографического атласа народной одежды многонационального населения Средней Азии и Казахстана.

¹ См.: Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1979; *Сухарева О. А.*

История среднеазиатского костюма: Самарканд (вторая половина XIX—начало XX в.). М., 1982.

О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана

Н. П. ЛОБАЧЕВА

Предлагаемая статья является известным итогом работы над темой «Одежда» для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. В ней используются материалы, привлекавшие при разработке вопросов типологии по одежде народов региона¹.

Одним из первых этапов работы над атласом было выявление материалов для картографирования (элементов костюма) в историко-этнографической литературе, музейных коллекциях одежды, фотографиях, рисунках, а также сбор новых сведений в ходе полевых этнографических работ. При этом выяснилось, что собрать данные по всему региону возможно лишь на время начиная с конца XIX в., а так как в задачи атласа входило отображение традиционного костюма народов региона до преобразовательных процессов социалистической эпохи, то основным периодом для картографирования и был избран конец XIX — начало XX в. Конечно, при изучении истории костюма среднеазиатских народов очень ценными являются и сведения более раннего времени, однако их фрагментарность (обычно они относятся к отдельным территориям и народам, отдельным элементам костюма) ограничивает возможности картографирования.

Конец XIX — начало XX в. для среднеазиатско-казахстанского региона — время больших политических и социально-экономических перемен, косвенно отразившихся и на состоянии традиционной одежды. Это время включения Средней Азии и Казахстана в сферу влияния России, что создавало предпосылки для капиталистического развития, расширяло возможности торговых связей, увеличения торгового обмена. Приток фабричных тканей из России в этот период сказывался на ассортименте тканей, применявшихся для одежды, на цветовом решении костюма, на характере отделки и даже на покрое (в зависимости от ширины ткани менялась ширина стана наплечной одежды и т. д.).

Появление в регионе швейной машины, особенно в XX в., революционизировало изготовление одежды, шившейся прежде на руках, и способ-

ствовало распространению цветной художественной строчки в качестве отделки, в первую очередь на новых видах одежды — камзолах и безрукавках. Кроме того, в этот период наблюдалось настойчивое проникновение в Казахстан и Среднюю Азию нового кроя одежды — «европейского». Все это к началу XX в. значительно изменило облик традиционного костюма народов региона по сравнению с прошлым. Таким образом, перемены в политическом и социально-экономическом положении страны отразились и на традиционном костюме, что воочию наблюдалось этнографами.

Изменения в одежде народов Средней Азии происходили и прежде, но в настоящее время исследователю не всегда удается четко увязать их с определенными вехами истории народа, тем более что о характере самих изменений мы знаем немного.

В формировании костюма народов региона большую роль играли сложные этнические процессы, протекавшие на его территории, оказывало влияние и общее развитие культуры.

Костюм народов Средней Азии и Казахстана на протяжении своей истории постоянно менялся, как любое другое явление культуры и быта. Однако в нем сохранялись элементы, связанные с традиционным прошлым, несущие черты этнической принадлежности, сложившиеся еще в процессе исторического развития того или иного народа.

Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана начала XX в., при индивидуальных особенностях ее у каждого народа, имеет и много общих черт. И более всего объединяет ее общий, сложившийся в давние времена способ кроя.

У всех народов этого региона вплоть до XX в. в наплечной одежде преобладал так называемый туникообразный покррой. Общность покроя наблюдалась и в поясной одежде, в формах головных уборов и обуви. Однако это не исключало индивидуальных проявлений в крое одежды отдельных народов, выражавшихся обычно в деталях при сохранении единого принципа.

Черты общности в костюме народов Средней Азии и Казахстана выражались частично и в излюбленных и наиболее распространенных расцветках ткани. Например, у всех народов изучаемой территории были халаты из ткани в полоску (правда, цветовая гамма полосок у каждого народа была достаточно индивидуальна). Широко бытовали элементы костюма из белой ткани: у всех народов в составе традиционного костюма есть туникообразная мужская рубаша из белого дмотканого материала; саван повсеместно здесь изготовлялся также из белой ткани. У ряда народов ритуальное платье невесты, в котором она предстает на обряд мусульманского бракосочетания, — белое, а если с рисунком, то на белом фоне (у таджиков, узбеков). У группы народов сохранились старинные головные халатообразные накладки из белой ткани в прошлом домашнего изготовления, расшитые цветными нитками по всей поверхности (каракалпакское *ак жегде*, туркменское *ак чырпы*)*. У памирцев до недавнего времени были женские платья и халаты из белой шерстяной

* Термины даются в русской транскрипции с учетом произношения их у разных народов.

домотканины. Старинная одежда из ткани белого цвета очевидно является пережитком того периода, когда она шилась из неокрашенных домотканых материй (шерстяных или из растительного волокна), т. е. народы среднеазиатского региона прошли через ту стадию развития одежды², которая, например, у народов Поволжья задержалась вплоть до XX в.³

Общие черты в одежде народов Средней Азии и Казахстана обнаруживаются и в способах ее украшения. Так, в далеком прошлом на одежду из белой или окрашенной домотканины полотняного переплетения наносилась вышивка крестом (наиболее ранняя техника вышивки по таким тканям). Такое украшение одежды встречаем практически у всех народов региона⁴. К XX в. вышивка крестом на одежде была вытеснена другими типами вышивок, сохранившись лишь на мелких предметах быта (чойхалта, поясах и т. д.).

Другой распространенный и давний способ украшения одежды, сохраняющийся доныне, — это нашивные металлические бляшки, обычно серебряные.

В XX в. почти повсеместно стала употребляться художественная машинная строчка цветными, контрастными с фоном ткани, нитками.

Костюм народов региона характеризуется общим направлением развития, общей историей. Этот вопрос будет подробнее рассматриваться ниже. Здесь же приведем два-три примера, наиболее близкие к нашему времени, в подтверждение этого положения. Так, у народов изучаемой территории (за исключением казахов и киргизов) в XVII — XVIII вв. в женском костюме появились встречаемые только в Средней Азии халатообразные головные накладки, генетически связанные с наплечной одеждой. Процесс изменения функций отдельных видов верхней наплечной одежды, превращение их в головные накладки продолжался и в последующие века и зафиксирован этнографами у разных народов (туркмен, узбеков)⁵.

Об общности путей развития одежды народов региона говорит и интенсивное вхождение в быт, особенно с конца XIX в., выкройной одежды (так для краткости мы будем называть одежду со скругленной проймой рукава и разрезным плечом, выкройной спинкой и полами). Прежде всех этот крой восприняли казахи и киргизы, больше и раньше других соприкасавшиеся с народами Европейской России, у которых он давно преобладал. Затем он распространился и у других народов Средней Азии, в первую очередь через новый вид одежды — камзол (*камзул, кемзал, кемсаль, кемзор* и др.), который постепенно вошел в комплекс мужской и женской одежды у всех народов региона, дав несколько вариантов кроя. Историю этого вида одежды еще предстоит проследить.

Под влиянием этого покроя у народов Средней Азии, не сразу научившихся его воспроизводить (одежда в большей части изготовлялась в домашних условиях), уже в первой четверти XX в. появились искаженные варианты его, которые можно назвать переходными, поскольку в них совмещались черты туникообразной и выкройной одежды.

Общие черты в костюме народов Средней Азии и Казахстана определяются не только сходством элементов их этногенеза и общим направле-

нием развития культуры, но и постоянным культурным обменом между ними на протяжении веков. Одним из примеров этого служит появление в XVIII—XIX вв. у народов региона нательной одежды из крашеной в густо-синий цвет домотканины, что в какой-то мере связано с распространением в Средней Азии соответствующих красителей. Синий цвет оттеснил на время излюбленные цвета женских платьев у некоторых народов. Например, у каракалпаков в состав праздничного костюма молодухи входило синее платье, расшитое крестом цветным шелком, хотя любимыми тонами платьев молодых женщин там, как и у многих народов Средней Азии, были красные.

Заметим, что черты общерегиональной культурной общности, отраженные в одежде, не исключали существования в рамках региона этнокультурных общностей меньших масштабов, в первую очередь у народов объединенных этногенетическим родством, например казахско-киргизско-каракалпакская, узбекско-таджикская (имеются в виду оседлые узбеки, не помнящие родовой принадлежности); туркменский костюм, имея черты общности с первой группой, все-таки стоит особняком. Следующей ступенью была наиболее ярко выраженная общность одежды в рамках одного народа.

Для работы по составлению Атласа важное значение имеют вопросы, связанные с формированием общих черт покроя одежды народов региона, поскольку типология одежды основана на формах покроя.

К XX в. туникообразный покроем со времени своего зарождения пережил значительные изменения, сохранив основной принцип, заключающийся в том, что стан одежды состоит из сложенного пополам по долевой нитке куска ткани, в результате чего швов на плечах не бывает. На сгибе делается отверстие для головы. Поперечные (иногда и долевые) рукава пришиваются к стану под прямым углом, обычно по кромке ткани. Наиболее развитые формы этого покроя в изучаемом регионе выражались в следующем: под рукавом к стану (для его расширения) пришивались дополнительные куски ткани — боковины. Причем и боковины, и рукава стали кроиться со скашиванием ткани: рукав у запястья был уже, чем у основания, боковины у подола были шире, чем под рукавом, между боковиной и рукавом вшивались разной формы ластовицы. Ворот оформлялся воротником. Распашная плечевая одежда, кроившаяся по тому же принципу, что и нераспашная, кроме скошенных рукавов и боковин, приобрела клинья к полам, расширяющие их и увеличивающие запах, воротник пришивался уже к скошенному вырезу ворота. В то же время в конце XIX — начале XX в. встречалась туникообразная одежда, у которой боковиной и рукава могли иметь одну ширину по всей их длине, т. е. кроились без скашивания ткани, распашная одежда не всегда характеризовалась дополнительными клиньями на полах, не все халаты были с воротниками и т. д. Эти особенности по отдельности отмечаются у разных народов.

К архаическим чертам туникообразного кроя у среднеазиатских народов можно отнести равенство передней части и спинки рубахи (как и халата, исключая пришивные клинья к полам, накладывающиеся друг на друга). К архаизмам в костюме среднеазиатских народов относится и однотипность многих форм мужской и женской одежды.

Туникообразный покррой — очень древний и самый несложный, исходящий из размеров ткани и пропорций человеческого тела. Его изобретение, видимо, связано с изготовлением тканей полотняного переплетения. Известен он по традиционному костюму многих народов, живущих на огромном пространстве Азиатского материка от Тихого океана до Средиземного моря. Исследователями отмечены, при наличии принципиального сходства (в основе перекинутые через плечи полотнища), некоторые различия в туникообразной одежде, устойчиво сохраняющиеся в определенных регионах. Разнообразие породило попытки классификации и типологизации данного покрова, предпринимавшиеся рядом советских ученых (Б. А. Куфтин, Н. И. Гаген-Торн, Н. Ф. Прыткова, Л. П. Сычев, О. А. Сухарева и ряд других) в основном на материалах региона своего исследования. Сводка различных точек зрения и развитие положений о туникообразном покрое содержится в работе В. Л. Сычева «Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации)» (Сов. этнография, 1977. № 3; здесь же приведена библиография вопроса).

Согласно концепции В. Л. Сычева, существуют два основных типа и один производный тип туникообразного покрова одежды: тип I — из двух полотен (первоначально, очевидно, не сшивавшихся), происхождением связан с населением земледельческого культурно-хозяйственного типа, его ранняя форма — распашная одежда, сохранившаяся в качестве единственной на крайнем Востоке (Япония, Корея, Китай): тип II — в основе одно центральное полотнище с отверстиями для головы на сгибе, сложился среди населения скотоводческого культурно-хозяйственного типа, наиболее ранняя его форма — нераспашная одежда, сохранившаяся в качестве основной на крайнем западе (арабский мир), прототипом была одежда из большого куска войлока с отверстием для головы; тип III — распашная одежда с характерным криволинейным разрезом, идущим от ворота к правой подмышке, глубоким запахом за счет дополнительной пришитой полы, распространен в Южной Сибири среди народов тайги и лесостепи, прототипом послужили одежды из шкур диких животных.

Данная типология, хотя в ней и высказаны предположения относительно исходных форм каждого типа кроя, основывается на закрепленных традиций, очень сложных вариантах туникообразной одежды. Однако традиционная культура народов сохранила нам такие варианты этого кроя, в которых, как нам кажется, видны его исходные формы, сохранившиеся в образцах современной одежды и обнаруженные в разных регионах. Эти образцы свидетельствуют о необходимости обращать внимание на характеристику тканей, из которых изготовлена одежда (домотканая узкая, широкая и т. д.), и на технические приемы и средства кроя (разрыв по нитке, диагональные и другие срезы, выполняемые режущими инструментами — ножом, ножницами). В работе О. А. Сухаревой, посвященной вопросам эволюции покрова, говорится, что наиболее архаический туникообразный крой отличался отсутствием приема скашивания ткани, его можно было осуществить без применения режущих предметов, а путем разрыва ткани по нитке⁶. Учитывая эти моменты, первоначальный этап в формировании туникообразного кроя ретроспективно можно увидеть в примере покрова тайландского платья⁷ из коллекции Музея антропологии и этнографии (Ленинград). Это платье было привезено в Музей в 50-х го-

дах. Выполнено оно из грубой дмотканой хлопчатобумажной ткани белого цвета с вышивкой гладью красными, черными и желтыми хлопчатобумажными нитями, а также розовой и зеленой шерстью и представляет собой два сшитых узких полотнища, сложенных вдвое по длине и зашитых с боков. Для рук оставлены незашитые участки в боковых швах, а для головы — в центральном шве. Рукава отсутствуют.

Узкая ткань полотняного переплетения, из которого сделано платье, — наиболее простая по технике изготовления — вырабатывалась на архаических ткацких станках. Существенно и то, что все швы тайландского платья — прямые, идут по кромке материала. Для края его не требовались режущие предметы, детали края разрывались по нитке. В Средней Азии подобных образцов края одежды не зафиксировано.

Можно предположить, что следующим этапом в развитии конструкции одежды было появление у нее рукавов, пришивавшихся к стану рубахи по кромке ткани под прямым углом. Поволжский регион дает примеры такой одежды в виде женской рубахи-платья мордвы-эрзи XVIII в.: стан этого платья состоит из двух сшитых узких точек дмотканого холста, рукава из поперечного куска ткани пришиты к стану под прямым углом по кромке, боковины отсутствуют⁸. Верхняя туникообразная одежда со станом из двух точек белого дмотканого холста и без боковин известна и по костюму мордвы-терюхан и мордвы-каратаев⁹. Это реликтовые образцы одежды туникообразного покроя. Правда, к XIX в. у одежды этого типа появились ластовицы, ворот, приобретший удлиненную треугольную форму и т. д. В Средней Азии в современном этнографическом материале встречены лишь рудименты такого покроя в распахной рубахе без боковин кашкадарьинских узбеков и арабов (материалы Х. Исмаилова). Особенностью этой рубахи является также ее стан, сшитый из двух сравнительно узких полос светлой ткани домашнего изготовления, хотя в остальном она вполне соответствовала покрою начала XX в.: рукава имеют скосы, к полё пришит неширокий клин, есть воротник ферганского типа и ластовицы.

Можно предположить, что следующим этапом в развитии одежды туникообразного покроя было появление у нее так называемых боковин, пришиваемых к стану ниже рукавов, которые оказываются как бы входящими в основу платья. Возможно, распространение такого варианта туникообразного края одежды связано с изготовлением более широких дмотканых (шириной до 40 см) материй в результате усложнения конструкции ткацкого станка. У одежды с боковинами стан почти всегда из широкой ткани — и в Средней Азии, и в Поволжье, и в Сибири (например, у хантов), и в Передней Азии (у арабов).

Первоначально и этот усложненный покрой не требовал режущих инструментов при крое, так как остальные элементы данного вида одежды разрывались и сшивались по прямой нитке — прием, известный этнографам и в современной практике. Примеры такого края в начале XX в. известны как по Поволжью, так и по Средней Азии, и в мужской, и в женской нательной одежде, особенно из дмотканины. В верхней одежде народов Средней Азии уже не было рукавов и боковин, выкроенных без скосов, хотя какие-то элементы кроились по прямой нитке, в частности полы распахной одежды в некоторых районах не имели дополнительного среза у шеи и пришивного клина внизу (чаще у таджиков).

Дальнейшее развитие одежды туникообразного покроя связано с приемом скашивания ткани при крое, с появлением диагональных срезов на рукавах, боковинах и т. д.

В начале XX в. у населения исследуемого региона независимо от рода хозяйственной деятельности этот вариант туникообразного кроя одежды преобладал, хотя встречались и реликтовые формы более ранних стадий.

В Средней Азии, преимущественно у таджиков, отмечен еще один вариант одежды туникообразного покроя, в котором также используется прием скашивания. Это одежда, внешне напоминающая кимоно. Суть ее покроя заключается в следующем: стан кроится из сложенного пополам очень широкого куска ткани (или сшитых узких). В отличие от предыдущих вариантов ширина полотнища превышает ширину плеч, так что стан спускается с них, давая начало рукавам, которые надставляются до нужной длины без сужения к запястью. С боков отрезают от уровня рукава клинья. Чтобы сделать одежду в подоле более просторной, их вшивают в бока широкой частью вниз. В халатах с таким покроем стана полы чаще не имеют дополненных клиньев.

В Средней Азии дальнейшее усложнение туникообразной одежды шло за счет развития разнообразных деталей: появились ластовицы, вставные клинья между станом и боковинами; у некоторых народов боковины составлялись из нескольких расклешенных полос, усложнилось оформление ворота и т. д. Следует заметить, что в разных регионах были свои особенности туникообразного покроя, особенно на поздних этапах: в частности, у восточных славян при крое рукавов появились так называемые *пóлики*, сначала прямые, затем косые; в Сибири у хантов и манси отмечаются вставные клинья между станом и боковинами только на спинке рубахи-платья в нижней его части.

Как можно заметить, характеристика туникообразного покроя одежды среднеазиатско-казахстанского региона не вполне укладывается в типологическую схему В. Л. Сычева. По наиболее распространенному в Средней Азии варианту туникообразной одежды в начале XX в. (нераспашная с широким средним полотнищем и боковинами) этот регион следовало бы отнести к территории распространения типа II туникообразного покроя, по В. Л. Сычеву характерного для скотоводческого населения. Но одежда такого покроя типичная и для земледельческого населения Средней Азии как в виде нераспашной нательной, так и распашной верхней одежды. И традиция эта очень древняя, судя по согдийским терракотам кушанского времени (II в. до н. э. — IV в. н. э.). У скотоводческих же народов — казахов, киргизов (исключая основную массу туркмен) была в прошлом распашная нательная рубаха. Судя по миниатюрам, среднеазиатские народы знали и туникообразный крой с пришивной широкой полкой (тип III по В. Л. Сычеву). В Средней Азии, наконец, есть одежда, стан которой с частью рукавов кроится из очень широкого (иногда сшивного) полотнища, также напоминающего тип III.

Тем не менее намеченная нами схема развития одежды туникообразного покроя дополняет типологию В. Л. Сычева. В то же время эти разработки свидетельствуют о том, что их положения нельзя абсолютизировать. Примером может служить хотя бы крой одежды народов крайнего Дальнего Востока — Японии, Кореи, Китая (тип I по В. Л. Сычеву).

Здесь от эпохи древности до наших дней закрепился вариант покроя распашной одежды из двух полотнищ с обязательным срединным швом на спине (т. е. ему не свойственны те этапы развития, о которых говорилось выше в нашей разработке). Его развитие шло за счет изменения ширины стана, боковых вставок, рукавов, применения скашивания ткани и т. д., но на протяжении веков сохранялась сшивная из двух полотнищ спинка.

Что касается типа II туникообразного покроя по В. Л. Сычеву, то возможно предположение о его первооснове также из двух сшитых узких полотнищ, судя по современной конструкции одежды арабов, совпадающей (кроме расширяющихся у запястья рукавов) со среднеазиатской, начавшей свое развитие от основы из двух сшитых полотнищ. Либо туникообразная одежда с срединным широким полотнищем и боковинами под рукавами появилась на крайнем западе тогда, когда уже распространились относительно широкие ткани.

Труднее восстанавливать, как развивалось оформление ворота на рубашках и на верхней одежде. На раннем этапе, безусловно, воротника не было. По этнографическим данным, наиболее старинными в Средней Азии считаются так называемые горизонтальные и вертикальные ворота. Горизонтальный встречается как на женских (обычно девичьих), так и на мужских рубашках, что в виду предельной простоты может служить одним из архаических признаков одежды.

Вертикальный вырез ворота, отмечаемый только на женских рубашках-платьях, представляет собой удлинненный треугольник. Развился он, видимо, от горизонтального, когда тот получил дополнительный вертикальный разрез в передней части стана платья. Возможно, это связано с той стадией развития туникообразного кроя, когда появились боковины и стали кроить из широкой ткани. Для головы при крое делали разрезы и по горизонтали и по вертикали (в средней части горизонтального разреза). Подрезанные части ворота на передней стороне стана присбаривались, за счет чего и образовывался треугольный выем. Такие формы ворота еще встречаются в этнографических материалах (у таджиков, каракалпаков и др.). Позднее уголки ткани, которые прежде присбаривались, стали срезать, получалось удлиненное треугольное отверстие. Это могло произойти тогда, когда стал известным прием скашивания ткани. Подобная форма ворота в некоторых районах Средней Азии в традиционной одежде известна и сейчас. Есть еще горизонтально-вертикальный вырез ворота, когда небольшой выем по шее или небольшой треугольный вырез удлиннен вертикальным разрезом на передней стороне платья.

Все варианты оформления ворота пришивным воротником, очевидно, более поздние. Наиболее простая форма воротника — прямая узкая полоска ткани, пришиваемая к круглому вырезу ворота — то, что мы называем «стойка». Это касается и верхней плечевой одежды. Первоначально у распашной одежды также не было воротника. Полы были совершенно прямыми. Такие халаты, как упоминалось, сохранились в таджикском традиционном костюме. Именно на таких одеждах встречены зачаточные формы воротника, представлявшего собой короткую прямую полоску материи, подшивавшуюся с наспинной стороны к вороту халата и верхней части пол, подрезанных по линии перегиба на ширину этой планки.

Полный воротник первоначально был также из прямого куска ткани и пришивался по прямой нитке к стану халата, в полах которого делался соответствующий размерам воротника выем; в результате получался как бы «врезанный» в стан воротник. Подобные воротники сохранились до наших дней в халатообразных накидках каракалпаков (*ак жегде*), туркмен (*пуренджек, чырпы*) и других народов. Воротник в виде прямой планки появился в подражание тем образцам одежды, у которой ворот обрамлялся широкой полосой вышивки примерно до уровня груди. В Средней Азии таких образцов мы не знаем, но в Поволжье в холщовых *руце* мордвы-эрзи и *чибе* мордвы-караатай они известны¹⁰.

Позднее в оформлении ворота появились скосы, на каждой поле стали делать срезы у шеи. Безворотниковые халаты с удлинненным треугольным выемом на груди сохранились и в мужском (у туркмен) и особенно в женском традиционном костюме (у каракалпаков, туркмен, дештикипчакских узбеков). На следующем этапе появился воротник, пришивавшийся по косой линии ворота. Сам воротник бывал из прямой или косой ткани, по форме либо в виде прямой полосы со скосами на концах, либо разной ширины шалевидный. Халаты с воротниками есть у всех народов региона.

По имеющимся источникам мы не можем определить время распространения в Средней Азии туникообразной одежды без скосов и появление этого приема в крое, тем паче более ранних вариантов этого кроя. В XX в. прямые рукава или прямые боковины, прямые полы — все это примеры либо реликтовых остаточных форм в туникообразном покрое, либо возрождения старых традиций кроя. Так, например, в *ак жегде* каракалпачек прямые боковины — реликт древнего кроя, о чем свидетельствуют и другие архаические детали этой одежды. Однако широкие прямые рукава у современных вышитых платьев горных таджичек являются скорее примером возрождения у них (путем заимствования у бухарцев) этого приема кроя. Более ранние платья горных таджичек имели сужающийся к запястью рукав.

Представляет большой интерес тот факт, что археологические источники рубежа нашей эры дают уже сложные формы туникообразного кроя, который на протяжении веков менялся в деталях, переживал периоды усложнения и упрощения, но сохранял основной принцип. Так, материалы из гуннских могильников дают примеры туникообразного кроя очень сложной конструкции. Интересным моментом здесь является то, что в Кенкольском могильнике (Киргизия, I в. до н.э. — II в. н.э.) обнаружена одежда без боковин и со сложными боковинами, т. е. уже в ту пору существовали варианты кроя, отражающие разные этапы развития туникообразной одежды, что еще раз подтверждает глубокую древность этого кроя. Остановимся на рассмотрении одежды из названного могильника: мужская рубаша из желтого шелка не имеет боковин. Ее стан состоит из полутора точек ткани. (Низ надставлен полосой, равной половине точки). На боках сделаны глубокие разрезы (0,55 м) с кантом из красного китайского шелка. Рукава скроены со скашиванием ткани, сужаются к запястью, однако пришиты они к краю стана под прямым углом, оканчиваются манжетами из красной шерстяной материи, вышитыми черными шерстяными нитками. Из такой же ткани с вышитым черной шерстью узором сделан стоячий воротник (высотой в 3,8 см). В данном примере

сочетаются черты разных стадий в эволюции одежды туникообразного кроя (отсутствие боковин, скошенные рукава, пришивной воротник). Женская рубаша-платье (в отчете о раскопках эта одежда названа халатом) сшита тоже из желтого китайского шелка ханьского времени, ее стан имеет такую же ширину, как и мужская рубаша. Рукава скроены из перегнутого поперек полотнища одной ширины по всей его длине. Однако с нижней стороны к ним пришиты клинья, увеличивающие основания рукавов, пришитых к стану, как обычно, под прямым углом. Платье имеет расклешенные боковины из двух полос. О воротнике из-за разрушения одежды сказать ничего нельзя. Сохранился лишь вертикальный разрез, окантованный, как и концы рукавов, красным шелком. Ворот скреплен завязками, завязанными бантом из двойной ленты, сшитой швом внутрь¹¹.

В верхней распашной одежде из могильника в Ноин-Ула (Монголия), датирующейся рубежом нашей эры и также принадлежащей гуннам, мы встречаемся с другим вариантом туникообразного покроя, который известен и в современной традиционной одежде Средней Азии. Основной принцип — перекинутое пополам полотнище стана, чем определены прямые, без шва, плечи одежды, — сохранен и здесь. Но разница заключается в том, что стан сделан из очень широкого полотнища (в данном случае сшит из двух достаточно широких точек). Он шире человеческой фигуры. Небольшая часть его заходит за плечи, давая начало рукаву, надставленному поперечным куском ткани одинаковой ширины у основания и у запястья. Под рукавом в стане вырезан клин, благодаря чему одежда приобрела расширяющиеся к низу очертания. Некоторая расклешенность происходит и за счет вставных боковых клинышков. (Мы не можем охарактеризовать боковые вставки у этой одежды из-за не очень точных чертежей, приведенных в издании.) Такой покрой встречен и в легком шелковом халате из Ноин-Улы (он имеет отделку из меха соболя и крученного шнура из шерстяных ниток по вороту, бортам, подолу и на концах рукавов, на плечах и сзади у шеи), а также в теплом крытом шелком халате из очень тонкого, слабой катки стеганого войлока с отделкой менее сложной, чем у предыдущего. Интересная деталь, встречающая аналогии и в современной традиционной одежде, состоит в том, что с изнанки ворот, борта, подол и концы рукавов обшиты по войлоку шелковой тканью, шириной в 10 см¹². Такая же обшивка косой полоской ткани с изнанки (*паравуз*) есть на всех видах современных халатов.

Сложный туникообразный покрой легко угадывается в одежде персонажей монументальных росписей архитектурных памятников раннего средневековья, обнаруженных в ряде мест Средней Азии и сопредельных регионов. Имеются в виду также такие памятники, как огромный комплекс Пенджикента, Варахши, Афрасиаба, Балалык-тепе, Бамиана, Дильберджина и др., относящиеся к V — VII вв. н.э. Некоторые из изображений одежды на росписях этих памятников позволяют уверенно реконструировать ее туникообразный покрой¹³. Для нас особенно важно то, что на этих росписях представлен костюм различных историко-культурных областей Средней Азии — Согдианы и Тохаристане, население которых было предками современных таджиков и узбеков.

Несмотря на областные различия, выражавшиеся в деталях покроя

(например, для Тохаристана в верхней одежде был характерен правосторонний лацкан, для Согда более обычным был глухой ворот и др.), можно с уверенностью утверждать, что по всей Средней Азии в раннем средневековье костюм был достаточно однотипен и наплечная одежда имела туникообразный покрой.

На росписях изображены преимущественно представители знати, однако встречаются и люди иного социального положения. Сравнение их костюмов приводит к заключению, что принципиальных различий в облике и покрое костюма отдельных социальных прослоек населения в то время не было. Различия выражались в богатстве тканей, качестве отделки, количестве украшений и социальных регалиях. Например, богатый наборный пояс с оружием отличал феодальную военно-землевладельческую аристократию, отсутствие оружия на поясе указывало на более низкую ступень социальной иерархии¹⁴.

Для традиционного костюма народов Средней Азии начала XX в. характерно такое же положение: костюм знати состоял из тех же элементов, что и у рядового населения. Социальные различия выражались главным образом в богатстве костюма и количестве надеваемых одежд, хотя у отдельных социальных прослоек существовали определяющие их общественное положение элементы одежды. Праздничная или обрядовая одежда отличалась от повседневной качеством ткани и отделки, полнотой комплекса.

Возвращаясь к нашему источнику по одежде раннесредневекового периода — к настенным росписям, суммируем сведения, полученные о наплечной одежде того времени. Росписи дают наибольшее представление о верхней одежде, но, возможно, не всегда уличной, поскольку персонажи изображены в помещении. Она была двух видов: распашная и нераспашная. Нераспашная одежда была практически утрачена традиционным костюмом к началу XX в. Ее реликты представлены старинными образцами стеганых рубах туркмен¹⁵ и узбеков¹⁶, в современной одежде этот тип воспроизведен в костюме стариков и детей в Бухарском оазисе — *гуппи*, *джубба*, *гуппица* и в Фергане — *гуппи куйнак*, *гуппица*¹⁷.

Прием скашивания ткани, судя по этим видам одежды, применялся тогда широко. Об этом свидетельствуют рукава, имеющие разную ширину у плеча и у запястья. Боковины, очевидно, также были раскошенные, так как внизу одежда обычно более широкая, хотя в отдельных случаях можно предположить прямые боковины (чаще у нераспашной одежды — см. одежду чагганианцев)¹⁸.

На росписях встречаем и вариант туникообразного покроя типа кимоно. Предполагать именно такой покрой позволяет полоса отделки, продолженная на рукаве ниже плеча (пенджикенцы¹⁹). По этнографическим данным известно, что раньше все швы с магическими целями зашивались полосой вышивки.

И в Согде, и в Тохаристане верхняя одежда не имела пришитых воротников. Возможно, такова была мода. Пóлы были без пришитых клиньев, так как отделка пóлы изображена в виде прямой полосы, в противном случае при запáхе пола лежала бы косо.

Длина одежды с течением времени и на разных территориях варьировала: бывала длинной и выше и значительно ниже колен. Если взять

Тохаристан, то на росписях Дильберджина, относимых автором исследования И. Т. Кругликовой к IV—V вв. н. э., к кушано-сасанидскому времени, и распашная и нераспашная одежда мужчин была выше колен (см. второй живописный слой)²⁰. Она чрезвычайно напоминает одежду персонажей некоторых восточнотуркестанских росписей, особенно манерой изображения правостороннего отворота у шеи, длиной, широкими штанами, заправленными в высокие сапоги²¹ (правда, восточнотуркестанские росписи отнесены к более позднему времени — VII в. н. э.). Что касается несколько более поздних балалык-тепинских росписей (по Л. И. Альбауму — V в.), отражающих одежду населения правобережного Тохаристана, то там верхняя одежда, и мужская и женская, гораздо длиннее — значительно ниже колен.

В Согде на основании пенджикентских росписей также возможно говорить о временной разнице в длине одежды. Персонажи настенной живописи второго пенджикентского храма, датируемой VI в. н. э., изображены в одежде выше колен. Особенно хорошо это видно на примерах нераспашной одежды, ниже которой видны широкие штаны, заправленные в высокие сапоги. На росписях VII в. в Пенджикенте и распашная и нераспашная одежда — длинная. Наибольшую длину встречаем в афрасиабской живописи (VII в.), на персонажах, представляющих жителей Чаганиана²².

Верхняя одежда имела и боковые разрезы. Очень характерна отделка пол, подола, боковых разрезов, ворота тканью (очевидно, более дорогой) другой расцветки, чем сама одежда. Можно предположить здесь и вышивку. Рукава верхней одежды оканчивались манжетой из той же отделочной ткани. Ширина манжеты варьировала. В Тохаристане она обычно той же ширины, что и отделка на полах и подоле, в Согде VI в. манжета имела одинаковую с отделкой ширину, а в VII в. она стала высокой, до локтя. Манера украшать одежду тканью другой расцветки и достоинства, широко распространенная в разных областях Средней Азии в раннем средневековье, дожила почти до наших дней в традиционном женском костюме туркмен. Позволим себе некоторое хронологическое отступление для описания этих видов туркменской одежды.

В начале XX в. у туркмен-сарыков в праздничном комплексе молодой женщины изредка встречалась старинная легкая типа халата одежда *кулече*. Шилась она из ярких шелковых тканей, сукна, бархата красного, зеленого, синего цветов, на подкладке; украшалась серебряными бляшками и, что особенно интересно, аппликацией (*гурама*) из цветной ткани. Небольшие серебряные бляшки нашивались в несколько рядов вокруг ворота, а аппликация в виде узких и широких полос, вырезанных зубчиками, располагалась по всем краям одежды. Так, на синем и зеленом *кулече* аппликации бывали из красного и черного шелка, бархата, сукна.

Этот вариант женского халата интересен и деталями покроя (подробнее об этом скажем ниже), сближающими его, наряду с манерой отделки, с верхней одеждой персонажей раннесредневековых памятников Средней Азии, с той лишь разницей, что на росписях — это преимущественно мужская одежда. *Кулече* любопытно и дополнительными клинышками (*санджак*), вставлявшимися между станом и боковинами и делавшимися, как и ластовица, из ткани, употребленной на аппликацию краев одежды.

У туркмен-сарыков рукава и теплых халатов девушек и молодых женщин надставлялись черным сукном или цветным бархатом и украшались разноцветным шелком.

Использование для отделки ткани иного цвета, чем сам халат, встречается также в женском праздничном халате — *курте* (обычно из красного или малинового шелка или полущелка местного производства, в начале XX в. — из сукна и бархата) у текинцев Мервского и Тедженского оазисов; *курте*, как и *кулече*, имело вставные клинья между станом и боковинами, создававшими впечатление приталенности одежды. Манжеты и *санджаки* в таких случаях делались зелеными. Этот халат имел воротник из длинного прямого куска ткани, пришитавшегося к полам по прямой нитке. Он расшивался красным, желтым, белым, голубым шелком стилизованными ветками с крупными цветами или листьями ромбовидной формы. Пóлы *курте* также украшались вышивкой в виде выходящей линии с отходящими трилистниками и бутонами.

Отделка на рукавах в виде манжеты (*енсапы*) из другой ткани, с вышивкой отмечается также на таких разновидностях халата, как *чабыт* (южные районы Туркмении) и *дерайи дон* (север Туркмении).

С подобной традицией встречаемся и на *чекменях*, изготовленных уже из красного фабричного сукна или очень тонкой, красного цвета кошмы, в бывшем Красноводском уезде, на Мангышлаке. Их носили девушки и молодые женщины из групп туркмен ходжа, игдыр, ших. *Чекмень* имел покрóй типа кимоно. Боковые разрезы, подол, пóлы, рукава были украшены широкой полосой вышивки, выполненной техникой *ильме* (тамбурный шов), в которой преобладал растительный орнамент.

Эта манера украшения одежды сохранилась в женских головных халатообразных накидках туркмен — *пуренджек* и *чырпы*. Встречена она и на старинной женской верхней нераспашной одежде с ватной прокладкой — *курте*²³.

У других народов Средней Азии такой прием украшения бытовой одежды до наших дней не сохранился. (Возможно, он отражен в отделке тулупов — у каракалпаков, туркмен и др. — полосатой тканью по подолу, полам и на рукавах.) Однако халат-*жанда* дервиша из Ферганы (XIX в.), рукава, прямые пóлы и подол которого обрамлены широкой полосой вышивки, показывает, что и в этих районах Средней Азии украшение одежды, созвучное раннесредневековой манере, не было полностью утрачено²⁴. О преемственности традиции украшения одежды подобным образом свидетельствует изображение дервиша Абд аль-Муталлиб Симнани в миниатюре Риза-йи Аббаси 1631 г., являющееся связующим звеном между археологическими и этнографическими данными по изучаемому вопросу.

Этот дервиш представлен в нераспашной широкой одежде с застежкой на груди. Подол, боковые разрезы и длинные рукава ее отделаны широкой полосой ткани другого цвета, покрытой к тому же вышивкой²⁵. Существенно, что такой прием зафиксирован в костюме дервиша. Как известно, ритуальный костюм часто удерживает старинные способы конструирования одежды и ее отделки. Это наблюдение подтверждается другим примером из истории одежды среднеазиатских народов: в ряде местностей и у разных этнических групп среднеазиатского региона (в Бу-

харском оазисе, в Фергане, среди туркмен) встречается мужская рубаха туникообразного покроя с горизонтальным вырезом ворота, обычно белого цвета, под названием *муллоча-куйнак*, *мусульмон-куйнак*. Ее конструктивные особенности характеризуют наиболее старинные варианты туникообразной одежды. Такая рубаха сохраняется в костюме мусульманского духовенства и в прошлом священных групп населения, а также в детской и стариковской одежде²⁶. Распространенность этой формы мужской рубахи среди духовенства дало ей даже соответствующее наименование, которое является приобретением, видимо, сравнительно недавним.

Продолжим рассмотрение особенностей покроя одежды в период средневековья. Вещественные археологические материалы позднего средневековья свидетельствуют, что описанные по росписям черты верхней одежды раннесредневековой эпохи сохранялись и в это время. Халатик из детского погребения XV в. в Шахи-Зинда в Самарканде имеет туникообразный покрой, с боковинами и рукавами со скосами. Интересная деталь заключается в том, что боковины у него скроены и пришиты так же, как в современных халатах: скошенные стороны их, чтобы не вытягивались, соединены с прямым краем стана. Воротника у халатика нет, петли у ворота говорят о существовании в прошлом застежки, полы прямые²⁷. Этот детский халатик делает более понятными изображения одежды на настенных росписях Средней Азии V—VII вв. и миниатюрах позднего средневековья, смыкая их с современной традиционной одеждой народов изучаемого региона.

Среднеазиатский костюм по данным миниатюр рассматривался в специальных работах²⁸. В нашу задачу не входит его подробный анализ по этому виду источников. Отметим лишь, что и здесь характер изображения позволяет говорить о туникообразном покрое одежды. Особенно зримо это представлено на персонажах в одежде из полосатых тканей, в ранних средневековых источниках не встречавшихся. Расположение полос на верхней плечевой одежде XV—XVI вв.²⁹ и на современных халатах совпадает, т. е. старинные приемы кроя продолжали жить в Средней Азии до середины XX в.: стан был из продольного куска ткани, а рукава — из поперечного, полосы ткани на одежде в развернутом состоянии шли в одном вертикальном направлении, при надевании же халата полосы на его рукавах оказывались почти в перпендикулярном положении по отношению к стану. Таковы изображения халатов на миниатюрах, таковы они и в жизни.

Судя по миниатюрам, верхняя одежда из полосатых тканей бывала как с очень длинными рукавами (иногда их длина больше руки), так и с короткими или вовсе без рукавов. Она имела боковые разрезы. Часть этих одежд не имела воротников. Такую одежду носили как с поясом, так и неподпоясанной. Полы часто затыкали за матерчатые пояса. Характерно, что одежда из полосатых материй всегда была без застежки. В такую одежду одеты обычно люди рабочие, мужчины-простолюдины. На более поздних миниатюрах (XVII—XVIII вв.³⁰) в полосатых халатах встречаются лица и высшего сословия, как мужчины, так и женщины, но редко. И вообще полосатые ткани в одежде персонажей средневековых миниатюр — явление сравнительно немногочисленное.

Что касается среднеазиатского костюма в целом по миниатюрам, то

он представлен разнообразными формами. Ими зафиксировано широкое распространение верхней одежды с короткими рукавами и застежкой на груди. Носили ее обычно с поясом, различавшимся в зависимости от социального положения носителя. Это одежда типа камзола, но, очевидно, еще туникообразного покроя, о чем свидетельствуют отдельные изображения. Бывала она и с длинными рукавами, с воротником и без воротника. По-видимому, это не уличная одежда, так как есть изображения, когда поверх нее надета свободная одежда типа халата с застежкой или без нее. В традиционных костюмах наших дней этот вид одежды не сохранился. Возможно, ее вытеснил современный камзол.

К характеристике одежды по миниатюрам добавим, что полы у верхней как уличной, так и домашней одежды — прямые.

При беглом знакомстве с костюмом, зафиксированным миниатюрами, создается впечатление о его большей сложности в сравнении с современным традиционным костюмом. Это верно лишь отчасти. Если рассмотреть мужской костюм, представленный на миниатюрах, то его комплекс имеет следующий состав: рубаша, штаны, верхняя одежда с застежкой, халат, головной убор, обувь. Такой же состав и современного комплекса одежды с той лишь разницей, что туникообразную одежду с застежкой заменил выкройной камзол. Если же вникать в тонкости покроя средневековой одежды, то она в чем-то могла быть несколько сложнее, чем распространенные формы традиционной народной одежды в начале XX в. Эти тонкости по изображениям на миниатюрах уловить сложно. Однако этнографический материал свидетельствует, что наиболее старинная одежда из традиционного комплекса при сохранении ряда архаических черт имеет детали, говорящие о большей сложности их кроя, чем распространенная в XX в. туникообразная одежда. Такие примеры есть в костюме ряда народов Средней Азии, обычно в женском, в котором дольше сохраняются давние приемы кроя. Это некоторые виды легких праздничных женских халатов туркмен. О них мы уже говорили в связи с особенностями их отделки, находящими аналогии в раннесредневековом костюме народов Средней Азии. Имеется в виду *кулече*, бытовавшее в XIX в. В начале XX в. это был уже исчезающий вид одежды. Туникообразный покрыв *кулече* характеризуется скошенными линиями рукавов и боковин, но прямыми полами, отсутствием воротника, что также соответствует раннесредневековым образцам одежды. Примечательными здесь являются особые клинья, вшивавшиеся острым углом вниз между станом и боковинами, от уровня рукава до талии. Цвет материала этих клиньев был таким же, как отделка халата. Благодаря клиньям, расширяющим верхнюю часть одежды, создавалось впечатление приталенности, чего нельзя сказать об обычных халатах среднеазиатских женщин XX в.

Вариант боковин с вставными клиньями между ними и станом встречается еще в двух видах старинной верхней одежды туркменок: *курте* и головной халатообразной накидке *чырпы*. У них боковина представляет собой равнобедренный клин, к которому по бокам в верхней части пришиты по два небольших клинышка углом вниз, доходящих до уровня талии и сделанных из ткани другого цвета. В отличие от *кулече*, *курте* имело вышитый воротник из прямой полосы ткани, пришитый к полам по прямой линии, так как у ворота не было косого среза, и дополни-

тельный клин к полё. *Чырпы* во всем повторяло крой *курте*, отличаясь от него лишь тем, что рукава его утратили утилитарное значение и кроились очень длинными и узкими. Поверхность *чырпы* покрывалась вышивкой. Эти аналогии между *курте* и *чырпы* лишний раз свидетельствуют о старинности их кроя. Население не помнит времени, когда произошли функциональные изменения в *чырпы* и когда оно стало головной накидкой, рукава которой успели деформироваться.

Примером усложненного покроя в сравнении с женским халатом был покррой верхней одежды таджичек и узбеков некоторых областей Таджикистана и Узбекистана под названием *мурсак*, *мунисак* или *калтача*, в XX в. превратившейся в обрядовую одежду, т. е. уже исчезающую из повседневного быта (исключение составляет Хорезм). В XIX в. *мунисак* был выходной уличной женской одеждой³¹. Это, собственно, безворотниковый халат, шившийся из красивых тканей, на подкладке, и имевший в своем туникообразном покрое следующие особенности: очень широкие у основания (почти до талии), сужающиеся к запястьям рукава; очень широкие, присборенные под рукавом боковины; в передней части стана вырезалась полоса ткани, что определяло широко открытую грудь, а к концу каждой полы пришивалось по клину. Спинка бывала достаточно узкой. Все это вместе взятое создавало впечатление, что одежда сужена в талии. (*Мунисаки* в отдельных областях имели покррой обычного халата, например, у хорезмских узбеков, ранние *мунисаки* узбеков Ташкента.)

Старинный женский безворотниковый халат памирских таджичек из шерстяной ткани — *гилим* — также имел более сложный покррой, чем распространенный почти у всех народов региона женский халат начала XX в. Его стан был очень узким, а рукава у основания — очень широкими; очень широкими были и боковины, составленные из нескольких, расширяющихся к низу полос. Таких полос в наспинной части бывало иногда больше, чем в передней, к полам также пришивался широкий клин. В целом *гилим* был узким в плечах и очень широким внизу. Интересно отметить, что у памирцев в конце XIX в. с проникновением в области их расселения фабричных тканей появились платья со сборками под широким рукавом³², напоминающие этой особенностью крой *мунисаков*.

К группе старинной верхней одежды туникообразного покроя с усложняющими деталями мы относим и головные халатообразные накидки каракалпачек — *жегде*. Каракалпакское *жегде* имеет резко выраженные возрастные различия. *Ак жегде* (белое) — у пожилых и *кызыл жегде* (красное) — у молодых женщин. Старинные экземпляры *ак жегде* вышиты крестом. У *жегде* молодых женщин воротники сделаны из красного сукна с черной оторочкой и вышиты тамбурно-петельным швом цветным шелком. Мотивы орнамента — геометрические. Но оба вида *жегде* имеют одну общую черту — пятиугольную ластовицу разного размера. Некоторые старинные экземпляры *ак жегде* из белой дмотканины сшиты со сравнительно узким станом и высокой ластовицей над раскошенными боковинами. Если такую одежду надеть в рукава, то она будет казаться сделанной в талию. Среди *кызыл жегде* из шелковой или полушелковой ткани красного цвета с узкой белой полоской был распространен вариант, когда раскошенная, очень широкая боковина под ластовицей собиралась в густые сборки приемом, называемым в наше время «вафли». *Жегде* с присборен-

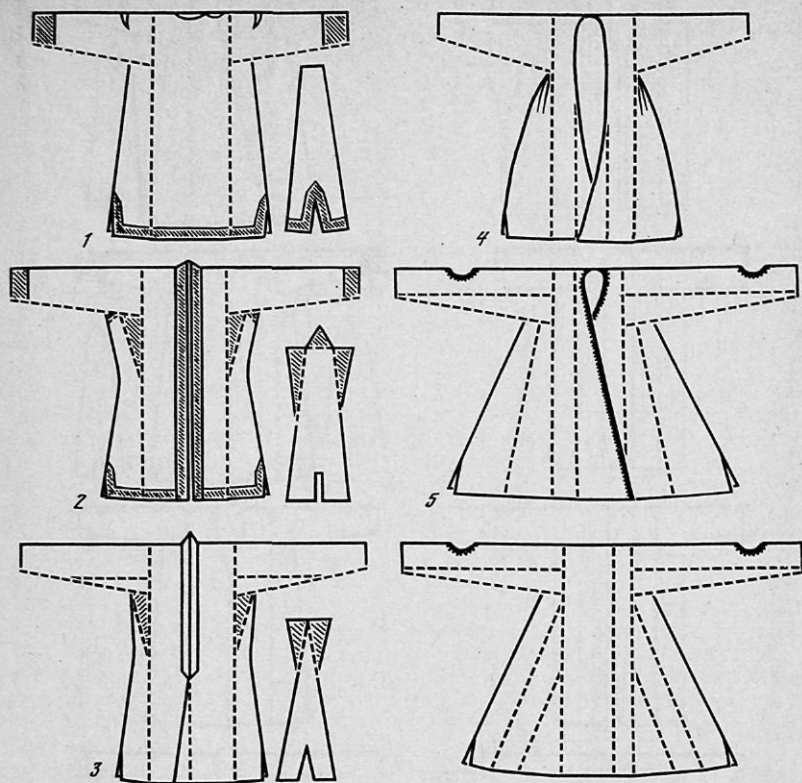

Рис. 1. Покрой традиционной верхней женской одежды:

I — Образцы покроев XIX в. и более раннего времени.

Туникообразные: 1 — *курте* на вате — туркмены Мангышлака; *гуппи*, *джубба* — стариковская, *гуппи-ча* — детская, на вате, без отделки — узбеки, таджики Бухарского оазиса; *гуппи куйнак*, *гуппи-ча* — узбеки и другие группы населения Ферганы; 2 — *кулече* — туркмены Мервского и Тедженского оазисов; 3 — *курте* — туркмены Мервского и Тедженского оазисов; 4 — *мунисак*, *мурсак* и другие разновидности этого термина, *калтача* — таджики, узбеки Ферганы, Ташкентской, Самаркандской, Кашкадарьинской областей, Бухарского оазиса; 5 — *гилим* из шерстяной домотканны — памирские таджики (рукав долевой или поперечный);

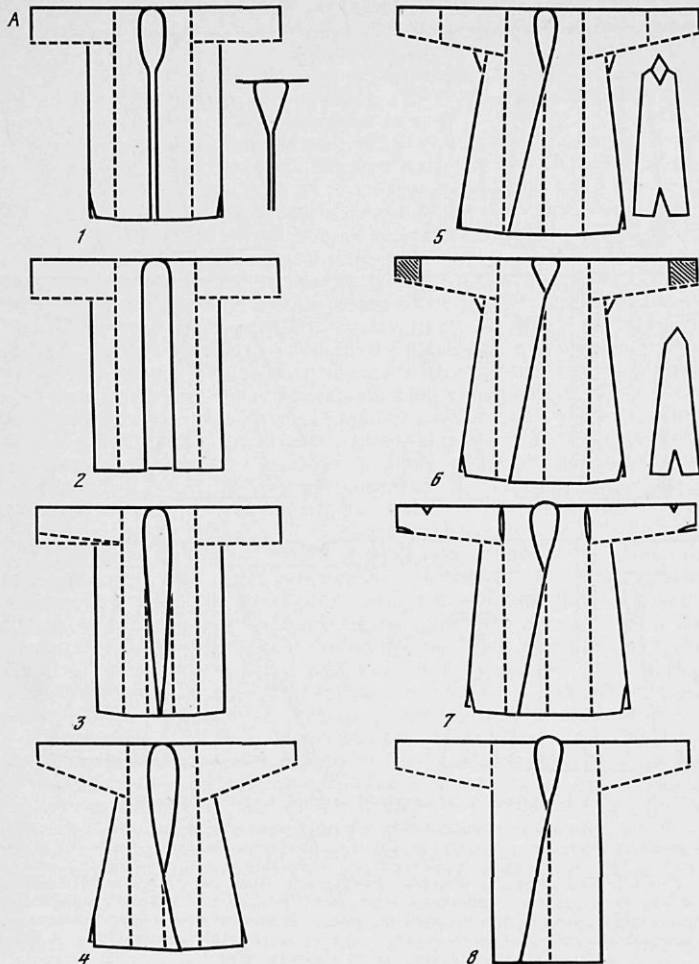

Рис. 1

II — Образцы покровов конца XIX — начала XX в.

А. Безворотниковые туникообразные халаты: 1 — таджики, узбеки Ташкентской обл. и Ферганы; 2 — таджики, узбеки Ташкентской обл. и Ферганы; 3 — таджики, узбеки Ташкентской обл. и Ферганы; 4 — таджики, узбеки Ташкентской обл. и Ферганы; 5 — узбеки Кашкадарьи, туркмены Мервского оазиса (на вате), каракалпаки (ватный, на покладке); 6 — туркмены Мервского оазиса, Средней Амударьи, казахи (без отделки другой тканью); 7 — туркмены Тахтинского р-на (теплая одежда); 8 — казахи;

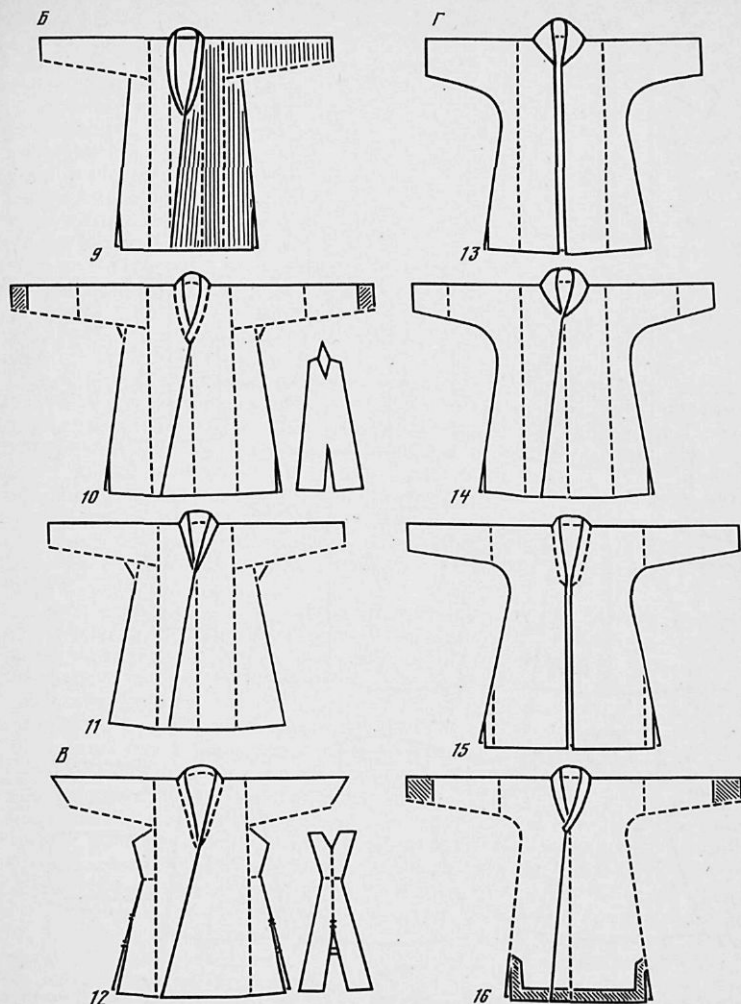

Рис. 1

Б. Туникообразные халаты с воротником: 9 — таджики (ватный и без подкладки); 10 — туркмены (ватный и на подкладке), казахи; 11 — узбеки Кашкадарьи;

В. Покрой курт бичим: 12 — туркмены б. Красноводского уезда;

Г. Покрой типа кимоно: 13 — узбеки, таджики Ташкентской обл. и Ферганы; 14 — узбеки, таджики Ташкентской обл. и Ферганы; 15 — таджики (на подкладке); 16 — туркмены Мангышлака и б. Красноводского уезда.

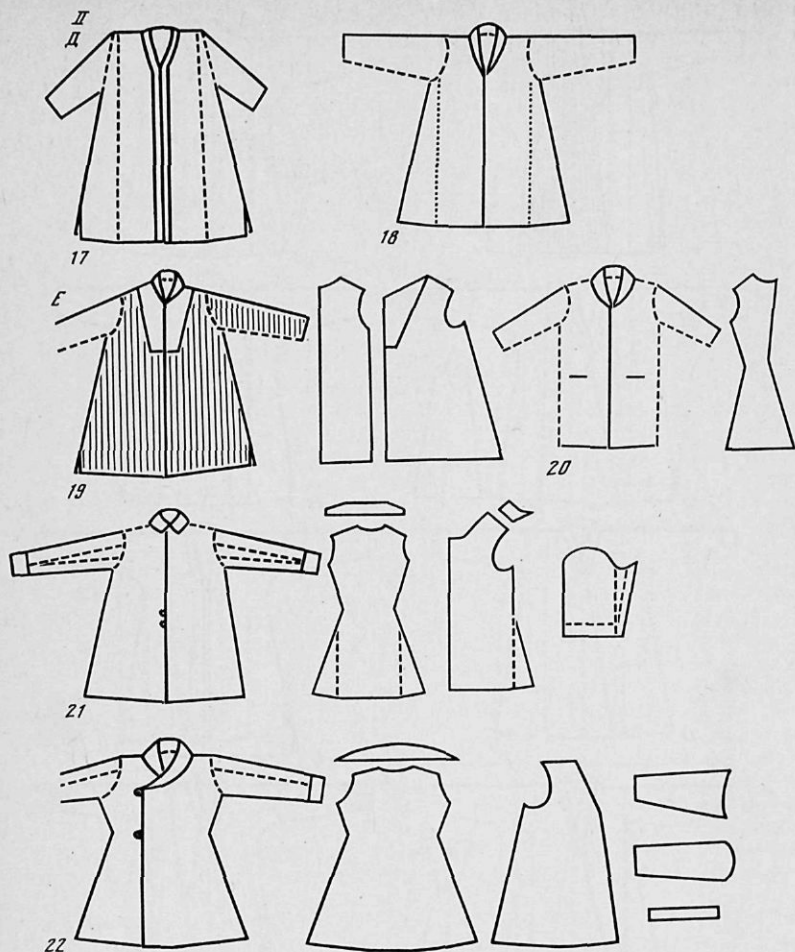

Рис. 1

Д. Переходные формы от туникообразного к выкройному покрою: 17 — узбеки, таджики Ташкентской обл. и Ферганы; 18 — казахи (XX в.);

Е. Выкройная одежда: 19 — казахи; 20 — узбеки Ташкентской обл.; 21 — казахи; 22 — казахи

ными боковинами напоминает узбекско-таджикский *мунисак*, но в отличие от него *жегде* имело воротник: у *ак жегде* — всегда из прямого (как и у туркменского *чырпы*) куска ткани, у *кызыл жегде* форма его варьировала от прямого до шалевидного.

Как известно, халатообразные головные накладки имеют прототипом наплечную одежду. В виде наплечной одежды *жегде*³³ каракалпачек могло быть распространено в XVIII в., может быть, и раньше, поскольку первые письменные упоминания халатов, набрасываемых на голову, в дельте Амударьи относятся к XVIII в.³⁴ В XX в. пятиугольная ластовица широко сохранилась только в каракалпакском *жегде*. (Возможно, прежде ее употребляли и в других видах одежды. В единичном случае она зафиксирована в старинной мужской рубашке туркмен — материалы Г. П. Васильевой 1977 г.) Присборка под рукавом и сам термин *жегде* встречены и в других районах Средней Азии, например у накидок и даже женских халатов узбеков бассейна Кашкадарьи (материалы Х. Исмаилова).

Итак, перечисленные виды женской одежды, принадлежавшие разным народам и встречавшиеся еще в первой половине XX в., но бытование которых связано с XIX в. и более ранними веками, при туникообразном покрое имели особенности, создававшие иной, чем в современном халате, силуэт, единый для всех этих народов, — видимость приталенности. Все они при сохранении ряда архаических черт имели более замысловатый покрой, чем женский халат начала XX в. Существенно, что усложнение покроя за счет вставок и других приемов, создающих определенный единый силуэт — явление почти общерегиональное (о казахах и киргизах мы не располагаем сведениями).

Женские халаты XX в. утратили вставные клинья между станом и боковинами, присборки боковин под рукавами, пятиугольные ластовицы, присоединявшиеся к боковинам. Это изменило их силуэт. Они уже не производили впечатления сшитых в талию. Отражая более высокую ступень развития туникообразного покроя, выражавшуюся в скашивании ткани при крое боковин, рукавов, выреза ворота, пришивного клина к полё, они были более просты в сравнении с рассмотренными выше видами одежды и своим общим обликом (прямой силуэт) и некоторыми деталями кроя: традиционный женский халат начала XX в. имел одинаковые заднюю и переднюю части (не считая клина, подшитого к полё), несложную четырехугольную или ромбовидную ластовицу, у многих народов совершенно не имел воротника (у каракалпаков, частично у казахов, узбеков, туркмен; у последних встречались даже мужские безворотниковые халаты; у дештикипчакских узбеков воротник на женских халатах появился недавно, на памяти информаторов, — по сведениям Б. Х. Кармышевой). А у некоторых видов верхней «приталенной» женской одежды, являющейся как бы переходным мостиком к изящным костюмам, изображенным на миниатюрах, уже были воротники в виде прямой планки (наиболее ранняя форма).

Таким образом, к XX в. в сравнении с поздним средневековьем произошло некоторое упрощение покроя традиционной одежды, приведшее к изменению ее силуэта. С чем это связано, пока сказать трудно. Но существенно то, что это упрощение, как и изменения в более ранние века,

захватило весь регион, свидетельствуя об общности направления развития культуры народов этого ареала.

Свободный прямой силуэт верхней одежды входил в жизнь постепенно. В миниатюрах он фиксируется начиная с XIV—XV вв. и часто связывается с применением для одежды полосатых тканей, появление которых в Средней Азии пока точно не датировано, и вообще вопрос о них не разработан. Первая вещественная находка полосатой ткани в Средней Азии была обнаружена среди предметов с горы Муг в Таджикистане и датируется первой четвертью VIII в. н. э.³⁵ Полосатую ткань можно предположить на изображении всадника на щите с горы Муг³⁶. В известных сейчас стенных росписях архитектурных памятников раннего средневековья полосатых тканей пока не зафиксировано. Среди находок многочисленных фрагментов тканей на горе Муг полосатая шерстяная темно-красного цвета в белую и голубую полосу (в описи — в синюю и желтую) — в единственном числе. Видимо, полосатые ткани в тот период были явлением редким. Миниатюры дают примеры одежды из полосатых тканей. Согласно исследованию Г. А. Пугаченковой, они относятся в основном к Средней Азии³⁷ и встречаются обычно при изображении мужских халатов на людях, как правило, не высшего сословия, отмечаются также на мужских чалмах и штанах. Широкое распространение их в Средней Азии относится, вероятно, к периоду позднего средневековья, что подтверждается и материалами из погребений XV—XVIII вв. в Туркмении³⁸. Этнографические материалы в целом по региону свидетельствуют уже о преобладании полосатых тканей на верхней одежде и в мужском, и в женском костюме и о преобладании прямого силуэта в верхней одежде.

Известное упрощение кроя и изменение силуэта прослеживаются и на женском платье. А. К. Писарчик отметила это у нуратинских таджиков, у которых в начале XX в. распространились очень широкие, с широкими ровными рукавами платья, сменившие достаточно узкие в стане платья с раскошенными боковинами и длинными, лежащими складками, сужающимися к запястью рукавами. По мнению А. К. Писарчик, эта мода пришла сюда из Бухары. Широкие платья (часто вышитые) с широкими рукавами имели хождение по всему Северному Таджикистану и Узбекистану, кроме Хорезма³⁹. А. К. Писарчик обнаружила сложное по покрою платье со вставкой на груди, относящееся к XVIII в.⁴⁰, не встречающее аналогий в современных платьях ни у одного народа региона. Лишь в материалах З. А. Широковой есть сведения о старинном туникообразном платье с подрезами в стане на уровне груди⁴¹.

Старинное туникообразное платье из домотканой шерсти памирских женщин с узким (по ширине плеч) станом, широкими у основания и узкими у запястья рукавами, широкими, фалдящими в подоле боковинами, «при-таленного» силуэта также значительно отличается от платьев из бумажных тканей последнего времени.

Все эти перемены происходили с туникообразной одеждой в региональном масштабе, основной принцип кроя которой, однако, не нарушался.

Приведенные примеры говорят о непрямолинейности развития туникообразного покроя в Средней Азии и о том, что простота не всегда свидетельствует об архаичности (она может быть вторичным явлением, как в примере с женскими халатами и платьями), а главное, что единообразное

развитие покроя и все его модификации захватывали население всего региона. Это положение подтверждает и пример с выкройной одеждой. Уже говорилось, что XX в. был веком широкого проникновения в Среднюю Азию принципиально нового кроя — выкройной одежды, облегчающей фигуру. Этот крой шел из европейской части континента. Он характеризовался скошенным шивным плечом, выкройной проймой рукава, выкройными спинкой и болами (в верхней одежде). Выкройная одежда в течение нескольких десятилетий распространилась у всех народов региона как в мужском, так и женском костюме. Камзол и безрукавка, платье с вшивным рукавом стали принадлежностью национального костюма всех народов Средней Азии и Казахстана. Наименьшим влияние этого кроя оказалось в традиционном костюме туркмен, хотя и у них камзол встречался и в мужском, и в женском комплексе. В женском костюме туркмен начала XX в. отсутствовали платья с выкройной проймой рукава.

О региональном единстве в конструкции одежды можно говорить и на примере другого обязательного элемента костюма — штанов. В традиционном комплексе одежды народов Средней Азии и Казахстана начала XX в. представлено несколько вариантов их покроя, основные из которых — прямой и раскошенный, причем у всех народов региона встречаются примерно одни и те же формы и в женской, и в мужской одежде.

Принципиальной разницы в традиционном покрое мужских и женских штанов не было, хотя между ними наблюдаются некоторые отличия. Выражаются они в следующем: в мужском костюме имеются нательные и верхние штаны, носившиеся в особых условиях, преимущественно в холодное время года и шившиеся либо из шерсти, либо из кожи (замши). Кожанные (замшевые) штаны, обычно парадные, покрывались разноцветной тамбурной вышивкой и имели распространение в особенности среди скотоводческих народов, хотя бытовали и у таджиков.

Нательные штаны изготавливались, как правило, из хлопчатобумажной домотканины, белой или в светлую широкую полосу, позднее — из фабричных тканей. Женские штаны шились и из хлопчатобумажной и из шелковой материй. Лишь у памирцев до недавнего времени эта деталь костюма изготавливалась из шерстяной ткани домашнего производства. Отличительной чертой женских штанов было то, что они часто шились из тканей разного достоинства: видимая из-под платья часть — из более дорогих, а остальная — из более дешевых. Эта традиция — очень древняя. Такой обычай зафиксирован в пенджикентских росписях⁴². Кроме того, женские штаны очень часто украшались внизу узорной тесьмой, у некоторых народов — и вышивкой (например, у туркмен; в прошлом у них были и мужские нарядные штаны с вышивкой).

Разнились женские и мужские штаны и длиной штанин. В женских экземплярах они всегда были длинные. Кроме этого, у отдельных народов имелись индивидуальные особенности: у туркмен женские штаны облегали ногу, у таджиков они широкие и внизу на сборке, напоминают шаровары. Формы же мужских штанов у всех народов более единообразны.

Штаны, будь то женские или мужские, нательные или верхние, состояли из трех частей: двух штанин и соединяющего их куска ткани (молнии) разной формы — прямоугольной (с разнообразными дополнениями и

без них), квадратной и наиболее часто — ромбовидной. Мотня пришивалась на разном расстоянии от пояса штанов, образованного путем загиба их верхнего края. В подавляющем большинстве штаны из ткани имели скошенные штанины, между которыми вставлялась разной ширины мотня. Однако встречались и такие, у которых штанины кроились из сложенных по долевой нитке прямых кусков ткани с одной шириной по всей длине штанины. Это определяло их прямой покрой.

В этом виде одежды в начале XX в. также сохранялись черты, позволяющие восстановить основные этапы ее кроя. Примером могут послужить прямые штаны со штанинами, соединенными сложенным пополам прямоугольным куском ткани. Такой вариант встречен у узбеков Ферганы и Ташкентской области⁴³. К XX в. прямоугольная вставка по большей части приобрела дополнения: в одних случаях к ней в средней части пришивались клинышки, которые при соединении со штанинами расширяли их сверху (в женских штанах текинцев, гокленов, нохурцев, чоудоров, салыр⁴⁴); в других — к прямоугольной соединительной вставке прикрепляли дополнительную, ромбовидной формы, но со срезанными углами на тех сторонах, которые пришивались к прямоугольной. Такой крой встречался в женских и мужских штанах туркмен-эрсари и других, у мужских штанов таджиков. Характерно, что ромбовидная вставка выкраивалась не из косого, а из прямого куска ткани и пришивалась поперечной стороной к долевой прямоугольной вставке между штанинами, косые же стороны ромба прикреплялись к долевым полосам штанин.

Развитием этого варианта кроя, видимо, является такой, когда в прямоугольную соединительную вставку вшивалась еще одна, ромбовидной формы, но уже без срезов, как в предыдущем примере. Встречен он у таджиков, памирцев, каракалпаков. Дальнейшей ступенью в развитии кроя штанов было, очевидно, полное исчезновение прямоугольной вставки и замена ее вставкой только ромбовидной формы, вшиваемой между штанинами на разном расстоянии от пояса тупым или острым углом, что меняло облик штанов.

Итак, образцы древнего кроя штанов (штанины одинаковой ширины на всем протяжении и прямоугольная соединительная вставка) наводят на мысль, что штаны, как и наплечная одежда, первоначально шились без скашивания. С применением этого приема эволюция кроя шла по линии изменения формы соединяющей штанины вставки и изменения кроя самих штанин, что отразилось на очертаниях штанов: они стали раскошенными.

В XX в. встречаются экземпляры, сохраняющие традиционную форму, но уже без вставки, выкроенные целиком из широкой ткани.

Исходной формой этого элемента костюма были, видимо, штаны, состоящие из отдельных, не сшитых друг с другом штанин. Образцы их известны по азербайджанскому костюму⁴⁵. Мы знаем их и по ноинулинским находкам. Среди других предметов одежды в кургане 6 были обнаружены, как пишет С. И. Руденко, штаны китайского покроя, состоящие из двух самостоятельно одевающихся штанин без мотней, сшитые из роскошной китайской шелковой материи с узором из крылатых козлов и всадников на крылатых лошадях в облаках, на подкладке из красного шелка без рисунка. Скроены штаны из цельных полос шелковой материи. Очень широкие, они почти под прямым углом суживаются внизу, где к

ним пришита войлочная обувь. Каждая штанина при помощи широких петель прикреплялась к поясу⁴⁶. Такие штаны, судя по изображению, можно предполагать на некоторых персонажах восточнотуркестанских росписей⁴⁷. Судя по названию одного из элементов погребальной одежды — *эзори ду поча*⁴⁸, что означает — «шаровары из двух штанин», штаны у таджиков некогда также состояли из двух несшивающихся штанин; об этом же свидетельствует и этимология таджикских терминов *эзор* (покрытие для колен) и *пойжома* (одежда для ног), что дает основание для предположения о существовании такой формы штанов и в Средней Азии. Образцы детских штанов в виде несшитых ноговиц в Ташкентско-Ферганском регионе⁴⁹ подтверждают его, как и тюркский термин для штанов — *аяктон* (ножная одежда). Интересно отметить наличие штанов-ноговиц в детском и взрослом традиционном костюме нанайцев⁵⁰ — народа, не имевшего ни этнических, ни культурно-исторических связей с народами Средней Азии и Кавказа, что дает основание предполагать некое единство в развитии этого элемента костюма в целом.

Как и наплечная одежда, штаны в начале XX в. имели варианты покроя, отражавшие разные этапы развития костюма. Важно отметить, что усложненные варианты кроя со скашиванием ткани существовали, видимо, с очень давних пор. Об этом свидетельствуют образцы гунских штанов из ноинулинских курганов. В кургане 6 были обнаружены двое мужских штанов (одни из грубой шерстяной ткани темно-пурпурного цвета, другие из тонкой шелковой материи песочного цвета) одинакового покроя, с широким шагом благодаря квадратной или ромбовидной вставке между штанинами, вшитой на значительном расстоянии от пояса. Внизу штанины на сборке, что затрудняет установить их покрой, и обшиты полоской ткани⁵¹.

Нами описаны лишь наиболее распространенные и, следовательно, типичные формы штанов у населения Средней Азии и Казахстана. Но в этом виде одежды у отдельных народов встречаются оригинальные варианты кроя. Так, у памирских народов есть мужские штаны *шаволак* из домотканой шерстяной материи, штанины которых сшиты из ряда узких полос, хотя принцип кроя вполне типичный — с ромбовидной мотней, вставленной отступа от пояса⁵². Оригинальные женские штаны с вставкой из восьми треугольников были обнаружены З. А. Широковой⁵³ на территории Таджикистана у узбеков Оби-кика. Причем это специальный крой, а не использование отдельных кусочков в целях экономии. В этом приеме скорее можно усмотреть магический смысл (по примеру одеялец-*курпача*, имеющих в каждом доме в Средней Азии, из мелких треугольников или детских платьев, сшитых из разноцветных кусочков ткани в передней и наспинной частях, например у каракалпаков — коллекция ГМЭ 22785, 22786, 23866, 23867, 23868, 7876-24).

Головные уборы — это тот элемент костюма, в котором в наибольшей степени выражается этническая специфика не только народа, но даже его отдельных групп. Тем не менее в головных уборах народов региона обнаруживается очень много общего. Для такого заключения у нас были основания в виде опубликованных⁵⁴ и неопубликованных (разработка типологии головных уборов к Историко-этнографическому атласу) работ О. А. Сухаревой и статей членов авторского коллектива, помещенных в

данном сборнике, посвященных головным уборам народов Средней Азии и Казахстана. Так, у всех народов региона были головные уборы из кусков ткани в виде платков и чалм или тюрбанов разной формы и размеров. Платки и тюрбаны могут быть и самостоятельным убором и элементом сложного комплекса головного убора. И такие варианты встречаются почти у всех народов. При этом платок в подавляющем большинстве является принадлежностью женского головного убора, хотя и мужчины носили маленькие головные платки, сложенные по диагонали и накрученные на голову наподобие чалмы. Чалма же являлась принадлежностью и мужского и женского головного убора почти у всех народов региона. Однако к началу XX в. у одних народов чалмообразные головные уборы преобладали в женском костюме, у других — в мужском. У некоторых народов наблюдалось их исчезновение.

История чалмообразного головного убора на территории изучаемого региона — давняя и не совсем ясная. Вообще чалма не являлась специфически среднеазиатским убором, она была распространена по всему Востоку от Египта до Индии, особенно у мусульманских народов и известна здесь с глубокой древности.

Наиболее древнее свидетельство о ее существовании в Средней Азии относится к кушанской эпохе и связывается с областью Согда и другими древнеземледельческими оазисами, в том числе и Хорезмом, их ираноязычным населением и с костюмом женщины-матери. И в XIX — начале XX в. такой убор в женском комплексе носили только женщины-матери. Первое повязывание чалмы осуществлялось после рождения ребенка и сопровождалось обрядовыми действиями.

Сходство чалмообразного головного убора женских терракот Хорезма и Северной Индии родило мнение, что в Средней Азии он появился под индийским влиянием⁵⁵. Это подтверждают, по мнению В. А. Мешкерис, исследовавшей кушанские чалмообразные головные уборы Согда, предметы гандхарского искусства кушанского времени⁵⁶.

Если в позднеантичное время в кушанских терракотах и настенной живописи (см. Хорезм, Топрак-кала, «комплекс гарема»⁵⁷) чалмообразный головной убор широко представлен в женском костюме, то в ранне-средневековых памятниках искусства Средней Азии, в частности в настенной живописи, его практически нет. Среди сотен человеческих изображений на этих росписях отмечены единичные случаи головного убора, напоминающего чалму (см. живопись Пенджикента)⁵⁸. Этот факт пока трудно объяснить из-за нашей неосведомленности. Можно предположить, что этот головной убор был предназначен для выхода на улицу, персонажи росписей по большей части изображены в помещении, поэтому и не встречаем чалм в живописи архитектурных памятников данного времени. Либо, что более вероятно, с ним происходили какие-то изменения, может быть, смещение в другой комплекс одежды — в мужской, в котором он был еще неустойчив. Разнообразные смещения с чалмой наблюдаются и в наше время.

Отдельные изображения чалмы встречаются в восточнотуркестанских росписях раннего средневековья, в том числе и на среднеазиатских персонажах. Так, в храме 9 Безеклика (Турфан), где, как считают исследователи, в числе дароносцев изображена группа согдийских купцов, один

из них — старик — воспроизведен в пышной чалме, концы которой завязаны на затылке бантом⁵⁹. Чалма встречена в живописи Кызыла⁶⁰, в скульптуре Фундукстана⁶¹ (Афганистан). Росписи Аджанты подтверждают ее давнее существование в Индии. Все эти примеры из поздней античности и раннего средневековья, указывающие на широту территориального диапазона распространения чалмы на Востоке, не могут соперничать с массовым ее изображением на среднеазиатско-персидских миниатюрах, свидетельствующих о ее широком бытовании в период позднего средневековья⁶². Самое любопытное для нас заключается в том, что в позднее средневековье чалма и в Средней Азии приобрела очень широкое распространение в мужском костюме, в частности у тюрков. Так, первые сельджукские предводители носили чалму⁶³. Чалму упоминают многие письменные источники. В X в. чалма входит в состав почетных даров, представляет собой почетный головной убор мужчины. В «Собрании редкостей» Низами Арузи Самарканди говорится, что по преданию Султан Махмуд жалует знаменитому хорезмийскому ученому Абу Рейхану Бируни коня в золотой сбруе, царский халат, парчовую чалму, тысячу динаров, гуляма и невольницу. Мансур ибн Нух ибн Наср из рода Саманидов в благодарность за чудесное исцеление дарит известному врачу и философу Мухаммеду ибн Закарийе Рази также коня со всем снаряжением, верхнее платье, чалму, гуляма и невольницу. В «Собрании редкостей» царская парчовая чалма (*дастар-и касаб*) упоминается в составе почетных даров. В «огромной сигзийской чалме» предстает при Чаганианском дворе поэт Фаррухи⁶⁴.

«Собрание редкостей» Низами Арузи Самарканди дает основания заключить, что чалма была и в составе головного убора низших социальных слоев населения (в данном случае — носильщика). О длине развернутой чалмы можно судить по деталям лечебной процедуры, примененной врачом Джуджани (конец X в.) к носильщику, страдавшему головными болями. Один конец чалмы носильщика был затянут на его шее, другой находился в руках ездока, который по приказу врача долго гонял носильщика по степи⁶⁵.

О широком распространении чалмы в составе народного костюма населения Самарканда сообщает китайский путешественник Чан-Чунь (XIII в.): «...простой народ вместо шапки обертывает голову куском белого полотна. Таков же головной убор духовенства»⁶⁶.

Чалма в качестве традиционного мужского головного убора у таджиков, узбеков и ряда других народов дожила до XX в., в частности на территории древнего Согда — Самарканда, где она впервые была обнаружена археологами в женском костюме. Ответить на вопрос, существовала ли чалма в женском костюме здесь в период средневековья, затруднительно из-за отсутствия источников. По этнографическим данным известно, что в Самарканде она была, но к середине XIX в. исчезла из быта⁶⁷. Изживание чалмы из женского головного убора у таджиков в течение XIX в. наблюдалось и в других районах их расселения⁶⁸.

Приведенные данные, также как наличие повязки типа чалмы в составе погребальной одежды припамирских таджиков⁶⁹, не оставляют сомнения в том, что этот головной убор являлся очень древним на территории Средней Азии, и ранняя его история, вероятно, была связана с

женским костюмом и ираноязычными народами, вопреки распространенному прежде мнению относительно первоначальной принадлежности чалмы тюркским этносам ⁷⁰.

У нас нет точных сведений о том, когда чалма появилась в костюме (особенно женском) тюркских народов Средней Азии. Во всяком случае к XX в. чалмообразный тюрбан был обязательным в составе головного убора замужней женщины у казахов, киргизов, каракалпаков, разных групп узбеков и туркмен. Мужчины этих народов пользовались чалмообразной повязкой, но у них она не была основным головным убором в отличие от таджиков, узбеков-сартов, арабов, белуджей, цыган-люли. У тюркских народов носило чалму преимущественно духовенство (исключением в этом являются туркмены-эрсари). Словом, чалма закрепилась у народов тюркской периферии, и особенно в женском костюме. У населения земледельческих оазисов она осталась в мужском костюме. Таким образом, чалма на территории Средней Азии перемещалась из женского в мужской костюм и обратно и между разными группами народов, но в целом она известна повсеместно.

Общим элементом в составе головного убора народов региона является тюбетейка или шапочка типа тюбетейки. Самое замечательное состоит в том, что у разных народов, например у таджиков и туркмен, прослеживаются единообразные пути развития этого головного убора. Первоначально — это мягкая облегающая голову шапочка, шившаяся из прямоугольного куска ткани с одним швом, на присборке в верхней части. Затем появилась маленькая макушка, развившаяся в тулью, а околыш, соответственно, стали делать менее широким. В последующей эволюции покроя появились усложнения в тулье (с вырезанным сегментом, из четырех клиньев) и околыше. Тюбетейка приобрела твердую основу за счет просторочки и прокладывания ваты и т. д.

У всех народов региона описанные шапочки и тюбетейки в прошлом не являлись самостоятельным головным убором замужней женщины и у некоторых народов — женатого мужчины, они входили составным элементом в комплекс головного убора. Лишь дети и молодежь носили их без других дополнений. Об известном единообразии развития головных уборов свидетельствует и такой факт: в течение XIX в. по всему региону прошло уплощение высоких головных уборов, о чем говорят исследователи костюмов казахов, туркмен, таджиков ⁷¹, узбеков ⁷² и т. д.

Тему общности в головных уборах народов Средней Азии и Казахстана можно было бы развивать и дальше, поскольку она проявляется и в других видах головных уборов. Однако в них сильнее черты не общерегиональной общности, а скорее этногенетической или культурно-исторической. Так, для традиционного костюма казахов, киргизов, каракалпаков, дештикипчацких узбеков характерна мужская летняя шапка *калпак* из войлока или простроченной ткани, состоящая из четырех клиньев, между которыми проложены узкие полоски отделки из темной ткани. (Правда, у казахов имелось несколько вариантов покроя *калпака*.) Из этой же ткани сделаны отвороты шапки, имеющие разрезы по краям клиньев тульи. Прототипы таких шапок встречаются в среднеазиатско-персидских миниатюрах и даже раннесредневековой живописи, но не

среднеазиатской, а восточнотуркестанской⁷³. Много общего у этой группы народов в мужских шапках меховых или с меховой опушкой.

В женском головном уборе казахов, каракалпаков, а также узбеков-кипчаков⁷⁴ есть общий элемент — это *кимешек*. *Лечек* северохорезмских узбеков тоже похож на него. Женский головной убор типа *кимешака* в начале XX в. обнаружен также в Северном Таджикистане⁷⁵, в районах издавна смешанного узбекского и таджикского населения, которое в настоящее время часто причисляет себя к таджикам; поэтому пока трудно говорить о том, что это чисто таджикское явление. Тем более, что в разных пунктах этот убор имеет существенные различия в крое, один из вариантов его напоминает шапочку с накосником, терминология его тоже различна.

У казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен-чоудоров в составе костюма невесты и молодухи есть головной убор под названием *саукеле* (*шовкеле*, *шокуло*). Правда, *саукеле* у всех этих народов имеет различия в форме: у казахов оно высокое конусообразное с пришитой затылочной лопастью, у киргизов шлемообразное с невысоким коническим верхом и пришитыми лопастями на ушах и затылке, у каракалпаков также имеет шлемовидную форму, но отличную от киргизской. Каркас казахского, киргизского и каракалпакского *саукеле* — войлочный. Каракалпакское *саукеле* в верхней части похоже на четырехклинную шапочку с накосником. (Эта часть *саукеле* с наружной стороны сделана из красного сукна и черного бархата и обычно вышита тамбурным швом.) К ней на уровне ушей пришиты дополнительные лопасти. «Накосник» удлинен полосой ткани, членившейся на три-четыре более узкие полосы, расшитой шелковыми нитками цветным растительным узором, ни по цвету, ни по рисунку, ни по технике исполнения не встречающимся на других предметах одежды и быта каракалпаков. Войлочная основа *саукеле* со строчкой, как и лопасти, а также массивные серебряные с сердоликом и бирюзой бляхи вперемежку со низками кораллов очень утяжелили этот головной убор, по внешнему виду напоминающий шлем. Таким образом, *саукеле* — головной убор, имеющий сложную историю, но в основе его конструкции угадывается головной убор типа казахского башлыка и *тымака*, характеризующихся пришитыми налобными, ушными, затылочными лопастями. Общность в конструкции мужского башлыка и *тымака* и женских *саукеле* свидетельствует, с одной стороны, о древности этих головных уборов, с другой — об этногенетическом родстве народов, имеющих такие головные уборы. Терминологические данные говорят об этом же. Корни слов *кулэпара* — казахского названия башлыка и *саукеле* восходят, как предполагает И. В. Захарова (см. ее статью в настоящем сборнике), к одному корню.

Общим моментом в казахско-киргизской одежде является поясная распахная юбка — *бельдемче*, носимая только замужними женщинами, но когда-то, видимо, входившая и в мужской костюм. В «Манасе» она упомянута как боевая одежда. Подобная деталь военного костюма отмечена у кавказских народов⁷⁶. К. И. Антипина проследила распространение похожей одежды в Юго-Восточной Азии⁷⁷. Нечто напоминающее *бельдемче* есть в костюме согдийских купцов, изображенных в упоминавшемся храме 9 Безеклика⁷⁸. Увязать все эти примеры в одно целое пока

затруднительно. Во всяком случае в этнографии богато украшенные вышивкой *бельдемче* известны в основном по костюму киргизов и в меньшей мере — казахов. Этот вид поясной одежды у киргизов — очень древний, так как встречается и в составе погребальной одежды. У народов Поволжья в женском костюме есть деталь, очень напоминающая *бельдемче*, называемая *пулагай, пулакш, пулау* (мордва-эрзя⁷⁹).

Примеры общих черт в костюме отдельных групп народов региона можно было бы многократно увеличить. Однако у каждого народа и даже отдельных его групп сложилась и этническая специфика в одежде, в определенных цветовых сочетаниях тканей, в своеобразии отделки, в отдельных элементах костюма. Так, башлык (*кулэпара*) и *тымак* как самостоятельные головные уборы есть только в костюме казахов. меховая шапка *тумок* встречена лишь у этнически родственных казахам узбеков-кипчаков Ферганы⁸⁰. Конструкция их, очевидно, очень древняя. Известны золотая и серебряная статуэтки ахеменидского времени с изображением мужчины в головном уборе в виде мягкого колпака с наушными лопастями и назатыльником⁸¹. Недаром в похоронном головном уборе туркменок есть элементы, напоминающие казахский *тымак* и башлык.

В туркменском костюме есть формы, не встречающиеся у других народов Средней Азии и Казахстана, например верхняя одежда с подрезными на уровне талии боковинами. У отдельных народов наблюдаются особенные детали в крое: у туркмен — дополнительные клинья между станом и боковинами, у узбеков и таджиков Самарканда и некоторых других районов — присборка под рукавами и т. д. У каракалпаков, в отличие от других народов, *кимешек* молодых женщин сделан из цветных тканей с отделкой в виде тамбурной вышивки по красному и черному сукну, из которого состояли его детали, и т. д. Этнические особенности проявляются даже у отдельных групп одного и того же народа. Так, у хорезмских узбеков юга Хорезмского оазиса на традиционной одежде нет вышивки, в этой области основным головным убором мужчины была меховая шапка, а не чалма, в противоположность узбекам-сартам Самарканда и других областей.

Если сопоставить традиционные костюмы народов среднеазиатско-казахстанского региона начала XX в., то можно констатировать, что одежда казахов и киргизов подвергалась большему влиянию нового кроя, чем одежда других народов региона. Здесь многие виды традиционной одежды, даже сохраняющие свой силуэт, стали делать с неглубокой выкройной проймой и разрезным плечом. Объяснение этому явлению надо искать в том, что эти народы ближе соприкасались с европейским населением России, у которого этот крой давно преобладал. В женском костюме казахов и киргизов, кроме камзолов, наибольшее распространение получило отрезное в талии платье, в составе праздничной одежды украшавшееся оборками в подоле и на рукавах. Отрезное по талии платье бытовало и в более южных районах Средней Азии: оно встречалось у каракалпаков и узбеков Северного Хорезма, у узбеков Ташкента и даже у памирских таджиков.

В противоположность казахско-киргизской территории в Туркмении традиционный туникообразный покрой в одежде сохранился больше, хотя и сюда проник новый крой, в основном в виде новых элементов одеж-

ды (камзол). В крое и в самом костюме здесь заметно влияние юго-западных народов (*курт бичим, яшмак* и др.). Преобладание красно-малиновых тонов тканей, специфическая вышивка, преимущественно на женской одежде, высокие головные уборы выделяли этот культурный ареал. Известная самобытность его сохранилась и в наши дни. Здесь на основе традиционного костюма сложились его современные национальные формы: в женском костюме — прямые длинные или приталенные, обуженные в сравнении с традиционными платья из однотонных тканей сочных красок (синей, зеленой, бордовой, коричневой и т. д.) или из тканей с крупным рисунком. Рукав у платья теперь вшивной, вышивка расположена на традиционных местах. Очень распространились как дополнение к такому платью легкие безворотниковые одежды типа полупальто (*курте*) из одноцветных ярких тканей с национальной вышивкой по вороту, полам, подолу. Широко вошли в жизнь вязанные из ярких однотонных ниток безрукавные кофты-жилетки и т. д.

В Туркмении в основном (за исключением Ташаузской и Чарджоуской областей) не привились широкие платья на кокетке, обычно из фабричных и кустарных шелковых тканей (атласы с абровым рисунком), которые есть у многих народов региона. Особенно они характерны для таджиков и узбеков, сохраняясь и в их современном национальном костюме. В настоящее время этот вариант среднеазиатского платья с выкройным рукавом претерпевает значительную модернизацию в зависимости от общей моды (в первую очередь в городе): укорачивается рукав и общая длина платья, разнообразно оформляется ворот, употребляется плисировка и т. д. Узбекско-таджикская территория стала ареалом широкого распространения женской тюбетейки, заменившей сейчас в городе красивыми косынками. В мужском костюме преобладание установилось за чустской тюбетейкой — черной с белым вышитым узором.

В заключение можно сказать, что в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана при индивидуальной самобытности есть очень много общих черт, свидетельствующих о постоянном общении этих народов на протяжении веков. В отдельных случаях можно наблюдать даже движение моды по отдельным территориям и народам⁸². Рождение новых форм традиционного костюма в Средней Азии издавна было связано с городом — культурным центром округа⁸³.

Общим выводом нашей работы является положение о том, что покрой одежды и другие ее черты во многом формируются не в рамках народа, а в пределах региона. Это видно по региональным характеристикам туникообразного покроя одежды, общего для многих народов мира.

- ¹ Авторский коллектив Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана по теме «Одежда» следующий: по Казахстану — И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева; по Туркмени — А. С. Морозова; по Таджикистану — З. А. Широкова и Л. Бахтоваршоева (припамирские народы); по Узбекистану — М. В. Сазонова (Хорезм), Ф. Д. Люшкевич (Бухарский оазис), Р. Я. Рассудова (Фергана и Ташкентская обл.), Х. Исмаилов (Кашкардарьинская обл.), Б. К. Кармышева (Сурхандарьинская обл.); по Каракалпаки — Н. П. Лобачева; по Киргизии — К. И. Антипина и О. Б. Наумова. Отв. ред. — О. А. Сухарева и Н. П. Лобачева.
- ² Примеры употребления белой дмотканины на одежду у народов Средней Азии приведены в статье: Лобачева Н. П. Из истории каракалпакского женского костюма: (К проблемам Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. № 4.
- ³ См.: Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. М., 1951; Она же. Народная одежда мордвы. М., 1973; и др.
- ⁴ Примеры см.: Лобачева Н. П. Из истории...
- ⁵ См.: Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты) // СЭ. 1965. № 6. С. 37 и др.
- ⁶ См.: Сухарева О. А. Опыт анализа покроев традиционной туникообразной среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 80.
- ⁷ Коллекция МАЭ, № 6686-1
- ⁸ См.: Газен-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 8. Рис. 1; Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 41. Рис. 1—2.
- ⁹ См.: Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 79. Рис. 2—3.
- ¹⁰ См.: Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 78—79. Рис. 1а, 3.
- ¹¹ См.: Бернштам А. Н. Кенкольской могильник. Л., 1940. Табл. XXXI.
- ¹² См.: Руденко С. И. Культура хуннов и нонолинские курганы. М.; Л., 1962. С. 41 и сл. Рис. 36—38.
- ¹³ См.: Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенописей) // Костюм народов Средней Азии; см. также: Бенатович И. Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенописей VI—VIII вв.) // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. XXII. Кн. 2.
- ¹⁴ См.: Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм...
- ¹⁵ См. статью А. С. Морозовой в настоящем сборнике.
- ¹⁶ См.: Сухарева О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970.
- ¹⁷ См. статьи Ф. Ц. Люшкевич и Р. Я. Рассудовой в данном сборнике.
- ¹⁸ См.: Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. Табл. VI.
- ¹⁹ См.: Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. XVI. Объект II, простенок А.
- ²⁰ См.: Кругликова И. Т. Настенные росписи в помещении 6 северо-восточного культового комплекса Дильберджина. Древняя Бактрия. М., 1979. Вып. 2. Рис. 4.
- ²¹ См.: Росписи Кучи (Кызыл) и др. // *Le Gao A. von. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittelasiens.* Berlin, 1925.
- ²² См.: Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Табл. VI.
- ²³ Примеры по туркменской одежде см. в статье А. С. Морозовой в данном сборнике.
- ²⁴ См.: Абдуллаев Т. А., Хасанова С. А. Одежда узбеков. Ташкент, 1978. С. 99.
- ²⁵ См.: Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ирана. М., 1974. Рис. 189.
- ²⁶ См. статьи Ф. Д. Люшкевич, Р. Я. Рассудовой и А. С. Морозовой в данном сборнике.
- ²⁷ См.: Немцева Н. Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства великого города Ташкент, 1972. С. 246. Рис. 2.
- ²⁸ См.: Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр // Труды САГУ (Ташкент). 1956. Вып. XXXI; Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. // Костюм народов Средней Азии.
- ²⁹ См., например, миниатюры из рукописи «Хамсе» Низами, 1491 г. в кн.: Веймарн Б. В. Искусство арабских стран... Рис. 113; Низами, 1571—1572 гг., художник Мухаммед Надир Самарканди. — В работе: Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана... С. 115 и др.
- ³⁰ См. миниатюры Риза-йи Аббаси «Праздник» 1612 г., миниатюры Али-Кули Бека Джаббадара «Шах и придворные» XVII в. в кн.: Веймарн Б. В. Искусство арабских стран... Рис. 183. 197; миниатюры «Благодарные влюбленные слушают песни соловьев» 1780 г. из «Дивана» Хафиза Ширази см. в кн.: Восточная миниатюра в собрании Института востоковедения АН УССР. Ташкент, 1980.
- ³¹ См.: Бикжанова М. А. Мурсак — старин-

- ная верхняя одежда узбеков г. Ташкента // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960; *Сухарева О. А.* История Среднеазиатского костюма: Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1982. С. 34. и сл.
- 32 Материалы Л. Бахтоваршоевой.
- 33 Мужская распахивающаяся рубаха *жегде*, *жейде* есть у казахов. Мужской летний халат без подкладки — *жегде* — известен узбекам-кипчакам. *Жегде* носило оседлое и полукочевое население долины Зерафшана. (См.: *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 254).
- 34 *Гладышев И., Муравин Д. В.* Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740—1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851. С. 68—72.
- 35 См.: *Бектович И. В.* Находка на горе Мур // МИА. 1958. 66. С. 363.
- 36 Живопись древнего Пянджикента. Табл. V.
- 37 *Пугаченкова Г. А.* К истории костюма Средней Азии и Ирана... С. 115.
- 38 *Марков Г. Е.* Средневековые кладбища Ак-Депе // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. 1959. Т. V. С. 223.
- 39 См.: *Писарчик А. К.* Материалы к истории одежды таджиков Нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. С. 115. и сл. Там же. С. 114.
- 40 См. материалы к Атласу З. А. Широковой.
- 42 См.: *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973. С. 25.
- 43 См. статью Р. Я. Рассудовой в данном сборнике.
- 44 Этот образец штанов имеет достаточно усложненные формы: штанины у них резко сужены у шиколотки, в нижней части они сделаны из долевых полос ткани, а в верхнем из поперечных, и прямоугольная мотня у них является лишь отголоском более ранних этапов развития кроя этого вида одежды.
- 45 ГМЭ. Коллекция № 6776—129.
- 46 *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулунские курганы. С. 40. Табл. XII.
- 47 Кызыл (Куча) — «пещера меченосцев»: *Le Coq A. von.* Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925. P. 39, fig. 8.
- 48 См.: статью З. А. Широковой в настоящем сборнике.
- 49 См. статью Р. Я. Рассудовой в настоящем сборнике.
- 50 Устное сообщение Е. А. Гаер.
- 51 См.: *Руденко С. И.* Культура хуннов... С. 39—40. Рис. 32—33.
- 52 Материалы Л. Бахтоваршоевой.
- 53 Материалы З. А. Широковой.
- 54 См.: *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. I.
- 55 *Воробьева М. Г.* Памятники искусства // ТХАЭЭ. 1967. Т. V; Она же. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма, IV в. до н.э. — IV в. н.э. М., 1967. С. 213.
- 56 См.: *Мешкерис В. А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках Согда // Костюм народов Средней Азии.
- 57 См.: *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 216. Рис. 131.
- 58 См.: Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1973. С. 36, 37 (Пенджикент, объект XXIV).
- 59 *Le Coq A. von.* Chotscho. Berlin, 1919. Tab. 28.
- 60 *Le Coq A. von, Waldschmidt E.* Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. Graz, 1975. Bd. 6.
- 61 *Hackin J.* Le monastère bouddhique de Fondukkistan // MDAFA. 1959. Vol. VIII. Fig. 186.
- 62 См.: *Горелик М. В.* Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. // Костюм народов Средней Азии; *Пугаченкова Г. А.* К истории костюма Средней Азии и Ирана...
- 63 См.: *Агаджанов С. Г.* Огузские племена Средней Азии IX—XII вв.: (Историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X. С. 187.
- 64 Цит. по: *Баевский С. И., Ворожейкина З. Н.* «Собрание редкостей» Низами Арузи Самарканди как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана X—XII вв.: (Обычай. Реалии) // Палестинский сборник: Ближний Восток и Иран. Л., 1970. Вып. 21/84. С. 38, 41.
- 65 Там же. С. 41.
- 66 Цит. по: *Бартольд В. В.* Туркестанский край в XIII в. // Соч. М., 1965. С. 240.
- 67 См.: *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма: Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). С. 83.
- 68 См. статью З. А. Широковой в настоящем сборнике.
- 69 См.: *Бабаева Н., Бахтоваршоева Л. Саван* // Костюм народов Средней Азии. С. 129.
- 70 Мнения о принадлежности чалмы тюркским этносам придерживалась и О. А. Сухарева, пересмотревшая этот вопрос в связи с новыми данными. См.: *Сухарева*

- ва О. А. История среднеазиатского костюма... С. 83.
- ⁷¹ См. статьи И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, А. С. Морозовой, З. А. Широковой в настоящем сборнике.
- ⁷² Сазонова М. В. Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX — начала XX в. // Костюм народов Средней Азии. С. 104.
- ⁷³ Stein Aurel. Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. II. Tab. LXII.
- ⁷⁴ См.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. С. 264.
- ⁷⁵ См. статью З. А. Широковой в настоящем сборнике.
- ⁷⁶ См.: Равдоникас Т. Д. Об одной детали военного костюма кабардинских феодалов XVIII в. // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1981. С. 15—16.
- ⁷⁷ См.: Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 244.
- ⁷⁸ Le Coq A. von. Chotscho. Tab. 28.
- ⁷⁹ См.: Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 94—96.
- ⁸⁰ См.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. С. 257.
- ⁸¹ Herzfeld E. Am Tor von Asien. Berlin, 1920. Tab. XV; A Survey of Persian Art / Ed. by A. U. Pope. L.; N. Y., 1938—1939. V. IV. P. 108.
- ⁸² Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. С. 113 и сл.
- ⁸³ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма... С. 7 и др.

Традиционная народная одежда туркмен

А. С. МОРОЗОВА

Первые сведения о туркменской одежде XIX в. мы встречаем в трудах русских и западноевропейских ученых и путешественников, посещавших Туркмению. Сведения первой четверти XIX в. и до его 80-х годов относятся главным образом к иомутам восточного побережья Каспийского моря и Хивинского оазиса, эрсаринцам Средней Амударьи и сарыкам среднего течения р. Мургаба. После присоединения Туркмении к России — с 80-х годов XIX в. по начало XX в. данные о туркменской одежде находим в работах русских ученых, докладных записках и отчетах местной администрации. Большой материал по традиционной одежде, собранный во время полевых исследований, публикуют советские этнографы в своих монографиях, статьях и отчетах.

В 70—80-х годах XIX в. было положено начало сборам на месте экспонатов и документальных фотографий по туркменской традиционной культуре, в том числе и по одежде. Проводились они по инициативе русских ученых; прогрессивной местной интеллигенции и русской администрации и в итоге приобрели целенаправленный характер. В результате этой деятельности в музеях Москвы, Петербурга и местных музеях сосредоточивается значительное количество вещевых, фотодокументальных материалов, характеризующих быт и культуру туркменского народа. Особенно интенсивно проводятся комплексные сборы экспонатов в многочисленных экспедициях в советское время.

Работа над Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана по теме «Туркменская одежда конца XIX — начала XX в.» потребовала выявления и учета всего этого материала, создания научного аппарата в виде картотек, хронологических, тематических и сводных таблиц для дальнейшей классификации и типологизации одежды, головных уборов и обуви туркмен. Все это послужило основанием для определения общего характера, состава, покроя одежды, а также тех специфических особенностей, которые свойственны отдельным этническим и локальным группам туркмен. Эта работа дала реальную возможность составления типологических таблиц и карт распространения того или иного вида, типа и варианта одежды или головного убора, прилагаемых к дан-

ному тексту. По некоторым районам (Средняя Амурдарья) материала оказалось недостаточно, при дальнейшей работе над Атласом эти пробелы необходимо восполнить.

Одежда туркмен конца XIX—начала XX в. характеризовалась конструктивной простотой, строгим силуэтом и сдержанным цветовым колоритом с преобладанием красно-коричневых тонов. Основными, общими для всех туркмен чертами являлись: устойчивый принцип так называемого туникообразного покроя, соблюдаемый во всех видах наплечной одежды, создающий широкие, свободные, не стесняющие движения формы; аналогичность покроя мужской и женской одежды; широкое использование тканей и материалов для одежды, производимых в скотоводческо-земледельческом хозяйстве туркмен в сочетании с покупными.

На фоне этих общих черт в одежде четко и ярко выступают отличительные, специфические признаки, присущие этническим и локальным группам туркмен, выражавшиеся в определенном составе (комплексе) одежды, в форме головных уборов и способах их ношения; в своеобразии, присущей только данной группе, манере и способе украшения и отделки одежды, в известной избранности цвета ткани, употребляемой для ее шитья.

В XIX и начале XX вв. туркменская одежда шилась в большинстве случаев из тканей и материалов домашнего производства. Скотоводческо-земледельческое хозяйство туркмен, носившее до Октябрьской революции полунатуральный характер, давало все необходимые материалы для изготовления одежды и обуви: хлопок и шелк, шерсть, кожу и овчину.

Туркменами вырабатывалось значительное количество разнообразных тканей, идущих на нижнюю и верхнюю одежду. Так, хлопчатобумажная ткань (*мата*) разной выработки (грубая и тонкая), белая и окрашенная в синий и голубой цвет — шла на шитье мужских рубах и штанов, на женские платья-рубахи (у сарыков, гоклен, салыр). Хлопчатобумажная и полуселковая ткань в мелкую клетку сине-красного или розово-фиолетового цвета под названием *алаша* (*алача*) с одинарными или двойными кромками желтого цвета шла на изготовление повседневных мужских рубах и штанов, женских платьев. Шелковая ткань красного (*гырмызы кетени*) и зеленого цветов (*яшил кетени*) плотной выработки, типа чесучи, употреблялась для шитья женских и мужских праздничных, свадебных платьев, рубах и штанов. Из хлопчатобумажных, полуселковых и шелковых тканей красного цвета в узкую разноцветную полоску шили верхнюю мужскую и женскую одежду. Шелковая желтая полосатая ткань *чепбетев* использовалась на женскую верхнюю одежду и головные халаты-накидки. На шитье халатов-накидок употреблялась также плотная, типа чесучи, однотонная шелковая ткань. Перечисленные ткани выделялись туркменами Прикопетдагья, в Тедженском и Мургабском оазисах не только для собственных нужд, но и на продажу. Они были распространены во многих районах Туркмении, даже там, где не производились (например, на восточном побережье Каспийского моря).

Из верблюжьей шерсти естественной окраски производили грубую и довольно тонкую и мягкую ткань — армячину, идущую на шитье мужской верхней одежды (*чекмен*). Из белой овечьей шерсти, покрашенной в сине-голубой и серый цвет, ткали разного качества сукно, из которого

у сарыков шили также мужскую верхнюю одежду. Шерстяные ткани чаще производились в районах скотоводческих, где было значительно развито овцеводство и верблюдоводство.

На одежду туркмены использовали также ткани и материалы изготовления других среднеазиатских народов, приобретаемые ими на ближайших и довольно отдаленных базарах. Так, у эрсаринцев и мелких этнических групп, живущих по соседству с узбеками на среднем течении Амударьи, были распространены хлопчатобумажные (*мата*) и шелковые ткани (*шаи*) узбекского производства, идущие на праздничную женскую и мужскую одежду. Иомутами северных районов, также живущими поблизости с узбеками, и даже туркменами более южных и западных районов на верхнюю мужскую одежду — зимние ватные халаты под названием *хывадон* — использовались узбекские добротные хлопчатобумажные полосатые лощеные ткани. По всей Туркмении пользовались спросом узбекская набойка (*чит*) с мелким растительным и геометрическим орнаментом, идущая на подкладку верхней одежды.

У туркмен восточного побережья Каспийского моря и южных пограничных районов в одежде использовались иранские и азербайджанские кустарные ткани.

Кроме тканей домашнего и кустарного изготовления, для шитья одежды употреблялись различные ткани фабричного производства, привозимые из России. Это особенно прослеживается на одежде периода после присоединения Туркмении к России.

Обработанная в домашних условиях и специалистами овчина, каракулевые шкурки, лошадиная, коровья и верблюжья кожи использовались на шитье зимней одежды — шуб, мужских головных уборов и обуви. Из специально сваленной кошмы шили накидки для пастухов.

Плечевая одежда туркмен, как нательная, так и верхняя, мужская и женская, по своему покрою в подавляющем большинстве, как говорилось выше, одинакова и относится к туникообразному типу одежды.

При таком покрое спина и перед рубахи, платья и халата состоят из одного прямого неразрезанного полотнища ткани, перегнутого на плечах. У туркмен оно так и называется — *яшары* («перекидывающееся»). В халатах передняя часть полотнища разрезается посередине, образуя полы. Для расширения стана в бока вставляются куски ткани — боковины — *яаны*; прямые рукава, несколько сужающиеся к кисти, пришиваются к стану под прямым углом, образуя прямую широкую пройму — *омзы*. Отличие между мужской и женской одеждой выражается в особой форме ворота женского платья и мужской рубахи, в форме и размерах воротника на халатах, в качестве тканей, в отделке и украшении одежды.

Комплекс мужского костюма. В комплекс мужского костюма входит: нательная одежда — рубаха и штаны; верхняя одежда плечевая — халаты, стеганные на вате, легкие на подкладке и без подкладки; сезонная одежда для холодного времени — нагольная шуба; поясная одежда — теплые верхние штаны; головные уборы — тюбетейки и меховые шапки; обувь в виде различных кожаных туфель-галош, поршней, кожаных сапог, носившаяся с носками или портянками.

Мужская рубаха — *койнэк* — была туникообразного покроя, средней длины (ниже бедер), широкая, с длинными рукавами, в большинстве

случаев из долевых полос ткани, на боках от подола рубахи делались небольшие разрезы — *яртмач*, подол не подшивался. Туркмены всех районов носили глухие рубахи, за исключением небольших групп туркмен, живших по соседству с узбеками в северных районах Средней Амударьи, у которых встречалась распахная рубаха *ектай*.

Разрез для головы — ворот в ранние периоды XIX в. делали с округлым вырезом по шее, с горизонтальным продолжением на одном или обоих плечах. Такой ворот, носивший название *тегелек яка* (круглый ворот), сохраняется и до настоящего времени в рубахах стариков и детей.

У гокленов Кара-Калы рубахи с круглым воротом назывались *сопы яка койнэк*, т. е. рубаха с суфийским воротом¹, у узбеков Сурхан-Дарьинской обл. и у таджиков Гарма такие же рубахи назывались *курта-и-муллоча*². По-видимому, это отражает то положение, что духовенство являлось, в значительной степени, хранителем традиций древних форм одежды. Следовательно, рубаха с круглым воротом наиболее старая.

В изучаемый период (конец XIX — начало XX в.) повсеместно преобладали рубахи с горизонтально-вертикальным воротом, т. е. с дополнительным разрезом от плеча вниз на правой стороне груди — *чек яка* (косой ворот). Рубахи с горизонтально-вертикальным воротом у гокленов, по одним сведениям³, назывались *ша яка койнэк* — рубаха с царским воротом, по другим⁴ — *шайи яка койнэк* — рубаха с украшенным воротом, поскольку он вышивался. Этот тип рубахи — более поздний.

Рубахи для повседневной носки шили из белой *маты* типа бязи или из мелкоклоточной хлопчатобумажной и полушелковой ткани (*алача*) красно-коричневого цвета. Праздничные, свадебные рубахи шили из красного шелка *гырмызы* местного производства с широкими двойными—тройными кромками желтого цвета. В рубахах кромки не забирались в шов, рукава делались из 2—2,5 поперечных полос ткани. Яркие полосы кромок вдоль стана и на рукавах придавали всей рубахе особенно нарядный вид.

Горизонтальный и вертикальный ворот рубах завязывался на плече шнурочками из скрученных ниток, первый отделялся плетеной тесьмой *жехек*. Вертикальный ворот, кроме шелковой тесьмы, украшался, особенно у молодежи, мелкой ручной вышивкой. Вышивка выполнялась в основном красными шелковыми нитками узором геометрического, стилизованного растительного и зооморфного характера в виде пунктирных и точечных линий, мелких розеток и завитков. Самый же низ вертикального разреза заделывался особо плотной яркой гладью — *гуртыкин, пугтама*. Рубахи шили на подоплеке — *агырнишлик* из белой *маты*, закрывавшей верхнюю часть спины и грудь.

В начале XX в. отмечаются и другие варианты отделки туникообразных рубах. Так, например, у западных туркмен у молодых людей появилась мода носить с обычными рубахами отдельно вышитые манжеты и стоячие воротнички — *голбы*. Манжеты крепились у запястья, а воротнички на шее — при помощи крючков. Мода эта отошла в середине 20-х годов XX в.⁵

Там же, на западе, в начале XX в., возможно под влиянием одежды русских, появились рубахи с отложным воротником — *эплеме яка*, часто называемые *орс яка* — русский ворот⁶.

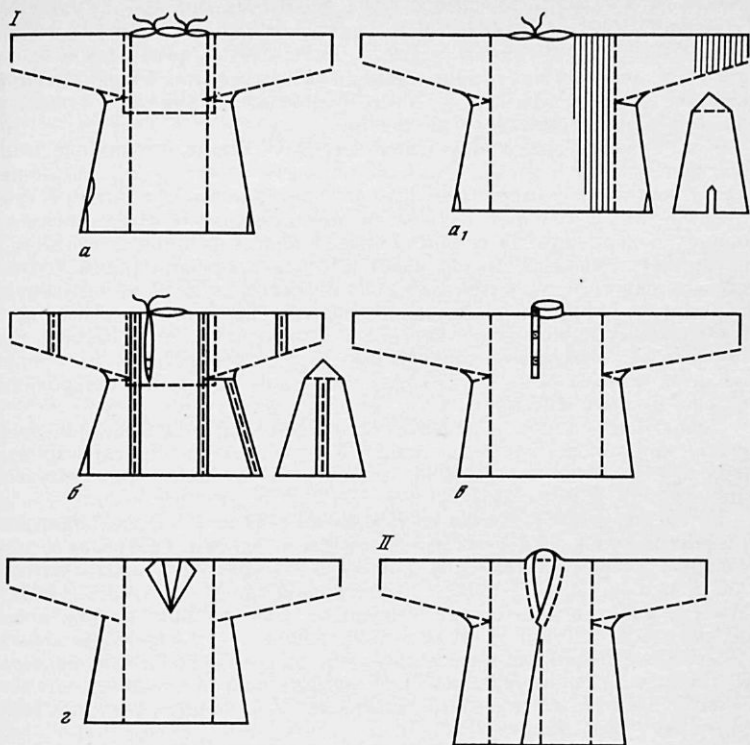

Рис. 2. Покрой мужских рубах туркмен (конец XIX — начало XX в.):

I — туникообразная нераспашная: а, а₁ — округло вырезанный по шее ворот с горизонтальными разрезами на обоих или одном плечах; б — округло вырезанный ворот с вертикальным разрезом на правой стороне груди; в — воротник-стойка, разрез под планкой на правой стороне груди; г — с отложным воротником

II — туникообразная распашная

Пожилые люди поверх хлопчатобумажной рубахи в холодное время или как праздничную надевали еще шелковую на подкладке и стеганую на тонком слое ваты с горизонтальным воротом рубаху — *курте*.

Все виды рубах туркмены носили навывпуск и ничем не подпоясывали. В настоящее время традиционные рубахи сохраняются в костюме стариков.

Поясная одежда — штаны — у туркмен были двух видов: нижние — под названием *балак*, *дыздан*, *иштан*, и верхние — *жалбар*. Как те, так и другие были глухими, без прорешки, широкими в поясе, собиравшимися

на *очгур* (гаширик) — плетеный пояс с кисточками на концах, продетый в широкий рубец, заложенный в верхней части штанов из той же ткани на лицевую сторону. Штанины — *ушон* — чаще всего сужались книзу, кроились из долевых полотнищ ткани, перегнутой на боках. Несмотря на общие для всех туркмен черты в этом виде одежды имелись и различия, характерные для разных групп туркмен.

У эрсаринцев среднего течения Амударьи бытовали нижние штаны (*иштан*, *дыздан*) с прямоугольной вставкой-*мерде* между штанинами в сочетании с большим ромбовидным шаговым клином, пришитым острыми углами к этой вставке и создающим широкую мотню. Мы относим этот вариант покроя штанов к типу I нашей классификации и считаем его достаточно старинным, так как в нем наблюдается реликт (прямоугольная вставка) одного из простых и древних способов соединения штанин друг с другом. А началом эволюционного ряда были штаны с несшитыми штанинами. В ноинулинском кургане 6⁷ сохранились такие штаны, представляющие собой две не соединенные друг с другом штанины, прикреплявшиеся тесемками к поясу. Такие же штаны бытовали у азербайджанок еще в конце XIX в.⁸

Следующим этапом в развитии этого вида одежды было соединение штанин при помощи прямой вставки. Довольно широкое распространение подобных штанов отмечено у народов Приуралья — у удмуртов⁹, башкир¹⁰.

Штаны из белой бязи или колленкора и синей нанки с очень широкими штанинами в нижней части (50—60 см) и с небольшим шаговым четырехугольным клином считались и нижними, и верхними, широко бытовали в центральной части Туркмении у текинцев и салыр Серахса, а также на западе у иомутов и на севере у чоудоров. Этот вариант покроя штанов мы выделяем как тип II. В западных районах и у салыр такого типа праздничные штаны для молодых мужчин шили из красного шелка *гырмызы*. По низу штанины украшались богатой вышивкой и вместе с шелковой рубахой входили в свадебный комплекс. У текинцев они назывались курдскими (*курт балак*)¹¹.

Украшенные вышивкой штаны встречались еще в Тахта-Базаре и Иолотани у сарыков. Покрой их здесь был иным — с большим шаговым ромбовидным клином и суживающимися книзу штанинами (Тип III нашей классификации покроя штанов). Вышивка на концах штанин нижних штанов выступала из-под верхних *жалбар*.

Их надевали в холодное время года, в дальние поездки, в гости. *Жалбар* по покрою соответствовали нижним, с большим шаговым клином и суживающимся к низу штанинами. Их шили из плотной хлопчатобумажной ткани типа так называемой чертовой кожи, из вельвета, бархата или сукна темных расцветок, из материалов домашнего изготовления и покупных. У сарыков и салыр низ штанин и боковые швы *жалбар* также украшались полоской вышивки цветным шелком.

Вышивались штаны и верхние, и нижние только у молодых мужчин до 35 лет. Вышивка на верхних штанах перенята с нижних и появилась позднее¹².

Жалбар из дорогих тканей носили мужчины из состоятельных семей, беднейшая часть населения использовала для них домашние и дешевые

фабричные ткани или обходились без верхних *жалбар*. Штаны всех типов носили, как правило, навыпуск и только в холодное время, в дальнюю дорогу или при выполнении некоторых видов работ заправляли в носки или в сапоги.

Верхняя одежда по назначению и по некоторым особенностям делилась на теплую и легкую. К теплой одежде относятся халаты — *дон*, стеганные на вате, и овчинные нагольные шубы — *ичмек*; к легкой — халаты без ваты — *пахтасыз дон*, на одной подкладке, некоторые виды халатов без подкладки. Все они — туникообразного покроя.

Туркменские халаты не особенно широкие. Рукава у них делались из поперечных полос ткани, были длинными, сужались к кисти и при надевании собирались складками у локтей. Пришивной воротник из узкой прямой полоски ткани был в виде стоечки сзади и прилегающим на груди; у более старинных халатов воротника не было.

На теплые и легкие халаты употребляли хлопчатобумажные и шелковые ткани местного производства темно-красно-коричневого и темно-зеленого цвета в узкую разноцветную полоску. Ватные халаты чаще всего шились из хлопчатобумажной лощенной ткани хивинского производства или покупались в готовом виде и назывались, как упоминалось, *хывадон*.

Подкладка у ватных халатов всегда должна была быть белой, из хлопчатобумажной ткани редкого переплетения. Простегивание вертикальными частыми линиями создавало твердую ребристую наружную поверхность халатов. Полосатые ватные халаты носили больше всего туркмены в центральных, южных, юго-западных и северных районах. По среднему течению Амударьи были больше распространены халаты из фабричных тканей — сатина с яркими цветами и других тканей. В южных районах средней Амударьи носили зимой и полосатые халаты из фабричных тканей — сатина с яркими цветами и других тканей. Здесь же зимой носили и полосатые халаты *ленке донь*, под которые подкладывали вату от плеч до пояса¹³. У зажиточных туркмен бытовали также суконные халаты — *мавут дон* — синего, голубого и черного цвета, носившиеся поверх легких халатов. У всех халатов наружные края отделялись плетеной тесьмой — *джехек* — красного или зеленого цвета, а внутренние стороны подола и пол — широкой косой полосатой бией — *паравуз* из той же ткани, что и халат, или из другой, часто узбекского *адраса* или *бекасаба*.

Кроме халатов, туркмены носили и другие виды теплой одежды. Так, у туркмен восточного побережья Каспийского моря еще в XIX в. встречалась суконная одежда наподобие поддевки, отрезная в талии и собранная в сборку, застегивающаяся на пуговицы, под названием *сердари*¹⁴. Одежда под таким названием известна в Иране¹⁵. По-видимому, эта форма теплой одежды, как и некоторые другие, была заимствована туркменами у соседнего иранского населения. Позднее, в конце XIX в., в этих же районах туркмены носили *гуппи-кемзор* — камзол на вате, одежду уже не туникообразного покроя, а с выкроенными спинкой и полами, со скошенными плечами, с круглой, выкроенной проймой рукавов¹⁶.

Шубы нагольные, называвшиеся у иомутов *ичмек*, а у сарыков *пос-сун*, у текинцев — *постун* шили из овчины мехом внутрь. Они были длинными, широкими, с очень длинными рукавами, без воротника. Наружная

дубленая поверхность окрашивалась в коричнево-желтый цвет (соком граната).

Повседневная шуба — *дери ичмек* — шилась из 6—7 шкур взрослых овец, праздничная же — из 10—11 шкурок молодых нестриженных ягнят¹⁷ — *силкме ичмек*. Особенно ценились шубы из шкурок каракульских ягнят — *богана поссун*. У чоудоров шубы из каракульских шкурок делались короче, были легкими и сверху покрывались шелковой тканью *дерайи* или бархатом¹⁸.

У прибалханских туркмен шубы по качеству и назначению также делились на три категории: повседневная — из овчины, выходная — из шкуры нестриженных ягнят и парадная — из каракульских шкурок¹⁹. Края шубы опушались полосой каракуля — *богана* — смушкой золотистого или черного цвета. Пóлы, подол и концы рукавов оторачивались косой полосой красного полосатого шелка — *паравуз*, на спине из того же шелка нашивался большой треугольник — *догаджик* (амулет). На груди пришивались две завязки из шнура. Носили ее в рукава, когда выезжали в дальнюю дорогу, в селении же — накидывали на плечи поверх халатов. Такие дорогие шубы были доступны только очень состоятельным людям. В настоящее время шубы простые и дорогие являются предметом гордости и носятся в торжественных случаях, в обычное же время ими пользуются лишь старики в сильные холода. И в прошлом, и в настоящее время шубы шьются по заказу специальными мастерами.

Легкая верхняя одежда конца XIX — начала XX в. довольно разнообразна, в ней четко различается одежда туникообразного покроя — халаты на подкладке и без подкладки, однотипные с ватными халатами и одежда приталенная, с отрезной в талии боковиной.

По всей Туркмении, особенно в центральных ее районах, у текинцев всех оазисов, на юго-востоке у сарыков, салыров, в горных южных районах у гоклен и нохурцев, а также на севере у иомутов наибольшее распространение имели туникообразные халаты *дон* типа I нашей классификации, по покрою соответствовавшие теплым халатам. Повседневно носили халаты, сшитые из красной хлопчатобумажной ткани в узкую черно-белую желтую полоску, на подкладке из темного ситца или темно-зеленой *маты*. Праздничные, свадебные халаты шили из шелка красного цвета — *гырмызы кетени* — в редкую узкую полоску.

У западных туркмен на восточном побережье Каспийского моря, кроме легких халатов туникообразного покроя, в большом распространении была одежда несколько приталенного вида, носившая название *курт бичим*, так называемого курдского, иранского покроя (тип II). В нем сохранялось прямое полотнище, составляющее спинку и пóлы, а приталенность достигалась тем, что его боковины по линии талии горизонтально разрезались. Верхняя часть боковины несколько расширялась кверху, а нижняя часть книзу. По бокам *курт бичим* имелись глубокие разрезы — почти до талии, рукава были длинными или короткими, под мышками вместо ластовиц были ромбовидные отверстия — *голдагы*, воротник отложной, на боках — прорезные карманы. Такая одежда была недлинной, шилась из темных плотных, как правило, фабричных тканей. Богатые туркмены шили *курт бичим* из синего и черного сукна, часто на

красной суконной или шелковой подкладке из кашмирской ткани *турме*, *тирме* и украшали серебряными бляшками.

В начале XX в. в этих прибрежных районах, а также на севере Туркмении у иомутов и чоудоров и в северных районах Средней Амударьи появился *кемзор* — камзол (тип III плечевой одежды). Эта одежда уже не туникообразного покроя, а с выкроенной в талию спинкой и полами, с круглой выкроенной проймой рукава, скошенными и разрезными плечами. *Кемзоры* также, как и *курт бичим*, шили из темных плотных тканей фабричного производства, у богатых людей на западе Туркмении — иногда из дорогой кашмирской узорной ткани — *тирме*. Такой *кемзор* назывался *кемзор-тирме*²⁰. Этот тип одежды, по-видимому, был заимствован туркменами у соседних народов — казахов и каракалпаков.

По всей Туркмении довольно широко бытовала верхняя одежда туникообразного покроя без подкладки — *ектай* (однослойный), под названием *чекмен* из шерстяной ткани, сотканной из верблюжьей или овечьей шерсти, являвшийся своеобразным плащом.

Армячину — ткань из верблюжьей шерсти натурального бежевого цвета изготовляли в домашних условиях на узконовойных станках. *Чекмен* из верблюжьего сукна делали двух сортов: из шерсти верблюжонка очень тонкого прядения и тканья и из шерсти взрослого верблюда — более грубой. По словам стариков, всю основу на *чекмен* из тонкой пряжи можно было продеть через кольцо²¹. *Чекмен* из тонкого верблюжьего сукна являлся праздничным и назывался *ичке чекмен*, из более грубого сукна — для повседневной носки назывался *егин чекмен*²².

Чекмени шили также из сукна из овечьей шерсти. Овечью белую шерсть (пряжу) перед тканьем окрашивали в серо-голубой цвет. Так как такая ткань была очень узкой, то спина и перед *чекмена* делались из двух полос, а *чекмени* из овечьей шерсти у сарыков — из четырех полос ткани.

Весь край *чекмена*, как и другой верхней одежды, отделялись шелковым или шерстяным *джехеком*. На спине и по боковым разрезам *яртмач чекмен* украшался аппликацией из красного и зеленого сукна в виде треугольников, составленных пирамидками или лучеобразными фигурами (у текинцев), на спине у воротника иомуты нашивали *дога* (амулет) в виде большого треугольника из красного полосатого шелка, боковые разрезы украшались разноцветной вышивкой в виде парных завитков рогов (*гоч*). Очень своеобразно, ярко украшались *чекмени* серо-голубого цвета у сарыков. Глубокие боковые разрезы в верхней части отделялись яркой плотной вышивкой (*богнама*), по краям разрезов нашивались красные шерстяные кисточки (*пурчук*), составленные пирамидками. Носили *чекмени* поверх халатов, особенно в дороге. Больше всего *чекмени* были распространены у сарыков современного Тахта-Базарского р-на и западных иомутов, бытовали они также у текинцев, гокленов, нохурцев, салыр, северных иомутов и чоудоров и довольно редко встречались у туркмен Средней Амударьи. Верхняя мужская одежда у туркмен обычно не имела застежек или завязок, она запахивалась слева направо и подпоясывалась в тех случаях, когда надевали несколько халатов, собираясь в дорогу или в холодное время года.

Мягкие пояса (*гушак*) длиной от 1,5 до 3 метров, шириной в 50—60 см специально ткались из шерстяной овечьей пряжи темных тонов, на концах

поясов были тканые узоры или полосы, заканчивались пояса кистями из нитей основы. Пояс складывали в мягкий жгут и начинали опоясывание серединой его с живота, проводили на спину и обратно на перед, где завязывали одним узлом, концы заправляли за пояс — один сверху, другой снизу, или оба конца сверху. Молодые мужчины поверх шелковых праздничных халатов носили цветные шелковые пояса (*ойма*). Центром изготовления шелковых и хлопчатобумажных поясов являлось селение Пальварт на средней Амударье, отсюда они расходились во многие районы Туркмении.

У северных иомутов имел распространение шерстяной пояс (*ерке гушак*), сшитый из нескольких темных полос ткани домашнего изготовления в виде четырехугольного платка (130×180 см). При надевании ткань складывали углом, получившийся большой треугольный платок обматывали вокруг талии два раза, угол приходился на бок, концы завязывались спереди²³.

Молодые мужчины-гоклени района Кара-Калы использовали пояса из козьего пуха (*витим гушак*), привозимые из Ирана. Предварительно четырехугольный платок также складывали по диагонали, а затем в полосу, и в таком виде опоясывали вокруг талии один раз и завязывали узлом спереди²⁴.

В районах среднего течения Амударьи мужчины часто носили пояса-платки, переняв эту манеру у своих давних соседей — узбеков. Мягкие пояса имели наибольшее распространение у бедных туркмен. В старое время богатые туркмены носили кожаные пояса с металлическими и серебряными бляшками и пряжками.

Чабаны, находившиеся большую часть года в песках с отарами овец, для защиты от солнца, холода и ветра носили специальную одежду, сшитую из войлока. В центральных и юго-восточных районах это была длинная одежда без рукавов, сшитая из четырехугольного куска войлока, распашная, с квадратными плечами, наподобие кавказской бурки, покрытая снизу и сверху тканью, простеганная крупными стежками. Для застегивания спереди к полам пришивались деревянные «пуговицы» в виде круглых палочек и воздушные петли из шерстяных ниток. Такая чабанская одежда называлась *ойлук*, надевалась на плечи, а распяленная на палки, воткнутые в землю, часто служила своеобразным шалашом — навесом, защищавшим чабана от солнца или песчаной бури и холода. У западных иомутов для этих целей служила *япанжа* — накидка из кошмы в виде большого круга с разрезом спереди, с круглым вырезом для головы. Край *япанджи* обшивались красной шерстяной тесьмой, наверху у шеи имелись такие же пуговицы, что и на *ойлук*.

Мужчины-туркмены, как и многие народы Средней Азии и Казахстана, а также народы Поволжья, носили одновременно два вида головных уборов: 1. Мягкую шапочку — нижнюю (различной формы), сшитую из нескольких слоев ткани. Наиболее старинной является шапочка конусовидной формы; 2. меховую шапку — верхнюю, также различной формы.

На бритую голову надевалась мягкая круглая или конусовидная шапочка, состоявшая из околышка (*этек*) и верха — макушки (*тобо*). У разных групп туркмен такие шапочки носят разные названия. У северных иомутов, чоудоров и западных номутов-атабаев она называется

тахья или тайха; у текинцев, гокленов, сарыков, салыр и прибрежных туркмен — *борик*; у эксаринцев и некоторых мелких этнических групп среднего течения Амударьи — *калпак*. В шапочке-тюбетейке раньше можно было остаться дома, сняв меховую шапку, но не принято было выходить из дома.

Еще до конца 80-х — начала 90-х годов XIX в. северные иомуты и чоудоры носили нижние шапочки (*тахья*), очень высокие (18—25 см), конусо-видной формы, состоящие из высокого околыша (6,5—8,5 см) и верха в виде большого круга (диаметр 30—32 см), с вырезанным сегментом. Оставшаяся часть, составляющая $\frac{3}{8}$ круга, сшивалась краями, образуя высокий конус. Лицевая сторона тахьи делалась из узбекского лошенного *адраса* с абровым узором, подкладка — из белой *маты*. Вся поверхность верха и околыша мелко простегивалась на тонком слое ваты, образуя упругую ребристую поверхность. Ребристые линии на макушке шли параллельно диаметру круга и на шапке выглядели косыми, а на околыше шли горизонтально. По покрою описанная шапочка отнесена нами к типу I.

Н. А. Самойлович, описывая такую шапочку, приобретенную им у чоудоров²⁵ в 1908 г., говорит, что подобный головной убор во время его пребывания в Хивинском оазисе считался уже вышедшим из употребления и донашивался в глухих районах Порсинского бекства. Носили их раньше под высокие островерхие меховые шапки. (Высокие шапки бытовали и у узбеков Хивинского оазиса.) В связи с распространением здесь меховой шапки более низкой и плоской типа узбекской *чогурмы* и вытеснением островерхой шапки стала исчезать и островерхая высокая *тахья*, уступая место *тахье* полусферической формы.

В этих же районах, а также на западе у игдыров молодые мужчины и юноши носили аналогичную по форме *тахью* под названием *дерлик* или *чомонай тахья*. Это мягкая высокая шапочка, сшитая из красного сукна, на ситцевой подкладке, по лицевой стороне вышитая редким узором типа меандр, носилась в сложенном виде — складками, наподобие пирамиды. Часто такие шапочки вышивались невестой и дарились друзьям жениха.

Островерхие ребристые жесткие тюбетейки, но с низким околышем и макушкой в виде небольшого круга с вырезанным сектором носили и в настоящее время носят туркмены на Средней Амударье. Ребристость здесь достигается путем продергивания между рядами строчки жгутиков ваты радиально идущими по всей тюбетейке (*пильта*). По лицевой стороне тюбетейки *сверх пильта* вышиваются гладью яркими шелковыми нитками геометрические узоры. Эти тюбетейки заимствованы у афганцев и называются еще андхойскими. Наибольшее распространение среди всех этнических и локальных групп туркмен имели тюбетейки полусферической формы (тип II). У этой тюбетейки околыш довольно высокий (5—6 см), макушка круглая, небольшая, переход к полусферичности достигается путем присбаривания верха или присбаривания и редкого простегивания и околыша и верха в месте их соединения. От соотношения величины околыша и макушки у полусферической тюбетейки и зависит ее форма. Причем высокий околыш и маленькая макушка свидетельствуют о более ранней форме головного убора этого типа, и наоборот.

Рис. 3. Тюбетейки
и меховые шапки туркмен:

Тюбетейки.

I — высокие конусообразной формы:

a — твердые, стеганные на вате, ребристые:

1 — общий вид; *2, 3* — форма околыша и верха;

б — мягкие из сукна, на подкладке:

1 — общий вид; *2* — манера ношения; *3, 4* — форма околыша и верха;

в — твердые, низкие, простеганные, с продернутыми жгутками ваты (*пилта*):

1 — общий вид; *2, 3* — форма околыша и верха

II — низкие, мягкие, полусферической формы:

a — с высоким околышем и маленькой круглой макушкой:

1 — общий вид; *2* — околыш, собирающийся по верхнему краю;

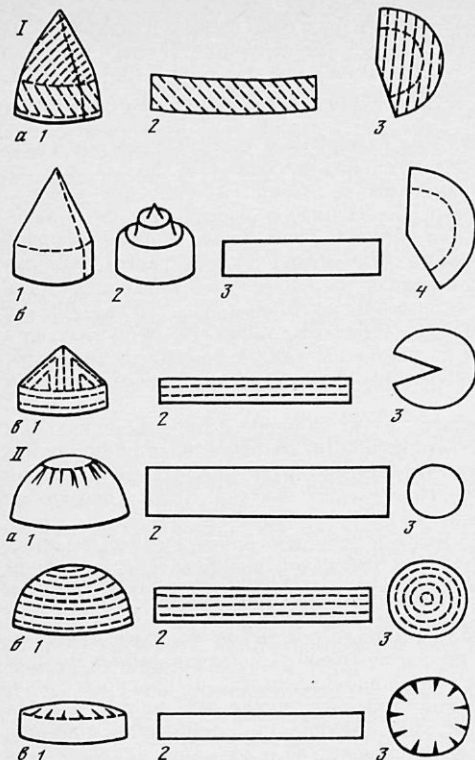
3 — макушка;

б — с высоким околышем и большой макушкой:

1 — общий вид; *2, 3* — околыш простеган и сужен кверху, макушка округлой формы, приобретенной при простегивании;

в — низкие с плоской макушкой (поздняя форма):

1 — общий вид; *2* — форма околыша; *3* — макушка

Меховые шапки.

I — высокие, расширяющиеся кверху (первая половина XIX в.);

II — высокие конусообразные:

1 — общий вид; *2* — форма овчинного верха; *3* — форма кошениной подкладки;

III — с вырезом полусферической формы: *a* — высокие:

1 — общий вид; *2, 3* — форма овчинного верха и кошениной подкладки; *4* — макушка; *б* — низкие:

1 — общий вид; *2, 3* — раскрой овчинного верха и кошениной подкладки;

IV — с плоским верхом и отстоящим околышем:

1 — общий вид; *2* — овчинный околыш; *3* — осто́в кошениной или стеганный на вате; *4* — макушка суконная;

V — с верхом полусферической формы и округлым околышем:

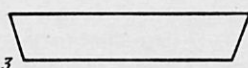
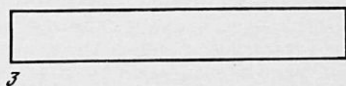
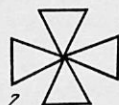
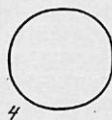
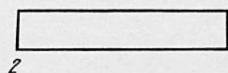
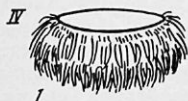
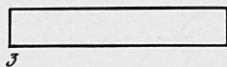
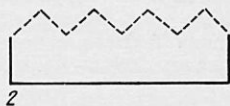
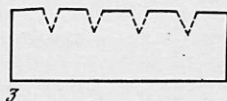
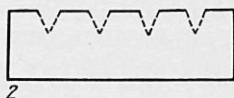
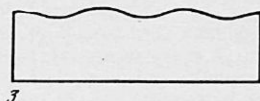
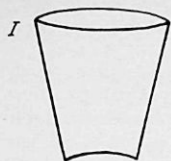
1 — общий вид; *2* — раскрой каракулевого верха и кошениной подкладки; *3* — околыш.

VI — ушанка.

VII — чалма.

VIII — кубанка (современная):

1 — общий вид; *2* — осто́в; *3* — околыш; *4* — макушка из сукна или вельвета

Все тюбетейки украшались вышивкой, характер узора — мелкий, геометрический, стилизованный растительный и зооморфный, отличающийся у разных групп расцветкой и композицией.

У текинцев ведущим элементом является восьмилепестковая розетка в центре (*секиз-кеште*), в сочетании с мелким геометрическим орнаментом. У иомутов ташаузской группы вышивка более яркая с преобладанием элемента ромбовидной формы в различных сочетаниях. Для вышивки на тюбетейках западных иомутов характерен мелкий геометрический орнамент под названием *курт намыш* (иранский узор), состоящий из треугольников, ромбов и крестообразных фигурок. В современной вышивке тюбетеек иомутов восточного побережья Каспийского моря изображаются такие стилизованные элементы, как *ля быр* — якорь, *тиране-бурун* — нос красной рыбы, отражающие производственную жизнь туркмен-рыбаков.

В украшении тюбетеек вышивкой чаще всего использовались швы *ильме* или *коджу* — петельчатые, *чайма* — точечные и *кеште* — также петельчатый.

Верхние меховые шапки называются у туркмен также по-разному: *телпек*, *борик*, *човре*, *чулакчин*, в зависимости от места их бытования, покроя и назначения. Шапки носятся постоянно, независимо от времени года, так как меховая шапка защищает и от холода, и от жаркого солнца.

Материалом для верха шапок служит овчина или каракуль черного, белого, рыжего цветов. Из черного меха шьют зимние шапки, из белого — летние и для молодежи. На подкладку употребляют мех козленка или чаще — кошму. На верх шапок идут шкурки шестимесячных каракульских нестриженных (*силкме*) ягнят. В этом возрасте мех ягнят очень красив — с длинным руном и завитками на концах. Отобранные для этой цели ягнята содержатся в отдельных чистых помещениях, чтобы их шерсть не загрязнялась колючками, сеном и т. п. Занимались выращиванием таких ягнят и выделкой шкурок туркмены Ташауза и узбеки Хивинского оазиса, откуда шкурки вывозились и в настоящее время вывозятся и распространяются по всей Туркмении.

Туркменские шапки очень красивы — высокие, пушистые, при движении руно с завитками колеблется. В комплексе мужской одежды шапка занимает первое место. Туркмены очень гордятся своими головными уборами и бережно относятся к ним; даже в костюме бедняка шапка, как правило, была из меха хорошего качества.

Форма шапки зависит от раскроя кошейной подкладки и овчинного верха. Несмотря на внешнее единообразие, в меховых шапках насчитывается несколько типов и разновидностей: 1. Высокие расширяющиеся кверху; 2. Островерхие, колпакообразные; 3. С полусферическим верхом: а) высокие, б) низкие; 4. Низкие с плоским верхом и отстающим околышем; 5. С круглой макушкой и объемным околышком; 6. Ушанки.

В первой половине XIX в. на восточном побережье Каспийского моря у богатых туркмен бытовали шапки из черного каракуля высотой до 50 см, сильно расширяющиеся кверху с плоской макушкой, покрытой дорогой тканью, выделяемые нами как тип I меховых шапок. Как и в других видах одежды, на этих шапках также прослеживается сильное влияние

Ирана²⁶. О таких шапках, видимо, говорит и И. Ибрагимов (70-е годы XIX в.), отмечая широкое бытование у северных иомутов *тюльпяка* — высокой папахи, верх которой покрыт черным сукном²⁷. Традиция ношения шапок с плоским верхом, покрытым тканью, довольно устойчива, хотя форма и размеры самих шапок со временем сильно изменились.

Одновременно с шапкой, сильно расширяющейся кверху, бытовали островерхие, колпакообразные шапки из черной овчины (тип II). Территория их распространения была более широкой. Такая форма достигалась тем, что кошемная подкладка (*коче ишлик*) делалась в виде высокого цилиндра, верхний край которого вырезался зигзагами или тремя треугольниками, а овчинный верх состоял из четырех конусов или высоких остроугольных треугольников, сшитых друг с другом. При надевании шапки подкладка складывалась на голове куполом и поддерживала высокий конус²⁸. Эта разновидность шапки относится к наиболее старым типам головных уборов.

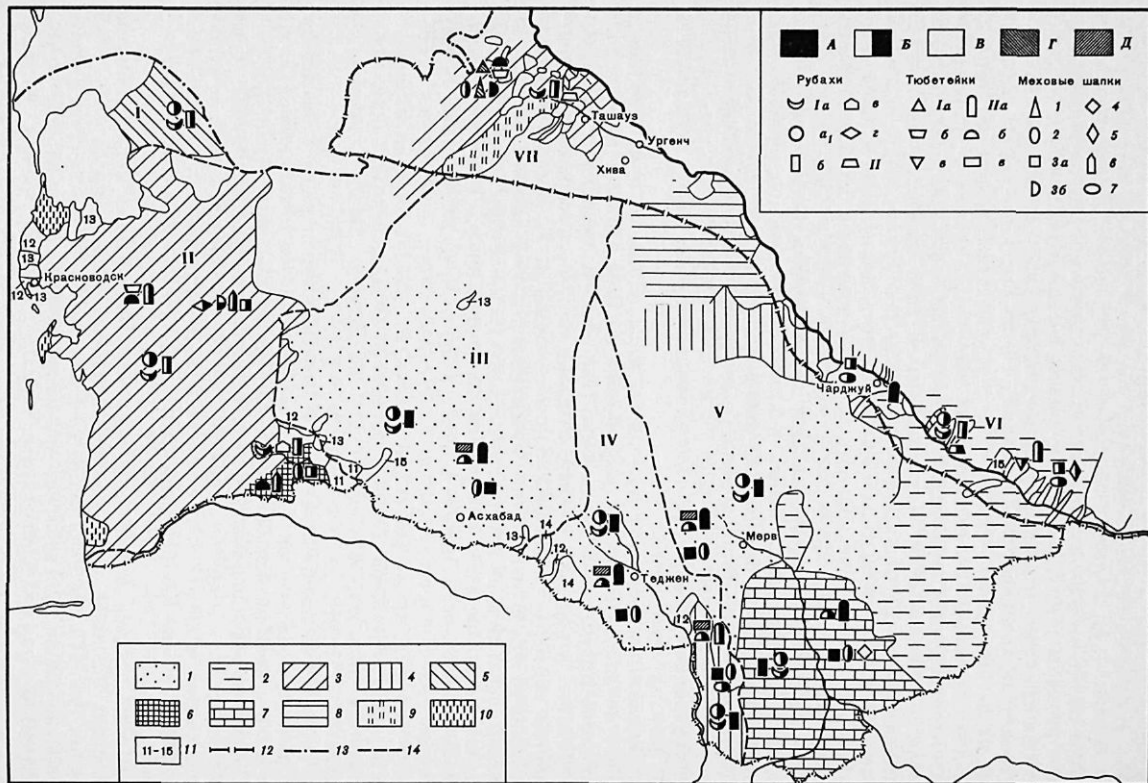
О. А. Сухарева, исследовавшая древние черты в головных уборах народов Средней Азии, видела в этой форме элементы, привнесенные восточноиранскими племенами, являвшимися одним из компонентов в сложном этническом процессе народов Средней Азии, в том числе туркмен²⁹.

Эти шапки бытовали почти у всех туркмен в конце XIX — начале XX в., как более ранняя форма.

Текинцы всех оазисов, салоры, сарыки, западные иомуты в конце XIX — начале XX в. больше всего носили высокие (30 см и выше) шапки с верхом полусферической формы (тип III). В меньшей степени они встречались у нохурцев, гоклен, северных иомутов, эрсаринцев северных районов среднего течения Амударьи и чоудоров. Кошемная подкладка и овчинный мех в такой шапке представляют собой высокие (18 см) цилиндры, верхний край которых вырезается тремя-четырьмя треугольниками, но в подкладке они не сшиваются, а в овчинном верхе сшиваются краями. Завершает купол шапки вшитая в центр круглая макушка (9 см). Иногда в овчинном верхе край не вырезается углами, а собирается в сборку. У сарыков, кроме кошемной подкладки, имелась вторая подкладка из хлопчатобумажной ткани — *петгеч* (спрятанная подкладка), собиравшаяся наверху в сборку. Это не давало шапке сползать на глаза³⁰.

Низкие куполообразные шапки, бытовавшие наряду с высокими, в принципе делались так же, как и высокие, только кошемная подкладка их была в виде низкого цилиндра (9—10 см) с ровным верхним краем, а овчинный верх вырезался четырьмя глубокими углами, края которых сшивались друг с другом, образуя низкий, как бы западающий купол. Такие низкие шапки носили северные иомуты, чоудоры, западные иомуты-атабан. Эта форма характерна также для хивинских узбеков и каракалпаков.

Среди туркмен восточного побережья Каспийского моря — иомутов и других бытовала еще одна разновидность низких шапок с плоским верхом (тип IV). Остов ее состоит из кошемного и простеганного на вате невысокого цилиндра, к нему сверху пришивается большая (24—25 см диаметром) круглая макушка из сукна, бархата или другой ткани, а к нижнему

краю его — овчинный околыш (12—15 см шириной), отстающий от остова в верхней части.

Эрсаринцы на Средней Амударье носили шапки под названием *човре* (буквально «вывернутая») (тип V). Это низкие, с куполообразной макушкой (*депелик*) и большим объемно-округлым околышем (*гыркын*) шапки. Шились они из хорошего серого или золотистого каракуля, на околыш использовали мех выдры (*сегабы*) или ондатры. Подкладку (*астар*) — из кошмы или меха козленка и верх шапки делали из четырех невысоких треугольников или конусов, сшитых друг с другом внутренними швами. Для объема в околыш подкладывали шерсть. Если подкладка в шапке была из кошмы, то она называлась *човре суммен*. Шапки-човре из дорогих мехов носились зажиточными туркменами, бедняки имели шапки с верхом из плотной темной материи; на околыш употребляли мерлушку. В этом типе шапки сказывается узбекское влияние.

У некоторых этнических и локальных групп туркмен пожилые мужчины носили *селле* — чалму, представлявшую собой длинную полосу в 3—4 м хлопчатобумажной цветной ткани — серой, голубой, розовой как, например, у хатабов на Средней Амударье. Чалма свободно наматывалась поверх тюбетейки со свободно свисающим левым или правым кондом. У салыр чалму носили старики, у чоудоров она служила рабочей и домашней формой головного убора. Чалмы белого цвета носило духовенство.

В заключение о головных уборах нужно сказать, что у туркмен различных групп в конце XIX—начале XX в.: 1) Несмотря на кажущееся однообразие наблюдается большое своеобразие и многообразие форм мужских головных уборов, свидетельствующее об этнической и локальной специфике этих групп; 2). В дошедших до конца XIX — начала XX в. формах головных уборов сохраняются, с одной стороны, реликтовые черты, относящиеся к глубокой древности, свидетельствующие об этнических связях туркмен с древними народами Средней Азии. Так например, мягкая тюбетейка с высоким околышем, собранным наверху в сборку, с маленькой круглой макушкой, является прототипом одного из старейших

←

Рис. 4. Ареалы распространения мужских рубаш и головных уборов (конец XIX — начало XX в.)

Административное деление: Туркестанский край, Закаспийская область:

I — Мангышлакский уезд (у.); II — Красноводский у.; III — Ашхабадский у.; IV — Тедженский у.;

V — Мервский у.; VI — Бухарское ханство; VII — Хивинское ханство

Расселение различных групп туркмен в дореволюционный период: 1 — текинцы; 2 — эрсари; 3 — ному-ты; 4 — салоры; 5 — човдуры; 6 — гоклены; 7 — сарыки; 8 — ата; 9 — емрели; 10 — огуурджали; 11 — нохури; 12 — ходжа; 13 — ших; 14 — алили (али—эли); 15 — мурчали (11) (В данной части карты использованы материалы Я. Р. Винникова — см. его карту «Расселение родоплеменных групп туркмен в дореволюционный период» в кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II.) А — преобладающая; Б — бытующая; В — единичная; Г — бытовала в середине XIX в.; Д — бытовала в 30-е годы XX в.; 12, 13 — границы Хивинского и Бухарского ханств; 14 — областные границы

Условные обозначения видов мужских рубаш и головных уборов. Рубашки (подписи см. рис. 2). Тюбетейки (подписи см. рис. 3). Меховые шапки (подписи см. рис. 3)

Дополнения к карте:

Рубаша. II уезд 12, 13 — Ia, а1, б, г; II — III уезд 11 — Ia, б, в.

Тюбетейки. II уезд 12, 13 — 16, Па; б; II — III уезд 11 — Па, б, в.

Меховые шапки. II уезд 10—1, 3а, 4, 6; II уезд 12, 13—1, 4, 6; II—III уезд 11—3а;

Хивинское ханство (VII) 5—1, 2, 46, 6

головных уборов народов Средней Азии; колпакообразная меховая шапка туркмен аналогична по форме войлочным колпакам, носившимся мужчинами восточноиранских племен; с другой стороны, в головных уборах туркмен присутствуют элементы более позднего происхождения как результат их длительного общения с соседними народами — казахами, узбеками, каракалпаками, иранцами и др., как результат заимствования наиболее удобных форм головных уборов или отдельных его частей.

Туркмены имели следующие виды кожаной обуви: поршни без каблуков, туфли на твердой подошве и на каблуках, сапоги на твердой подошве с каблуками и мягкие выворотные без каблуков. Многие их виды были одинаковы для мужчин и женщин.

Одним из наиболее старинных и примитивных видов обуви были *чарыки* — основная производственная и повседневная обувь чабанов и земледельцев. Продолговато-овальный кусок сыромятной кожи с одного конца сшивался через край углом, образуя носок *чарыка*, по краям прорезались отверстия для ремешка или шерстяной веревочки, которой *чарык* стягивался сборками на ноге. *Чарыки* изготовлялись часто самими пастухами и дехканами без колодки, носились с шерстяными портянками (*долук*). Для сохранения эластичности кожи и удобства при ношении на ночь их зарывали в землю (у гокленов)³¹. Зажиточные туркмены заказывали специалистам-сапожникам *чарыки* из хорошо выделанной кожи, окрашенной в темно-коричневую или темно-красную краску. Такие *чарыки* украшались тисненым узором в виде мелких розеток и пунктирных линий, шов на носке заделывался тонким ремешком, на поднятом вверх носке выпускались цветные шелковые или кожаные кисточки.

Туркмены носили и другой вид поршней, но более усовершенствованный и сложный по покрою — это *чокои*. Шили их сапожники из хорошо выделанной кожи крупного скота, окрашенной в желтый или темно-коричневый цвет, обратной замшевой стороной наружу. Делались они по колодке, но без различия правой и левой ноги, как и вся обувь. *Чокои* кроились из трех кусков кожи: один составлял подошву и переходил, перегибаясь, на бока и носок, второй являлся передком — союзкой и третий — задником, выступавшим над краем и загибавшимся петлей. По бокам пришивались также кожаные петли, в которые продевались шнуры для завязывания обуви на ноге. Отдельные части *чокоев* сшивались швом внутрь с прокладкой тонкого ремешка; по лицевой стороне вдоль швов проводились черной краской дублирующие линии, кроме того, передняя часть — носок — украшалась тисненым узором в виде косых линий, округлых завитков. На подъеме прикреплялись ременные кисточки или клапан из кожи, также с кисточками. Иногда их покупали готовыми. Так, например, гоклены покупали их в Хиве, сарыки и текинцы — в Мерве. *Чокои* носили зимой с носками или портянками, надевали в дорогу.

На изготовление обуви мастера-сапожники покупали хорошо выделанную кожу, привозимую из России или Хивы³².

Туркмены центральных, южных районов носили в домашних условиях, в пределах селения туфли без задников, на высоких каблуках, одинаковые для мужчин и для женщин — это *кавыш*, или *кауш*. В теплое время года

их надевали на босую ногу, зимой — на носки. *Кауш* шили специалисты-*каушчи* из темной или коричневой толстой кожи (юфти). Округло-тупой глубокий носок *кауш* закрывал весь подъем ноги, подошва, округлоширокая спереди, резко сужалась к пятке, каблучки, составлявшие одно целое с подошвой («платформа»), набирались из кусочков кожи и сбивались гвоздями. Подошва пришивалась рантовым способом, внутрь *кауш* прокладывалась кожаная стелька. Носок украшался тисненым орнаментом — параллельными линиями с темной подцветкой, по краям светлыми нитками и медной проволокой простирачивались пунктирные линии. В настоящее время этот вид обуви вышел из употребления и заменен резиновыми галошами так называемого «азиатского образца» (у стариков) и городской обувью у молодежи.

У туркмен северных районов, на среднем течении Амударьи и у сарыков бытовали *кауши* с задниками на низком и среднем каблучках. Их носили с шерстяными носками или на мягкие сапожки.

В зимних условиях, а также в дороге верхом зажиточные туркмены надевали высокие кожаные сапоги (*эдик*), сшитые из хивинской юфти. Их изготовляли хивинские мастера-*эдикчи* и назывались такие сапоги *хива эдиги*. Голенище сапог (*конч*, или *ковч*) состояли из двух частей: передней — мыса, заходящего за колено, и задней, более короткой. Союзка (*баштык*) была из одного куска, подошва (*оттоиг*, или *олтоиг*) — сплошная, с невысоким наборным каблуком, носок сапога загибался вверх. Такие сапоги известны у узбеков и каракалпаков Хивинского оазиса.

Зажиточные туркмены зимой и в особых случаях (в гости, на базар) носили кожаные сапоги с высокими войлочными чулками (*сувмен*), верхняя часть их голенищ украшалась цветной вышивкой и аппликацией из сукна и выступала из-за голенищ сапог³³.

Туркмены, как мужчины так и женщины, долины Средней Амударьи, а также на севере, гоклены горных районов, салоры и сарыки носили иногда мягкие выворотные сапоги — *меси*, похожие по устройству на сапоги, но с мягкой подошвой и без каблучка, надевали их под галоши. *Меси* широко известны у узбеков, таджиков и других народов Средней Азии и Поволжья.

Бедняки в летних условиях обычно обходились без обуви, а для работы надевали *чепек*, представлявшие собой одну подошву из куска толстой кожи, которая держалась на ноге при помощи петель из шерстяных шнурков, куда продевались пальцы ног, а концы шнурков завязывались у шиколотки.

Мужские носки, как и женские, вязали с пяткой из однотонной шерсти. В пограничных районах туркмены покупали носки узорной цветной вязки в Иране. Паголенки мужских носков делались длиннее женских (40—45 см), в холодное время года в них заправляли низ штанов.

Долок (портянки) ткали в домашних условиях из белой овечьей шерсти. Один кусок (200—250 см длиной и 40—45 см шириной) разрезали по длине на две равные части. С обоих концов целого куска оставлялись длинные нити основы, из которых образовывались шнуры для завязывания. Портянки начинали наматывать со стопы, переходили на икры рядами один выше другого и завязывали шнурами.

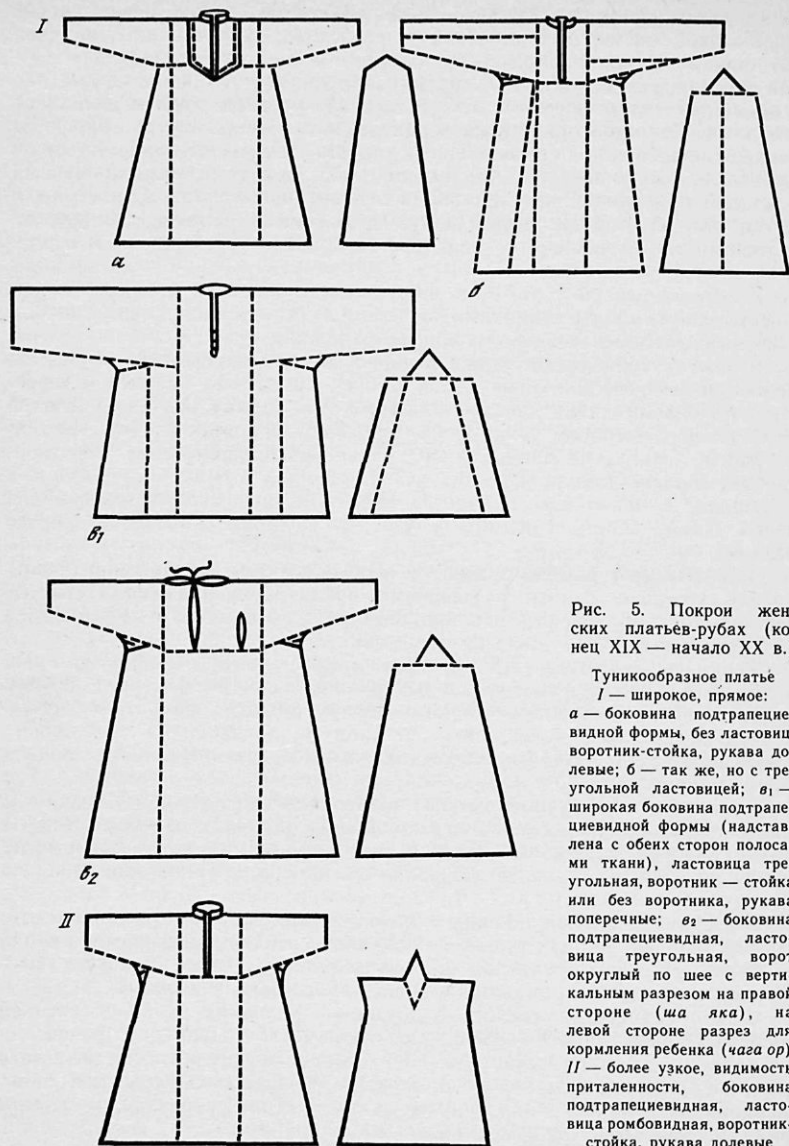

Рис. 5. Покрои женских платьев-рубаш (конец XIX — начало XX в.)

Туникообразное платье

I — широкое, прямое:

a — боковина подтрапециевидной формы, без ластовиц, воротник-стойка, рукава долевые; б — так же, но с треугольной ластовицей; a₁ — широкая боковина подтрапециевидной формы (надставлена с обеих сторон полосами ткани), ластовица треугольная, воротник — стойка или без воротника, рукава поперечные; a₂ — боковина подтрапециевидная, ластовица треугольная, ворот округлый по шее с вертикальным разрезом на правой стороне (ша-яка), на левой стороне разрез для кормления ребенка (чага-ор)

II — более узкое, видимость приталенности, боковина подтрапециевидная, ластовица ромбовидная, воротник-стойка, рукава долевые

Таковы элементы комплекса мужского костюма.

Комплекс женского костюма. В женский комплекс одежды входили: нательная плечевая одежда — рубаха-платье, поясная — штаны; верхняя — халаты: теплый (на вате), легкий и шуба, головной убор и кожаная обувь.

Рубаха-платье (*койнэк*) надевалась прямо на тело, и другой нижней рубахи туркменки в прошлом не носили. Платья были туникообразного покроя, как и мужские рубахи, только длиною доходили до щиколоток и ниже. У них иначе, чем в мужских рубахах, оформлялся ворот. От округлого выреза по шее спереди в середине стана платья делался небольшой вертикальный разрез.

Все женские платья по покрою были однотипны. Но у некоторых групп туркмен они были шире и длиннее, у других — короче и уже в стане, «приталеннее»; одни — с воротником, другие — без воротников. Это создавало известное разнообразие и дало возможность выделить некоторые варианты в однотипном платье: 1) Платье с боковой подтреугольной формы и треугольной ластовицей, широкое, длинное; 2) Платье с боковой подтрапецевидной формы с ромбовидной ластовицей, более короткое и слегка приталенное.

Платья-рубахи варианта I больше всего носили туркменки центральных и юго-восточных районов: текинки, сарычки, салырки Серахса, ходжинки на Мангышлаке, на Средней Амударье — эрсаринки, и на севере — иомутки, чоудорки. У таких платьев ворот оформлялся часто невысокой стоечкой (*тум тырме*) и завязывался наверху скрученными из ниток шнурочками (*баг жик*). В старое время (вторая половина XIX в.) у чоудорок ворот платья был аналогичен вороту мужской рубахи: на правой стороне груди имел вертикальный разрез, что свидетельствует об известной архаичности этого варианта платья³⁴.

Платья варианта II были распространены в западных районах среди иомутов, игдыров, шихов, а также гокленов современного Каракалинского района.

Все платья туркменок, как и мужские рубахи, шились на подоплеке в целях лучшего сохранения ткани. Она делалась из белой или набойной *маты*, сзади закрывая плечи и лопатки, а спереди всю грудь. Иногда в целях экономии материала, особенно дорогой ткани, спина платья от плеч до пояса делалась из другой — дешевой ткани, называлась эта вставка *дашки-ишлик*. Под платками и покрывалами от головного убора эта вставка не была видна и не портила общего вида платья.

Платья, как и большинство другой одежды, шились самими женщинами. Размеры всей одежды, как мужской, так и женской, определялись по фигуре. Основная мера при раскрое, употребляемая и в настоящее время, *гарыш* — четверть, равная расстоянию от большого пальца до мизинца растянутой кисти правой руки (у эрсаринцев) или от большого пальца до среднего пальца (у иомутов, ших). Обе меры равны примерно 18—20 см. К четверти прибавляются различные сочетания и положения пальцев руки. Наиболее распространенные следующие: *сере* — четыре растопыренных пальца без большого, *дорт бармак* или *бег сере* — четыре сложенных пальца без большого, *аксак сере* — три растопыренных пальца без большого и мизинца. Так как ткани домашнего изготовления были

очень узкими, то в целях экономии ткани и наиболее рационального ее использования парные части в наплечной одежде — рукава, боковины — кроились одновременно из нескольких прямых точек, сшитых по нужной длине муфтой. Для этого на боковины мужских рубаш тканей по длине сшивалась в две точки муфтой — цилиндром, затем складывалась по диагонали и по этой линии разрезалась. $\frac{2}{3}$ ширины шли вниз к подолу, $\frac{1}{3}$ ширины — вверх к рукаву. На боковины женских платьев сшивались три точки — две целых, одна разрезалась вдоль, а половинки ее вшивались между целыми точками, затем скашивались по диагонали и разрезались, также как и в мужских рубашках: $\frac{2}{3}$ ширины шли к подолу, $\frac{1}{3}$ — вверх к рукаву. На рукава мужских рубаш шло две точки, на рукава женских платьев — 2,5 точки, сшивались и разрезались они, как при крое боковин³⁵.

Туркменское платье-рубаха как тип туникообразной одежды имеет аналогии у многих народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Приуралья, юга России. Платья узбеков, каракалпачек, татарское и башкирское, болгарское (*паза*) стоят в одном ряду с туркменским, что свидетельствует о несомненных историко-культурных связях этих народов³⁶.

Туркменки шили повседневные платья из хлопчатобумажной или полуселковой ткани домашнего изготовления в мелкую розово-фиолетовую клеточку под названием *алажа* (*алача*). Такие платья носили главным образом в центральных районах Туркмении — текинки, салорки и др.

Сине-голубые платья из *маты* — хлопчатобумажной ткани также домашнего изготовления — были у сарычек, в юго-восточных районах, гокленок Кара-Калы.

В конце XIX в. большое место в изготовлении одежды занимали фабричные ткани — ситец, сатин, шелк, преимущественно красных тонов с цветочным рисунком.

Праздничные и свадебные платья туркменок шились из шелковых тканей различного качества, но на первом месте стояла плотная шелковая ткань красного цвета местного производства — *гырмызы кетени*. *Кетени* — ткань старинная, в Среднюю Азию еще в XVI в. она привозилась из Египта. Раньше под термином *кетени* (*катана*), по всей вероятности, подразумевалась льняная ткань³⁷. Когда этот термин перешел на шелковую ткань, производимую в районах Туркмении и широко бытующую до сих пор — неизвестно. *Кетени* вырабатывалась красного (*гырмызы*) и зеленого (*яшил*) цветов в центральных районах — текинками, в горных районах на юге — гокленками и в других районах, где разводился шелкопряд, и распространилась по всей Туркмении.

Гырмызы кетени койнэк — платье, сшитое из этой ткани, — считалось самым богатым и торжественным, главным образом из-за красного цвета.

Преобладание красного цвета в одежде туркмен является древней и устойчивой традицией, которую нельзя объяснить только широким распространением марены как красящего вещества. Красный цвет у многих народов в древности символизировал животворящие силы природы, ему приписывалось магическое свойство способствовать жизненным силам природы, человека. Ношение туркменскими девушками и молодыми женщинами, а также юношами и молодыми мужчинами платьев, рубаш, халатов красного цвета также связано, по-видимому, с представлениями

об охранном значении и активном благотворном воздействии красного цвета. Даже в настоящее время в приданом невесты в наборе из нескольких десятков платьев из современных дорогих тканей: крепдешина, кримпле-на, парчи и т. п. — два-три платья обязательно должны быть *гырмызы кетени*.

В западных районах Туркмении носили праздничные платья из шелковой ткани и парчи, покупавшейся в Иране. На севере и востоке региона, где население издавна соседствовало с узбеками, в большом ходу были шелковые ткани с абровым узором узбекского производства. По мере развития экономических и торговых связей с Россией в конце XIX — начале XX в. в Туркмении стала широко распространяться продукция российских текстильных фабрик.

Платья-рубашки туркменок отделялись по вороту и нагрудному разрезу узким шелковым *джехеком* — тесьмой красного и зеленого цветов (у текинок, салырок, северных номуток, у западных номуток и эрсаринок). Узкими полосками сукна красного и зеленого цвета отделялся стоячий воротник у текинок и салырок. Отделка платьев упомянутыми приемами делала вещь прочнее и удобнее. Особо нужно отметить заделку ворота в нижней части вертикального разреза женских платьев и мужских рубаш особой плотной вышивкой разноцветной гладью под названием *гуртыкин*, или *пугама*, со специфическим мелким геометрическим орнаментом. Эту яркую заделку для прочности ворота можно отнести и к украшению рубашки и платья.

У большинства туркмен женские платья вышивкой не украшались, но у некоторых этнолокальных групп она широко использовалась и как украшение, например у сарыков и чоудоров. Концы рукавов их платьев вышивались цветным шелком в виде широких полос с геометрическим и стилизованным растительным узором наподобие манжет.

У ходжинок и чоудорок существовали нагрудники (*они урше*) из материи другого качества и цвета, чем платье, сплошь покрытые яркой вышивкой. Они пришивались к платью по обе стороны нагрудного разреза от шеи до его конца и заканчивались мысом, напоминая нагрудники с тем же названием на платьях казахских девушек и женщин.

Кроме вышивки, праздничные платья богатых молодых женщин и девушек украшались серебряными плоскими пластинками овальной формы (*албасы*), нашивавшимися спереди в несколько рядов в количестве от 45—50 и более штук и покрывавших как чешуя или панцирь перед платья. Чаще всего такое украшение встречалось у текинок Мервского оазиса.

Женщинам после сорока лет было не принято украшать платья вышивкой, тем более серебром. С возрастом женщины переставали носить яркие платья и переходили к более темным и блеклым тонам в одежде. Возрастные признаки в платьях туркменок выражались также в форме ворота и его размерах. У молодых женщин разрез ворота был глубоким (27—30 см), в девичьих и старушечьих платьях разрез был менее глубок. У чоудорок в старое время бытовали платья со специальными дополнительными разрезами на груди для кормления ребенка (*чага ор*)³⁸. У северных номуток и других групп туркмен на платьях кормящих матерей на груди по обе стороны разреза ворота вышивали специальные значки со значением оберега (*гуляйды*).

Принцип покроя туркменского платья оставался устойчивым на протяжении очень длительного времени. Он не подвергся тем значительным изменениям, которые фиксируются в среднеазиатско-казахском регионе с XIX в. в связи с распространением иного кроя одежды (выкройной).

Другой обязательной частью костюма туркменки являются штаны, у разных групп известные под названием *балак*, *дыздан*, *штан*. Они, как и мужские, были широкими в поясе и бедрах и собирались в талии на гашник. Выделяются штаны с четырехугольной вставкой (*мердек*), соединяющей штанины, и штаны с ромбовидным большим клином. Внутри этих двух вариантов — штаны с узкими штанинами, обтягивающими икры, и широкими штанинами типа шаровар.

В центральных, южных и западных районах, населенных текинцами, гокленами, нохурцами, салырами и иомутами, где преобладали штаны варианта I, существовала традиция шить их на подкладке (в набедренной и нижней части штанин), лицевая же сторона делалась из разных по качеству кусков ткани: от бедер до колен — из хлопчатобумажной материи зеленого или синего цвета, ниже — из более дорогой. В старое время верхняя часть штанов шилась из персидской или местной зеленой набойки с оранжевым рисунком в виде «стручков перья». На наколенную часть сверху нашивали шелковую красную ткань в полоску (*кетени*). Кроме того, набедренная и наколенная часть штанин простегивалась редкими стежками, внизу вертикальными линиями, сверху горизонтальными. Самый край штанин отделялся черной шерстяной тесьмой (*балак йуни*), а выше шла узкая полоска вышивки с мелким геометрическим и стилизованным растительным орнаментом швом *ильме* (петельчатый), *гайма* (точечный). В западных районах среди иомутов вышивка была в виде широкой полосы с крупным ярким узором геометрического и зооморфного характера.

Туркменки-эрсаринки, северные иомутки, сарычки Тахта-Базара носили штаны, сшитые из однородной и одноцветной ткани, из красного, розового ситца с цветами, красного сатина и др. Внизу они были шире, наколенная часть ничем не надставлялась и вышивкой не украшалась, край низа штанин собирался в сборку и отделялся шерстяной черной тесьмой. Такие штаны по покрою ближе к узбекским.

Верхнюю теплую одежду туркменки носили нечасто. Ведя замкнутый образ жизни, испытывая религиозные и социально-бытовые запреты и ограничения, они крайне редко выезжали за пределы своего аула. У большинства туркменок теплой одежды и не было. В холодное время в случае необходимости они использовали мужские теплые халаты или надевали по несколько легких халатов, платков и т. п. Верхняя теплая одежда была в основном у женщин из зажиточных и богатых семей. Тем не менее теплой одежды было несколько видов, которые определенным образом типологизируются.

Халаты, стеганные на вате, по покрою не отличались от мужских, но были несколько короче. Более старые из них не имели воротника. Позднее воротник появился и был в виде неширокой полосы, пришитой к полам, сзади на шее в виде стоечки, спереди — прилегающий. Женские халаты шили из хлопчатобумажной узкополосатой красно-розового цвета ткани местного производства, праздничные — из красного полосатого шелка (*кетени*) и желтого полосатого (*чепбетев*). В районах среднего течения

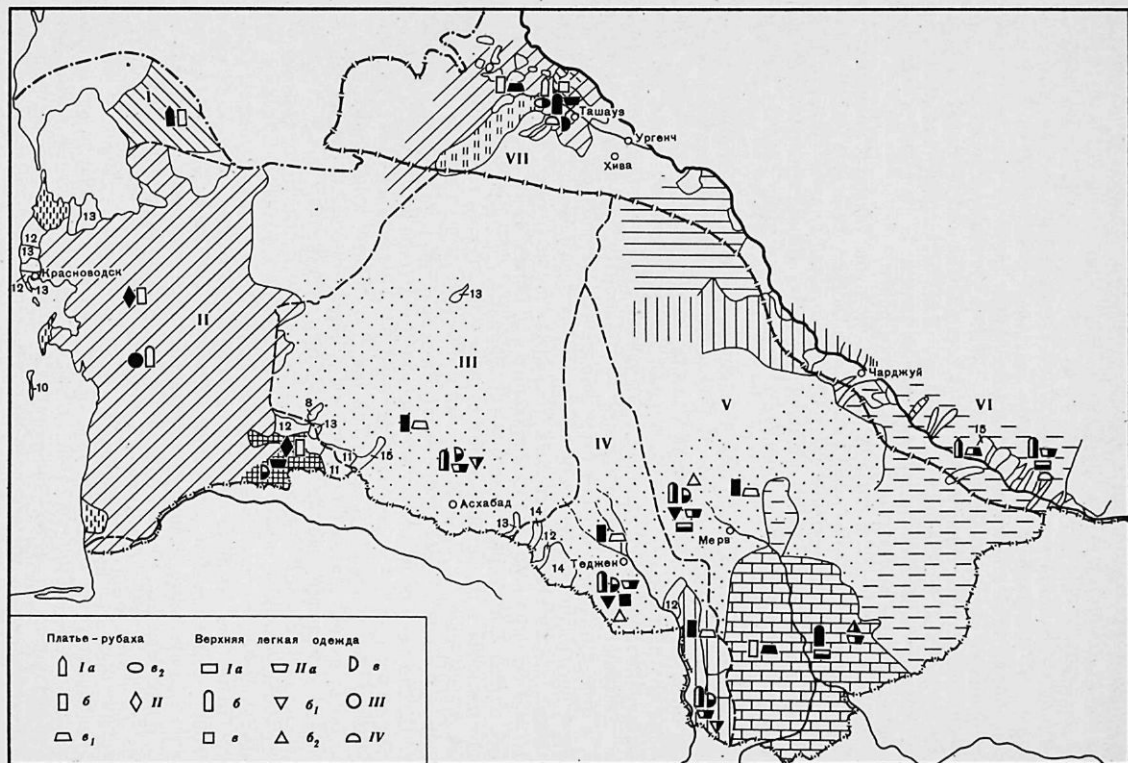
Амударьи и на севере Туркмении, в районах, соседствующих с узбеками халаты были из узбекского узорного шелка (*шаи*). Отделка женских халатов носила тот же характер, что и у мужских. Иногда края халата рядом с тесьмой украшали узкой полоской ручной вышивки с линейно-точечным узором. У эрсаринцев на Средней Амударье и сарыков Тахта-Базара воротник ватного халата из узбекского шелка часто украшался мелкими серебряными круглыми бляшками. У сарычек рукава теплых халатов надставлялись черным сукном или цветным бархатом в виде манжет и украшались вышивкой разноцветным шелком. Халаты, украшенные вышивкой и серебром, носили девушки и молодые женщины. В западных и северных районах ватные халаты женщины носили редко.

Другой вид женской одежды — женские шубы (*ичмек*), шившиеся из шкурок мелких зверьков или лапок лисицы. Они были короче мужских, покрывались сверху шелком или бархатом красного цвета. Их полы и ворот украшались богатой вышивкой. Такие шубы носили богатые женщины на восточном побережье Каспийского моря и в северных районах Туркмении чоудорки.

В середине XIX в. на западе Туркмении девушки и молодые женщины имели особый вид теплой одежды, стеганной на вате, под названием *курте*. Это была глухая, нераспашная одежда, надеваемая через голову. Она имела круглый ворот и горизонтальный разрез на правом плече. По крою была туникообразной и длинной, с боковинами подтрапцевидной формы, без ластовиц или с ромбовидными ластовицами, с длинными рукавами, на которых ближе к плечам были поперечные серповидные разрезы для рук, с неглубокими разрезами на боках. Подол и боковые разрезы *курте* украшались цветной вышивкой петельчатым швом (*ильме*) в виде полосы (10—12 см шириной). На суживающихся к запястьям рукавах располагалась широкой полосой в виде манжет вышивка. Характер узора — мелкий растительный и геометрический в виде розеток, выходящих и ломаных линий. *Курте* шили из красного шелка и простегивали на тонком слое ваты вертикальными линиями, образующими ребристую поверхность, надевали его на платье-рубаху для тепла и носили в холодное время года. Этот вид одежды в конце XIX в. уже отживал свой век и встречался редко, хранился в семьях как реликвия и дошел до нас в музейных коллекциях.

Более разнообразна по покрою и в видовом отношении легкая верхняя одежда. В большинстве своем она являлась праздничной. В ней туркменки выезжали на базар, ходили в гости и на свадьбу. В отличие от верхней теплой и повседневной легкой праздничная одежда в большей степени сохраняла этнические и локальные, семейно-возрастные и социальные особенности. По покрою она была также туникообразной, но некоторые особенности в конструкции боковин и ластовиц, воротника и рукавов создавали существенные зрительные отличия от обычных туникообразных форм одежды.

В центральных, южных (горных) и юго-восточных районах среди текинцев, салыров, гоклен, нохурцев и сарыков имела распространение легкая верхняя одежда под названием *дон*, *чабыт* и *курте* из красного и желтого узкополосатого или однотонного шелка местного производства, на подкладке из зеленой набойки или, позднее, — ситца. Различия между ними заключались в устройстве боковин: а) *дон* — халат, имевший подтрапцевидную боковину и треугольную ластовицу, был довольно широким и про-

сторным; б) *чабыт* — с такой же боковиной, но с большой ромбовидной ластовицей, которая верхним острым углом вшивалась в рукав, а нижним — в вертикальный разрез вверху боковины. Это несколько расширяло *чабыт* в верхней части; в) *курте* — было еще более приталенным благодаря тому, что его боковины треугольной или подтрапиевидной формы имели под мышками по обе стороны дополнительные остроугольные клинышки — *санджак*, вшитые углами вниз. *Санджаки* были всегда из другой, чем *курте*, контрастирующей ткани, так же как ластовицы на платьях. Ластовицы являлись составной частью рукава, служили практическим целям, прочно-сти и удобству при пользовании вещью. Кроме того, ластовицы, сделанные из другого материала, часто очень яркого, были отпугивающим средством, являлись оберегом. Ластовицы из дорогих ярких тканей были своеобразным украшением³⁹.

Халат *дон* в рассматриваемый период как праздничная одежда встречался уже редко, большее распространение имели *чабыт* и *курте*.

Чабыты эрсаринки и сарычек были с очень глубокими боковыми разрезами, доходившими почти до талии, в нескольких местах края их соединялись при помощи серебряных круглых бляшек или специальной мелкой вышивкой. У сарычек по краям разрезов располагали мелкие серебряные круглые бляшки (*чапраз*), образующие композиции в виде трилистников, нашивали кисточки из красных шерстяных ниток (*пурчек*), подобранные пирамидками.

У текинок, салырок, гокленок, нохурок и северных иомуток были *чабыты* с вертикальными разрезами на груди (*голтурмач*), для продевания рук. При продевании рук в эти разрезы рукава отбрасывались на спину и соединялись друг с другом специально пришитыми там шнурочками (*багджик*). У северных иомуток даже шубы делались с грудными разрезами для рук⁴⁰. *Голтурмач* и широкий воротник *чабыта* украшались также сереб-

←

Рис. 6. Районы распространения женского платья-рубахи и верхней легкой одежды (конец XIX — начало XX в.)

Административное деление, данные по расселению различных групп туркмен в дореволюционный период, значок преобладания см. рис. 4

Виды одежды. Туникообразное платье-рубаха (подписи см. рис. 5)

Верхняя легкая одежда. Туникообразная.

I — халат прямого покроя, на подкладке, боковина треугольная без ластовицы или подтрапиевидная с треугольной ластовицей:

а — без воротника (рис. 1, IIA, 1); б — с воротником (рис. 1, IIB, 9); в — покроя типа кимоно, без боковин, с воротником, полы с клиньями (рис. 1, IIG, 16);

II — халат «приталенный»:

а — боковина подтрапиевидная, ластовица ромбовидная, с воротником и без него (рис. 1, IIA, 5); б₁ — боковина подтрапиевидная или треугольная с дополнительными клиньями в верхней части, полы с клиньями, с воротником (рис. 1, I, 9); б₂ — так же, но без воротника, полы без клиньев (рис. 1, I, 2); в — с разрезами на груди для рук, с откидывающимися рукавами (рис. 1, IIA, 7);

III — халат с отрезными по талии боковинами, с воротником или без него, рукава короткие, под мышками отверстия, на боках глубокие разрезы (рис. 1, IIB, 12); Выкрояная одежда.

IV — кемзор, спинка и пройма рукава выкрояные, воротник стоячий, на груди отвороты (рис. 1, IIE, 22)

Дополнения к карте:

Платье-рубаха. II уезд 12, 13 — Ia, IIa; IV уезд 14 — Ia; Хивинское ханство (VII) 5 — Ia, б, в₂; Верхняя одежда. II уезд 10 — 16, IIa, III; II уезд 12, 13 — 16, в, IIb, III; IV уезд 14 — 16, в, IIa, б₁, в; Хивинское ханство (VII) 5 — 16, в, III, IV

ряными круглыми бляшками (*чапраз*); в таких случаях *чабыт* назывался *чапразлы чабыт*. Одежда с откидными рукавами в Средней Азии имеет длительную традицию, зафиксированную в среднеазиатско-персидских миниатюрах XV—XVI вв., как в женском, так и в мужском костюмах⁴¹.

На западе Туркмении молодые женщины и девушки носили *чабыт* на красной шелковой или сатиновой подкладке⁴². Традиция шить праздничную одежду на красной подкладке сохраняется здесь и в настоящее время. Отдельвали *чабыт* также, как и другие виды халатов, отличием служило то, что внутренняя полоса *паравуза* выступала за край одежды или даже нашивалась узкой полоской по наружной стороне *чабыта*. Он богато украшался серебром в виде штампованных круглых, прямоугольных и треугольных пластинок и серебряных цепочек (*илик*) с бубенчиками (*ендудуме*), нашиваемых в несколько рядов на полах, подоле, на концах рукавов.

В старое время у западных туркмен внутренние стороны пол *чабыта* украшались по подкладке вышивкой, тогда полы отворачивали наружу и закрепляли серебряными пуговицами на боках, что придавало одежде большую пышность⁴³. Позднее такая традиция украшения и манера ношения *чабыта* утратилась, но следы ее сохранились до настоящего времени. Еще в конце 1950-х годов на восточном побережье Каспийского моря молодые женщины и девушки украшали вышивкой внутренние стороны пол *чабыта* по красной подкладке. Узор вышивки выполнялся машинной строчкой белыми и черными нитками. На каждой стороне полы изображались цветы на длинных стеблях, стоящие в узкогорлых сосудах. Композиция носила название *мие кундук* (медный сосуд) и окружалась как бы рамкой, состоящей из ромбиков, вытянутых пятиугольников и переплетающихся линий, носящий название *сехетбаг* (корзина)⁴⁴. Вышивались и другие растительные композиции. *Чабыт* являлся и до настоящего времени является составной частью женского праздничного комплекса одежды у всех западных туркмен — иомутов, ших, игдыр.

Курте было наиболее распространено среди текинок всех оазисов. Оно богато украшалось вышивкой по воротнику, рукавам, полам и подолу. Вышивка на воротнике повторяла в большинстве случаев один мотив — стилизованную ветку с цветами — листьями ромбовидной формы, исходящую из центра воротника и спускающуюся на грудь. На полах и подоле изображалась ломаная, вьющаяся линия с трилистниками и бутонами, на рукавах — зооморфные мотивы: завитки рогов (*гоч*).

Позже *курте* у оклен, нохурцев, салыров будет использоваться и как накидка на головной убор. А у текинцев в измененном виде — укороченная, с деформированными узкими и длинными ложными рукавами — превратится в специальную головную халатообразную накидку.

Близка к *курте* была и старинная праздничная одежда текинок Мервского оазиса и сарычек Пендинского оазиса — *кулече*, которая шилась без воротника, с укороченными рукавами; без расширяющих клиньев на полах, с глубокими разрезами на боках. *Кулече* шилось из ярких шелковых тканей, бархата и сукна, украшалось серебряными бляшками и аппликацией из разноцветных кусочков дорогой ткани. В конце XIX — начале XX в. *кулече* встречалось редко.

На восточном побережье Каспийского моря в женской легкой одежде преобладала приталенная форма. В ней спинка и перед стана кроились также из одного полотнища, без шва на плечах, рукав с прямой проймой, но боковины по линии талии горизонтально разрезались. Боковина в таком случае состояла из двух частей — верхней, несколько суженной к талии и более широкой к рукавам, и нижней, также более узкой к талии и расклеивающейся к подолу. Этот вид одежды был короче, чем халаты и *курте*, более узкий и открытый на груди, рукава средней длины заканчивались мысом и, если нужно, могли заворачиваться вверх и застегиваться на серебряные пуговицы и петли, пришитые на плечах. Вместо ластовиц под мышками делались ромбовидные отверстия (*голдагы*), на боках разрезы были глубокими, почти до талии и скреплялись в двух-трех местах серебряными пуговицами или вышивкой цветной ниткой. В покрое этого типа одежды туркменок много общего с верхней одеждой женщин Ирана. Туркмены на западе называют ее *курт бичим* (курдский, иранский фасон, покрой)⁴⁵.

Курт бичим шили из полосатого красного шелка (*гырмызы кетени*), а также из сукна и бархата синего, зеленого, фиолетового, черного и других цветов — для более холодного времени года. У очень богатых иомуток *курт бичим* были из дорогой кашмирской ткани на подкладке из красного сукна или шерстяной ткани.

Как видим, отличительными чертами легкой праздничной одежды молодых туркменок являются большое разнообразие в деталях покроя и отделки, яркость и богатство тканей, обилие всевозможных украшений из серебра, сердолика и многоцветной вышивки. Это придавало ей яркость, нарядность и особую торжественность.

Наряду с описанной одеждой туникообразного покроя у некоторых мелких этнических групп на Мангышлаке, в районе Красноводска — у ходжинок, игдырок, ших, а также у чоудорок на севере бытовала праздничная, также свадебная одежда в виде халата из красного сукна по покрою кимдно под названием *чекмен*. Они шились также из одного куска сукна, перегнутого на плечах, но очень широкая точь фабричного сукна, дав полную ширину в стане, переходила на рукава. Поэтому эти халаты были без боковин и ластовиц, рукава — без пройм, как у нераспашной одежды (*курте*), но обе полы надставлялись от уровня воротника узкими клиньями, надставлялись и рукава таким же сукном до нужной длины. Эти халаты отличались яркой богатой вышивкой (*тамбур-ильме*, иглой) в виде широких полос по подолу, полам, широкому и длинному воротнику, на боковых разрезах и рукавах, заполненных мелким растительным узором. На плечах, спине и рукавах вышивались большие треугольники (*дога*), заполненные внутри геометрическим и растительным узорами.

Треугольники (*дога*) на спине и плечах как бы соединены в одно целое, носившее у туркмен запада название *ольпек*. Изображение *дога* (молитва, оберег) свидетельствует об охранном значении вышивки. Кроме того, на спине, плечах и груди таких халатов вышивались зооморфные и антропоморфные мотивы: фигуры птиц — фазанов, животных — козлов, черепов, лошадей, верблюдов, всадников на лошадях и верблюдах. Интересно изображение женской фигуры на одном свадебном халате игдырок (ГМЭ, № 5975—5). Фигура стоит во весь рост анфас с отведенными в сторону

руками и растопыренными пальцами, в длинном платье, на голове — луцеобразный головной убор, в ушах — массивные подвески.

Расположение яркой вышивки широкими полосами на подоле, полах, боковых разрезах и рукавах придает такой одежде очень богатый и торжественный вид и напоминает распашные верхние одежды древних согдийцев, изображенных на стенных росписях Пенджикента и других памятников, а также одежду народов Средней Азии, отраженную в средневековых миниатюрах⁴⁶.

Описанного вида халаты девушки и молодые женщины носили в качестве свадебных, праздничных и как головные накладки.

Таким образом, легкая праздничная одежда туникообразного покрова в разных вариантах (*дон, чабыт, курте*), от прямых до несколько приталенных форм, широко бытовала в южных, центральных и юго-восточных районах (у текинцев, салыр, гокленов, нохурцев, сарыков), отличаясь яркостью тканей и отделки. Одежда более приталенная, узкая и короткая (*чабыт, курт бичим*) была более характерна для западных районов Туркмении — иомутов и частично гокленов. Широкие суконные халаты по покрою кимоно носили некоторые мелкие группы на севере современного Красноводского р-на и на Мангышлаке, а также на севере Туркмении — иомуты и чоудоры. Здесь же бытовал и *чабыт* с откидными рукавами. На востоке — на Средней Амударье у эрсаринцев и мелких этнических и локальных групп туркмен была распространена легкая одежда туникообразных форм, близкая к узбекской одежде.

В начале XX в. в северных районах Туркмении у иомутов и чоудорок, как и в мужском комплексе, появился *кемзор* — выкройная одежда со стоячим воротничком и отворотами, с прорезными горизонтальными карманами, перенятая северными туркменами у казахов и каракалпаков. Его носили первоначально лишь мальчики. Широкое распространение среди туркмен северных районов этот вид верхней одежды получил в 30—40-е годы XX в., заменив многие, ранее бытовавшие формы верхней мужской и женской одежды. Шились *кемзоры* на ситцевой подкладке из плотных фабричных тканей — темного цвета сатина — для повседневной носки, из вельвета и бархата как праздничные.

Полы, подол, воротник и разрезы карманов украшались машинной строчкой цветными нитками в виде прямых, волнистых и пересекающихся линий.

У жителей Средней Амударьи *кемзор* бытовал с конца XIX в. как легкая верхняя одежда на подкладке, заимствованная, по-видимому, у узбеков^{47—49}.

Обратимся к описанию женских головных уборов.

До замужества девушки носили простые головные уборы в виде мягкой шапочки. В конце XIX — начале XX в. повсеместно были распространены шапочки полусферической формы типа тюбетейки, а в более ранний период в некоторых районах на западе Туркмении бытовали высокие шапочки (25—30 см) конусовидной формы. Они состояли из высокого околыша (6,5—8,5 см) и высокого верха, который представлял собой целый круг, пришитый к околышу в присборенном виде, или круг с вырезанной частью ($\frac{1}{3}$). Делались они из красного сукна или шелка на хлопчатобумажной подкладке. Лицевая поверхность была вышита разноцветным шелком и

украшена пучками перьев совы или филина, поэтому их называли *отого борик* или *отоголи борик*. Характер узора почти всегда был одинаков. Околыш орнаментально разделялся на четыре части, а верх, соответственно, на четыре сектора, в которых вышивались композиции из завитков рогов или скорее веток, отходящих от ствола. Вышивка была очень плотной, заполняла всю поверхность шапочки, а там, где просвечивал фон, он простегивался мелкими стежками шелком в тон ткани, как бы повторяя узор вышивки.

Конусовидные шапочки носили девушки западных районов Туркмении — иомутки, игдырки, ходжинки на Мангышлаке и в районе Красноводска, ших, а также гокленки Кара-Калы.

По материалам Л. Г. Иомудской, у туркмен Челекена конусовидный *борик* на свадьбе сторона жениха выкупала у родни невесты⁵⁰.

Старинные девичьи шапочки *борик* у иомутов запада Туркмении, в которых конусовидный верх состоял из круга с вырезанным сегментом, аналогичные мужским *тахья*, бытовали и у иомутов северных районов. К концу XIX в. такие девичьи шапочки встречались уже редко, они уступили место полусферической шапочке, распространившейся по всей Туркмении и бытующей до настоящего времени. Полусферическая шапочка — *тахья, борик* — гораздо ниже первой, состоит из сравнительно низкого околыша (5—6 см) и круглой, небольшой в диаметре макушки, в приспособленном виде пришитой к нему. Шьется из нескольких слоев ткани, верх — из красного сукна или шелка и украшается вышивкой мелким геометрическим и стилизованным растительным узором и серебряными мелкими пластинками, разной формы, на самой макушке шапочки прикрепляется серебряное навершие *гунба* в виде небольшого куполка с полрой трубочкой наверху, куда вставляют пучок перьев совы или филина. С вершины купола на плечи и грудь иногда спускались длинные нити бисера с серебряными маленькими куполками на концах. Такая шапочка называлась *кумушлы-борик* (серебряная шапочка). Подобные шапочки больше всего носили девушки-текинки, салырки, гокленки, нохурки, бытовали они и у северных и западных иомутов и эрсаринок.

Снятие девичьего головного убора и замена его женским у некоторых групп туркмен являлись одним из элементов свадебного обряда под названием *башсалма*, во время которого происходила имитация борьбы девушек — подруг невесты с группой женщин: девушки не давали снять с невесты девичью шапочку, а женщины стремились надеть на нее женский головной убор. Побеждала женская группа⁵¹.

Аналогии туркменскому девичьему головному убору с навершием мы видим у народов Поволжья и Приуралья — в чувашских, башкирских и удмуртских девичьих головных уборах. Сходство прослеживается не только в форме, но и в терминологии⁵². В. Н. Белицер считает, что девичий головной убор с навершием подобен шлему воина древних скифо-сарматских племен, которые были известны обществам, где женщина участвовала наравне с мужчинами в охоте и в войнах, и одежда ее была похожа на одежду мужчин.

Прежде чем приступить к подробному описанию головного убора туркменок, остановимся на их свадебном головном уборе. Он интересен тем, что сохранил некоторые древние черты.

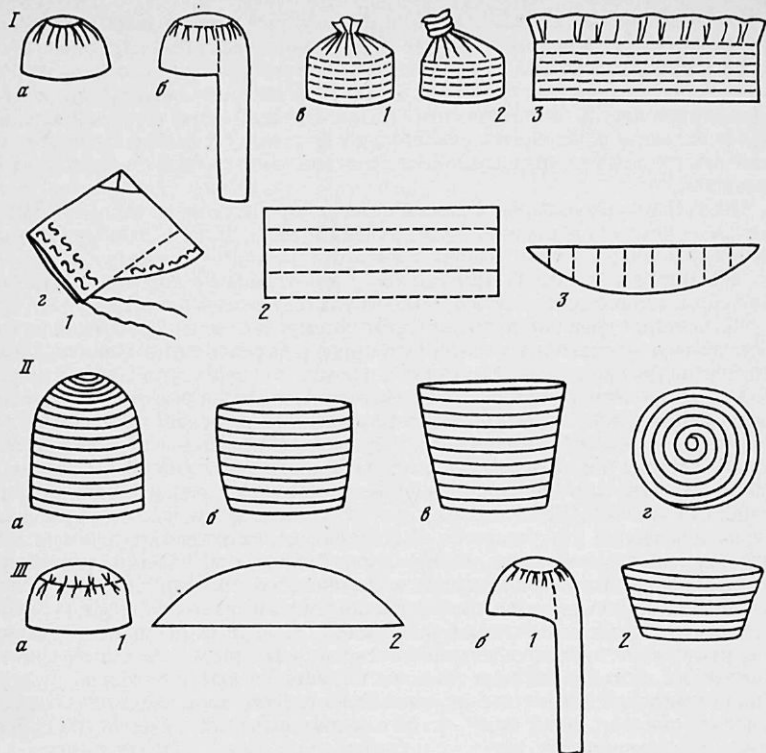

Рис. 7. Женские тюрбанообразные головные уборы:

Характер основы

I — основа мягкая: а — шапочка с полусферическим верхом — *тахья, борик*; б — полусферическая шапочка с накосником — *культе-пешек*; в — шапочка из ткани, простеганной на вате и собранной на макушке: 1, 2 — внешний вид; 3 — заготовка шапочки до присборки; г — конусовидная шапочка из сукна — *ич-толбы*: 1 — общий вид; 2 — основная часть, образующая шапочку; 3 — назатылень

II — жесткая каркасная основа: а — цилиндрическая с куполообразным верхом; б — бочкообразной формы с плоским верхом; в — расширяющаяся кверху (б, в — соединение соломенных жгутов концентрическими кругами); г — верх каркаса плоский

III — комбинированная основа: а — 1 — мягкая шапочка с полусферическим верхом; 2 — овальный твердый налобник «кокошник»; б — 1 — шапочка с накосником; 2 — твердый каркас с открытым верхом

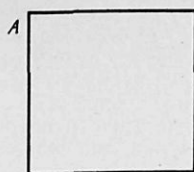
Форма тканей, способы наматывания тюрбанов

А. Тюрбаны из квадратных платков, одного или нескольких: а — 1, 2, 3, 4 — способы складывания платков в полосу и наматывание тюрбана из одного платка, концы завязываются спереди; б — из нескольких платков, концы завязываются спереди; б₁ — один из платков с бумажной прокладкой; в — платок шит обручем; в₁ — манера ношения

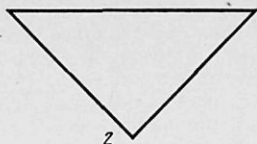
Б. Тюрбаны из двух длинных полотнищ. Способы наматывания: а — *окус*; б — *ушак*

В. Тюрбаны из треугольного платка и ткани. Способ наматывания: а — платок обтягивает каркас; б — платок наматывается вместе с полотнищем

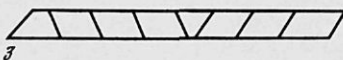
Г. Большой платок: а — сложен косынкой, набрасывается на шапочку или прямо на волосы

а
1

2

3

4

5

6

6₁

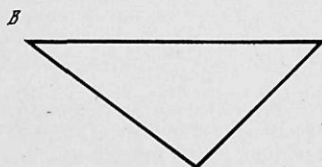

7

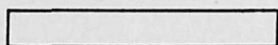
а

8

9

а

11

12

С девичьим головным убором — тюбетейкой с серебряным наверху с подвесками и перьями туркменка расставалась во время свадьбы, когда на нее надевали особый свадебный головной убор, носимый ею недолго. Она снимала его, возвращаясь на определенное традицией время в дом родителей (*кайтарма*). Там она носила обычный женский головной убор, который было принято носить в данной этнической или локальной группе. Когда истекал срок *кайтармы* и молодая уезжала в дом мужа, она снова надевала свадебный головной убор и носила его в течение года или до рождения первого ребенка, у некоторых групп туркмен — вообще до рождения детей — одного, двух. В свадебном головном уборе невестка (*гелин*) в этот период ходила в гости, посещала родных, надевала его в торжественных случаях.

Свадебные головные уборы туркменок всегда были высокими, на твердом каркасе или кошемной основе. Каркасы делались из жгутов соломы и травы, обернутых тканью, из проклеенных тестом кусков ткани, из кожи и картона и других твердых материалов. У северных и западных иомутов свадебным головным убором была *хасаба* или *хасава*, состоящая из высокого (30 см и выше), расширявшегося кверху каркаса. Остов ее имел вид слегка сплющенного цилиндра, сделанного из нескольких слоев ткани, густо склеенных тестом. Верхняя расширяющаяся часть (до 35 см) была сплетена кольцеобразно из жгутов травы, обернутых тканью, и имела форму овальной корзины. Каркас покрывался красной шелковой тканью, сзади и спереди нашивались полосы черного или синего плиса или бархата, со сплошными рядами нашитых же серебряных и золотых штампованных бляшек квадратной, круглой формы, сердоликов в серебряной оправе, всевозможных подвесок, спускавшихся на лоб. По бокам головного убора спускались массивные длинные подвески из серебряных цепочек, заканчивавшихся наверху большими фигурными пластинками, часто в виде стилизованных женских фигур, называемых туркменами *адамлык*. На *хасабу* накрывалось шелковое покрывало из красного шелка или накидка в виде халата из зеленого шелка (*пуренжек*), который по покрою был аналогичен халату, но шился без подкладки, имел деформированные, очень длинные и узкие рукава, скреплявшиеся на спине цепочкой. Широкий и длинный воротник *пуренджека* всегда украшался вышивкой в виде ветки со стилизованными листьями и цветами, как и в *курте* — легкой праздничной одежде женщин. Вдоль вертикальных швов халат-накидка украшался полосками красного шелка или сукна с нашитыми на них мелкими продолговатыми серебряными бляшками. На спине от подола до воротника такими же полосками часто изображалось дерево или куст с пятью-шестью отходящими в стороны ветками.

Хасаба туркменок известна по многим литературным источникам⁵³ начиная с первой четверти XIX в. по фотоиллюстративному материалу начала XX в.⁵⁴, по воспоминаниям старых женщин⁵⁵ как свадебный, торжественный, очень дорогой, украшенный золотом и серебром тяжелый головной убор, от ношения которого болела голова. Убранная червонным золотом *хасаба* была доступна только невестам очень богатых родителей, в менее состоятельных кругах их украшали серебром и медными позолоченными бляшками и пластинками. В начале XX в. бедные родители не делали для дочерей *хасабу*, а одалживали на свадьбу у тех в ауле, кто ее имел⁵⁶.

Мы уже высказывали мнение, что в *хасабе* — свадебном головном уборе иомуток — прослеживаются черты древнего ритуального головного убора, связанного с культом богини плодородия, ее почитания, широко бытовавшем в древности у народов Средней Азии⁵⁷. *Хасабой* называются и праздничные свадебные головные уборы некоторых этнических групп Средней Амударьи (оламы, эски), каркасы которых сплетены из жгутов соломы. Они расширяются к открытому верху, также богато украшаются серебром и золотом в виде пластин и бляшек, всевозможных подвесок, цветным бисером (*монжук*) и камнями⁵⁸.

Свадебные головные уборы текинок, салырок, сарычек и др. под другими названиями также были каркасными, с полусферической формы верхом или расширявшиеся кверху, сплетенные из соломы и травы. Такие каркасы обтягивались красной или зеленой шелковой тканью — платком, концы которого спускались на спину. Спереди *борик* (у текинцев) и *топбы* (у сарыков) богато украшались массивными серебряными пластинами, выгнутыми по форме головного убора, фигурными пластинками и бляшками с сердоликами, подвесками и цепочками. Об этом свидетельствуют авторы, описывавшие праздники и свадебные торжества у текинцев второй половины XIX в. По словам этих авторов, высокие головные уборы, украшенные золотом и серебром, подобны тиаре, а прикрепленные наверху серебряные шарики и остроконечные пластины делали их похожими на корону⁵⁹. У текинок поверх тиарообразного свадебного и праздничного головного убора молодых женщин набрасывалась накидка-халат зеленого цвета с ложными рукавами, сплошь расшитая разноцветным шелком растительным узором. Так же, как и иомутская *хасаба*, *борик* текинок и салырок, *топбы* сарычек носились после возвращения невесты (*гелин*) из *кайтармы* в дом мужа до рождения первого ребенка, затем заменялись женским убором, состоящим обычно из мягкой шапочки с навернутыми на нее платками и шарфами.

В конце XIX — начале XX в. высокие свадебные головные уборы текинок, салырок и сарычек и других (кроме иомутов) становятся повседневными в costume молодых и среднего возраста женщин и носят ими без соблюдения прежних обычаев. Низкие головные уборы с мягкой шапочкой остаются только у старых женщин.

После присоединения к России в Туркмении стали интенсивно развиваться товарно-денежные отношения, особенно в связи с развитием ковроделия. Менялся быт, менялись традиции. По материалам О. А. Сухаревой, в конце XIX — начале XX в. происходит изменение и в определении возраста молодухи (*гелин*)^{60–61}, в этот период отодвигаются, в силу экономических и социальных причин, сроки выплаты калыма и возвращения молодой в дом мужа; за это время рождается двое-трое детей, и ношение свадебного убора продлевается, затем становится привычным и повседневным. Это общий процесс, характерный для всех этнических и локальных групп туркмен.

Все разнообразные женские головные уборы, встречаемые у различных групп туркмен, можно подразделить следующим образом: 1. Состоящие из одного платка, набрасываемого косынкой на мягкие шапочки или прямо на волосы; 2. Так называемые тюрбанообразные или чалмообразные головные уборы; 3. Шапки из войлока или стеганные на вате.

Первый тип головных уборов не имел широкого распространения и локализовался в небольшом районе на территории среднего течения Амударьи. Третий тип головных уборов носил сезонный характер и бытовал на севере Туркмении и у некоторых мелких этнических групп восточного побережья Каспийского моря. Их бытование мы отражаем на карте комплексов головных уборов. Но основным, самым распространенным типом повседневного женского головного убора был так называемый тюрбанообразный, имевший много специфических различий по составу, по способам наматывания тюрбана, по манере ношения и украшению. Эти отличия соответствовали этническим, локальным особенностям, культурным традициям туркмен, отражали также семейное положение женщины и ее возраст, поэтому на них мы остановимся более подробно.

Эти головные уборы, сложные по конструкции, состояли из нескольких элементов: основы под тюрбан, которая могла быть легкой шапочкой или твердым каркасом различной формы и размеров, ткани в виде длинных полотнищ или платков, наматываемых на основу различными способами, чем и определялась сама конструкция и манера ношения головного убора; и, наконец, украшений головного убора из серебра, золота, камней и вышивки.

В повседневном тюрбанообразном головном уборе туркменок в ранние периоды XIX в. основой являлись мягкие шапочки различной формы: полусферическая тюбетейка, подобная мужской, использовалась туркменами-иомутками северных и западных районов. На Средней Амударье, в южных районах, для этих целей служила полусферическая тюбетейка с наконником (*культепешек*), заимствованная у узбеков соседних с туркменами областей.

Совершенно отличной от описанных была мягкая шапочка, надеваемая под тюрбан, у чоудоров на севере Туркмении и у ходжинок, игдырок и других мелких этнических групп на восточном побережье Каспийского моря. Это — конусовидная шапочка из прямого куска красного сукна, на подкладке, сшитая одним швом, наподобие колпака (напоминающего башлык), самый верх которого загибается назад, два боковых конца образуют как бы наушники, а пришитая сзади овальная полость — назатылень. К углам головного убора прикреплялись длинные шнурочки, завязывавшиеся сзади. По-видимому, это одна из старейших форм головного убора, она аналогична форме похоронного головного убора текинок — *гыйнач*.

Гыйнач делается из куска бязи в 1,5 м длиной, имеет шлемообразную форму с одним затылочным швом, длинные концы его закрывают рот и перекрещиваются на груди. Эта шапочка, называемая у чоудоров *ичтопы* (внутренняя), у ходжинок — *ич-дерлик* (потник), напоминает традиционные казахские мужские головные уборы *тымак* и *башлык* и древний мужской головной убор малоазиатских народов⁶². Лицевая сторона *ичтопы* украшена по всей поверхности своеобразным вышитым узором типа меандр, а на лобной части и на назатыльнике — в виде широкой полосы со стилизованным растительным орнаментом.

Под тюрбанообразные головные уборы, наряду с мягкой основой, употреблялись и твердые каркасы различной формы: высокие цилиндрические (30 см и выше) с полусферической макушкой, бочкообразные, слегка расширяющиеся кверху с плоским верхом.

Каркасы делались из тех же материалов, что и *хасаба*, о чем говорилось выше. У некоторых туркмен на Средней Амударье (эрсаринцы-улугдепе, оламы, эски) основа для тюрбана была комбинированная, состояла из мягкой шапочки, стеганной на вате, или тюбетейки с накосником, на которую надевался соломенный, расширяющийся кверху каркас без верха (оламы) или овальной формы налобник — кокошник. Кокошник обертывался шелковым платком, сложенным углом, который прикладывался ко лбу поверх шапочки и концами завязывался сзади (эрсаринцы).

Тюрбанобразные головные уборы, наматываемые на мягкие шапочки, были характерны для северных районов Туркмении (у иомутов, чоудоров); для западных (у иомутов, ходжа, игдыров и других мелких этнических групп); для восточных — по среднему течению Амударьи (эрсаринцев и мелких этнических групп туркмен; для гоклен и нохурцев современного Каракалинского р-на).

Тюрбаны на твердой каркасной основе были распространены в южных, центральных и юго-восточных районах среди текинцев, салыр (Серахс) и сарыков. Тюрбаны для повседневной носки делались из хлопчатобумажных тканей, для торжественных случаев — из шелковых тканей, платков, шарфов. Но и простые и шелковые ткани у молодых женщин были ярких расцветок, в основном красных тонов, иногда — зеленого цвета.

В западных районах — у иомуток, ходжинок и др. тюрбаны составлялись из одного платка больших размеров (от 1×1 м до $1,5 \times 1,5$ м), сложенного сначала по диагонали, а затем в полосу шириной в 10—15 см. Так складываются все четырехугольные платки во всех тюрбанах. Наматывание начиналось поверх мягкой шапочки (*борик*) серединой полосы со лба на затылок и обратно (2—3 раза), концы завязывались на лбу, узел расправлялся, остатки ткани заправлялись в складки. С 1920—1930-х годов у иомутов-атабаев в платок для твердости стали подкладывать полосу бумаги, узел спереди получался большой и плоский. У иомутов-джафарбаев и игдыров полоса из платка не наматывалась, а сшивалась в мягкий обруч и в таком виде надевалась на голову.

Ходжинки на Мангышлаке и в бывшем Красноводском уезде делали тюрбаны из очень большого шелкового платка (*тирме*), который, обводя вокруг шапочки *ич-дерлик* несколько раз, завязывали узлом сзади, а концы перебрасывали на грудь.

Туркмены мелких этнических групп на Средней Амударье (саяк, сакар, эски, хыдырлы и др.) наматывали свои тюрбаны на полусферическую тюбетейку или шапочку с накосником из нескольких платков (от четырех до шести штук) средних размеров, каждый последующий платок они располагали чуть выше другого, концы их узлом завязывали спереди. В XX в. в один из платков здесь прокладывали для твердости слой толстой бумаги.

В северных районах Туркмении среди иомутов делали тюрбаны из двух длинных полотнищ ткани — одно 3 м длиной, другое короче — 2,5 м, при равной ширине ткани. Цвет обоих полотнищ — красный, розовый с цветами, а качество зависело от назначения головного убора: праздничный делал из шелковых тканей, будничный — из хлопчатобумажных. До настоящего времени существуют два способа наматывания тюрбана из длинных полотнищ, которые соответствуют двум подразделениям северных

иомутов — окус и ушак. У первых длинное полотнище (3 м) *орощак* набрасывают на тубетейку, туго обтягивая ее и закрепляя сзади; левый конец, более короткий, свободно спускается по спине, правый (длинный) проводится под подбородком, ложится складками на грудь и служит *яшмаком*. Самый конец его аккуратно складывается по длине в узкую полосу, один раз обводится вокруг головы и закрепляется слева в складках. Второе, более короткое полотнище — *даны* — складывается во всю длину в полосу 10—12 см шириной и наматывается поверх первого полотнища вокруг головы, слева направо, ряд на ряд и закрепляется на затылке.

Второй способ наматывания (ушакский) отличается от первого тем, что второе полотнище не складывается в полосу ровными складками, а свободно накручивается, подобно чалме, слева направо и справа налево с небольшим наклоном вперед⁶³.

Текинки всех оазисов, гокленки Кара-Калы, салырки Серахса, сарычки Иолотани и Тахта-Базара наматывали тюрбан из большого треугольного платка, сшитого из нескольких узких полос шелковой ткани домашнего производства или из фабричных тканей. Платком обтягивался жесткий каркас головного убора и закреплялся сзади тесемкой или шнурком. Левый и средний концы его свободно спускались по спине, а правый обматывался один раз вокруг головного убора, спускался под подбородком справа на грудь и служил *яшмаком*. Поверх треугольного платка в средней части наматывалось еще и прямое полотнище или полоса ткани с нашитыми на нее серебряными украшениями, концы завязывались сзади и спускались за спину.

У сарыков поверх платка на среднюю часть каркаса наматывалось по две-три прямых цветных полосы или полотнища.

Аналогии тюрбанообразным или чалмообразным головным уборам туркменок можно увидеть в головных уборах многих народов Средней Азии и Казахстана (у казахов, киргизов, каракалпачек, узбечек и др.). В то же время в них нельзя не увидеть и некоторые архаические черты, характерные для народов, когда-то населявших Среднюю Азию. На дошедших до нас женских терракотовых фигурках кушанского времени (первых веков нашей эры) изображены простые и сложные чалмообразные головные уборы⁶⁴, напоминающие головные уборы замужних иомуток западных и северных районов Туркмении конца XIX — начала XX в. Особенно близкое сходство между головным убором кушанского времени и головным убором и прической западных иомуток наблюдается в том его варианте, когда сложенный в полосу платок обводился вокруг головы, а концы его завязывались большим узлом на лбу. Волосы из височных прядей, свитые жгутом, опускаются кольцом под ушами, обрамляют лицо и напоминают прическу на некоторых статуэтках. Эти аналогии с древними женскими головными username дают возможность говорить об общих этногенетических корнях туркмен с древним населением Средней Азии.

Однако не везде головные уборы были сложными. В некоторых районах, например на юге Средней Амударьи, головные уборы были простыми и состояли из одного платка (*хатабы*).

В холодное время года на западе Туркмении пожилые туркменки-игдырки, а в северных районах молодые женщины и девушки-чоудорки и иомутки носили шапки с наушниками — *гулакчин*. У пожилых игдырок

они состояли из кошечной или стечанной на вате основы куполообразной формы и красного суконного чехла, надеваемого сверху, богато украшенного вышивкой. У чоудорок основа *гулакчин* была стечанная на вате, а лицевая поверхность покрывалась красным сукном или шелком. *Гулакчин* молодых чоудорок и иомуток богато украшался серебряными бляшками, монетами и серебряным навершием — *гупба*⁶⁵.

Комплексы женских головных уборов со всеми их частями у туркмен различных этнолокальных групп назывались по-разному. Наименование их соответствовало либо названию отдельных его частей, либо украшений или способу устройства и конструкции: каркасный головной убор у текинок и салырок назывался *борик*, у сарыков — *топба*, это соответствовало названию самой каркасной основы (из соломы, травы и др. материалов). Головной убор многих западных туркменок *алынданы* получил наименование от большого платка, сложенного в полосу, из которого наматывали тюрбан на мягкую шапочку. Северные иомуты именуют свой головной убор — *уромак* — по названию одного из длинных полотнищ, наматываемого тюрбаном на мягкую шапочку. Название головного убора у эрсаринок среднего течения Амударьи — *богмак* — получилось от глагола *богнамак* — завязать, крепко связать. У нохурцев головной убор носит название *чанне* по аналогии с серебряным налобным украшением в виде прорезных фигурных пластинок и ленты с нашитыми серебряными пластинками, проходящими под подбородком. У гокленок и салырок головной убор *дастар* назывался по одному из кусков ткани, наматывавшихся на твердый каркас или мягкую шапочку и служивший также лицевой, нагрудной занавеской. Хатабы, мукры на среднем течении Амударьи носят головной убор под названием *карс*. Также именуется платок, входящий в его состав. У многих мелких этнических групп в северных районах среднего течения Амударьи женский головной убор назывался *лечек*; так же назывался и один из платков или полотенец в его составе, служащий лицевой занавеской.

Многочисленные комплексы женских головных уборов, несмотря на их видимое разнообразие, могут быть сгруппированы по следующим признакам: 1) Ношение их с лицевыми занавесками; 2) С головными накидками-халатами или платками; 3) Ношение их с серебряными украшениями и вышивкой.

Большинство туркменок носили головные уборы с закрывающими нижнюю часть лица занавесками, имеющими разные названия. Эта традиция связана со старинным обычаем избегания женщиной родни мужа по мужской линии. Позднее лицевая занавеска стала вообще символом приниженного, неравноправного положения женщин в семье и обществе.

Яшмаком у текинок, нохурок, гокленок, у северных и западных иомуток служили концы платков или полотнищ, из которых наматывался тюрбан. Концы платков или полотнищ с левой или правой стороны проходили под подбородком, ложились на грудь складками и, когда требовалось, женщина закрывала ими нижнюю часть лица.

У многих групп туркмен делались специальные занавески, входившие также в состав головного убора. К ним относятся *эски* и *дастар* у салырок, сарычек, ходжинок, эрсаринок; *лечек* — у мелких этнических групп северных районов Средней Амударьи: у эски, саят, сакар и др. Они делались из отрезков ткани или специально вытканых шарфов длиной от 1,5 до 3 м,

в ширину самой ткани. Концы ткани сшивались, образуя большую петлю или муфту. Молодые женщины делали *эсги* и *дастар* из красных шелковых и полшелковых тканей, женщины среднего возраста — из желтой ткани, старые — из белой. Но у многих этнических и локальных групп цвета *эсги* и *дастар* менялись. Так, у ходжи и салыров для молодых женщин был традиционным желтый цвет *сары-эсги*; *лечек* белого цвета был характерен для молодых женщин некоторых групп туркмен по Средней Амударье.

Носили *эсги* и *дастар* также по-разному. У салыров *дастар* желтого цвета надевался молодой на второй день после свадьбы и носился постоянно. Его клали под подбородком, серединой, где был шов, обводили по обе стороны лица, перекрещивали на голове и петлей спускали на спину, поверх него наматывали тюрбан. Таким же образом носился *эсги* ходжинок. Если у женщины женился сын или выходила замуж дочь, она заменяла желтый *дастар* на белый, хотя по возрасту она могла еще носить желтый *дастар*. В этом выражалось изменение семейного положения женщины, переход ее из группы матерей в группу бабушек. Белый *дастар* старых женщин повязывался и носился по-иному, чем у молодых. Середина его ложилась поверх шапочки на голову, концы перекрещивались под подбородком и перекидывались на спину. Таким образом, *дастар* старух уже не закрывал лица, что соответствовало возрастным нормам у туркмен. В настоящее время *гелин* (молодая) у салыров по традиции надевает *дастар* на второй день после свадьбы и носит его два-три дня, потом снимает и надевает вновь только в знак траура по близким или идя на свадьбу⁶⁶.

У сарыков *эсги* красного цвета у молодых женщин, желтого — у женщин среднего возраста и белого — у старух повязывался подобным же образом. *Эсги* эрсаринками делался иначе. Шарф или кусок ткани длиной в 2 м, шириной 60—70 см делился на три равные части по 3 гарш (четверти) в каждой. От края отмеренной $\frac{1}{3}$ части правого конца на протяжении одной четверти ткань по внутреннему краю сшивалась с противоположной стороной другого конца ткани. В этом месте вшивался кусочек хлопчатобумажной ткани размером в четверть — это *депелик*, покрывающий макушку головы. В образовавшуюся петлю (*алкым*) продевалось лицо, потом надевали мягкую шапочку и сверху наматывали несколько шелковых платков. Концы образовавшегося *эсги* спускались на спину. Длинный конец прикреплялся серебряным крючком поверх головного убора⁶⁷. Середина *эсги* закрывала грудь и плечи, обрамляя лицо и напоминая один из видов *кимешек*ов казашек. Еще большее сходство, а вернее подобие *кимешек*а у казашек, наблюдается в женском головном уборе — *борук* ставропольских туркменок-чоудорок. В его составе еще в начале XX в. сохранялся *чембер* — шлемообразное головное покрывало типа казахского *кимешек*а. *Чембер* в праздничном комплексе шился из красного шелка, украшался позументом, вышивкой и аппликацией в наспинной части, спускавшейся до пят. *Чембер* носили молодые женщины. Сверху надевали шапку куполообразной формы из красного бархата с меховой опушкой. На шапку-*борук* набрасывался *дастар* в виде большого треугольного платка из красного шелка с золотистой бахромой по краям⁶⁸.

Интересно отметить, что у чоудорок северных районов Туркмении в XIX в. такого головного убора не было.

Не только свадебные, но и повседневные головные уборы молодых женщин у многих этнических групп украшались серебряными ювелирными изделиями и вышивкой. Здесь мы остановимся на серебряных украшениях, относящихся только к головным уборам.

Изготавливали серебряные украшения местные ювелиры-*заргары*, *кумуш-уесосы*, *кумушчи* на заказ или для продажи на рынок. Наибольшей известностью в центральных и юго-восточных районах Туркмении пользовались марыйские мастера из текинцев⁶⁹. Украшения на головные уборы делались с учетом характера и формы головного убора (каркасные или мягкие, высокие или низкие). Они были налобными, височными и нагрудными. У текинцев всех оазисов налобные украшения на повседневных более ранних (XIX в.) головных уборах состояли из множества мелких штампованных бляшек разной формы и подвесок, нашитых на матерчатый налобник — *манлай* — эллипсообразной формы, который появлялся спереди на мягкий головной убор. Позднее, в связи с распространением каркасного головного убора, его заменила массивная серебряная пластина — *алынданы* или *эме*, изогнутая по форме твердого каркаса и нашивавшаяся на специальную полосу ткани, концы которой завязывались сзади; позднее пластина пришивалась к самому каркасу. *Алынданы* украшались позолотой, резным и прорезным орнаментом, вставками крупных сердоликов овальной и круглой формы, иногда по нижнему краю пластины спускались короткие подвески, удлинявшиеся на висках. Подобные же украшения носили на головных уборах сарычки и салорки. *Манлай*, подобный текинскому, из мелких бляшек, носили на головном уборе и ходжинки. *Манлай* у чоудорок, живших на территории современного Калининского р-на, состоял из узкой матерчатой полосы с нашитыми на нее в один-два ряда круглыми бляшками и опускающимися на лоб миндалевидными подвесками на цепочках, удлиняющихся у висков и закрывающих уши.

Очень своеобразно налобно-шейное украшение у нохурок, носящее название *чанне*, давшее название всему головному убору. Оно состоит из нескольких фигурных прорезных пластинок с сердоликами в центре, нашитых на одну длинную полосу ткани, которая накладывается на головной убор от виска до виска, и другую полосу с нашитыми пластинами, проходящую под подбородком и закрепляющуюся у висков.

У эрсаринок и женщин из мелких этнических групп долины среднего течения Амударьи были широко распространены *синсиле* — налобные украшения, состоящие из двух-трех рядов серебряных продолговатых орнаментированных пластинок, скрепленных цепочкой, и ряда ромбовидных подвесок внизу. По бокам его спускались подвески из двух-трех фигурных пластин антропоморфного вида, соединенных друг с другом вертикально цепочками. Кроме *синсиле*, на Средней Амударье носили головные украшения, состоящие из нескольких прямоугольных и фигурных серебряных пластинок, соединенных друг с другом подвижно, лицевая сторона их украшалась гравировкой и цветными вставками⁷⁰. У эрсаринок подвески от *синсиле* часто соединялись друг с другом под подбородком цепочкой со множеством плоских ромбовидных подвесок или лент, с нанизанным на них цветным бисером.

Туркменки носили массивные височные украшения *тенечир* в виде треугольных и фигурных пластин с цепочками и мелкими миндалевидными подвесками на концах, прикреплявшимися крючками к головному убору и свисавшими на плечи и грудь. Кроме того, многочисленные серебряные крючки, закреплявшие платки и шарфы на тюрбане, делались с серебряными пластинками и сердоликами в оправе, что являлось своего рода дополнительным украшением головного убора.

Дорогие серебряные и золотые украшения были доступны лишь женщинам из богатых семей. Рядовое население для торжественных случаев, особенно для свадеб, имело скромный набор украшений из серебра, позолоченной меди, из белого металла. Во время работы и в будние дни серебряные украшения на головных уборах закрывались платками или кусками ткани, завязываемыми узлом сзади.

У некоторых групп туркмен женские головные уборы, наряду с серебряными украшениями или вместо них, украшались вышивкой. Так, у чоудоров и ходжинок их суконные конусовидные шапочки — *ич-топбы* по всей поверхности вышивались редким узором в виде меандра, у сарычек красный суконный чехол — *солоуч*, надевавшийся на твердый каркас, также вышивался полосами мелкого геометрического и стилизованного растительного орнамента, часто с элементом в виде буквы «ж» (*гюляйды*), воспринимавшимся как оберег.

У ходжа, чоудоров, игдыров пожилые и старые женщины, которым носить серебряные украшения по возрасту не полагалось, на головной убор спереди надевали богато вышитые цветочным и геометрическим узором налобники. Они шились из нескольких слоев ткани, лицевая сторона их была из красного сукна, по бокам имелись плетеные шерстяные шнурочки для завязывания. По форме налобники представляли собой удлиненные пятиугольники, тупым углом вверх, и назывались у чоудоров *солоуч*, так же, как и вышитый чехол у сарыков, у ходжа и игдыров — *телявич*. У чоудоров центральным элементом узора налобника является *пытда* — цветок тюльпана, он характерен и для вышивки, которой украшают чоудорки свою верхнюю одежду и головной халат-*башдон*.

Вышитые налобники носили и молодые женщины из бедных семей, не имеющие серебряных украшений, или в будничном уборе.

Иомутки не носили серебряных украшений на повседневных головных уборах, но богато украшали серебром и золотом свадебные головные уборы — *хасаба*. Не украшали повседневные головные уборы серебром также чоудорки и женщины из некоторых мелких этнических групп на Средней Амударье.

Большинство туркменок при выходе из дома пользовались халатами-накидками, набрасываемыми поверх головных уборов, имеющими вид обычной верхней одежды, или специальными халатами-накидками с деформированными, очень узкими и длинными рукавами. К таким специальным накидкам относится *пуренджек*, который имел распространение у иомуток и сарычек и *чырпы* — у текинок, салырок, нохурок и др.

Пуренджек, являвшийся составной частью ритуального головного убора иомутских женщин, подробно описан нами выше. *Пуренджек* у сарыков был такой же по покрою, но шился из тяжелых тканей, красного и зеленого бархата, плюша и украшался не вышивкой, а серебряными

Рис. 8. Комплексы женских головных уборов:

А. Головные уборы, носившиеся с лицевой и нагрудной занавеской: а — яшмак из конца треугольного платка или длинного полотнища; б — способ ношения эсги в виде петли; в — способ ношения эсги в виде кимешека

Б. Головные уборы, носившиеся с накидками-халатами: а — пуренджек, чырпы

В. Платки как единственный элемент головного убора: а, б

круглыми бляшками *чапраз* и массивными серебряными пластинами с сердоликами — *чанна*, которые нашивались на его воротник и полы. Как и у иомутов, у сарыков *пуренджек* надевала в торжественных случаях *гелин* до рождения ребенка. Если же в семье появлялась более молодая невестка (женился младший брат мужа), прежняя невестка снимала *пуренджек* до срока.

У сарыков после рождения ребенка молодая надевала *елкен* — короткую, легкую, без подкладки и украшения накидку. *Елкен* носили после замужества три года, потом снимали и надевали только в знак траура по родственникам на 40 дней, по более близким — на год⁷¹.

Чырпы — халатообразные накидки носили текинцы всех оазисов, сальрыки, нохурки. Шили их из плотного или тонкого домотканого шелка темно-зеленого цвета — для молодых женщин, желтого — для пожилых и белого — для старых. Вся лицевая поверхность накидки сплошь украшалась богатой вышивкой. Такие богато украшенные *чырпы* надевались молодыми *гелин* и носились замужними женщинами как праздничные. Повседневные накидки были более скромными.

Чоудорками, ходжинками, игдырками и женщинами из других групп использовались в качестве накидок халаты, по существу являвшиеся верхней одеждой. К ним относятся *башдон*, *аялчекмен*, *чабыт* и др. Сшитые из красного сукна и бархата, они богато украшались вышивкой по полам, подолу, рукавам и воротнику в виде широких полос с цветочным стилизованным орнаментом.

Среди многообразия узоров и композиций растительного характера вышивка на *чырпы* текинок выделяется красным цветком тюльпана (*пытда*), изображаемого в разных видах и сочетаниях.

У народов Хорезма, Маргианы, Согда и других доказано существование древних культов, в которых почитание и поклонение богине плодородия занимало видное место⁷². Устойчивую традицию изображения на головных накидках туркменок цветка тюльпана, имеющего отношение к этим культам, можно отнести к древним обычаям, связанным с доисламскими верованиями народов Средней Азии.

Таким образом, как и у многих народов, апотропеический характер головных халатов-накидок туркменских женщин выступает совершенно ясно. Кроме этих древних черт, связанных с идеологическими представлениями, в головных накидках туркменок отражаются и другие древние

←

Рис. 9. Районы распространения тюрбанообразных головных уборов (характер основы, форма и способы наматывания платков и тканей) и комплексы женских головных уборов (конец XIX — начало XX в.)

Административное деление, данные по расселению различных групп туркмен в дореволюционный период, значок преобладания — см. рис. 4

Женские головные уборы (подписи см. рис. 7)

Комплексы головных уборов (подписи см. рис. 8)

Г — с украшениями: а — ювелирными; б — вышивкой

Дополнения к карте

Женский головной убор. II уезд 12, 13 — Ia, г, Аа, в; II—III уезд 11 — Ia, IIa, б, Ва; Хивинское ханство (VII) 5 — Ia, г, Аа, Га.

Комплексы головных уборов. II уезд 12, 13 — Ва, Гб, Аб, Ба; II—III уезд 11 — Аа, Б; Хивинское ханство (VII) 5 — Б, Га, б

обычай, связанные с институтом избегания невесткой мужской родни мужа (при патрилокальном расселении). Закрывание женщины здесь — явление социальное, отражающее положение женщины в семье⁷³. Позднее исламские религиозные предписания об обязательном закрывании женщины при посторонних мужчинах трансформировались в *парандже* как символе неравноправия и общественной изоляции женщин.

Теперь обратимся к описанию обуви туркменок.

У туркменок ее было гораздо меньше, чем у мужчин. Это объясняется тем, что раньше женщина больше была связана с домом и домашней работой, редко выезжала за пределы аула. Наиболее распространенными видами обуви были *кауш* — туфли без задников на высоких наборных каблуках или туфли с задниками на невысоких широких деревянных или кожаных каблуках. Конструкция этой обуви такая же, как и у мужской. Она носилась женщинами в холодное время года с шерстяными носками, была распространена в южных и центральных и западных районах Туркмении.

Туфли с задниками надевали с мягкими сапожками *меси* такого же покроя, как и мужские. У богатых людей женские *кауш* этого типа украшались серебряной проволокой и пистонами. Распространены были у чоудоров, сарыков, северных иомутов и туркмен на Средней Амударье. Мягкие выворотные сапожки без каблуков — *меси*, подобные мужским, но более тщательно отделанные, с задником из цветной кожи, больше всего носили туркменки в районах, которые соседствовали с узбеками — в северных районах, на Средней Амударье, в районе Тахта-Базара. У сарыков, иомутов и чоудоров женщины носили высокие сапоги из красной или коричневой кожи, на высоких наборных кожаных каблуках. Выкройка и сапоги в готовом виде такие же, как и у мужчин, но подошва у них не сплошная, а с каблучками. Женские сапоги отличаются более высокими каблучками и украшением голенищ, союзок и задников тонкими ремешками серо-голубой кожи, продернутых в мелкие дырочки в виде пунктирных линий, завитков и розеток. У богатых чоудорок сапоги украшались по носкам и задникам медной проволокой, которая прошивалась полосками, кружками и завитками. Носились сапоги, независимо от времени года и погоды, как праздничные, в торжественных случаях.

Описанные нами комплексы мужской и женской одежды имели общую основу и заметные различия, которые позволяют в туркменской одежде и головных уборах выделить несколько локально-территориальных вариантов.

В Туркмении для конца XIX — начала XX в. можно говорить о четырех таких комплексах.

Западный комплекс одежды имел распространение в западных районах Туркмении от Гасан-Кули на юге до Мангышлака на севере. Этот ареал в этническом отношении был однородным. В основном его населяли иомуты и только в северных районах — от Красноводска до Кара-Богаз-Гола — вкрапливались мелкие группы эвлядских и других племен — ходжа, ших, сеид, игдыр и др.

Южный (центральный и юго-восточный) комплекс охватывает горный район (Кара-Кала), населенный гокленами, нохурцами; Ахальский, Атекский, Мургабский оазисы с основным текинским населением, а также

Серахский, Пендинский и Иолотанский оазисы на юго-востоке, с жившими здесь крупными этническими группами туркмен — салырами и сарыками.

Восточный комплекс распространяется на район среднего течения Амударьи, населенный эрсаринцами — самой большой этнической группой этой территории и многими мелкими этническими и локальными группами туркмен — олам, хатаб, мукры, саятлы, эски, хыдыр-эли и др., живущими попеременно с эрсаринцами.

Северный комплекс охватывает территорию современной Ташаузской области, где основным населением были иомуты (байрам-шали) и чоудоры.

Западный комплекс. Для мужской одежды (иомуты) этого комплекса характерно довольно широкое бытование верхней легкой одежды приталенного типа, особенно в прибрежных районах, известной у них под названием *курт бичим* (иранский, курдский фасон, покроя).

В холодное время года мужчины наряду с овчинными шубами — *ичмек* носили длинную распахнутую одежду из сукна — *сердари* (подобно русской поддевке). Эти виды одежды свидетельствуют о заимствовании туркменами некоторых видов одежды у жителей Ирана. Но традиционная общетуркменская верхняя одежда — халаты, особенно легкие из шелковой и полущелковой полосатой красной материи, в этом регионе, как и в других районах, была также общепринятой в праздничном комплексе. В мужских головных уборах имел значительное распространение тип низких, меховых широких шапок с плоской макушкой из ткани.

В женской одежде нужно отметить некоторые особенности в платье, которое шилось короче, уже, чем платье в других районах, казавшееся слегка приталенным благодаря большой ромбовидной ластовице. Слегка «приталенные» и более узкие, как у иомуток, платья носили и гокленки. В верхней легкой женской одежде здесь, как и в мужской, преобладал «приталенный» тип покроя (*курт бичим*) — *чабыт*, который обильно украшали серебряными штампованными бляшками различной формы, бубенчиками и подвесками на цепочках — по подолу, полам, разрезам на боках, по рукавам.

Повседневные женские головные уборы здесь были на мягкой основе, тюрбаны наматывались из одного платка и носились без серебряных украшений. Зато свадебный головной убор (*хасаба*) украшали большим количеством золотых и серебряных пластин, бляшек, длинных подвесок.

Хасаба западных и северных иомуток аналогичны.

Мужская одежда туркмен, живших в районах севернее Краснодарска (ходжа, сеид, ших, игдыр и др.), входила в этот западный комплекс. Но женская верхняя праздничная одежда существенно отличалась: здесь преобладали преимущественно широкие халаты покроя кимоно, сшитые из тонкого красного сукна. Подобные халаты (*чекмен*) носили и чоудорские женщины.

Здесь же раньше девушки и молодые женщины носили нераспахнутую глухую длинную теплую одежду из красного шелка, стеганную на тонком слое ваты (*курте*). Подобного типа одежда не встречалась у других групп туркмен.

Тюрбаны в составе женского головного убора наматывались у некоторых групп (у ходжинок) на особую конусовидную шапочку с назатыльником (*ичдерлик*). Подобную шапочку под названием *ич-топбы* носили и чоудорки в северных районах Туркмении.

Как видим, некоторые элементы женского костюма и головных уборов этих районов, входившие в западный комплекс, имеют аналогии у чоудорок, костюм которых относится к северному комплексу.

Южный (центральный, юго-восточный) комплекс. Характерными чертами в мужской и женской нательной и верхней плечевой одежде являются широкие, просторные, туникообразные формы.

Отделка и украшение нижних и верхних штанов у сарыков и салыров юго-восточных районов несколько отличалась от отделки штанов у других групп туркмен.

Манера украшения нижних штанов у сарыков одинакова с таковой у западных иомутов, у которых молодые мужчины носили праздничные красные шелковые штаны с широкой полосой разноцветной вышивки по низу, украшение же верхних штанов у сарыков и салыр одинаково с гокленской манерой.

Мужские головные уборы этого комплекса — высокие шапки с полусферической, куполообразной макушкой.

В женской верхней легкой одежде этого комплекса, несмотря на ее однотипность, существовало большое разнообразие в деталях покроя и особенно в отделке и украшении, что дает возможность выделить наиболее характерные варианты для этого комплекса.

Распространенными видами верхней одежды здесь были *чабыт* и *курте*, у которых боковины треугольной или подтреугольной формы дополнялись узкими вставками под мышками (*санджак*). Такая конструкция боковины придавала *курте* видимость приталенной одежды и не встречалась в других районах.

Выделяется *чабыт* из красных и желтых узкополосатых шелковых тканей с вертикальными разрезами (*голдагы*) для рук на груди. Эта деталь создавала как бы иной вид одежды — с откидными рукавами, так как при продевании рук в эти разрезы рукава откидывали на спину. Этот вид одежды бытовал и у северных иомутов.

В женских головных уборах этого комплекса тюрбаны молодых женщин состояли из больших треугольных платков и длинных полотнищ, которые наматывались на твердые каркасы разных форм — высокие и низкие, с полусферическим или плоским верхом. Женские головные уборы здесь богато украшались серебряными пластинами, бляшками и подвесками, кроме головных уборов гокленок, очень скромно украшенных серебряными бляшками.

Лицевой занавеской — *яшмаком* у текинок является правый конец платка-тюрбана. У гокленок нужно отметить существование еще в конце XIX в. своеобразного девичьего головного убора — *тахья* в виде высокого колпака. Аналогии этой шапочке встречены у прибрежных иомутов, у которых она называлась *отого-борик*. Обе эти девичьи шапочки одинаковы по форме со старинным мужским головным убором — *тахья* или *чомонай-тахья*, бытовавшим в XIX в. у туркмен северных районов — иомутов, чоудоров и у игдыров.

Восточный комплекс. В мужской и женской одежде этого комплекса, особенно у мелких групп, значительно узбекское влияние. Мужчины северных районов этого региона часто носили распахнутую рубаху (*ектай*); широкие ватные халаты, сшитые из ярких с цветами хлопчатобумажных тканей — ситца, сатина; меховые шапки (*човре*) с полусферической макушкой и большим объемным околышем; *меси* — мягкие кожаные сапожки с кожаными или резиновыми галошами.

Женские платья-рубахи были широкие и свободные, штаны шились из однотонной ткани, широкими внизу, собранными в сборку, как у узбеков.

Тюрбаны головных уборов из нескольких разноцветных квадратных платков, завязывавшихся спереди, наматывались на мягкие шапочки, сшитые на вате; в некоторых группах (оламы) — на шапочку с наконником, как у узбеков. Носили головные уборы с лицевой занавеской (*лечек*).

У эрсаринок основой головного убора являлись одновременно и мягкая шапочка и твердый каркас, на которые наматывалось также несколько платков. У эрсари головной убор носили с закрывающей грудь занавеской под названием *эсги*, как и у сарычек и ходжинок, но похожей на *кимешек* казашек.

Северный комплекс. Нательная и верхняя плечевая одежда, как мужская, так и женская, в основе своей — туникообразного покроя. С XX в. сюда начинает проникать выкройная верхняя одежда типа камзола, заимствованная у соседних народов — каракалпаков и казахов.

В мужских головных уборах — меховых шапках — преобладает тип низких широких шапок с круглым верхом, похожих на каракалпакские и узбекские.

Женские тюрбанообразные головные уборы иомуток состояли из мягких шапочек и намотанных поверх длинных полотнищ, конец одного из них служил *яшмаком*.

Особенностью и отличием чоудорского головного убора от иомутского является то, что основой его является не круглая тибетейка, а особая, конусовидной формы шапочка *ич-топбы*, на которую надевается войлочная или стеганая на вате круглая шапка — *топбы*, чехол последней сплошь украшался вышивкой. *Ич-топбы* аналогична шапочке ходжинок *ич-дерлик*.

В настоящее время традиционная одежда больше всего сохраняется у людей старшего поколения, но и в ней очень много новых черт.

В современных условиях повсеместно во всей мужской и женской одежде происходит двоякий процесс — сближение старых форм одежды с городскими и замена их новыми видами одежды, процесс известной унификации, сближения и стирания локальных различий и сложение общетуркменской национальной одежды.

- ¹ Описание экспонатов коллекций МАЭ № 4020, собранных М. А. Изаксоном.
- ² См.: *Русайкина С. П.* Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР // СЭС. 1959. Вып. II. С. 156.
- ³ Научное описание экспонатов коллекции МАЭ № 4020—8, собранной М. А. Изаксоном.
- ⁴ *Овезов Д. М.* Население долины Сумбара и среднего течения Чандыра. Ашхабад, 1976. С. 135—136.
- ⁵ По материалам Д. Г. Иомудской (см. описание коллекции ГМЭ, № 5040).
- ⁶ *Джикиев А.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961. С. 90—92.
- ⁷ *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинундские курганы. М.; Л., 1962.
- ⁸ См. коллекцию ГМЭ, № 6776—129.
- ⁹ *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М., 1951. С. 2.
- ¹⁰ *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1955. С. 160—161.
- ¹¹ См. описание коллекции Музея краеведения ТССР (Ашхабад).
- ¹² *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пенджинского оазиса. Ашхабад, 1962. С. 127.
- ¹³ Полевые материалы автора 1962 г., Керкинский р-н.
- ¹⁴ *Джикиев А.* Туркмены... С. 95.
- ¹⁵ *Клячков Н. А.* Персы: Этнографический очерк // СЭ, 1953. № 3. С. 102.
- ¹⁶ *Джикиев А.* Туркмены... С. 96—97.
- ¹⁷ Полевые материалы автора 1958 г., Кызыл-Атрекский р-н.
- ¹⁸ *Ниязкычиев К.* Туркмены-чоудоры. М., 1968. Автореф... канд. ист. дис. С. 15.
- ¹⁹ *Оразов А.* Материальная культура прибалханских туркмен // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965. С. 31.
- ²⁰ См. коллекцию ГМЭ, № 5040—10.
- ²¹ Полевые материалы автора 1958 г., Кызыл-Атрекский р-н.
- ²² *Джикиев А.* Туркмены... С. 94—95.
- ²³ Полевые материалы Г. П. Васильевой. 1959 г.
- ²⁴ Научное описание коллекции МАЭ, № 3113—23.
- ²⁵ См. научное описание коллекции МАЭ, № 1271—5.
- ²⁶ См.: *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву. М., 1822. Рис. в приложении.
- ²⁷ *Ибрагимов И.* Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах // Восточный сборник. 1873. Т. 98, № 910. С. 154.
- ²⁸ См. коллекцию ГМЭ, № 12—101, 102, № 187—9.
- ²⁹ *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // СЭС. 1954. Вып. I. С. 344—45.
- ³⁰ *Овезбердыев К.* Материалы... С. 131—132.
- ³¹ *Овезов Д. М.* Население... С. 140—141.
- ³² Там же. С. 140.
- ³³ См. коллекцию ГМЭ, № 22580/1, 2.
- ³⁴ *Ниязкычиев К.* Туркмены-чоудоры.
- ³⁵ Полевые материалы В. М. Салтановой.
- ³⁶ См.: *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов... С. 41; *Гаген-Торн Н. Г.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 63—75.
- ³⁷ См.: *Мукминова Р. Г.* Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 71.
- ³⁸ *Ниязкычиев К.* Туркмены-чоудоры. С. 15.
- ³⁹ См.: *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Кавказа: Атлас. (Рукопись).
- ⁴⁰ Полевые материалы Г. П. Васильевой. 1960 г.
- ⁴¹ *Пугаченкова Г. А.* К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр // Труды САГУ. 1956. Вып. XXX. С. 23.
- ⁴² Полевые материалы автора 1958 г., аул Бугдайли Гасан-Кулийского р-на.
- ⁴³ *Морозова А. С.* К этнографической характеристике районов Туркмении // Туркменоведение. 1929. № 1. С. 73.
- ⁴⁴ Полевые материалы автора 1958 г., аул Бугдайли Гасан-Кулийского р-на.
- ⁴⁵ *Джикиев А.* Туркмены... С. 95.
- ⁴⁶ См.: *Лобачева Н. П.* Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. С. 28—29; *Горелик М. Н.* Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. // Там же. С. 52—54.
- ^{47—49} *Винников Я. Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969. С. 186.
- ⁵⁰ См. научное описание экспонатов, собранных Л. Г. Иомудской в 1927 г. // ГМЭ, кол. № 5040—15.
- ⁵¹ *Аннакычиев Ш.* Современные свадебные обряды туркменских рабочих // Исследования по этнографии Туркмении. Ашхабад, 1965. С. 143; *Ибрагимов И.* Некоторые заметки... С. 148.
- ⁵² См.: *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов... Ср. удм. «такья», чуваш. «тухья», татар. «тухьяне» (с. 2).
- ⁵³ См.: *Муравьев Н. Н.* Путешествие... С. 28—29; *Карелин Г. С.* Путешествие по Каспийскому морю // Зап. ИРГО общей сер. географии. 1833. Т. X. С. 286—287; *Огородников П.* На пути в Персию и При-

- каспийские провинции ее. СПб., 1878. С. 169.
- ⁵⁴ См. фото-кол. МАЭ, № 1288 (И. И. Глушкова. 1908 г.).
- ⁵⁵ Полевые материалы Г. П. Васильевой и А. С. Морозовой.
- ⁵⁶ По материалам Иомудского С. Н.
- ⁵⁷ Морозова А. С. Головные уборы туркмен (по коллекциям Государственного музея этнографии народов СССР) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. VII. Сер. этногр. Ашхабад, 1963. С. 107—109.
- ⁵⁸ Винников Я. Р. Хозяйство... С. 199.
- ⁵⁹ Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. [Б. М.], 1873. С. 38—39.
- ⁶⁰ ⁶¹ Сухарева О. А. Древние черты... Вып. 1. С. 318—320.
- ⁶² Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 197.
- ⁶³ Полевые материалы. Г. П. Васильева. 1961 г.
- ⁶⁴ Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии. С. 23.
- ⁶⁵ Ниязклычев К. Туркмены-чоудоры. С. 16.
- ⁶⁶ Полевые материалы автора 1966 г., Серахский р-н.
- ⁶⁷ Полевые материалы автора 1962 г., Керкинский р-н // Кол. ГМЭ, № 7447—16.
- ⁶⁸ См. колл. ГМЭ, № 2857 (собрание А. М. Самойловича 1912 г.).
- ⁶⁹ Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Ашхабад, 1900. С. 75.
- ⁷⁰ Пиркулиева А. Н. Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи второй половины XIX — начала XX в. Ашхабад. 1973. С. 45—47.
- ⁷¹ Полевые материалы автора 1966 г., Тахта-Базарский р-н.
- ⁷² См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 194—201; Пугаченкова С. А. Маргианская богиня // СА. 1959. Т. XXIX/XXX. С. 132—134; Мешкерис В. А. Терракота Самаркандского музея. Л., 1962. С. 23; Пещерева Е. М. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара // Сб. в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927. С. 374.
- ⁷³ Кисляков Н. А. Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблема материнского рода // Труды VII МКАЭН. 1967. С. 6—7.

Женский костюм узбеков Хорезма

М. В. САЗОНОВА

Основной задачей данной работы является характеристика типов традиционной женской одежды хорезмских узбеков в период с конца XIX в. по сегодняшний день, когда под влиянием проникновения новых материалов, новых форм одежды, вследствие исторических перемен в жизни края начались заметные изменения в ней. В советское время интенсивность этого процесса значительно усиливается. При этом важно отметить, что основной тенденцией его является сложение элементов костюма общеузбекского типа. Это выразилось в изменении типа рубахи-платья, приближающегося к типу ташкентско-ферганской рубахи, проникновении формы ферганской тюбетейки, манере повязывания платка, появлении безрукавки и камзола, а также использовании предметов одежды фабричного производства — пальто, платков, обуви и т. д.

Для описания женской одежды хорезмских узбеков нами использованы имеющаяся литература, музейные коллекции Государственного музея этнографии народов СССР, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Ленинград) и отчасти Хивинского музея, а также материалы, собранные во время полевых исследований Североузбекского отряда (руководитель К. П. Задыхина) и Южноузбекского отряда (руководитель М. В. Сазонова) Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, возглавлявшейся С. П. Толстовым (1946—1949, 1953 гг.), дополненные материалами экспедиции Института этнографии АН СССР (Ленчасть) 1971 г.¹

Экспедиционный материал собирался в 40—70-х годах. Типологически он относится к старинным традиционным образцам одежды, многие составные части которых, например головные уборы, по нашему мнению, несут черты древности.

Женская народная одежда узбеков Хорезма имела значительные отличия от одежды других областей Узбекистана. Эти особенности выражались в определенной устойчивости ее традиционных черт, в общем сдержанном колорите цветовой гаммы, в своеобразии головных уборов. Некоторые детали отличали одежду узбеков южных и северных районов оазиса.

Традиционная одежда, бытовавшая повсеместно в конце XIX — начале XX в., в настоящее время сохраняется в несколько измененном виде у людей старшего поколения в сельских местностях и у детей младшего возраста.

В общий комплект женской одежды входило сравнительно немного предметов. Непосредственно на тело надевалась рубаша-платье — *куйнак*, *куйлак*, *гуйнак* и штаны на вздержке — *иштан*. Верхней одеждой служил халат — *ялак* или *мисак* (южн. узбеки), стеганный на тонком слое ваты, и *чапан* с редкой, пухлой стежкой (сев. узбеки). На голову накидывали *паранджу* (южн. узбеки) и *джегде* (сев. узбеки). Головным убором девушки являлась тюбетейка — *тахья* с платками или без платков, а у женщин — сложный головной убор — *лачек* (южн. узбеки) и *баш орау* (сев. узбеки).

Подробное рассмотрение материала будет вестись по отдельным видам одежды.

Рубаша-платья старого образца обычно шили в Хорезме туникообразными, цельными, широкими и длинными. Носили их как нательную и единственную одежду. Покрой ее был очень устойчив. Полотнище, равное двойной длине стана, складывалось пополам и расширялось за счет боковин по две с каждой стороны. Боковины кроились из кусков равной величины, разрезавшихся несколько наискосок, при этом более узкая сторона пришивалась кверху, а широкая — к низу стана. Скошенная сторона боковины сшивалась с кромкой стана. Рукава платья (*енг* — на юге, *дженг* — на севере) шились из поперечных кусков ткани со скосом на одном конце. Они были широкими и длинными, закрывали кисть руки. У соединения рукава с боковинами вшивалась ластовица *киштак* треугольной или четырехугольной формы из той же ткани, иногда — из другой.

Для образования ворота рубахи ткань по сгибу разрезали поперек. Второй разрез делался вертикальным и шел вдоль груди. В рубашах-платьях пожилых женщин с двух боков у шеи образовывались небольшие складки (*бурма*) за счет собирания поперечных надразов. В прежнее время выемка для шеи не выкраивалась. Со спины у внутренней стороны ворота для прочности в носке подшивалась подоплека (*астар*) длиной в 10—11 см из той же ткани, что и рубаха. Ворот и разрез оплетались в прикреп шелковой тесьмой (*джияк*), шириной примерно в 1,5 см в пять рядов петель. Рубаша-платья старых женщин оплетались *джияком* из черных шерстяных нитей. Существовало три способа закрепления тесьмы. При первом способе тесьма оплетала ворот и разрез на груди, и концы ее закреплялись у низа разреза, образуя как бы две кисти. Второй был примерно таким же, но закрепление тесьмы приходилось у ворота сзади, на спине. При этом как спереди у низа разреза, так и на спине обе части *джияка* образовывали кисточки и соединялись поперечным переплетением красных и желтых шелковых нитей. При третьем способе концы *джияка* без кисточек прикреплялись, образуя как бы петлю на спине, также с перехватом их нитками. Насколько нам позволяет судить материал, первый и третий способы, характерные для рубах пожилых женщин, были распространены в южных районах Хорезма, второй — в северных²⁻³.

У ворота рубахи со сборками пришивали завязки в виде тонких шнурков (*кур*) из белых или черных хлопковых нитей для завязывания у шеи.

Рубахи-платья девушек и молодых женщин были уже, несколько короче и не имели сборок у шеи. Девушки и молодые женщины носили *куйнак* из пестрых тканей.

В последние годы прошлого столетия рубахи-платья стали шить из пестрых ситцев, в зажиточной среде — из шелка с преобладанием красного цвета. Женщины в летах — лет за сорок предпочитали платья скромных тонов — лиловые, синие, голубые, зеленые. Пожилые и старые женщины переходили на белые платья из хлопчатобумажной ткани местного производства (*буз*) или из белого ситца с небольшими крапинками, цветами или разводами зеленого или черного цвета.

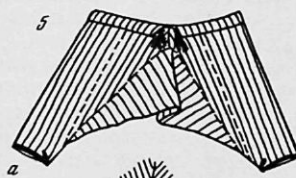
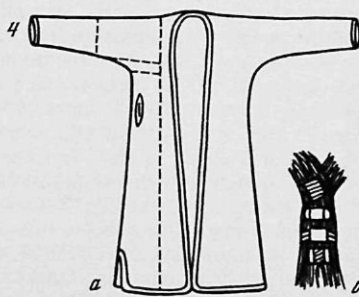
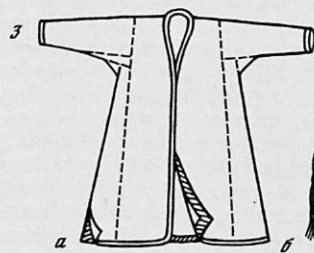
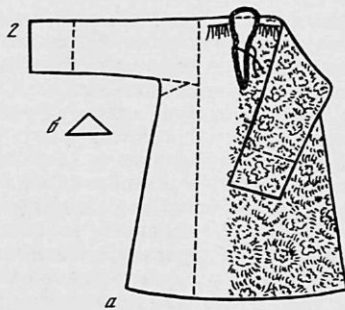
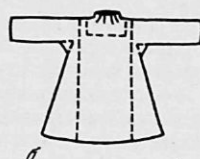
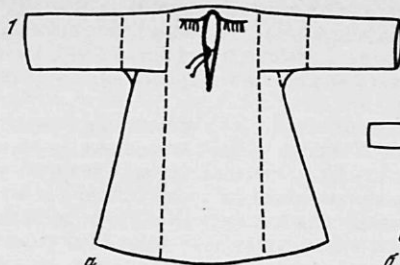
Свадебная рубаха невесты (*никох куйнак*, чаще — *турма куйнак* — шелковая рубаха) в богатых семьях шилась обычно из шелка местного производства или шелков, вытканых в Коканде, Бухаре или других шелкоткацких центрах Средней Азии, позднее — из привозного шелка типа канауса, штофа и др. Там, где средств не хватало, иногда прибегали к тому, чтобы части рубах, скрытые под халатом (спинка, остоу рукава), шились из другой, более дешевой ткани, например, из ситца, но ситец выбирали тоже узорный, с преобладанием красных тонов⁴. Также, как у таджиков верховьев Зеравшана⁵, в окрестностях Ханки свадебную рубаху *никох куйнак* шили из белого шелка с красными ластовицами⁶, при этом ластовицам приписывали свойства оберегов (*тумаров*). Два-три дня спустя после брачной ночи невестка (*келин*) отдавала свою свадебную рубаху свекрови (*каинана*)⁷.

Изменения в женской рубахе-платье в дальнейшем шли по линии замены тканей местного производства покупными тканями, проникавшими через широко разветвленную торговлю мануфактурой, привозимой из центра России. Так, участники экспедиции по исследованию старых русел Амударьи под начальством А. И. Глуховского (1876—1896 гг.), изучавшие состояние торговли ханства, отметили: «На рубашку своей жене селянин покупает всего 2—2,5 аршина длины ситца, ибо из ситца делается только перед, бока и задняя часть рубашки — матовые»⁸.

Особенно быстро следовали изменения в советское время. Уходила в прошлое прежняя замкнутость, ближе стало соприкосновение с другими районами страны, что привнесло в костюм новые формы. Рубаха-платье становилась менее широкой, делалась несколько короче, уже и короче шились рукава. У молодой части женского населения на рубахе появился стоячий воротник с пуговицами у ворота или с отложным воротником.

Рис. 10. Виды традиционной одежды:

- 1 — Рубаха-платье — *куйнак*, *куйлак*. ГМЭ 20967: а — вид спереди; б — вид сзади; в — способ закрепления тесьмы у ворота сзади; г — способ закрепления тесьмы у разреза внизу. ГМЭ 21100; д — способ закрепления тесьмы петлей без кистей
2. Рубаха-платье молодой женщины. Хивинский музей: а — общий вид, б — ластовица (*киштак*)
3. Мисак. ИЭ И 1525—15: а — общий вид; б — деталь отделки боковых разрезов у подола
4. Верхняя женская одежда. ГМЭ 21966: а — общий вид; б — образец перевязки нитками бокового разреза у подола *мисака*. Материалы южноузбекского отряда
- 5 — Штаны-*иштон*. ГМЭ 20968: а — общий вид; б — закрепление тесьмы у штанины; в — тесьма для вздержки штанов *бельбаг*. ГМЭ 20971

Платья стали шить со швом на плече, с вырезной проймой рукава, на отрезной кокетке, иногда рукав заканчивался обшлагом. Эти изменения приспосабливались главным образом в одежде молодых женщин и девушек. Старшее поколение, особенно в сельской местности, предпочитает одежду традиционных форм.

Покрой женских штанов был обычным для среднеазиатских народов, по типу близкий к покрою мужских штанов. Широкие и длинные до щиколотки штанины суживались внизу, между штанинами вставлялся клин, пришитый от пояса вдоль штанин прямо к кромке, острием вниз. Большая ромбовидная или почти квадратная вставка (мөнья) *ог*, пришитая углом кверху, расширяла штаны в шаге. Для шитья штанов (*иштон*) старинного покроя, предназначавшихся для молодых женщин и девушек, использовалась ткань местного производства, красная с белой полоской, или белого цвета — у старых женщин⁹. С начала XX в. их стали шить из ситца или сатина. На их шитье шло 3—2,5 аршина¹⁰. Тогда штаны молодых женщин и девушек делались из ситцев ярко-красного цвета с цветочным орнаментом. Женщины пожилого возраста носили штаны и рубахи более спокойных тонов, старые женщины — преимущественно из белых тканей¹¹. Нарядные штаны шились иногда и составными, т. е. на низ шла дорогая ткань, обычно шелк, местного или фабричного производства, а верх делался из дешевой хлопковой ткани (*буз*) или цветного в полоску тика. Шили их, как и всю одежду, на руках. Низ обшивался шелковой или шерстяной плетеной тесьмой (*джияк*) в семь рядов петель. Два конца тесьмы перекрещивались у шва внизу и прикреплялись красными шелковыми нитями. Отвернутый у пояса и прошитый наружу край штанов образовывал рубец для вздержки (*чармек*). В него вдвигали пояс (*иштон бог* или *ичкур*), сплетенный из хлопковых нитей (белых, красных и синих), с кисточками на концах¹². Пояс при стягивании, образовывая из штанов у бедер множество сборок, завязывался спереди узлом.

Невесте свадебные штаны шили из шелка яркой расцветки, того же покроя, что и обычные. В день свадьбы на невесту их надевали, по нашим сведениям, мать¹³, по сведениям В. Ю. Крупянской, — сноха¹⁴. В них она была в первую брачную ночь и носила их еще в течение последующих пяти дней.

При выходе из дома в гости или на праздник, особенно в холодное время года, женщины надевали стеганный на вате верхний халат — *мисак*, *ялак* (южные узбеки) или *чапон* (сев. узбеки). *Мисак* или *ялак* был одеждой туникообразного покроя. Прямое полотнище со спинки перекидывалось наперед, где оно составляло соответствующие полы. Для расширения с каждой стороны стана пришивались боковины, но без сборок под рукавом. Два клинышка (*чакча*) пришивались к низу полы, скошенной стороной к стану, благодаря чему халат имел запах. По линии сшива у боковин внизу оставлялись небольшие разрезы (*чак*). Рукава, несколько суживающиеся к кисти руки, выкраивали из поперечно сложенной ткани, с прямой невыкроенной проймой и пришивали к стану по кромке. В прежнее время рукав делался пальца на четыре выше кисти. Кроме того, под правый рукав спереди и под левый рукав сзади вшивали небольшой трапециевидный клинышек-надставку. Под рукавами вшивалась ластовица (*киштак*). Ее могло и не быть. Способ кроя рукава был подобен таджик-

скому¹⁵. На правом боку стана оставляли незашитым шов для кармана, который шивался из куска другой ткани, часто из *буз*. *Мисак* или *ялак* шили стеганым из полушелковой и лощенной ткани *алача* (основа шелковая, уток бумажный) в красную, малиновую и зеленую полоску с преобладанием красного цвета. Нарядные халаты были из шелка, но иногда — и из простой хлопчатобумажной ткани¹⁶. На стеганых халатах подкладка делалась из редкой ярко-зеленой хлопчатобумажной ткани местного производства. С конца XIX в. в качестве подкладки использовался ситец, зеленый с цветочным орнаментом или розовый.

Стежку (*хава, кавик*) делали очень мелкой и плотной, стежки следовали через 0,5—1 см, отчего халат становился жестким, трудногибким.

Ворот (без воротника), полы, подол, разрезы и рукава с внутренней стороны обшивали косо нарезанной полосой полушелковой ткани — *фаравуз* или *паравуз* (юж.) или *адып* (сев.) — и оплетали красным *джияком* вприкреп, при этом концы *джияка* у разрезов закреплялись цветными (красными, зелеными и желтыми) нитками¹⁷. Таким же *джияком* оплетался край кармана. Застежки халат не имел. Он запахивался справа налево (Хазараспский р-н) и слева направо (Хивинский и Шаватский районы)¹⁸.

Как видно из описания, женский халат *мисак* или *ялак* (по нашим сведениям, различий между ними не было) был сходен с образцами подобной женской одежды середины XIX в. из г. Ташкента¹⁹, но отличался от более поздних образцов. В Хорезме *мисак* не превратился лишь в обрядовую одежду, а бытовал и продолжал выполнять свою основную функцию верхней одежды, хотя и был связан с некоторыми обрядами. Он входил в состав свадебного комплекта одежды. В период после сватовства родственники жениха должны были подарить невесте отрезы ткани на шитье халатов. Количество отрезов и их качество зависело от состоятельности семьи жениха. Обычно дарили от двух до трех отрезов — для нарядных и обычных халатов. В богатых семьях отрезов дарили от четырех до пяти²⁰. Шили халаты родственницы невесты, подготавливая ее к свадьбе. Нарядный халат надевался на невесту в день приезда ее в дом жениха, а затем служил женщине из семьи среднего достатка в течение всей ее жизни как выходная одежда. При похоронах женщину покрывали ее *мисаком* (*ялаком*)²¹.

Халат-*чапон* у женщин северных районов Хорезма был сходен с мужским халатом, имел тот же покрой и даже воротник, материал и способ изготовления.

В последние годы XIX в. в женский костюм Хорезма проник и затем довольно широко бытовал *камзол* или *камзур* — одежда принципиально другого кроя. Наибольшее распространение он получил в северных районах Хорезма, вытеснив там *чапон*. *Камзол* кроили прилегавшим к талии, со швом на спине и на плечах, с выкроенной проймой рукава. По длине он доходил до колен, имел отложной воротник — *ека*. На горизонтально прорезанных карманах в подражание пальто стали пришивать клапаны. *Камзолы* шили чаще всего из черного сатина или сукна (*карамаут*). В последние годы большое применение для шитья камзолов имеет цветной вельвет, особенно рубчатый. Подкладку камзола также

делали из ситцев ярких расцветок — красного с зелеными разводами или цветами. На камзолах старых женщин подкладку шили из серого ситца. Застегивался камзол на пуговицы. Петли часто делались пришивными, из той же материи.

Для северных районов характерна обильная орнаментация праздничных выходных камзолов молодых женщин цветной машинной строчкой вдоль пол, у рукавов и у клапанов карманов. Камзолы надевали на платья, а также поверх жилетки. Старые женщины выпускали и выпускают из более узких рукавов камзола широкие и длинные рукава рубахи-платья, так же, как это делали прежде, одевая *мисак* или *ялак*. Камзол, по-видимому, был заимствован от узбеков центральных областей — Ташкентской и Ферганской.

В настоящее время широкое распространение получили всевозможные жакеты — в форме жакета городского костюма, вязаные жакеты, жилетки — *желетка*, *желебка* и безрукавки. Жилетки и безрукавки весьма разнообразны: от длиннополых, прилегающих к талии, имеющих форму камзола без рукавов (у пожилых и старых женщин)²² до коротких, по пояс, легких жилеток из бархата на подкладке — у девушек²³. Иногда жилетки простегивают²⁴.

До Великой Октябрьской революции и несколько лет спустя, выходя за пределы дома — на улицу, на базар, в гости и т. д., женщина была обязана надевать одежду, скрывающую ее от глаз посторонних мужчин. В городах южной части оазиса такой одеждой являлась *паранджа* (*фаранджи*) с сеткой, закрывающей лицо, — *чачван* (*гашибомд*).

Покрой паранджи Хорезма и общий ее вид характерен для паранджи и чачвана других районов Средней Азии с узбекским населением²⁵. Шили паранджу из полущелковой ткани зеленого цвета в мелкую полоску на розовой или красной с разводами подкладке из ситца, без стежки, длиной почти до земли. Паранджа надевалась поверх головного убора, поэтому так велика была ее длина²⁶. На шитье ее шел кусок ткани, содержащий примерно 4,5 м²⁷. Ложные рукава скреплялись на спине у низа тесьмой. Лицевая занавеска (*чачван*) изготовлялась из переплетений конского волоса с хлопчатобумажными нитями²⁸. Надевали паранджу молодые женщины после выхода замуж, примерно лет с 15, сменяя легкий халат девочки (*яхтай*)²⁹. В селениях паранджу носили только женщины богатых семей. Обычно женщины из семейств среднего достатка, выходя из дома, набрасывали на голову *ялак* или при встрече с посторонними мужчинами закрывали свое лицо рукавом рубахи³⁰. Паранджа вышла из употребления уже в первое десятилетие советской власти.

В северных районах Хорезмского оазиса вместо паранджи женщины при выходе из дома на головной убор накрывали легкий, сшитый из белой ткани (*буз*) халат-накидку, носивший название *джегде-жегде*. По покрою он был сходен с халатом *ялак*, но без подкладки и стежки и более короткий. Длина его не доходила до колен. Рукава кроились узкими и длинными, иногда они делались ложными и, как рукава у паранджи, скреплялись внизу тесьмой. Ворот, полы и рукава обшивались красной тесьмой — *джияк* и отделялись легкой вышивкой красными, зелеными и желтыми бумажными нитками³¹. Низ *джегде* тесьмой не обшивался. Легкая обшивка цветными нитками делалась также под мышками у ласто-

1

2

3

4

5

Головные уборы туркмен, украшавшиеся вышивкой:

1 — *солоуч* — чехол на каркасный головной убор (сарыки); 2 — *гулокчин* — чехол на теплую шапку с наушниками (игдыры, конец XIX в.); 3 — *ич-дерлик* — мягкая шапочка из ткани (ходжа); 4 — *топбы* — чехол на шапочку из кошмы (чоудоры); 5 — *телявич* — налобник, отдельно надеваемый на головной убор (игдыры)

Комплекс повседневной одежды мужчин
средних лет
Текинцы
(конец XIX — начало XX в.)

Комплекс зимней одежды мужчин
среднего возраста.
Огурджалинцы
(конец XIX — начало XX в.)

Одежда молодого мужчины.
Северные йомуты
(конец XIX — начало XX в.)

Комплекс свадебной женской одежды.
Западные йомуты
(конец XIX — начало XX в.)

Комплекс праздничной одежды
молодой женщины.
Текинцы
(конец XIX — начало XX в.)

Праздничный наряд
молодой женщины-узбечки.
Ханкинский р-н Хорезмской обл. УзССР

вицы, причем ластовицы были пятиугольной формы. У низа ластовиц пришивалась легкая бахрома. На уровне груди с двух сторон располагалась узорная тесьма с обильными кистями (по пяти в каждом из двух рядов) — *попек*, *попук* из таких же цветных ниток. По своему назначению, покрою, материалу и отделке *джегде* северных узбеков Хорезма близки подобным же накидкам *ак-жегде* каракалпаков³².

В женских головных уборах узбеков северных и южных районов Хорезма имелись значительные отличия. Но, как для женщин одной части оазиса, так и для женщин другой, головной убор был наиболее существенным элементом одежды для определения принадлежности их к соответствующей возрастной и этнической группе.

Девушки южного Хорезма до замужества носили на голове тибетейку *тахья*, или в другом произношении *тайха*³³.

Тахья имела своеобразную форму. Это была плоская круглая шапочка с широким, чуть расширяющимся кверху твердым околышем. Шили ее на подкладке, твердой, простегивали раньше с ватой, позднее — бумажной, но не типа *пильта*, а с плоской стежкой. Обычно для *тахьи* использовался черный бархат. Околыш оплетался тесьмой в полоску из красных, голубых, белых и черных шелковых крученых нитей. Концы нитей тесьмы образовывали с правой стороны султанчик (*попек*), торчавший кверху. В старинных экземплярах кисточки образуются сзади. Носили *тахью* с небольшим белым или зеленым платком. Такую шапочку девушка носила до просватанья, а затем ее сменяла *тахья* невесты (*козма тахья*), такой же формы, но сшитая из рельефного бархата³⁴. *Козма тахью* дарил ей жених. В дни свадьбы *козма тахья* сменялась головным убором невесты — *чумаكلي тахья*, которая шилась с околышем; тулья кроилась в виде круга с вырезанным сектором, благодаря чему она приобретала конусообразную форму. Изготавливали ее из шелковой ткани алача в красную и черную полоску. Старинные образцы *чумакли тахьи* достигали довольно значительной высоты, поэтому ее носили, заложив двумя складками. Околыш кроили из косой полосы той же ткани. Стежка *чумакли тахьи* делалась мягкой с легким слоем ваты. На подкладку обычно шла белая хлопчатобумажная ткань *буз*.

Чумакли тахья входила в состав одежды невесты. Надевали ее со множеством серебряных украшений. После свадьбы она являлась в течение двух-трех лет праздничным головным убором молодой женщины³⁵.

Как первый, так и второй варианты девичьих шапочек в прежнее время были широко распространены по всему Южному Хорезму. Первый вариант *тахьи* носят и в настоящее время, второй — *козма тахьи* — стал выходить из употребления с начала XX в., но встречался еще в 30-х годах. *Чумакли тахья* — старинный головной убор — ушел из быта уже в конце XIX в.

После рождения одного-двух детей молодая женщина в возрасте 20—24 лет, т. е. во втором *мурчеле* (12-летнем годовом цикле) надевала головной убор (*лачек*). Он состоял из круглой плоской высокой шапочки, сшитой из хлопчатобумажной ткани, стеганной на вате, — *тахьи*³⁶, или из высокой остроконечной шапочки, по форме близкой к шапочке невесты — *чумакли тахья* — с мягкой стежкой. В богатом доме ее шили из красной с узором парчи, у бедняков — из красного ситца. Сзади к краю

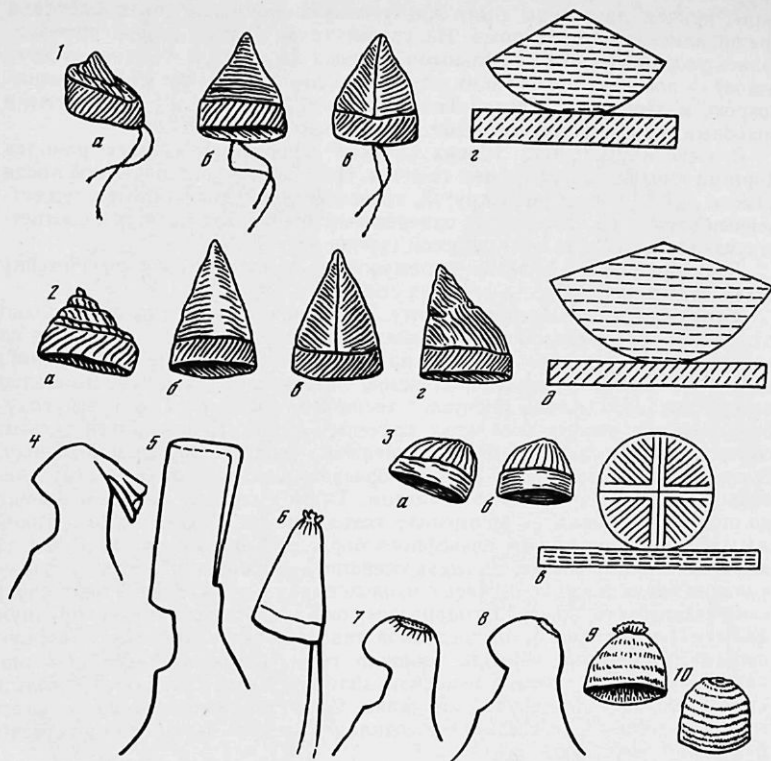
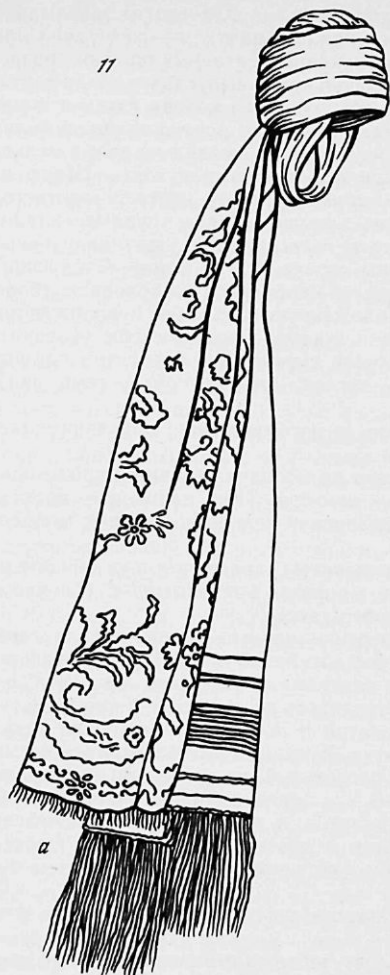

Рис. 11. Головные уборы:

1. Женская шапочка под лачек — тахья, тайха. ГМЭ 21076:
а — в сложенном виде; б — в развернутом виде спереди; в — в развернутом виде сзади; г — способ края
2. Шапочка невесты — чумакли тахья. Г. Хива, ГМЭ ОК 476:
а — в сложенном виде; б — в развернутом виде спереди; в — в развернутом виде сзади; г — в развернутом виде в профиль; д — способ края
3. Шапочка под белый лачек. ГМЭ 21077:
а — вид сбоку; б — общий вид; в — способ края
4. Головной убор (кимешек) под большой платок (баш орау). Северный Хорезм, Шуманайский район, ИЭ И 1681—781.
5. Кимешек. Шуманайский район, ИЭ.
6. Шапочка под лачек — тахья. Хазараспский район. Южноузбекский отряд, 1948.
- 7, 8. Кимешек. Кунградский район.
- 9, 10. Шапочка топли пожилой женщины под лачек. г. Хива, ГМЭ ОК 468а.
11. Лачек молодой женщины с цветными платками. г. Хива, ГМЭ т. 21077:
а — вид сбоку; б — вид спереди; в — вид сзади

11

a

b

c

тахъи пришивали два шнурка (*кур*) для укрепления *лачека*, их завязывали под подбородком. Тахъя покрывалась нижним платком — *тег румал* или *тей румал*. Он делался из нескольких покупных ситцевых платков, разрезанных пополам и сшитых по ширине. Один конец выпускался сзади сантиметров на 30, другой несколько раз обкручивался поверх *тахъи* и конец его прикалывался к *тахъе* иголкой. Важной частью *лачека* являлась белая повязка (*домакча*), идущая под подбородком. Она складывалась в мелкие складки и двумя концами подкалывалась иголками к *тахъе*. Шарф из местного хорезмского шелка (*чини турма*) красного цвета с золотистой каймой и бахромой закладывался на затылке в пять крупных складок и несколько раз оборачивался вокруг *тахъи* поверх уже накрученных платков; крепился иголками, а концы спускались на спину. Следующий платок — *устлик алака* с тканым узором укреплялся на головном уборе. Под полосу из шелка — *аширма*, сложенную в складки и положенную вдоль головного убора, подкладывалась вата — *пахта*, чтобы увеличить высоту головного убора. Головной убор скреплялся сзади при помощи иголок цветной полоской парчи — *устлик*, сложенной в семь складок.

Подготовкой всех частей *лачека* и изготовлением его занималась мастерица — *уста лачекчи*.

Обряд повязывания первого *лачека* на молодую женщину происходил на большом женском празднике — *лаче-тои*. При надевании повязки *домакча* пели обрядовые песни, произносили всякие пожелания молодой женщине.

Лачек полагалось носить с украшениями, среди которых обязательными были пучки совиных перьев — *ийпар*, приколотые к головному убору с двух сторон и служившие оберегами³⁷.

После 50—55 лет, или после четвертого *мурчала*, женщине полагалось надевать *лачек*, в котором все части были из белой ткани. Платки красного цвета (*турма*) заменялись белыми платками с зелеными или голубыми полосами. Скрепление платков производилось не иголками, а шнурками — *бельвак*. Ими укрепляли первый платок и *домакчу* на шапочке *тахъа*, а затем повязывали два других платка. В этом *лачеке* полагалась косынка — *киикча* — небольшой платок, сложенный по диагонали и оборачиваемый вокруг головы, скреплявший все повязки. Вообще *лачек* старой женщины состоял из трех — пяти платков, а длина их была значительной — 2—3,5 м. В зимнее время один из платков, верхний, был шерстяной — *фута*. Форма *лачека* и способы накручивания платков различались по районам.

Так же, как в южных районах Хорезма, на севере головной убор женщины соответствует ее возрасту³⁸.

Девочки лет семи покрывали голову небольшими ситцевыми или шелковыми платками (*орамол*) белого или красного цвета, сложенными по диагонали и завязанными узлом сзади.

Девушки и молодые женщины носят обычно шелковые платки, также сложенные на угол, два конца завязывают спереди надо лбом, а один конец спускается по спине. Выходя из дома, поверх малого платка покрывают голову большим цветным платком с кистями (*орипек*), повязывая его вокруг шеи или спуская оба конца на грудь. Последний способ харак-

терен главным образом для свадебного головного убора, при этом его передний край низко спускается, прикрывая лицо невесты.

В прежнее время девушки и молодые женщины носили тибетейки *тахья*, повязывая вокруг головы платки в виде небольшой чалмы (*баш орау*), преимущественно красного цвета, из ситца или шелка. Более состоятельные приобретали для дочери шелковые шарфы (*турме, сарандоз*). Последнее время для *баш орау* молодыми женщинами используется один или два неразрезанных ситцевых платка фабричного производства и поверх цветной повязки набрасывают белый платок (*декине*).

Постепенно, с возрастом, количество платков в головном уборе женщин возрастало. Годам к 35 платок *баш орау* увеличивался до 3—3,5 м или трех—четырех неразрезанных фабричных платков. В праздничные дни при выходе в гости в состав *баш орау* входил шелковый шарф красного цвета (*турме*).

Годам к 40—45 при женитьбе старшего сына или замужестве дочери женщина переставала носить цветной *баш орау*. Она сама или старая женщина в семье надевала ей на голову белый *баш орау* со спускающимся на спину концом платка (*халака*).

Женщина в 55—60 лет надевает *лечек* из белой ткани — головной убор в виде капюшона с отверстием для лица и открытой незашитой или зашитой круглой макушкой, типа казахского *кимешека*. Передняя часть *лечека* — *тамакса* — закрывала женщине шею и плечи, концом же *халака* спускалась на спину. Этот элемент комплекта головного убора отличал головной убор женщин Северного Хорезма от Южного. Поверх *лечека* на голову старой женщины наматывалась чалма (*баш орау*), на которую шло не менее 5 м белой ткани. Форма повязывания *баш орау* различалась по районам. Так, в Кунградском и Кипчакском районах Каракалпакии тюрбан имел широкую уплощенную форму, а в Мангытском и Гурленском районах узбекской части Хорезма он был уже и выше и нередко выдвигался рогообразно вперед.

Баш орау носили с большим, сложенным треугольником платком или с халатом.

В настоящее время этот сложный головной убор с *лечekom* вышел из употребления, сохраняясь лишь у женщин лет 70 и старше, тогда как *баш орау* имеет еще большое распространение.

Женская обувь состояла из мягких сапог (*масси, махси*) с калошами (*каош, кавш*). Калоши носили и без сапог. Летом их надевали на босу ногу, а зимой — с портянками (*пайтава*), с суконными чулками (*пайпак*) или вязаными шерстяными носками (*джураб, жураб*).

Различались женские сапоги будничные и нарядные, праздничные, главным образом свадебные — *кызыл масси* (красные) или *гулли масси* — узорные сапоги.

Обычные сапоги, или *сары масси* (желтые сапоги), изготовляли из гладкой бараньей кожи, иногда выкрашенной в коричневый цвет. От подобной же обуви других областей их отличал покроем. Голенища выкраивались со швом сзади, иногда и спереди. При этом голенища с задником состояли из одного куска кожи. Подошву делали из такой же мягкой красной или коричневой кожи и прошивали выворотным швом. В месте соединения голенища с союзкой вшивался кусок кожи зеленого цвета —

Рис. 12. Способы ношения табеек-тахья и платков-орамал девушками и молодыми женщинами:

1. Тахья — табетейка.

2, 3, 6. Повязывание головы небольшим платком-орамал.

4, 5. Повязывание головы большими шальями-орипек. Кунградский, Кипчакский районы Каракалпакской АССР и Мангитский район Хорезмской области УзССР

сауры³⁹. Из такой же кожи делали вставку сзади у пятки. Тот и другой куски кожи обшивали цветными хлопчатобумажными нитками. Эти вставки, сделанные из более грубой шерсти, должны были служить для большей прочности тех частей сапога, которые больше всего подвергались износу. Вместе с тем отделка их цветными нитками (красными, зелеными и желтыми) служила украшением, придавая сапогам более нарядный вид. Край голенища делали несколько скошенным назад. У колена голенище было выше, чем сзади. По верху сапоги обшивали узкой (1,5 см) полосой фабричной ткани. Голенища шили на подкладке из ткани буз⁴⁰. Эти сапоги служили зимней обувью пожилых женщин. При выходе из дома на них надевали кожаные калоши (кави).

Второй вид женских сапог — кызыл масси — являлся свадебной обувью невест, а затем их носили они, будучи молодухами, в течение несколь-

Рис. 13. Традиционная обувь:

1. Суконные чулки-пайлак. ГМЭ 21195/1, 2; 2. а, б, в, г — калоши-кавш, кауш. ГМЭ 21164/1, 2; 3. Носки-джураб. ГМЭ 21120/1, 2; 4. а, б — сапоги-масси. ГМЭ 21199/1, 2; 5. а, б — сапоги невесты — кюнджали масси. ГМЭ 21143/1, 2; 6. а, б — сапоги невесты — кзил масси. ГМЭ 21146/1, 2

ких лет. По форме *кызыл масси* сходны с описанными выше *сары масси*. Материалом для их изготовления служили окрашенная в красный цвет мягкая кожа⁴¹ или красное сукно⁴². Их крой состоял из трех частей — голенища, головки и подошвы. Подошва делалась из мягкой черной или коричневой кожи. Ее пришивали выворотным швом. Голенища делали короткими, с подкладкой из ткани *буз* или тонкой белой кожи. У косо срезанных бортов пришивали обшивку из полос сафьяна или цветной ткани. На подъеме, в месте соединения голенищ с головкой, вшивались полоски из зеленой кожи, пришитые золочеными нитями в несколько рядов, или вшивались куски зеленой или золотистой кожи в виде шестиугольника.

Еще в начале XX в. у зажиточной части городского и сельского населения обязательной принадлежностью свадебного наряда невесты была нарядная обувь — *гулли масси*, сделанные узором из кусочков цветной кожи сапоги, и надеваемые на них калоши — *гулли кашф*. Женщины из богатых семей носили подобные сапоги постоянно. Изготовлением их занимались специальные мастера — *гуллимассидоз*⁴³. В 20-х годах нашего столетия этот вид обуви уже не бытовал, и производство его перестало существовать. Некоторые представления об этом виде обуви дают сапоги из черного бархата с традиционным узором. На смену им пришли сапоги, поставившиеся поволжскими татарами, — *кюнджули масси* или *келин масси* (сапожки невесты)⁴⁴. В отличие от *масси* местного производства, этот вид сапог имел иной покрой — шов проходил вдоль передней части голенища. Узор сапог образовывался из кусочков кожи, окрашенных

в различные цвета, сшитых на машине. Узор близок орнаменту хорезмских сапог *гулли масси*. Как видно, мастера Поволжья учитывали вкус потребителей.

В соответствии с модой начала века стали появляться также сапоги на жесткой подошве и с каблуками ⁴⁵.

Женские калоши (*кафш*, *каош*) были сходны с мужскими. Шили их из грубой бараньей кожи, обычно окрашенной черной краской ⁴⁶. Подошву делали из толстой кожи. Носок калош заострен, задник сделан невысоким. Каблук — прямой, деревянный, для прочности подбитый подковой. По краю калоши прострачивались нитками в две строчки, а на носке и запяточнике были дополнительные прострочки для украшения ⁴⁷. Иногда вместо строчки нитками на кожу калош наносили несложный орнамент в виде тиснения неглубокими вдавленными линиями — одной, идущей от мыска к носку, и четырех, отходящих от нее по обе стороны в виде елочек ⁴⁸.

Различалось несколько видов калош: из телячьей кожи русской выделки — *телатин кафш*, татарские калоши — *ногай кафш* и узорные калоши — *гулли кафш* ⁴⁹.

Как уже отмечалось, сапоги носили с портянками (*пайтава*), матерчатыми чулками (*пайпак*) или носками (*джураб*).

Портянки выкраивались в виде длинных полос белой грубой ткани. Они играли некоторую роль в свадебном обряде. В свадебную ночь невеста снимала портянки и подкладывала их на свадебное ложе, чтобы на утро показать их свекрови ⁵⁰.

Своеобразна также форма женских чулок (*пайпак*). Они почти полностью повторяли форму сапога *сары масси*. Крой чулка совпадал с кроем сапог. Шили их из теплых тканей, обычно сукна. Подошва выкраивалась из той же ткани и была шивная. Верхний край срезался косо, спереди он был выше, чем сзади. На подкладку использовали серую или белую ткань местного производства. Чтобы подкладка не сбивалась, чулок пришивали в трех местах, при этом стежку располагали параллельно верхнему краю чулка. Верхний край иногда обшивался полоской шелковой ткани ⁵¹.

В зимний сезон пожилые женщины надевали с калошами узорные вязаные шерстяные носки (*джураб*, *журоб*) работы туркмен, заимствовавших их у курдов ⁵²⁻⁵⁴. Затем стали распространяться вязаные полосатые чулки работы немцев-менонитов, живших в селении Акдербент, около г. Хивы.

В наше время как чулки *пайпак*, так и вязаные носки *джураб* вышли из употребления. Их заменили чулки и носки фабричного производства.

После смерти близкого человека женщины надевали траур. В день похорон следовало быть одетой во все белое — в белую рубаху и белый головной убор ⁵⁵. Вдова, независимо от возраста, надевала белый головной убор ⁵⁶. Траурную одежду (*аза куйнак*), так же как и у других народов Средней Азии, шили из тканей синего, зеленого и изредка белого и черного цветов ⁵⁷. При этом другие части одежды могли быть иного цвета. При трауре украшения не надевали. В течение сорока дней после смерти близкого человека в доме нельзя было ничего стирать ⁵⁸.

По истечении года траур снимался. В этот день, поминая умершего,

созывали своих близких и устраивали угощение, варили плов и другие кушанья⁵⁹. После этого можно было носить прежнюю одежду.

Так же, как в мужской одежде, традиционность формы женской одежды узбеков Хорезма была обусловлена причинами экономического, социального и идеологического порядка. Костюм, как элемент культуры, определял этническую принадлежность, социальное и семейное положение той, которая его носила.

На длительное сохранение традиционной одежды женщин влияла изолированность Хорезмского оазиса от других областей края. Сравнительно низкий уровень экономического развития способствовал использованию традиционных тканей и других материалов, шедших на изготовление одежды, хотя к концу XIX в. в их быт стали проникать материалы фабричного производства. А изолированность женщины в обществе способствовала сохранению многих архаических черт в одежде, головных уборах и украшениях.

В женской одежде узбеков Южного Хорезма следует отметить некоторые свойственные ей особенности. К характерным чертам их одежды следует отнести строгость ее расцветки: красновато-малиновый, темно-красный цвет верхней одежды (*мисак, ялак*); яркий, броский, преимущественно красный цвет одежды девушек и молодых женщин; белый цвет одежды пожилых. Своеобразны также головные уборы (*тахья, чумакли тахья, лачек*) и формы обуви.

В комплексе одежды женщин северных районов Хорезма наиболее характерным следует считать накидку-*джегде* и своеобразную форму головного убора — сочетание *лечека* с *баш орау*. Эти различия в костюме узбеков южных и северных районов Хорезма, по нашему мнению, связаны с различием их этногенеза.

Вместе с тем приведенные материалы о женской одежде узбеков Хорезма конца XIX — начала XX в. свидетельствуют о ее общности с культурой других народов Средней Азии.

¹ Сбор материалов 1971 г. по одежде узбеков проведен Л. А. Фирштейн (в дальнейшем: экспедиция 1971 г.). Материалы находятся в АИЭ (Л.), к. 1, оп. 2.

²⁻³ МАЭ. Кол. 1248—10.

⁴ Материалы Южноузбекского отряда Хорезмской экспедиции 1947 г.

⁵ См.: *Рассудова Р. Я.* Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970.

⁶ МАЭ. Кол. 1997—15.

⁷ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. С. 11, 34; *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. Л. 78.

⁸ ЦГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁹ ГМЭ. № 20968.

¹⁰ ЦГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об.

¹¹ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. Л. 67.

¹² ГМЭ. № 20971.

¹³ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. Л. 67.

¹⁴ ГМЭ. Архив. V. 31.

¹⁵ См.: *Широкова З. А.* Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе. 1970. Вып. 2. С. 124—125, 144.

¹⁶ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. Л. 35.

¹⁷ ГМЭ. № 21966.

¹⁸ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. Л. 11, 50, 100.

¹⁹ См.: *Бикжанова М. А.* Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента // Памяти М. С. Андреева. Сталинабад, 1950. С. 49. Рис. 5.

²⁰ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. Л. 103.

²¹ Там же. Л. 35.

²² Там же. 1997—49.

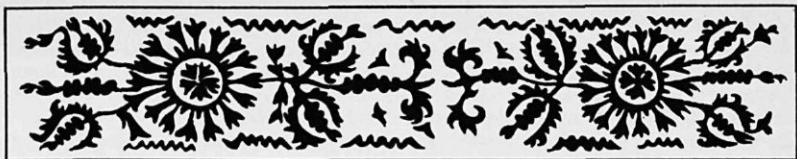
²³ Там же. 1525—23.

²⁴ Там же. Л. 100.

²⁵ Паранджи Самарканда см.: Маэ. Кол. 3310—120; 3310—121 с подробным описанием А. Л. Троицкой.

- ²⁶ Материалы Южноузбекского отряда ХЭ 1947 г.; экземпляр из Хивинского музея см. в: ГМЭ. Кол. 5216—24. Сбор В. В. Екимовой 1930 г.
- ²⁷ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. Л. 43. По другим сведениям, на шитье паранджи шло 3 куса при ширине 32 см (ГМЭ. Кол. 5216—24).
- ²⁸ ГМЭ. Кол. 5216—23. В 90-х годах XIX в. *чачван* стоил 1 р. 40 коп. (ЦИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 12. Л. 19).
- ²⁹ ГМЭ. № 21061.
- ³⁰ Материалы Южноузбекского ХЭ. 1946 г. Л. 28.
- ³¹ АИЭ (Л.). Л. 168, 522, 523, 529, 530, а также 1248—2965.
- ³² См.: *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХАЭЭ. 1952. Т. 1. С. 556. Рис. 286, в.
- ³³ Материалы Южноузбекского отряда ХЭ. 1948 г. Л. 58.
- ³⁴ АИЭ (Л.). 1997—8 а, б.
- ³⁵ *Сазонова М. В.* Украшения узбеков Хорезма // Сб. МАЭ. Л., 1970. Т. XXVI. С. 120—128; ГМЭ. Архив V. 31/4.
- ³⁶ ГМЭ. Архив V. 31/65.
- ³⁷ Там же. 31/18; ГМЭ. № 21077.
- ³⁸ Описание составлено по материалам К. Л. Задыхиной, проводившей полевые исследования в 1946—1949, 1953 гг. // АИЭ (Л.).
- ³⁹ Кожа *сауры* (*сагры*) выделялась из шкуры с крупа лошади и окрашивалась в зеленый цвет; специальная обработка делала ее поверхность шершавой.
- ⁴⁰ ГМЭ. № 21139/1, 2.
- ⁴¹ МАЭ. Кол. 1272—2, собиратель А. Н. Самойлович.
- ⁴² ГМЭ. № 21146/1, 2.
- ⁴³ Сведения об этом виде обуви приводятся по материалам В. Ю. Крупянской, собравшей их в г. Хиве во время экспедиции 1928 г. Ее информаторами были мастера-*гуллямассидозы* Джакберген и его брат Худайберген. Их отец Абдулла и дед Нурулла также были мастерами этой специальности (ГМЭ. Архив V. 31/13 а, б и кол. № 21731 — образцы заготовок).
- ⁴⁴ ГМЭ. Архив. V. 31/13 а, б.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. 31/39 а, б, а также кол. № 31/11.
- ⁴⁷ Материалы Южноузбекского отряда ХЭ. 1948 г. Хазараспский р-н, сельсовет Авшар.
- ⁴⁸ ГМЭ. Кол. № 5216, 33/1, 2.
- ⁴⁹ *Иванов П. П.* Архив хивинских ханов. Л., 1940. С. 138. По сведениям архива, видно соотношение мастеров, занятых шитьем калош в 60-е годы XIX в. в г. Хиве: мастеров, занятых изготовлением калош из русских кож — 3 человека; мастеров, изготавливающих татарские калоши — 13; мастеров, изготавливающих узорные калоши — 26 человек.
- ⁵⁰ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г.
- ⁵¹ ГМЭ. № 21125/1, 2.
- ^{52—54} По сведениям Г. П. Васильевой; ГМЭ. № 21120/1, 2.
- ⁵⁵ АИЭ (Л.). Экспедиция 1971 г. Л. 23 (Ханкинский р-н).
- ⁵⁶ Там же. Л. 30.
- ⁵⁷ Там же. Л. 104 (Шаватский р-н).
- ⁵⁸ Там же. Л. 39.
- ⁵⁹ Там же. Л. 8 (Хазараспский р-н).

**Одежда этнических групп населения
Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов.
Первая половина XX в.
(опыт сравнительной характеристики)**

Ф. Д. ЛЮШКЕВИЧ

Этническая история Бухарского и примыкающих к нему оазисов и степей развивалась в процессе многовекового смешения ирано- и тюркоязычного населения. С древнейших времен на формирование культуры местного населения значительное влияние оказывало местоположение этого района на древних торговых путях. К факторам, определившим своеобразие местной культуры, несомненно относятся и тесные контакты с ближайшим окружающим населением. Официальная статистика не в состоянии дать исторически точную картину сложного этнического состава всего этого района, так как до недавнего времени среди коренного узбекско-таджикского населения ни самоназвание, ни язык не были основными этнодифференцирующими признаками. Как показало проведенное нами на территории Бухарского оазиса исследование¹, развитие самоназваний и особенно названий определялось в значительной мере факторами культурной, социальной и политической принадлежности их носителей. Язык также был очень подвижным признаком и мог измениться на протяжении двух-трех поколений. Наиболее устойчивым этническим показателем в этих условиях остаются элементы сложившейся традиционной культуры. Одним из них является одежда². На рассматриваемой нами территории можно выделить следующие основные комплексы, условно обозначаемые нами как узбекско-таджикский (центральные районы Бухарского оазиса), казахско-каракалпакский³ (Канимехский р-н) и туркменский (район Ромитанский, Галаасия и Каракульский). Кроме того, выделяются некоторые особенности одежды отдельных этнографических групп. Причем от места происхождения, времени поселения отдельных групп на этой территории, от характера и длительности контактов зависят как степень сохранения самобытных этнических черт, так и направление дальнейшего развития костюма в целом и его отдельных элементов.

Остановимся вкратце на этнической характеристике отдельных групп, дополняя сведения переписей полевыми материалами. Центральную часть Бухарского оазиса населяет коренное узбекско-таджикское население, а также издавна живущие здесь такие этнографические группы, как среднеазиатские арабы, евреи, ирони и др. Первые арабские поселения относятся к VII—VIII вв. О еврейском населении Мавераннахр известно с X в. Значительные поселения обеих групп отмечены во времена монгольского завоевания, происходили они и в последующие века⁴. Начало формирования группы ирони относится к XVI в.⁵

В примыкающем с юго-запада Каракульском оазисе преобладающее население составляют узбеки, второе место занимают туркмены, затем арабы и таджики. Узбеки Каракульского оазиса, по материалам Я. Р. Винникова, делились на старое оседлое население — татов и сохранявших память о родоплеменном делении (дурмен, саят, калмак, мангыт, кунград, джалаир, карлук, катаган, кипчак, мир, урганжи, чагатай, багрин, баят). Переселение туркмен, главным образом подразделений салыр, баят, чандыр, хыдырлы из Чарджоуского оазиса, отмечено примерно с XVI в.⁶ В настоящее время значительная часть этих давних переселенцев осознает себя узбеками, хотя в происходящем процессе этнической интеграции и консолидации сохраняются отдельные особенности в материальной и духовной культуре⁷.

То же, по нашим материалам, относится и к сравнительно небольшой группе туркмен-кимачи (около 200 семей), предки которых переселились, по преданию, из Теджена лет 150—200 назад в Ромитанский р-н (кишлак Кокиштуван).

Значительное этническое своеобразие и четко выраженное этническое самосознание сохраняет другая группа туркмен в Галаасия (центр Бухарского оазиса). Первоначальное поселение ее в этом районе относится к 1930-м годам и связано было с началом колхозного строительства. Среди переселившихся групп основную часть составляют эрсари, баят, саят из Чарджоуского р-на (саят, карабек, керки). С туркменами этих районов до сих пор поддерживаются тесные связи, в том числе двусторонние брачные.

К северо-востоку от Бухарского оазиса расположен Канмехский р-н (ныне Навоийская обл.), где в 1925 г. создали казахско-каракалпакский автономный район. По сведениям райстатуправления Канмехского р-на, все его население составляет 30 760 человек, из них 20 268 — казахи, 6036 — каракалпаки, 2877 — узбеки, 130 — арабы, 409 — русские, примерно 40 хозяйств ирони и совсем незначительные группы других национальностей. Поселение каракалпаков на территории Бухарского оазиса относится к концу XVIII — началу XX в.⁸ Более поздними поселенцами здесь являются казахи. По словам местных старожилов, первые казахские семьи стали переселяться сюда в годы революции.

Как бы промежуточным районом между оазисным населением и степным Канмехским р-ном является Карманинский р-н, где преобладающее население составляют узбеки и сравнительно незначительную часть — казахи, каракалпаки, а также группы арабов, евреев, ирони, цыган.

Пестрота этнического состава современной Бухарской и Навоийской областей, разновременность поселения отдельных групп на этой территории и определяют своеобразие сложившихся здесь комплексов одежды.

Исследователями народов Средней Азии и Казахстана для конца XIX — начала XX в. отмечена известная общность традиционного костюма в целом, которая определяется сходным составом и едиными принципами кроя основных видов одежды. Эта общность и этническое своеобразие по-разному проявляются в мужской и женской одежде.

Мужская одежда. Общими видами мужской одежды конца XIX — начала XX в. были широкие рубахи и штаны, халаты нескольких видов, тулупы; на голове носили прилегающую по темени мягкую шапку или тюбетейку, теплые шапки различной формы; у многих групп была распространена чалма. Для выделения этнического своеобразия мы остановимся на каждом виде одежды у всех названных выше групп населения⁹.

Туникообразный покрой наплечной одежды остается преобладающим почти у всех групп населения. Некоторое исключение представляют казахи Канымехского р-на, у которых основное распространение имеет покрой с разрезным плечом, а туникообразный покрой появился под влиянием окружающего населения как вторичное явление у очень глубоких стариков, главным образом мулло и представителей группы хаджа¹⁰.

Принцип кроя и пропорции отдельных частей были примерно одинаковы для рубах и халатов на всей этой территории. На человеке они выглядят очень просторно. Отличия рубах у разных этнических групп выражаются в форме ворота и воротника: среди коренного узбекско-таджикского населения Бухарского оазиса, а также всех издавна проживающих здесь этнических групп (включая каракалпаков Канымехского района и туркмен Каракульского оазиса) характерен горизонтальный овальный выем на шее, сохраняющийся до сих пор обязательно в одежде почтенных мусульмански образованных стариков (мулло), отчего и рубахи этого типа известны под названием *муллой*. По краю ворот обшивают косой полосой ткани-*магзи* темного цвета либо готовой тесьмой, или обвязывают крючком узорной тесьмой — *джияк зех*. С изнанки вокруг ворота подшивают подплечу.

Разновидностью этого покроя и внешнего вида рубах были простеганные на вате *гуллиджубба*, в детском варианте — *гуллича*.

Совершенно другой тип оформления ворота рубахи для начала XX в. был у казахов до их переселения в Канымехский р-н. Характерен был широкий отложной воротник с завязками-*бау* у шеи. Этот вид воротника в настоящее время не сохранился¹¹. Глубокие старики носят туникообразные рубахи с небольшим отложным воротником или воротником-стойкой с нашитой на груди по центру планкой, застегивающейся у шеи на пуговицу с прорезной петлей. Также только по памяти стариков 75—80 лет восстановлен тип ворота *каргы жага*, сохранявшийся в годы их молодости у старшего поколения, в виде треугольного выема на груди, оформленного сзади стойкой, сходящей спереди на нет.

Другой вариант оформления ворота рубахи сохраняется у ахалтекинских туркмен, поселившихся в Галаасийском р-не в 1930-х годах: горизонтальный вырез ворота по размеру головы имеет на правом плече удлиненный разрез, завязывающийся у шеи на завязки. Характерно, что у других групп туркмен (эрсари, иомут), поселившихся тогда же в этом районе, преобладает овальный выем по шее, чаще всего без всякой отделки. На отдельных экземплярах ворот оплетен (часто нитками зеленого цвета).

Другим в какой-то мере этноотличительным признаком для строго определенного хронологического периода является покррой рукавов: в центральных районах Бухарского оазиса рукава, как правило, сужались к кисти, в северовосточных (казахи, каракалпаки) преобладали прямые рукава.

Часто встречаемой деталью многих рубах этого же периода является внутренний боковой карман, вшиваемый между станом и боковиной. У казахов распространен нашивной карман на груди.

Если среди казахского населения, переселившегося в Канимехский р-н, покррой с разрезным плечом и выкройной проймой широко бытовал уже в конце XIX — начале XX в., то на территории Бухарского оазиса этот покррой появляется примерно с 20-х годов XX в. С этого времени все большее распространение получают ткани фабричного производства. Это начинает постепенно влиять на покррой, так как широкие ткани определяют большую ширину стана и, соответственно, изменяется соотношение ширины стана и боковин. Наряду с проникновением нового покрроя изменяется оформление ворота. Появляется небольшой воротник-стойка, разрез по центру переда примерно до линии груди, закрытый планкой с одной или двумя прорезными петлями для пуговиц.

Рубахи общегородского фасона (с разрезным плечом, выкройной проймой и отложным воротником), по словам местных жителей, получили в центральных районах оазиса широкое распространение только после Отечественной войны, а в районах с казахским населением — гораздо раньше, примерно с начала XX в. При всеобщем распространении в настоящее время этого вида рубах отмечены случаи, когда в престарелом возрасте возвращаются к ношению рубах с овальным выемом ворота, так называемым *мулло*. При этом покррой иногда остается современный (с разрезным плечом и выкройной проймой), иногда сохраняется видимость, силуэт туникообразного покрроя, но с вырезной проймой рукава (особенно случаи, когда для стариков шьют молодые мастерицы). Так что, видимо, основным признаком традиционной мужской рубахи считается овальный выем ворота, а затем уже туникообразный покррой и связанный с ним способ пришивания рукавов. На этом можно проследить, как идет изменение традиционных признаков и какой из них остается наиболее устойчивым.

Как показывают наши материалы, внешние признаки одежды в современных условиях в большей мере, чем покррой, сохраняют основные этноотличительные черты.

Поясная одежда также может быть условно разделена на два варианта: узбекско-таджикский (включающий также местных каракалпаков, арабов, евреев, ирони) и казахско-туркменский. Различия до сих пор сохраняются как в составе костюма, так и в деталях покрроя. В первом варианте штаны-эзор шьют из той же ткани, что и рубаху. Кроют эзор широкими у талии и суженными книзу, со вставками в шаг. Место пришива мотни (*гиштак*) к штанинам определяется длиной штанов: при длине штанов до лодыжки мотня пришивается на 5—10 см отступя от конца штанины (*пойча*), а при длине до середины голени — на одном уровне с низом *пойча*. В последнем случае штанины часто кроют прямыми.

У казахов и туркмен распространено ношение в холодную погоду поверх нижних штанов *дамбал* (каз.)/*болак* (туркм.), как правило из бе-

лой или полосатой хлопчатобумажной ткани, теплых *шалбар* (каз.)/*стан* (туркм.) из плотной ткани. В прошлом их шили из замши, кожи, сейчас — часто из вельвета.

Верхние штаны обычно и шире и длинее нижних. Шьют их на подкладке с прокладкой из верблюжьей шерсти. Не простроченной остается мотня. В прошлом штаны закрепляли на вздержке в виде плетеного пояса.

В верхней наплечной одежде основным и всеобщим типом является халат туникообразного покроя. Внутри него выделяются три подтипа, в разных вариантах сосуществующие: 1) стеганный на вате; 2) без стежки (на подкладке и без нее); 3) из домотканого сукна из верблюжьей шерсти. Первые два типа в прошлом шили из кустарных, главным образом хлопчатобумажных, полушелковых и шелковых тканей. Качество и ценность ткани определяли социальную принадлежность хозяина¹². Внутри каждой социальной группы отличительным возрастным признаком была расцветка. В качестве этнолокального различителя вступали некоторые детали покроя и общая цветовая гамма.

В обозначенном нами узбекско-таджикском комплексе одежды стеганный на вате халат *чапон/тун/джома*¹³ кроится по тому же принципу, что и рубаша. Разница в том, что стан *буй/кад* спереди разрезается и расширяется как за счет трапецевидной формы боковин (с таким же, как в рубашках, соотношением верхнего и нижнего оснований 1:2), так и за счет передних клиньев (*чалгай*), пришиваемых к полам для запяха. Широкий вырез ворота обшивается прострачиваемой планкой, доходящей до линии груди и заподлицо пришиваемой к передним клиньям. У концов воротника на уровне груди прикрепляют завязки-*бау* из той же ткани, при чтении молитвы их завязывают. В одной из боковин, чаще всего правой, делают прорезной вертикальный карман (*киса*), внизу обеих боковин — разрезы (*чок*). Ворот, полы, подол, боковые разрезы и концы рукавов оплетаются тесьмой или обшиваются узкой полосой материи. Простегивается халат крупными стежками вдоль точи, рукава таким образом выстрочены поперек. Стежка пухлая, примерно через 4—6 см. Подкладкой (*астар*) обычно служит ситец, часто набивной.

Этот вид халата до сих пор широко бытует у всех возрастных групп.

По расцветке различаются халаты, предназначенные для молодежи, сшитые из кустарной полушелковой полосатой ткани-*алоча*, в которой преобладают красные, синие, зеленые, желтые, черные и белые полосы различной ширины, расположенные примерно в перечисленном порядке и создающие сине-зелено-красный тон. По длине халаты доходят до колен. Первые *алоча* готовя мальчику к *суннат-тоу* (мусульманскому обряду обрезания), затем — к свадьбе. После свадьбы они служат теплой домашней одеждой. Эти же халаты являются траурной одеждой для молодых мужчин из близких родственников умершего. Стойко сохраняющаяся ритуальная функция халата подчеркивает его глубокую традиционность.

Для людей пожилого возраста халаты этого же покроя для повседневного ношения шьют из ткани темной расцветки (главным образом, черного или синего цвета, однотонного, либо с мелким рисунком), нарядные — из полосатой полушелковой ткани-*бекасам* (на сером или синем фоне узкие черные, белые и зеленые полосы). По длине они обычно доходят до середины голени.

По расцветке отличался в прошлом мужской халат среднеазиатских евреев: он должен был быть черного или темно-коричневого цвета, сшит из бумажной ткани и подпоясан веревкой. Туркменский вариант стеганого на вате халата-*кырымьздон* (букв. красный халат) отличается характерной расцветкой полушелковой ткани красного тона в узкую черную полосу. Другим его отличием является оформление ворота, обшиваемого полосой, которая доходит до середины груди и пришивается к передним клиньям не заподлицо (как в узбекско-таджикском варианте), а выступает нижним основанием за линию полы. Отличается и форма ластовицы, составленная из двух остроугольных треугольников, сшитых основаниями. Пóлы, концы рукавов и боковые разрезы обшиты плетеной тесьмой, а над боковыми разрезами встречается вышивка гладью в виде трех треугольников, расположенных один над другим.

Казахский стеганный халат-*шапан/сырмак шапан* отличается более длинным и узким у кисти рукавом. В расцветке преобладают темные тона. Молодые предпочитают светло-серые.

Второй подтип туникообразного халата без стежки (на подкладке и без нее), распространенный среди узбекско-таджикского населения, называется *яктай/яктак*. В прошлом его шили из домотканной хлопчатобумажной материи- *калами* (в этом случае стан кроили из полуторы точи). С появлением фабричных тканей стали шить из ситца, сатина, позже — штапеля. В послевоенные годы получили распространение вельвет и костюмная ткань. Поскольку этот подтип халата сохранился только в одежде стариков, то расцветка ткани преобладает темная, часто с мелким геометрическим или растительным рисунком. По длине *яктак* доходит до колен или несколько ниже. Встречается модернизированный покрой — *паргонаги яктай* (ферганский *яктай*), с разрезом плечом и выкройной проймой, но на отдельных экземплярах плечо не разрезано, а забрано в вытачку.

Модernизированным следует считать и покрой дорогих халатов из европейского производства фабричных парчовых и шелковых тканей, как правило, очень широких. Покрой оставался туникообразным, но без боковин и ластовиц. Халаты этого покроя носила бухарская знать.

Среди казахского населения легкий халат под названием *жейде*¹⁴ бытует только в группе казахов-ходжа, близких по многим чертам культуры к старому оседлому населению. У туркмен *ектай* сохранился также в одежде глубоких стариков, но отличается расцветкой ткани — более светлой (преобладают материи с бежевыми и голубыми полосами)¹⁵. Но встречаются и *ектай* из темного вельвета-*пилтабахмал* (букв. рубчатый бархат). Видимо, это следует отнести к заимствованию от окружающего населения, так как и название вельвета взято из таджикского языка. В обоих вариантах туркменского *ектая* сохраняется традиционная обшивка полосой ткани или плетеной тесьмой-*чихак* контрастного цвета, часто ярко-розового или красного.

Третий подтип туникообразного халата-*чакман* — из сукна, без подкладки. В прошлом использовали домотканое сукно, чаще всего из верблюжьей шерсти. По соотношению отдельных частей *чакман* несколько шире и длиннее халатов первых двух подтипов; рукава составляют из нескольких положенных поперечно полотнищ; по длине рукава спускаются

ниже кисти руки. Такие халаты носят в холодную и дождливую погоду. Бытует главным образом среди сельского населения, особенно в скотоводческих районах, до сих пор часто встречается в одежде пастухов. В послевоенные годы *чакман* стали шить из фабричного сукна, в том числе офицерского. Изменился покрой, появилось разрезное плечо и выкройная пройма. Однако сохраняется традиция кроить рукав из поперечно-положенной ткани.

У казахов этот туникообразный халат из сукна-*шекпен* продолжает широко бытовать. Нарядные экземпляры *шекпена* из верблюжьей шерсти украшают строчкой по вороту, бортам, подолу и концам рукавов, для чего с изнанки подшивают полосу плотной материи (например, фланель).

Употребление на *шекпен* фабричного сукна-*маут* и модернизация покроя (разрезное плечо, расширение стана за счет ширины ткани, изменение формы ворота), относится, по воспоминаниям стариков, еще к довоенному времени. Новым за последние годы является изготовление *шекпена* из плотной непромокаемой ткани (типа презента), хорошо защищающей от дождя и ветра. В данном случае перенос термина обусловлен функциональным назначением одежды, а не покроем и видом ткани.

Туркменские *чакманы* отличаются отделкой в виде вышивки, заканчивающейся сплетенными из этих же нитей шнурками и кисточками.

И у туркмен и особенно у казахов продолжают бытовать нагольные тулупы-*постун* (туркм.)/*тон* (каз.) из дубленных овчин шерстью внутрь. На их изготовление идет пять-шесть шкур взрослой овцы. Покрой тулупа туникообразный с расширением книзу, но швы обусловлены размером шкур. В казахском варианте в качестве отделки используют полосу бархата или вельвета шириной 19—20 см черного, серого или зеленого цвета. Этой полосой обшивают полы, подол, концы рукавов, выстрачивая ее нитками контрастного цвета (часто красного); по самому краю каймышивается узкая полоса каракуля (черного или серого). Отдельно пришивается каракулевый воротник.

Постепенный отход от традиционного туникообразного покроя по-разному, как показано выше, проявлялся как в отдельных видах одежды, так и у разных этнических групп.

Одежда нового покроя в виде прилегающего камзола вошла в традиционный костюм нынешнего старшего поколения в разных этнических вариантах и одновременно начиная с середины XIX в.

На территории Бухарского оазиса камзол (*камзул*) появился в 20-х годах нашего столетия. Основное распространение он получил среди интеллигенции и представителей администрации. Более старые образцы выделяются оформлением ворота в виде воротника-стойки и застежкой на пуговицы с воздушными петлями; позже появились отложные воротники и прорезные петли.

Шьют камзолы из сатина и штапеля темных расцветок с мелким геометрическим рисунком, а также из плотной, часто костюмной, ткани. Если верхом служит тонкая ткань, то ее простегивают на тонком слое ваты. Характерно, что поверх камзола обычно надевается *ятак*. Это, на наш взгляд, является указанием на то, что камзол не стал на территории Бухарского оазиса самостоятельным видом верхней одежды и не заменил в этой роли основные виды традиционного халата. Показательно также,

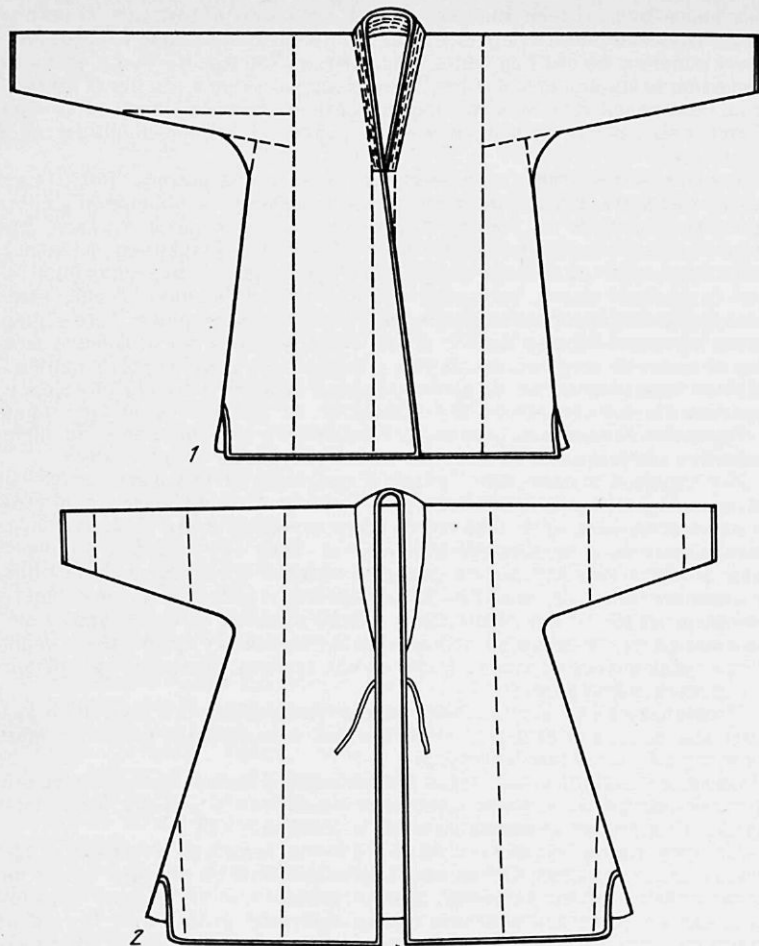

Рис. 14. Мужская наплечная одежда:

1 — халат традиционного покроя (узбекско-таджикский тип); 2 — халат модернизированного покроя (узбекско-таджикский тип); 3 — каракалпакский халат и его раскрой; 4 — туркменский дон и его раскрой; 5 — казахский шапан сырмак; 6 — туркменский *шекпен* и его раскрой; 7 — *паргонаги* яктай

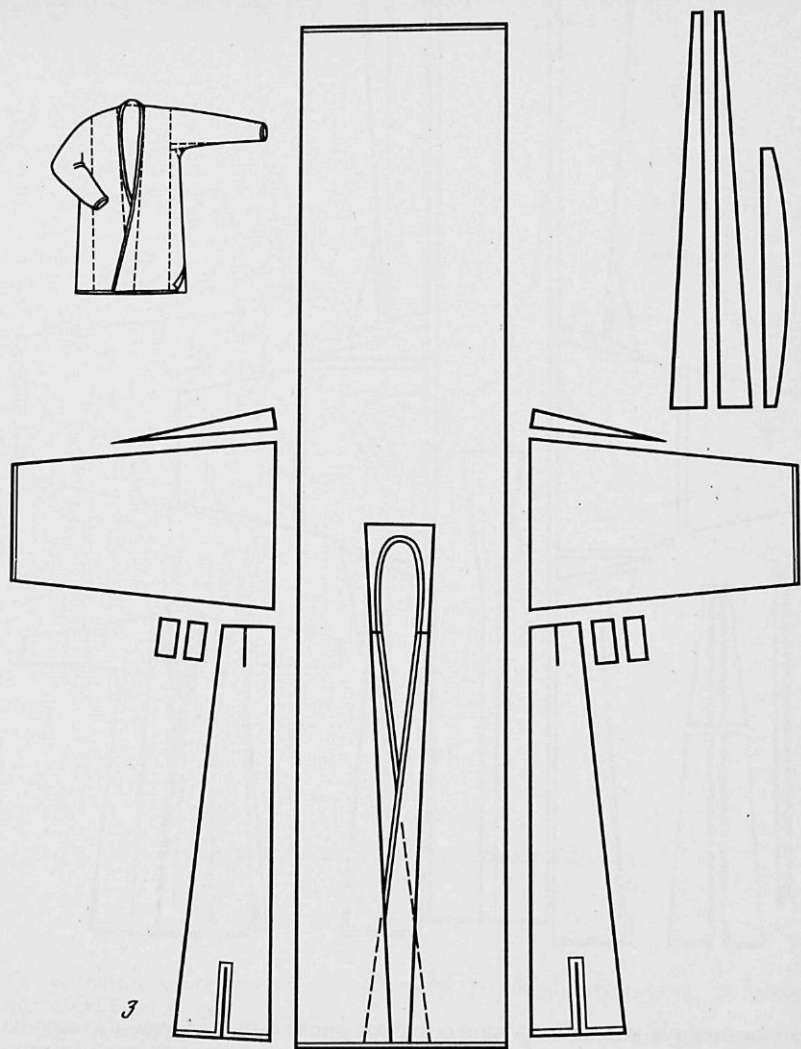

Рис. 14

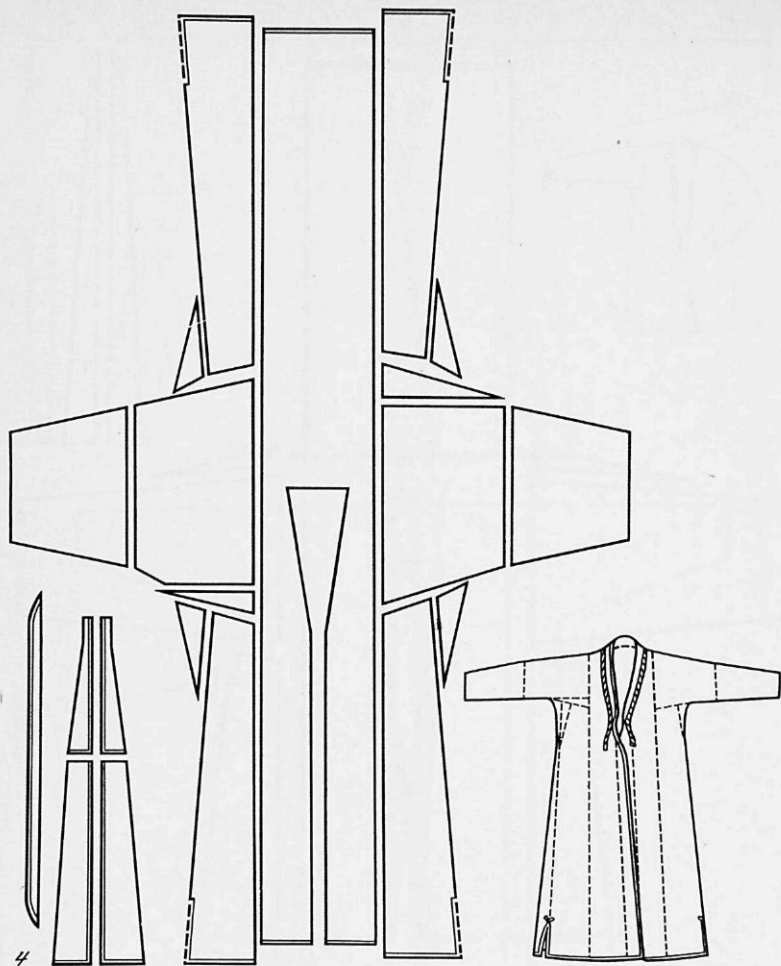

Рис. 14

что, возникнув как одежда определенных социальных кругов, он получил распространение и сохранился только среди представителей этого же примерно поколения. Таким образом, устанавливаются хронологические границы бытования камзола как среди коренного узбекско-таджикского населения, так и давно живущих на этой территории других этнических групп.

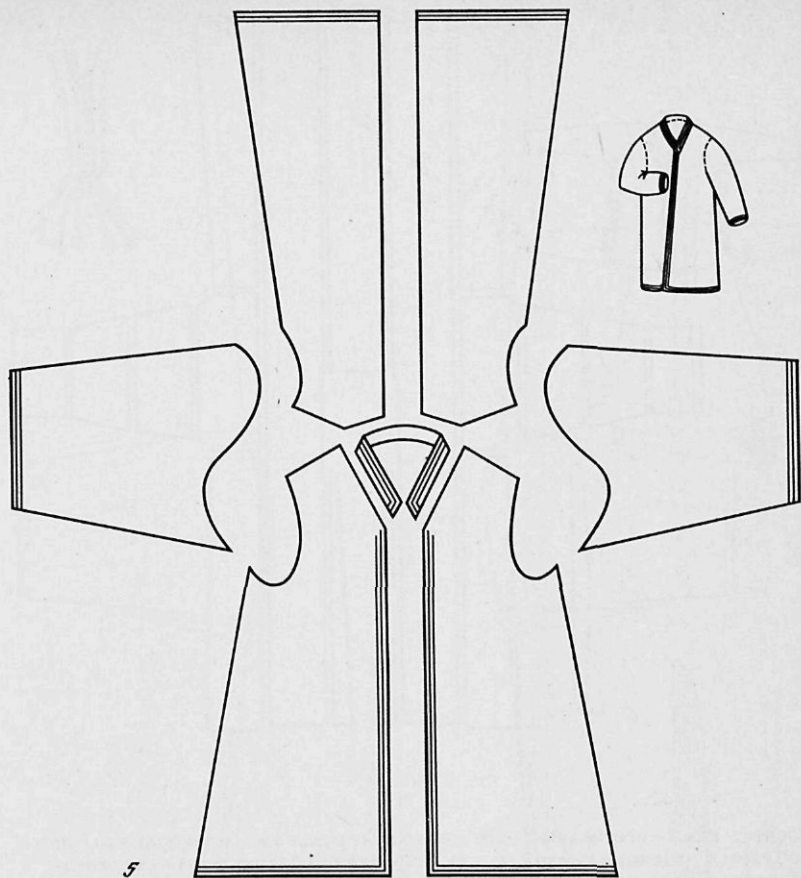

Рис. 14

То же самое относится и к утепленной безрукавке-камзулча, по длине доходящей до бедра.

Среди казахского населения Канимехского р-на камзол (*кемзал*) известен по времени появления гораздо раньше и сохраняется среди стариков в двух разновидностях: с рукавами, длиной немного ниже колена — *женди кемзал*, и без рукавов, длиной до середины бедра — *женсиз кемзал*. Оба приведенные названия в обследованных нами районах произ-

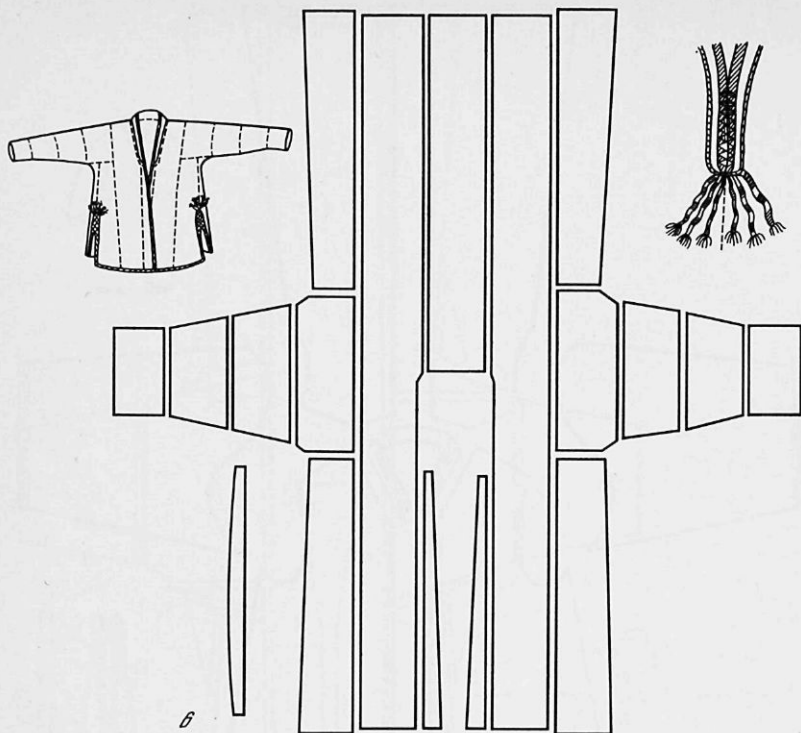

Рис. 14

носятся как описательные: для камзола с рукавами, как правило, употребляется название *кемзал*, а для укороченной безрукавки — *каркеспе*¹⁶. Параллельно с названием *каркеспе* широко распространено название *кокракча* (*кокрак* — грудь), и хотя местное население затруднялось объяснить разницу между ними, но, по нашим наблюдениям, в названии *кокракча* больше подчеркивается утилитарный смысл этого вида одежды в значении «телогрейка».

Шьют камзолы и безрукавки из плотной ткани (шерстяной или хлопчатобумажной), бархата и вельвета. При одинаковом прилегающем покрое с разрезным плечом и выкройной проймой *кемзал* и *каркеспе* различаются также не только длиной, но и оформлением ворота: *каркеспе* имеет глухой по шее или слегка вынутый на груди ворот, а у *кемзала* к круглому вырезу ворота пришит воротник-стойка или отложной воротник; застежка в обоих случаях на пуговицах.

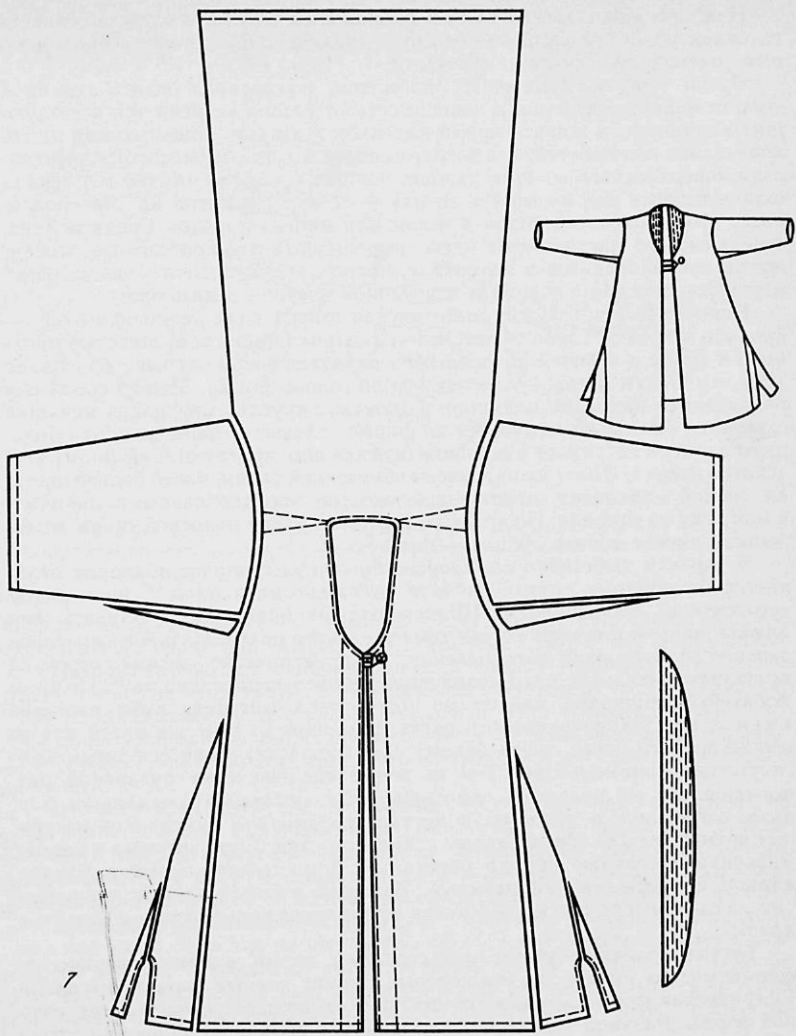

Рис. 14

Наиболее ярким этническим и социальным знаком в одежде остается головной убор, сложный по составу и включающий одновременно в разных сочетаниях несколько элементов.

Среди узбекско-таджикского населения Бухарского оазиса головной убор старшего поколения в зависимости от сезона встречается в следующих вариантах: в жаркое время надевается мягкая, прилегающая по голове шапка или тюбетейка, а вокруг наворачивается чалма; в холодную погоду поверх одного из этих нижних головных уборов надевается теплая шапка на вате или на меху и сверху — чалма. Несмотря на универсальность этого головного убора в целом для многих народов Средней Азии, отдельные его части имеют четко выраженные этносоциальные особенности, проявляющиеся в материале, покрое, технике изготовления, орнаментации, способе ношения и в конечном счете — в названии.

Нижней обычно служит либо мягкая шапка двух разновидностей — *аракчин* и *туппи*,¹⁷ либо тюбетейка-*каллапуш*. Общей особенностью *аракчина* и *туппи* в отличие от тюбетейки является косой околыш, благодаря чему эти шапки имеют четко выраженную по голове форму. Между собой они различаются размером макушки: у *аракчина* круглая маленькая макушка сливается с высоким околышем по форме головы; у *туппи* макушка большего размера сохраняет в шапочке плоское дно, придающее ей форму усеченного конуса. Шьют их из хлопчатобумажной ткани, часто белого цвета, на тонкой подкладке, простегивая околыш горизонтальными линиями, а макушку по спирали. По краю их обшивают узкой полоской ткани, выложенной иногда в виде зубцов — *дандона*.

Бухарская тюбетейка *каллапуши бухори/каллапуши пилтанок* отличается от тюбетеек других районов не только названием¹⁸, но и рядом характерных особенностей. Шьется она из однотонного бархата или плюша, чаще всего черного или темно-зеленого цвета. Название *пилтанок* связано с техникой изготовления: в пространство между строчкой вставляют фитильки-*пилта*, создающие ребристую поверхность¹⁹. По краю тюбетейки обшивают кантом из однотонной материи, либо плетеной тесьмой-*зех*, заканчивающейся сбоку помпоном из этих же нитей или из шелка другого цвета, часто белого. Для бухарских тюбетеек характерно отсутствие орнаментации. Тем не менее специфически бухарской разновидностью их являются золотошвейные тюбетейки *каллапуши зардузи*, входившие в прошлом в костюм придворной знати, а в настоящее время ставшие обязательным элементом свадебного костюма и наряда мальчика по случаю обряда обрезания. В настоящее время в Бухаре, наряду с местными тюбетейками, большое распространение получили так называемые чустские тюбетейки *каллапуши тус/фаргонаги* или *тошканди*.

Теплые головные уборы представлены двумя видами сферической формы мягких шапок, верхом которых служит темный бархат или плюш. Сферическая форма достигается покроем из четырех сегментов треугольной формы. Разница заключается в характере утепления: шапка на ватной подкладке называется *кулох*, а подбитая мехом (чаще всего бараньим) — *шабпуш/шабпушак* (букв. «надеваемая на ночь»). Обе они не имеют борта. Меховая подкладка на *шабпуше* выступает из-под края. О термине *кулох* для обозначения мужского головного убора подробные сведения

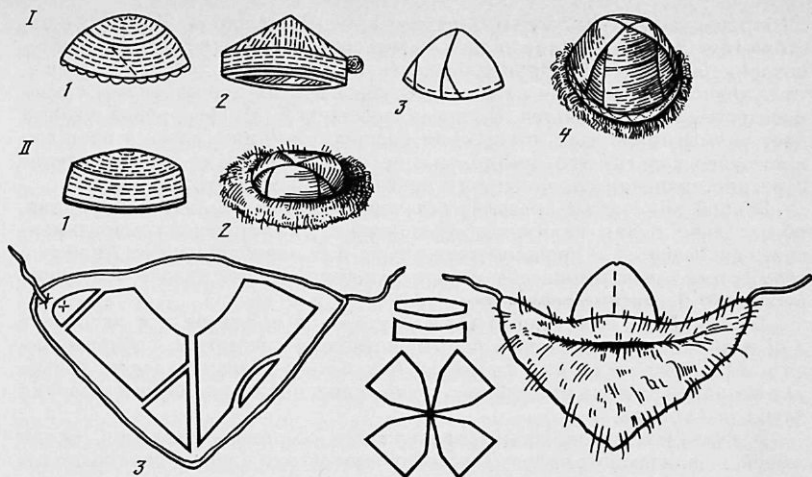

Рис. 15. Мужские головные уборы:

I — Узбекско-таджикский вариант: 1 — аракчин; 2 — каллапуш; 3 — кулох; 4 — шапнуш
II — Казахский вариант (Канимехский р-н): 1 — тартакия; 2 — берик; 3 — крой и общий вид тымак

собраны О. А. Сухаревой²⁰. Термин *шапнуш* для других районов Средней Азии в этнографической литературе не отмечен²¹. То, что эту шапку на меху в Бухаре связывают главным образом с ночным головным убором, видимо, можно объяснить характерным для всего ближневосточно-среднеазиатского района способа обогрева помещения при помощи *сандали*, когда в тепле оставалась нижняя половина тела, а голова оказывалась на холоде. Во всяком случае в Бухарском р-не этот термин продолжает широко бывать.

На смену этим двум видам головных уборов приходит современного вида шапка-ушанка под названием *телпак*. При выходе на улицу люди старшего возраста поверх этих шапок наматывают чалму. В Бухаре чалма имеет три названия: *салла*, *дастор* и *аммома*. Термин *салла* является основным и относится к двум разновидностям: к чалме в ее классическом варианте в виде полосы шелковой или хлопчатобумажной ткани голубого или чаще серого и темно-серого цвета с каймой из продернутых нитей на концах, а также из серых и белых полос различных оттенков. Эта чалма известна и в других районах (например, в Самарканде) под названием *пешаури* (пешаверская). Приобретают такую чалму на базаре.

Второй разновидностью *салла*, наиболее распространенной в повседневном ношении, служит квадратный поясной платок — *румол/белбог*, чаще белого или красного цвета, редко — черного, с вышивкой по краям и углам. Платки для этой цели складывают по диагонали в виде полосы

и оборачивают вокруг головы, завязывая концы надо лбом. По цвету в настоящее время выделяется только чалма серовато-зеленого цвета (*сабз*), которая указывает на принадлежность ее хозяина к потомкам высшего духовного сословия — сандам. Значение других цветов чалмы самим населением не объясняется. По предположению Е. М. Пещеровой, черный цвет чалмы может быть отголоском распространенного здесь в прошлом шиитского культа. Это предположение отчасти находит подтверждение в распространении *салла* черного цвета у среднеазиатских ирони.

Второй вид чалмы обозначается термином *дастор*. Это — парадная, обязательно белая чалма, которую носили представители мусульманского духовенства, в прошлом также эмир и его приближенные. Арабский термин *аммома* по отношению к такого же типа пышной белой чалме употребляется бухарскими ирони.

Термин *футá*, отмеченный О. А. Сухаревой в Бухаре и в источнике XVI в. в значении домашней чалмы, по нашим сведениям, собиравшимся и в г. Бухаре и во многих местах Бухарского оазиса, известен только для названия кушака из длинного куска ткани, повязывавшегося во время глубокого траура.

В способе ношения чалмы проявляются сословные различия. Среди людей, не владеющих мусульманской грамотой, при наворачивании чалмы ее свободный конец — *печь*²² — оставляют спущенным на левое плечо; люди мусульмански образованные спускают конец чалмы только во время чтения намаза.

Общей отличительной чертой традиционного головного убора многих этнических групп, в разное время поселившихся на этой территории, было отсутствие чалмы. У казахов традиционный для начала XX в. головной убор сохранился в следующем составе. Нижней является мягкая шапка из ткани под названием *тертакия*. По форме она напоминает один из вариантов узбекско-таджикского *аракчина* с плоским дном. Шьют ее из различного цвета хлопчатобумажных и штапельных тканей. Круглое дно (*туби*), состоящее из двух—трех слоев материи, прострачивают концентрическими кругами, околыш (*етик*) в виде прямой полосы прострочен продольными рядами, свободное пространство между которыми иногда заполняли ватными фитилями (*пилта*). В качестве нижней шапки используют и тюбетейку (*такия*), часто бухарского типа, но встречаются с вышивкой в виде цветочного орнамента на черном бархатном фоне.

К верхним головным уборам относятся войлочные шляпы (*калпак*), бархатные шапки с широкой меховой опушкой (*борик*) и две разновидности одного и того же покроя типично казахских шапок: в зимнем варианте — *тымак*, в летнем — *далбай*.

Сохраняющиеся войлочные шляпы (*калпак*) представляют более поздний вариант этого головного убора в Казахстане²³.

Широкое распространение имеет *борик* — шапка на войлочной основе. Тулья сверху обшивается бархатом или плюшем (черного, зеленого цвета), а на налобную часть, наушники и назатыльник поверх войлока нашивают лисий мех²⁴.

Летний вариант шапки этого же покроя, но верхом которой служит плотная хлопчатобумажная ткань, известен под названием *далбай*. Характерно, что на территории собственно Казахстана головной убор под этим

названием уже к XX в. стал исчезать²⁵. Наряду с явлением своего рода консервации отдельных видов типично казахских головных уборов в условиях иноэтничного окружения, интересно отметить проникновение в среду казахского населения элементов одежды окружающего узбекско-таджикского населения. Выше уже отмечалось, что в роли нижней шапки большое распространение получила, наряду с чустской и ташкентской, бухарская тюбетейка. К этому надо добавить, что среди старшего поколения казахов, особенно причисляющих себя к *мулло*, можно встретить повязанный вокруг тюбетейки в виде чалмы платок (*урумол*), преимущественно серого цвета с машинной вышивкой.

Гораздо интенсивнее процесс заимствования наблюдается у поселившихся в Каракульском оазисе туркмен из Чарджоуского р-на, где они уже в течение нескольких веков были в близком контакте с Бухарой. То же относится и к небольшой группе туркмен Ромитанского р-на (кишлак Кокиштуван), которые сами подчеркивают, что *салла* вошла в их головной убор под влиянием окружающего населения.

Сейчас головной убор старшего поколения этой группы туркмен состоит из тюбетейки (*тахья*) бухарского и чустского типов, зимой поверх нее надевается *теллек* с верхом из бархата, на вате, отороченный мехом, и сверху — *салла*. Нарядной считается чалма *пешаури* серого цвета, белая — для молитвы и черная — рабочая. Среди туркмен района Галаasia стойко сохраняется такой специфически туркменский головной убор, как *силкметеллек*. Это шапка из шкурок трех-пятимесячных барашков с длинными мягкими завитками, круглая по форме, белого и черного цвета. *Силкметеллек* простегивают на вате, по борту для твердости подкладывают бумагу. Вниз надевают мягкую шапочку (*кекча*) или тюбетейку (*тахья*). Тюбетейки распространены как однотонные бухарские, так и вышитые.

Отличия в головном уборе среднеазиатских евреев определяются не только подчеркнутой разницей в вероисповедании, но и в какой-то мере консервацией тех элементов культуры, которые они принесли с собой при переселении в Среднюю Азию. Последнее, в частности, относится к каракулевой шапке — *телпаки каракули*, близкой по цилиндрической форме, как отмечала О. А. Сухарева, к персидской²⁶. Шапки эти имеют и коническую форму, иногда с верхом из бархата, по борту оторочены узкой полосой каракуля. Другой тип зимней шапки на бараньем меху близок по форме к бухарской *шапбуш*. Близка старому бухарскому образцу и тюбетейка (*каллапуш*) с коническим верхом. Нарядные украшались золотой вышивкой или выполнялись в технике *пилтадузи* из светлой шелковой или парчовой ткани. Готовили такие тюбетейки в прошлом к свадьбе. Характерно, что только в наряде жениха поверх парчовой тюбетейки наматывается чалма. В настоящее время из всех видов головных уборов у среднеазиатских евреев этническую специфику сохранили лишь связанные с религиозным культом. Это предназначенная для совершения молитвы шапочка-*тифлин*, круглая, прилегающая к затылку, из темной ткани. Общераспространенной в настоящее время остается тюбетейка. Зимние головные уборы подчинены городской моде.

Приведенный выше материал по мужской одежде позволяет проследить, как исторический процесс взаимовлияния культур отражается на

одежде: какие ее элементы дольше сохраняют этническое своеобразие, в какой форме шло заимствование и включение иноэтнических элементов. Для более глубоких заключений рассмотрим в этом же плане женскую одежду во всех названных выше этнических вариантах.

Женская одежда. Особенности женского платья узбекско-таджикского населения Бухарского оазиса нами были уже рассмотрены²⁷. Для сравнительной этнической характеристики остановимся на его основных отличительных чертах. В покрое бухарского платья выделяется большая, чем в других районах узбекско-таджикского населения, ширина стана и рукавов и значительное расширение книзу. Первая особенность, возможно, связана с распространенной здесь манерой надевания одновременно двух, а в парадных случаях — сразу нескольких платьев. При одинаковом покрое верхние и нижние платья различались по материи, ширине стана и рукавов, оформлению ворота.

Верхние платья шили, как правило, из более дорогих материй (шелк, бархат), рукава преобладали прямые и широкие (короче и шире, чем на нижних платьях). Поздняя разновидность этого типа верхнего платья имеет так называемый кимонообразный покрой, показанный выше на мужском халате²⁸. Покрой этот обусловлен очень широкой тканью, при которой боковины стали не нужны. Однако в этом случае особенно отчетливо выступает требование традиционного силуэта, для сохранения которого под рукавами вырезали небольшие клинья, подшиваемые затем к бокам внизу. Платья этого покроя были привилегией богатых слоев населения. В широкий обиход они не вошли еще и потому, что, как подчеркивали представительницы старшего поколения, в них отсутствовала такая важная деталь покроя, как ластовица. Характерно, что для названий платьев традиционного покроя синонимами были *искиги*, *мусулмони*, *гиштаки* (старинная, мусульманская, с ластовицей).

Оформление ворота было различно на верхних и нижних платьях. Вертикальный разрез ворота (*пешыла*) на верхних платьях оформлялся планками разной длины. На парадных платьях — это вышитые полосы, в том числе и золотошвейные, спускавшиеся почти до подола. Более обыденным и часто встречающимся является обшивка выреза ворота двойной планкой шириной до 0,5 см. Этот воротник, а по нему и платье называется *маскави* (московский), что в представлении местного населения связано с приходом русских.

Нижнее платье шилось, как правило, из белой хлопчатобумажной материи. При том же покрое оно было уже верхнего. Основное внимание в нем уделялось рукавам, длинные концы которых отворачивались на рукава верхнего платья. В богатом наряде, особенно для невесты, к рукавам на нижнем платье подшивали вышитые надставки (*нуги остин*), иногда до двух-трех штук, общей длиной до 80 см. Они создавали иллюзию большого количества нижних рубах. В растительный рисунок вышивки включались тексты благопожеланий, выполненные арабской вязью, превращавшейся иногда в стилизованный орнамент. Ворот на старинных нижних рубахах (начало XX в.) был такой же, как и на верхних, но без всякой отделки. С конца 20-х годов ворот на нижних платьях стали обшивать оборкой из уложенных в четыре ряда бантовых складок (*напнап*). С появлением примерно в это же время воротника-стойки (до

2—3 см) такой же оборкой стали обшивать его верхний край. В последующие годы этот тип отделки ворота сохранился на нижних кофтах (*ичикча*), заменявших нижнее платье. Старые женщины в настоящее время носят *ичикча* под верхним платьем с воротником-стойкой без оборки. Примерно с 40-х годов в моду стал входить отложной воротник (*гарибон*) с закругленными или срезанными углами. Характерно, что отмеченные выше изменения оформления ворота, отражающие историю его развития за последние десятилетия, касались только нижних платьев. На верхних платьях ворот (*пешяла*) и его оформление оставались неизменными. В этом прослеживается еще одна особенность бухарского костюма: появление новых видов одежды или отдельных деталей в ней не сразу вытесняло древние традиционные формы местного костюма. Новое как бы включалось в традиционный костюм и отходило вместе с модой. Вместе с тем на окраинах Бухарского оазиса, в частности в Каракульском и Алатском районах, наблюдается замена старых видов одежды новыми (например, воротник-стойка появляется на верхних платьях)²⁹.

Характерно, что и в самой Бухаре этот вариант платья широко бытовал среди местных евреев.

Бухарский тип платья по покрою и манере ношения был воспринят небольшой группой туркмен, поселившейся в Ромитанском р-не лет 150—200 назад. Некоторое своеобразие сохранилось в предпочтении красной цветовой гаммы. Среди более компактной группы туркмен в районе Галаасия, к тому же переселившихся только в 1930-е годы, сохраняется типичное для центральных районов Туркмении преобладание однотонных тканей на платьях-*койнек*, глухая форма ворота с завязками у шеи и вышивка вдоль разреза. Постепенное появление ярких набивных тканей, в том числе абровых, отражает влияние окружающего населения.

Особенностью платья казахского населения Навоийской обл. является сохранение тех его типов, которые на основной территории Казахстана уже к началу XX в. исчезли. Это относится прежде всего к туникообразному платью (*буйкойлек*), основное отличие которого от бухарского заключалось в оформлении ворота невысокой стойкой, а разреза на груди — широкой планкой (*онир*) из материи другого цвета с набивным рисунком. На более поздних образцах этого типа платья появился отложной воротник, застегивающийся на пуговицу, а также другая форма ластовицы — подкройная, с боковиной. Следующей по времени разновидностью туникообразного платья, встречающегося в настоящее время также у очень пожилых женщин, является покроем с отрезной юбкой, собранной в сборку или сложенной в складку, воротник — либо стойка, либо отложной, застегивающийся на одну-две пуговицы. Если в Казахстане это платье к концу XIX в. вытеснило предыдущий вариант³⁰, то в нашем районе они сосуществуют. Девичье платье начала XX в., отрезное по талии, обшивали воланами по подолу и на концах рукавов. Сейчас оно встречается в детской одежде, причем юбка часто шьется из косых клиньев. В современном костюме молодых и среднего возраста казахских женщин очень широко распространение получило платье на кокетке, заимствованное от узбекско-таджикского населения. В свою очередь среди коренного населения Бухарского оазиса этот тип платья нового покроя (с разрезным плечом и выкройной проймой) появился с 30-х годов нашего века и посте-

пенно стал всеобщим среди всех этнических, а внутри них и возрастных групп. Пожилые женщины, которые восприняли эту моду смолоду, в отдельных случаях продолжают следовать ей и в старости, изменив только расцветку ткани на однотонную и спокойную, и длину платья.

Отличия в этом типе платья носят этнолокальный характер: в Бухаре преобладает изящной формы скругленная кокетка, отложной воротник; по мере удаления от центра чаще встречаются платья на прямой кокетке с воротником-стойкой, широкими прямыми рукавами (Алатский и Каракульский районы).

Неотъемлемой частью традиционного женского костюма по-прежнему являются длинные штаны. В нашем районе можно выделить два основных типа: узбекско-таджикский, распространенный среди всех групп Бухарского и Каракульского оазисов, и казахский. Различаются они покроем и способом ношения. В покрое узбекско-таджикского типа сохраняется традиция, широко распространенная во многих районах старого оседлого населения, шить из двух видов материи: верхняя часть штанин (примерно $\frac{1}{3}$ всей длины) — *нипа* — шьется из простой хлопчатобумажной ткани, нижняя часть — *поча* — шьется из более дорогой и нарядной ткани, из нее же шьется и мотня — *гиштак*. Внутри этого типа очень существенны возрастные различия, проявляющиеся главным образом в ткани, длине, ширине: если для пожилых женщин штаны шили с напуском на ступню, то для женщин среднего возраста они доходят до лодыжной косточки, а у молодых женщин, девушек и девочек — до середины голени. Соответственно уменьшается и ширина штанин. Способы покроя этого типа штанов довольно подробно приведены в литературе и в общих чертах являются едиными для всей территории бассейна Зеравшана³¹. Примечательно, что в Самарканде этот тип штанов был одним из вариантов, и не основным³².

Казахские женские штаны (*дамбал*) шьются целиком из одной материи, в покрое преобладают прямые линии. Так же шили и верхние штаны. Внешне казахские штаны шире и короче, чем узбекско-таджикские. Носят их заправленными в сапоги (теперь — в чулки и сапоги).

В верхней женской одежде универсальным для всех районов и всех этнических групп, кроме городского узбекско-таджикского населения, является стеганный на вате халат такого же покроя, что и мужской, но более прилегающий по фигуре и более короткий. Его разновидностью, так же как и в мужском варианте, был *яктак*. Однако среди узбекско-таджикского населения оба эти вида одежды в составе женского костюма были распространены, главным образом, в сельской местности. В Бухаре и непосредственно прилегающих к ней районах, особенно среди более или менее зажиточных слоев населения, основным видом женской верхней одежды был халат (*калтача*)³³. При туникообразном покрое основными особенностями его являются широкий и глубокий овал ворота и собранные в густые сборки под рукавами боковины. Ластовиц нет, но сборка под рукавами часто дополнительно обшивается цветными нитками, как бы подчеркивая место ластовицы. Шили *калтача* из дорогих шелковых тканей (*кимхо*, *адрас*, *шои*) и бархата (*бахмал*). Расцветки тканей были яркими и нарядных тонов, часто с абровым рисунком, а бархат — глубокого лилового или зеленого цвета. Подкладкой обычно служил ситец контраст-

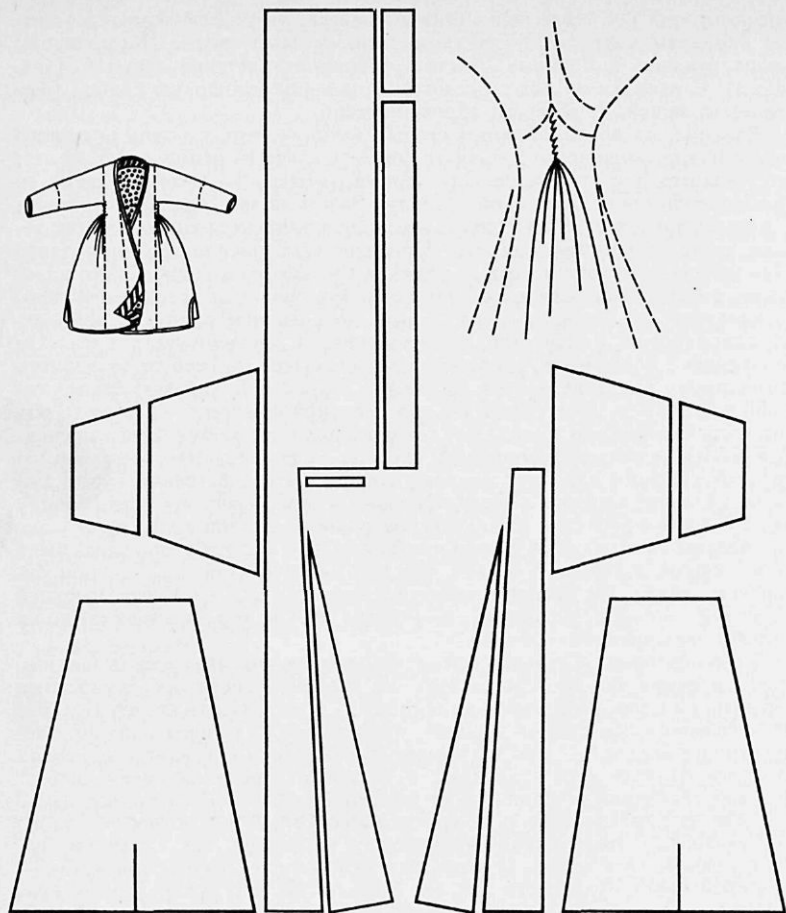
ной по отношению к верхней ткани расцветки, часто ярко-красной. Зимние варианты *калтача* простегивали тонким слоем ваты. Пблы, подол, концы рукавов и боковые разрезы обшивали плетеной тесьмой (*зех, чалма*). С изнанки по подолу и пблам подшивали широкую полосу (*фаврез*) из яркой, чаще всего абровой, ткани.

Калтача, по воспоминаниям старых женщин, еще в конце прошлого века в Бухаре впервые надевали на девочку, когда ей исполнялось 12 лет, что торжественно отмечалось как первый *муджар* — летоисчисление по двенадцатилетнему животному циклу. Затем новые *калтача* готовили к свадьбе, причем в богатых домах к каждому платью из дорогой ткани делали соответствующие *калтача*. При широком распространении этого вида женского халата в разных районах узбекского и таджикского населения, в Бухарском оазисе *калтача* не только сохранил древние передне-, среднеазиатские черты одежды³⁴, но и дольше, чем в других районах, функционировал в качестве повседневного и свадебного халата. По сравнению с Ташкентом, например, срок перехода *калтача* от свадебного к траурному наступил лет на 40 позже. Только в Бухарском оазисе сохранился вариант этого халата в его траурной функции — *пешво* (букв. «открытый спереди»), в названии которого подчеркивается одна из основных особенностей местной древней одежды. Довольно четко очерчивается ареал бухарского варианта *калтача* и *пешво*: это собственно Бухарский оазис. Наличие *калтача* в расположенных к северо-востоку и юго-западу от него Карманинском и Каракульском районах является уже не столько этническим, сколько социальным признаком. Его употребление здесь было не всеобщим, а только в семьях, так или иначе связанных с двором бухарского эмира. На внешнее заимствование *калтача* в качестве верхней парадной одежды указывает отсутствие здесь его предшественника в траурном варианте — *пешво*.

На территории собственно Бухарского оазиса этот вид одежды, видимо очень древний по происхождению, не был воспринят ни бухарскими евреями, ни более поздними поселенцами — ирони. Среди евреев Бухары, по воспоминаниям старых женщин, примерно с 20-х годов получил распространение камзол, а до него в холодную погоду под платье надевали стеганую на вате рубаху-*гулпича*. У бухарских ирони на смену халату-*джома* в городских условиях также рано пришел камзол, *калтача* и *пешво* не было. В Каракульском р-не *калтача* как особый вид женского халата встречался и у таких групп туркменского населения, как хыдырали, эрсари, салыры. Основным видом верхней женской одежды был *чапон/тон* — стеганный халат бухарского покроя. Характерно, что и сам термин *калтача* среди основной части населения получил здесь иное значение: им называют короткую женскую безрукавку, надеваемую поверх платья.

Туркмены Ромитанского р-на знали *калтача* и *пешво*. А туркмены района Галаасия сохранили туркменский вариант женского халата-*дон*, густо простеганного, с верхом из шелка или бархата яркой расцветки.

Поселившиеся в Канмехском р-не каракалпаки и небольшие группы ирони заимствовали от местного населения, среди прочих видов одежды, и *калтача*³⁵. Казахам этот вид халата не известен. Верхней женской одеждой казахов в прошлом был халат-*шапан* и прилегающий по фигуре

1a

Рис. 16. Женская наплечная одежда:

1. а — крой калтача и боковины; б — женский ектай (Ромитанский р-н)
2. Туркменский дон.

3. Камзолы: а — узбеки и таджики Кызылтекинского р-на; б — узбеки и таджики Ромитанского р-на;
в — бухарские евреи; г — казахи Канимехского р-на

Калгача

Узбекско-таджикский мужской халат

Образцы вышивок на воротниках *жипек-жегде*. Каракалпаки

Образцы вышивок на воротниках жипек-жегде. Каракалпаки

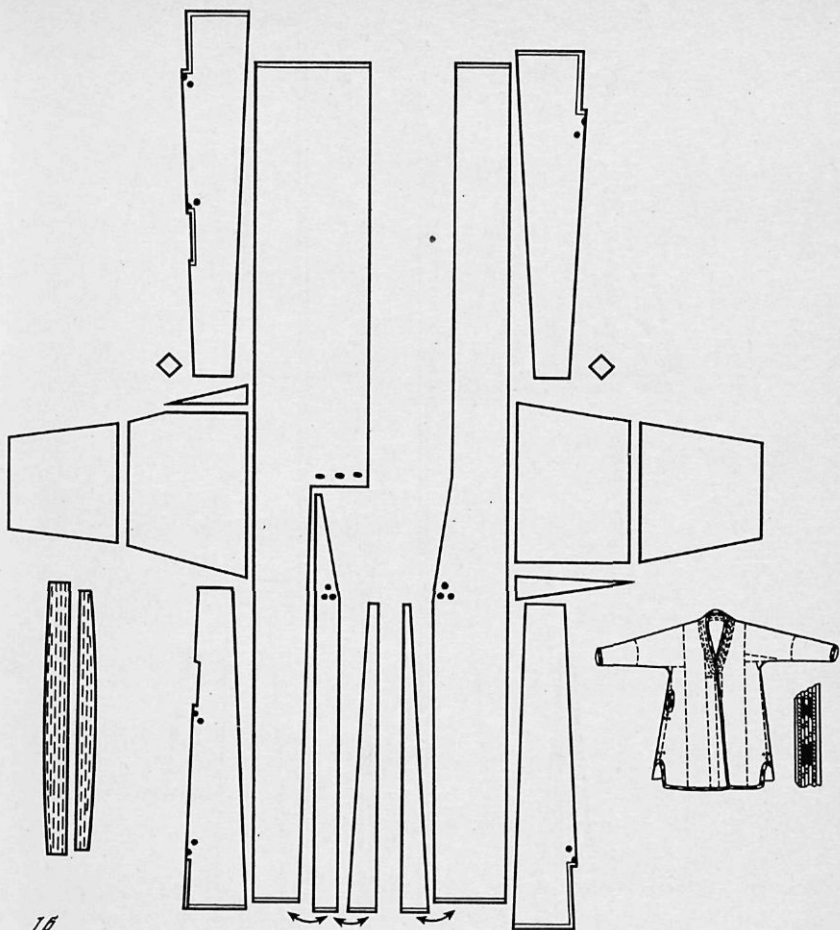

Рис. 16

камзул, появившийся на территории Казахстана уже в конце XIX в. и принесенный оттуда переселенцами в Канимехский р-н.

Так же, как и в мужской одежде, женские казахские камзолы были двух видов: длинные, с рукавами и укороченные безрукавки. Последние различаются по длине: до талии — *кокракча*, до середины бедер — *каркеспе*. Казахские женские камзолы отличались яркой расцветкой бархата

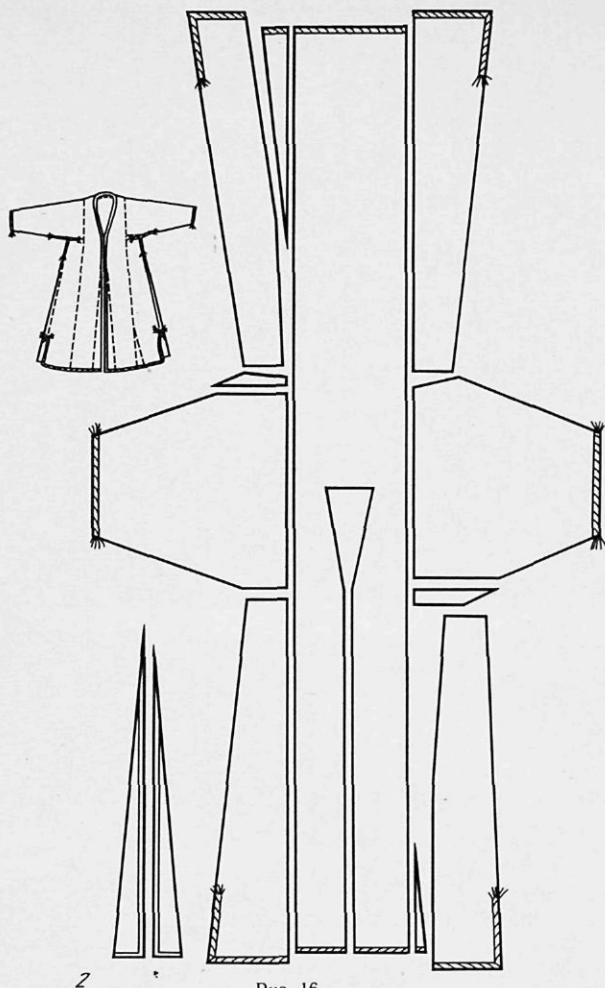

Рис. 16

или плюша с воротником из той же ткани другого цвета. Безрукавки, особенно *каркеспе*, шьют из бархата темного цвета (черного, темно-зеленого), приталенными, застегивающимися на пряжку — *каршилчек*, с крючком и петлей. Оба вида безрукавок очень органично вошли в традиционный женский казахский костюм и продолжают широко бытовать

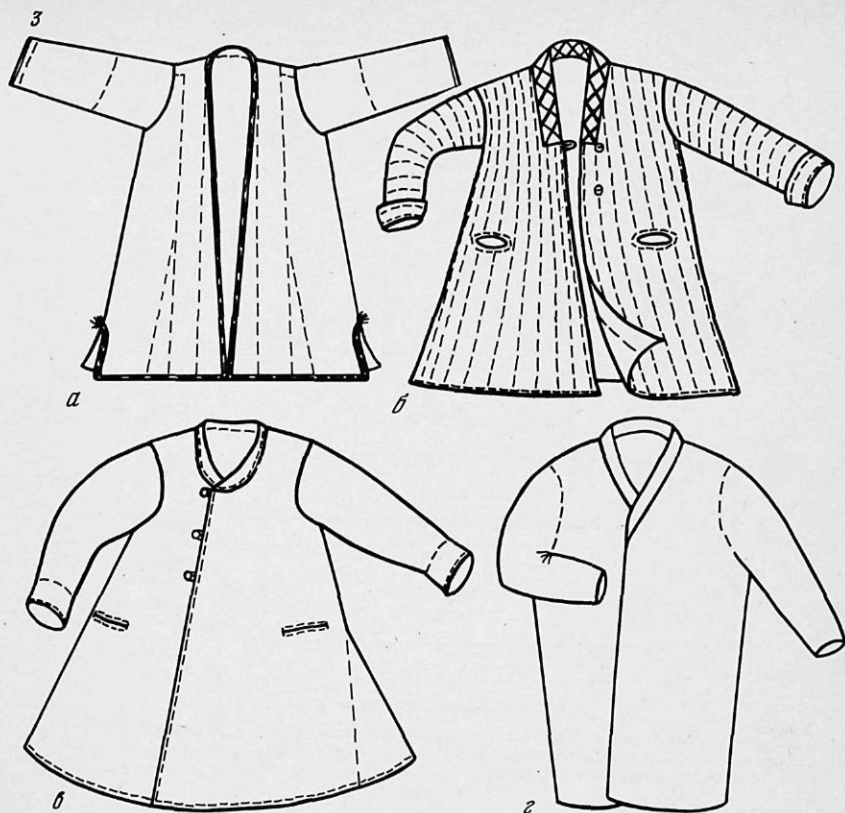

Рис. 16

в одежде всех возрастных групп. Сохраняется этот элемент женской одежды и у живущих рядом каракалпаков.

Камзол среди узбекско-таджикского населения Бухарского оазиса, наряду с другими видами выкройной одежды, появился гораздо позже, чем в Казахстане, примерно в 20—30-е годы. Сейчас камзол, так же как и короткая безрукавка-*нимча/ичикча* — это главным образом старушечья одежда, а безрукавки встречаются еще и в ранней детской одежде. Девичьи камзолы, которые еще лет 10 назад готовили в приданое невесте, сейчас заменяют покупной верхней одеждой. В прошлом женские камзолы разных районов Бухарского оазиса, городских и сельских, различались

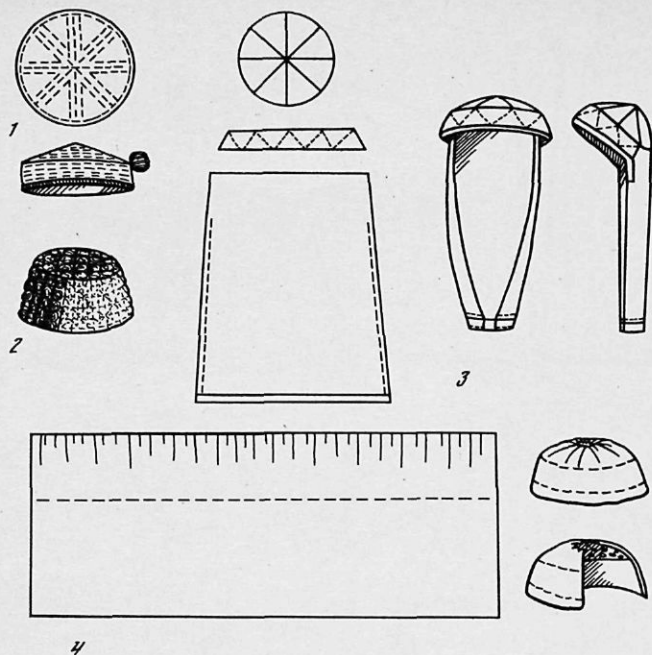

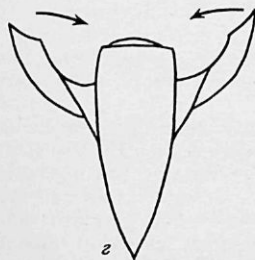
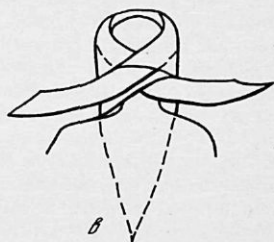
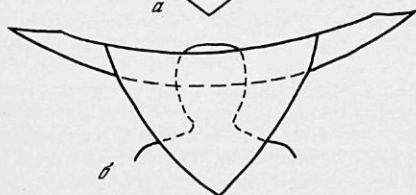
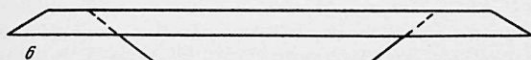
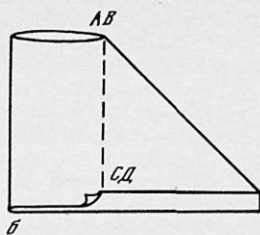
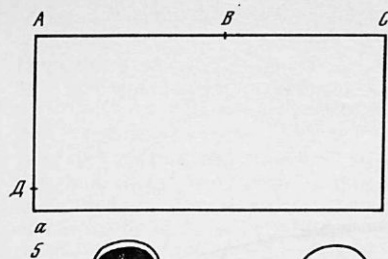
Рис. 17. Женские головные уборы:

Узбекско-таджикский тип: 1 — женская тибетейка (крой и общий вид); 2 — девичья шапочка бухарских евреек; 3 — *куптапушак* (*кийгич*) (крой и общий вид); 4 — туркменская *тулли*; 5 — а, б, в — крой и общий вид казахского *кимешека*; б — а, б, в, г, д, е, ж — один из способов повязывания чалмы (Канимехский р-н)

манерой оформления ворота. В Бухаре выделялись яркой расцветкой и расклешенным покроем камзолы местных евреек.

Очень выразительным этноопределяющим элементом костюма остается женский, в настоящее время старушечий головной убор. В прошлом смена девичьего головного убора женским сопровождалась обрядом, закреплявшим переход в следующий возрастной класс. Обряд этот, как правило, совершается и в настоящее время. Однако соответствующий новому семейному положению головной убор надевают сейчас только в момент совершения обряда, а дальше молодые и средних лет женщины возвращаются к нему лишь в случае траура.

На рассматриваемой нами территории можно выделить три основных типа женских головных ubopов с некоторыми этнолокальными вариантами. К первому можно отнести местный узбекско-таджикский тип: смена девичьей тибетейки на женский головной убор приурочивалась к рожде-

ж

нию первого ребенка и сопровождалась обрядом *саллабандон* (повязывание чалмы). Этот головной убор включает шапочку с накосником *кий-гич*/*култапушак*, марлевый платок прямоугольной формы, закрывающий грудь (*лачек*), налобную повязку (*пешонабанд*) и большой верхний платок-*румол*/*сарбанд*.

Наличие этого головного убора в полном составе или частично, а также форма отдельных его элементов, в частности *лачака*, на рассматриваемой нами территории среди разных этнических групп является своего рода определителем как степени ассимиляции, так и сохранения самобытных черт культуры. В этом плане интересно, что кроме узбекско-таджикского населения собственно Бухарского оазиса этот тип головного убора был полностью воспринят каракалпаками Канимехского р-на и частично узбекско-туркменским населением Каракульского и Алатского районов. Отличия каракалпакского головного убора были главным образом в названиях его частей: шапочка с накосником называется *дуппи*, узбекско-таджикский *лачак* — *кимешек*, верхний платок — *урумол*.

Показательно, что непосредственное соседство и ближайшие контакты с численно преобладающим окружающим казахским населением, которое появилось здесь значительно позже, почти не отразилось на типе головного убора каракалпачек. Вместе с тем казахский женский головной убор сохраняет ярко выраженное своеобразие. Казахская девичья шапочка-*тахья* (круглая, с плоским дном, украшенным сверху пучком перьев), а также *кундузборк* (отороченная выдрой) в настоящее время вышли из обихода, но не заменились бухарскими тюбетейками. В настоящее время девичьим убором стал платок. В день приезда к жениху раньше *тахья* меняли на белый платок, сейчас вместо *тахья* на невесту надевают красный платок, который и меняют на белый. Женский головной убор, надеваемый после рождения ребенка, состоит из двух частей: нижней (*кимешек*) и наматываемой поверх него чалмы из плотного платка-*шар-ши*. *Кимешек* здесь изготавливается из марли, раньше из белой ткани, длиной до 1,5 м. При надевании шов остается слева, задняя часть закрывает голову и треугольником спускается на спину, а передняя полукругом закрывает грудь. Характерно, что в описании разных типов *кимешека* на основной территории обитания казахов этот вариант не имеет точного аналога. Ближе всего к нему южноказахский тип, хотя там сделан вырез для лица, тогда как здесь остается незащищенная часть³⁶.

Казашка группы сарбай (Рабига Рахметова 1923 г. р.) показала, как *кимешек* мог быть заменен платком из тюля размером 1,5×1,5 м: его складывают по диагонали и, набросив на голову, один длинный конец спускают на грудь под платье, а второй оборачивают вокруг лица и затыкают сбоку за складку.

На верхний тюрбан шло от 2 до 5 м, белой материи. В настоящее время размер этого платка из плотного шелка составляет 2×2 м. Сохраняется несколько способов повязывания тюрбана, один из них показан на таблице. У некоторых групп казахов (например, адай) для твердости в налобную часть тюрбана закладывали картон; задние концы тюрбана выводят вперед и затыкают за складки, оставляя сверху небольшой султанчик. При выходе на улицу сверху накидывают большой платок (*урамал*), завязываемый сзади узлом.

Третий тип головного убора на этой территории характерен для туркмен района Галаасия. В женском, ныне также старушечьем головном уборе этих поздних переселенцев, сохраняется шапочка архаического покроя (*туппи*), марлевый платок (*яшмак*), один конец которого свободно проводят под подбородком и затыкают сбоку, сверху повязывают сложенный по диагонали платок (*хасава*).

Характерно, что небольшая группа туркмен Ромитанского р-на, перенявшая, как мы видели выше, традиционную одежду окружающего узбекско-таджикского населения, в женский головной убор включила *лачак* казахского варианта. То же самое касается такой группы туркмен Алатского и Каракульского районов, как *хыдырали*, тесно связанной происхождением с местным древним населением. В их головном уборе есть *култапушак*, но *лачак* другой — описанного выше казахского типа. Это же сочетание нам встретилось в головном уборе таких давних поселенцев на территории Бухарского оазиса, как арабы. Распространение одинаковой формы *кимешека* у всех названных выше групп пока нами объяснено быть не может. Несколько выделяется форма головного убора бухарских евреек. Девичья шапочка называлась *туппи//тос*. Женский убор состоял из *култапушак*, а *лачак* представлял собой несшитый кусок марли длиной до 1,5 м, который оборачивался вокруг лица — слева конец спускался. Среди верхних платков большое распространение имели тюлевые платки с нашитыми по всему полю металлическими бляшками (*пулокча*), что можно считать заимствованием из Ирана.

Несколько особняком в ряду всех перечисленных вариантов женского головного убора стоит головной убор бухарских ирони: у них нет ни *култапушак*, ни *лачак*. Нет, соответственно, и обряда *саллабандон*. В женский головной убор бухарских ирони входит платок (*пешонабанд*) и верхний платок (*сарбанд*), часто тюлевый, закрывающий сзади всю фигуру.

* * *

Приведенный выше этнографический материал по одежде разных групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов позволяет проследить, в какой мере одежда как один из элементов культуры является показателем происходящих этнических процессов. А именно, в какой мере одежда, в зависимости от численности той или иной группы, длительности контактов, этнокультурной близости, в том числе и конфессиональной и других факторов, подвергается процессу ассимиляции, либо участвует в процессах интеграции и консолидации.

В отношении одежды коренного узбекско-таджикского населения Бухарского оазиса нами было отмечено ее отличие от одежды узбекско-таджикского населения других районов Средней Азии, сложившееся, в частности, в результате как древних контактов оседлого и кочевого населения, так и подчеркнутого сохранения древних средне-передне-азиатских черт³⁷. Своеобразие местного костюма проявляется прежде всего в общем силуэте, более широком и расширяющемся книзу, цветовой гамме. Для верхней одежды типичным является также широкий выем ворота.

Сложившиеся основные особенности бухарского костюма по-разному были восприняты в среде разновремененно поселявшихся на этой территории этнических групп.

Наиболее стойким этнодифференцирующим моментом остается конфессиональный. В нашем случае представлены два варианта выделения групп по конфессиональному признаку, причем здесь выступает, с одной стороны, различная степень религиозной розни (среднеазиатские евреи — иудеи и ирони — мусульмане-шииты), а с другой — временной фактор. Так, в одежде бухарских евреев, несмотря на значительную давность поселения, хотя основные ее виды стали общими с окружающим населением, но выделялись по цвету, отделке (в том числе и подчеркивавшей в прошлом их приниженное положение), сохранялись некоторые различия в составе: отсутствовали такие древние виды женского халата, как *калтача* и *пешво*, оставался своеобразный девичий головной убор, в женском головном уборе была воспринята местная форма шапочки с накосником, но *лачак* и верхний головной убор были другими. В мужском костюме бухарских евреев своеобразие сохранялось главным образом в видах головных уборов. Характерен также более легкий отход от традиционной бухарской формы одежды и более быстрая реакция на новую моду.

В отношении группы бухарских ирони, сформировавшейся примерно к середине XVI в., следует отметить, что, помимо религиозной розни (хотя она не была резкой и лишь искусственно подчеркивалась в отдельные периоды по политическим причинам), сохранению обособленности способствовал социальный фактор, а именно ведущее место ирони в ряде ремесел (например, в шелкоткачестве), в составе бухарского войска, при дворе эмира. Сочетание этих факторов — конфессионального и социального — по-своему отразилось на замкнутости ирони. В костюме, особенно женском, это проявилось почти в полном отсутствии древних местных видов одежды, и не только *калтача* и *пешво*, но и головного убора (не было ни *култапушак*, никакой формы *лачака* и *салла*, не было и обряда *саллабандон*). Характерно, что очень небольшая группа ирони, встретившаяся нам в Канмехском р-не среди казахско-каракалпакского населения, сохраняла там все виды традиционной бухарской одежды, присущей, кстати, и местному каракалпакскому населению. Т. е. в данном случае сказалось отсутствие контактов с основной группой ирони, ее малочисленность и близость с культурой давно осевших здесь каракалпаксов.

Влияние давности контактов и компактности поселения на характер этнических процессов очень наглядно наблюдается на примере трех туркменских групп Бухарской области: туркмен Каракульского оазиса, Галаасия и Ромитанского р-на. В Каракульском оазисе на материале одежды наблюдается процесс этногенетической миксации, т. е. объединения разных групп туркмен не только под общим названием «узбек», но и общей культурой, в частности в распространении единого костюма, характерного для узбекско-таджикского населения периферийных районов Бухарского оазиса. Туркмены Ромитанского р-на в силу своей малочисленности почти полностью ассимилировались с окружающим населением, но характерно предпочтение в одежде красных тонов. Цветовой признак в одежде и у других групп остается наиболее стойким. В отличие от этих двух групп недавние переселенцы в район Галаасия сохраняют основные виды традиционной одежды центральных районов Туркмении и по составу, и по форме, и по цветовой гамме.

Своеобразие развития одежды казахов Канмехского р-на определилось как сравнительно недавним временем их переселения, так и принадлежностью в прошлом к иному этнокультурному типу. В традиционной одежде казахов Канмехского р-на сохранились основные черты, присущие одежде жителей южных и восточных районов Казахстана. После переселения отмечается процесс консервации старых видов одежды. Это особенно заметно на развитии форм женского платья: если на территории Казахстана происходила смена одного покроя другим, то здесь они оказались сосуществующими.

В общем казахско-каракалпакском комплексе одежды, особенно в женском костюме, выделяется та группа каракалпаков, которая издавна поселилась среди местного узбекского населения и полностью восприняла все особенности одежды, резко выделяясь этим от живущих рядом казахов.

Выше мы сделали попытку использовать сравнительный материал по одежде разных групп населения в качестве одного из источников по изучению этнических процессов. Для более глубокого анализа характера этих процессов в каждом конкретном случае необходим более всесторонний охват всех элементов культуры, в том числе и духовной.

¹ Люшкевич Ф. Д. Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1977.

² На эту тему нами были опубликованы тезисы. См.: Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1981. С. 13—14.

³ Для сравнительной характеристики одежды местного казахского населения мы опирались на книгу: *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда XIX — начала XX в. Алма-Ата, 1964.

⁴ Подробнее см.: Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II. С. 585—586, 611—614.

⁵ Люшкевич Ф. Д. Этнографическая группа ирони // СЭС. 1971. III.

⁶ Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969. С. 25—41; *Васильева Г. П.* Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской обл. УзССР // КСИЭ. 1957. № 26. С. 127—131.

⁷ *Борзана Н. Г.* Некоторые черты культуры населения Каракульского оазиса в связи с его этническим составом: (Типы и комплексы ювелирных украшений) // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972. С. 18—26; *Жилина А. Н., Кузнецов А. И.* К истории поселений и жилищ Каракульского оазиса Бухарской обл. // Там же. С. 27—36.

⁸ *Толстова Л. С.* Каракалпаки Бухарской обл. // СЭ. 1960. № 5.

⁹ Поскольку нашим основным источником является современный этнографический материал начиная с 1961 г., то для выявления этнических особенностей мы будем рассматривать главным образом костюм представителей старшего поколения и те виды одежды, о которых еще помнят.

¹⁰ Ср.: *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда... С. 38. Здесь отмечается, что на юге и востоке Казахстана смена туникообразного покроя покроем с разрезным плечом относится к 30-м годам XIX в.

¹¹ Выкройка такого воротника была сделана казашкой 78 лет, которая в молодости шила рубахи с таким воротником для своего отца. Большой отложной воротник отмечен также у башкир, кундровских татар, киргизов, хакасов, что, по Н. Н. Воробьеву, характерно для рубах тюрков-степняков. См.: *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда... С. 39.

¹² Е. М. Пещерева отметила, что в Карши, например, слово *алопуш* — «одетый в пестрое» обозначало богатого человека. См.: *Пещерева Е. М.* Некоторые этнографические данные об агалыках в Каршинском и Шахрисабзском бекствах Бухарского эмирата в конце XIX — начале XX в. // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С. 11. Примеч. 7.

- ¹³ Первые два термина — тюркские, третий — таджикский. Словари не объясняют разницу в употреблении терминов *чапон* и *тун*. По полевым наблюдениям, название *тун* относится к более парадному халату.
- ¹⁴ На территории Южного и Восточного Казахстана термин *жейде* употреблялся по отношению к распахнутой нательной рубашке (см.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда... С. 34). Халат на одной подкладке в Казахстане называется *тадагай шапан* (Там же. С. 46).
- ¹⁵ Ср.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. С. 83.
- ¹⁶ Термин, распространенный для этого вида одежды главным образом на юге Казахстана и обозначавший там поначалу камзол с короткими рукавами (См.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда... С. 44).
- ¹⁷ Термин *тулли* во многих других районах Средней Азии относится к тюбетейке. Подробнее см. ниже.
- ¹⁸ В Самарканде тюбетейка называется *калпок*, в других районах Средней Азии наиболее распространенным термином является *тулли* (Ташкент, Ферганская долина, Хорезм, Каракалпакия, Туркмения), в горном Таджикистане — *токи*. См.: Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // СЭС. 1954. I. С. 343—344.
- ¹⁹ Подробнее см.: Сухарева О. А. Древние черты... С. 342—351.
- ²⁰ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1982. С. 74.
- ²¹ В таджикско-русском словаре этот термин объясняется как ночной колпак, особая тюбетейка, надеваемая на ночь (Таджикско-русский словарь. М., 1954. С. 449). В современных персидских словарях это слово отсутствует. Вместе с тем в толковом персидском словаре XVII в. (Бурхон-е Каты. Т. 2. С. 88) слово *шапбуш* объясняется как «*кулох* и *такие*, которые надеваются на ночь». Изображение этого вида мужского головного убора отмечено в Гератской миниатюре конца XV в. См.: Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 64—65. Рис. 7—40.
- ²² В других районах Средней Азии для спущенного конца чалмы известен термин *фач*.
- ²³ См.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда... С. 63. В настоящее время среди бухарских казахов термином *калпак* называют европейского типа фетровую шляпу, широко вошедшую в обиход. Старики по традиции надевают ее поверх *такля*.
- ²⁴ На смену *тымак* постепенно приходит шапка с меховыми отворотами, известная у узбеков под названием *теллек*, а у казахов — *кулохшин*.
- ²⁵ См.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда... С. 72.
- ²⁶ Сухарева О. А. Древние черты... С. 331.
- ²⁷ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса первой половины XX в. // Сб. МАЭ. 1978. Т. XXXIV. С. 130—139.
- ²⁸ Платья этого покроя известны в некоторых горных районах Таджикистана как зимостояние из Бухары. Видимо, распространение этой моды шло через наместников бухарских правителей. См.: Ершов Н. Н., Широкова З. А. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969. Табл. 41—5, 46—2 С. 29—30.
- ²⁹ Такого же рода замена происходила в Самарканде и в верховьях Зеравшана // Сухарева О. А. История... С. 22—23; Широкова З. А. Одежда // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. С. 187—186.
- ³⁰ См.: Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда... С. 81.
- ³¹ Широкова З. А. Глава «Одежда» // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. С. 196—199.
- ³² Сухарева О. А. История... С. 57—63.
- ³³ В разных районах Средней Азии этот вид женского халата известен и под другими названиями (*мунисак*, *мурсак*). Различна и степень подчеркнутости основных его особенностей. См.: Бикжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960. С. 47—55.
- ³⁴ См., например: Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник // СЭ. 1972. № 2.
- ³⁵ На основной территории расселения каракалпак *калпача* не было.
- ³⁶ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда... С. 115—121 и таблица.
- ³⁷ Люшкевич Ф. Д. Одежда... С. 123—144.

Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX—XX вв.)

Р. Я. РАССУДОВА

Решению проблемы этнической истории может способствовать изучение материальной культуры и быта отдельных народов. Одежда во всем ее многообразии и изменчивости, со своими обозначениями в зависимости от среды, времени и территории бытования является ценным источником для освещения конкретной истории, этногенеза и культуры среднеазиатских народов.

Изучение одежды, особенно среднеазиатской — дело кропотливое и хлопотное. Убеждение народа, что носимая одежда — часть самого человека, источник положительного или отрицательного воздействия на него, нередко вызывает настороженность даже к расспросам о ней. Передача же какого-либо предмета одежды (дарение, продажа) другому у старшего поколения до сих пор сопровождается охранными действиями — отрыванием пуговиц, осыпанием золой или вешанием над огнем и т. д. Так же поступали при приобретении, употреблении и хранении предметов одежды. Особенности одежды определялись возрастными периодами, социальным положением, местом и временем, хозяйственными циклами, мировоззрением, горем и радостными событиями в жизни. Эти нормы и требования влияли на используемые материалы, оформление, расцветку и рисунок предметов одежды, на их величину и покрой.

Сложная жизнь одежды требует дифференцированного подхода при ее изучении. Один из методов изучения одежды — точный учет состава приданого невесты¹⁻². Мы расширили объекты точной фиксации одежды: изменение ее — по возрастным циклам; одежда участников различных объединений во время общественных, религиозных и других празднеств, хозяйственных работ (полевых, домашних), обычных посещений соседей и родственников или при поездках в гости в чужие края. В результате такого конкретного (персонального и событийного) сбора материалов постепенно выявлялось своеобразие одежды людей различной этнической

р. Ангрен от Аблыка до Пската включительно) и Ферганской долины (от Чадака до Касана, от кокандских селений до андижанских).

В XIX— первой четверти XX в. основную массу населения этой территории составляли сарты. В Ферганской долине сарты сосредоточивались в крупных селениях и городах, в староорошаемых частях водных бассейнов: Сохского, Шахимарданского и Исфайрамского (Кокандском и Маргеланском или Скобелевском уездах); в Чирчикском бассейне: в Кураминском (Ташкентском) у. и в Пскате на Ангрене¹⁵. С конца первой четверти XX в. сарты стали называться узбеками. Однако в быту они и сейчас сохраняют свое старое название и по-прежнему отличаются от другого населения одеждой. Таджики, близкие по культуре и быту сартам, были сосредоточены в предгорных районах бывшего Наманганского у., в западной части Сохского бассейна (Кокандский у.) и в южной, предгорно-равнинной окраине долины (Маргеланский у.). Своим хозяйственно-культурным комплексом, характерным для полукочевого населения, выделялись наманганские кипчаки, андижанские турки, кокандские каракалпаки и ангрениские курама. Эти группы народов вместе составляли примерно 20% населения. Среди местного населения в прошлом выделялась группа, известная под обобщающим названием ак или авлие, т. е. белый или святой. Они разделялись на ходжа, сайдов, караханов, тура; их же называли задиён, тубдор, сахиби или сахиблар¹⁶. Все ак были сосредоточены в районах древнего орошаемого земледелия, соседствуя большей частью с сартами и таджиками-кара. Ходжа жили в основном в городах и крупных селениях, но в небольшом количестве они встречались почти во всех селениях. Представители группы ак, как и сарты, таджики, занимались различными отраслями хозяйства (земледелием, ремеслами, торговлей), но отдавали предпочтение интенсивным видам хозяйства, например, садоводству, а также оптовой торговле. Ею же было представлено как светское, так и духовное управление на всех уровнях. Подобное хозяйственное, социальное и политическое положение группы ак определяло и некоторые особенности ее материальной культуры, в частности одежды. Это постоянно отличало ак от окружающего населения.

Одеждой население обеспечивало себя по-разному. Это зависело от вида одежды, возраста человека и расстояния от места поселения до крупных торговых центров. Некоторые виды одежды изготавливали сами и только дома, другие — напротив, только покупали у специалистов, работавших по заказам и «на базар». Наконец, некоторую часть одежды (хотя бы и в виде мерного куска ткани) каждый человек получал в разные периоды своей жизни в виде подарка.

У сартов, таджиков и особенно у ходжа существовало определенное отношение к тканям и одежде. Шелк считался святыней; он (как и шелковые черви и тутовник) одушевлялся ими и почитался. Человек, соприкасавшийся с шелком, обязан был строго соблюдать нормы поведения в обществе и быту. Так как большинство людей этому не следовало, то им запрещалось или ограничивалось ношение шелковой одежды, или же мужчины должны были пользоваться полушелковой одеждой (причем из ткани именно с бумажным утком)¹⁷. Считали, что шелк должен быть выше других материалов, платья из него нельзя было надевать на голое тело.

Поэтому мужчинам не шили шелковые рубашки, а женщины носили платья из шелка только поверх нескольких простых.

Запасы одежды хранили в сундуках, поставленных в большие ниши торцовой, парадной стены. Постоянно носимую одежду помещали в специальные тканевые обертки (*бугджома*) и укладывали их в соседние ниши передней и задней стен. На колышки (между посудными нишами задней стены) вешали нарядную верхнюю одежду мужчин, нередко прикрывая ее вышитыми поясами-платками или длинными полотнищами. Кроме того, одежда взрослых вывешивалась высоко на перекладине (перед торцовой стеной), поддерживаемой сверху двумя шестами, прикрепленными к балкам потолка. В чистую одежду обязательно вкладывали различные пахучие травы, считая их охранными средствами (рута — *хазораспанд* или *исирык*, базилик — *райхон*, мята — *ялпис*, листья грецкого ореха — *янгок*, ветки лоха серебряника — *джигда*).

Первой одеждой (пеленкой) новорожденного являлись мягкие ткани, оставшиеся от старых материнских платьев. Через три-семь дней пеленаний на ребенка надевали рубашку *мусулмон-китта*, *куйнакча*, *куртача*. Ткань для нее выпрашивали кусками в семи домах, у многодетных женщин, одна из которых обязательно должна была быть из ходжа. Рубашку кроили из цельного куска и шили ближайшие родственники. В этой рубахе ворот выкраивался по горизонтальной (поперечной) линии сгиба прямоугольной ткани. Для рук оставляли по бокам отверстия или же выкраивали цельные рукава, вырезав с боков по кусочку ткани. Швы по бокам соединяли «на живульку» (швом наружу) и не доводили до подола «пальца на два-три», подол не подгибали. Подобную рубашку надевали в течение 40 дней, почему ее всюду называли также *чилля куйнак* («платье сорокаднейвья»). Для охраны ребенка от злых духов, придания ему здоровья и мужества рубашку предвременно прикладывали к собаке, особенно «красной» — рыжей масти (сарты, таджики) или к точильному бруску из крупной горной гальки (тюрки, кипчаки). В соответствии с тем, к чему прикладывали рубашку — к собаке или к бруску, рубашка *киттаки* называлась или *ит куйнак-куртаи сагак* или же *кайрак куйнак*. По истечении сорока дней ферганские сарты и таджики старую рубашечку заменяли новой, распахонкой (со сплошным разрезом спереди); остальные группы населения по-прежнему вырезали лишь отверстие для головы, но не только горизонтальное, а и треугольное. Цельнокроенный рукав с овальной линией выреза под мышками, как и цельные плечи, сохранялись во всех рубашечках. Такие рубашечки грудным детям надевают и в настоящее время. Длина рубашек почти соответствовала росту ребенка, закрывая ножки, она как бы заменяла штанишки. Количество детских рубашечек не должно было превышать число семь.

На годовалого ребенка надевали рубаху иного покроя — прямого (*тугри-пичим*)*, который сохранялся до конца жизни человека, до «последней одежды» *охират кийм* — т. е. до савана (*кафана*). По этому крою прежде цельная рубашка превращалась в составную. В ней выделялся стан, рукава и боковины. Причем в этой детской рубашке плечи, рукава

* Такой покрой в этнографической литературе принято называть туникообразным. — *Примеч. ред.*

и боковины были неразрезными. Швы проходили по низу рукавов и по линии стана: к нему пришивали рукава, а ниже — боковины; и те и другие в развернутом виде имели форму равнобедренной трапеции (рукава выкраивали поперек, по утку ткани, что хорошо видно при полосатых рисунках). Между рукавом и боковиной обязательно вставляли ластовицы треугольной формы *кулфак-кулпак* (для мальчиков) и прямоугольной или квадратной — *хиштак* (для девочек). Ворот вырезали треугольной формы со сплошным разрезом спереди или без него. Воротник не считался обязательным для детской рубашки; чаще всего его и не пришивали. Тем не менее воротник имелся у рубахи паркатских мальчиков, а в Маргелане и Андижане — и у рубахи со сплошным разрезом спереди (почти не встречавшихся в Ташкентском оазисе). Увлечение воротниками (пришивание их здесь к рубашкам даже грудных детей) кокандские сарты объясняют зазорным, беспокойным характером (*якалашчан*) маргеланцев и андижанцев¹⁸.

Утепление ребенка специальной одеждой начинали со времени его устойчивого сидения. Зимой надевали *гуппича* и *тонча* или *джамача* того же составного прямого покроя, что и рубашка. *Гуппича* — это короткая (до ног), простеганная по ватной или шерстяной подкладке рубашка с горизонтальным вырезом ворота. Под нее надевали тканевую рубашку (до колен), служившую и подкладкой для *гуппича*, а поверх нее — распашной *тон*, простеганный с ватой вместе с верхом и подкладкой. Его шили на рост ребенка (подол по-прежнему не подгибали). Поэтому какое-то время им защищали и ножки, как правило, не обутые. Рубашку или верхнюю одежду опоясывали платочком, как только ребенок начинал ходить самостоятельно; эти платочки готовились заранее, к году.

Всюду были распространены детские переднички, закрывавшие в основном грудь — *олди* или *нешгир*, *ошхурак*; они предназначались для защиты одежды от загрязнения. Конструкция их была весьма разнообразной: от куска ткани, прилагавшейся к груди, с завязками сзади или сбоку, до короткой рубашки с короткими же рукавами или без рукавов, с разрезом на плечах, сзади или сбоку; застегивали их на пуговицы или же завязывали тесемками. Пользование передничками прекращалось годам к трем — редко к четырем.

Голова ребенка, как и взрослого, до конца жизни постоянно покрывалась (особенно во время еды) платками (почти квадратной формы) и различными шапочками, изготовлявшимися большей частью специальными мастерицами. Детские шапочки — *кулохча*, *калпакча*, *дупи*, *кулпунуш* надевались одинаково на мальчиков и на девочек. Их не делали твердыми; проложив верх тонким слоем ваты, простегивали редко и слабо натягивали нить.

Дупи сшивали из двух или трех частей: околыша и круглого верха с вырезанным сектором. Сшитый по линии разреза верх *дупи* представлял собой конус. Еще на рубеже XIX—XX вв. детские шапочки (как и у взрослых) были высокими по сравнению с современными *дупи*. Но и тогда детские *дупи* кипчаков, тюрков или курама выделялись большей высотой, а также преобладанием различных султанчиков из птичьих перьев. Годам к двум-трем на шапочке оставляли лишь один амулет. *Дупи* сартовских детей были низкими и отличались разнообразием и красочностью тканей,

тесемок на околыше, пышностью кисточек и шариков из шелковых и бумажных нитей, вышивок, блесток и обилием амулетов. Одна такая шапочка изготовлялась самой молодой матерью. В холодное время надевали более глубокую и закрывающую уши шапочку *калпак*. Она выкраивалась двояко: с назатыльником и широкими лопастями, охватывающими сверху голову и щеки, или овальным верхом и также широкими лопастями, закрывающими голову сзади и уши. В холодное время голову мальчика также утепляли платком, но лишь поясным *чорси*, *белькарс*, *кийик*.

Пользование поясной одеждой начиналось со времени прекращения беспорядочности в личной гигиене детей. Первые детские штаны представляли собою лишь ноговицы (без шага, мотни), соединенные на бедрах (так носят до сих пор и взрослые). Штаны старших имели уже мотню-шаг, выкраивавшийся для мальчиков ромбовидной или прямоугольной формы. Причем угол мотни поверху не доходил до края штанов. Прямую же мотню вставляли полностью между штанинами. В обоих вариантах штанины были скошенными по внутренней линии.

В немногих уже селениях (Катпут, Хангыз, Гурумсарай, Сиджак, Нанай) нам удалось выявить, что еще примерно в 40-х годах достижение ребенком семилетнего возраста отмечалось специальным одариванием его ближайшими родственниками и соседями различными видами одежды, составлявшими полный ее комплект. С этого года как бы устанавливалось некоторое разделение в нательной одежде детей различного пола; вводились дополнения в костюм ребенка, продолжавшие сохраняться и в одежде взрослого. Отныне мальчикам предписывалось носить рубашу с треугольным вырезом ворота (Ташкентский оазис) или со сплошным разрезом спереди — *яктак* (Ферганская долина). Причем в этот день, иногда и в течение года, рубашки мальчиков обязательно были только белыми. С этого возраста окончательно устанавливается весь состав одежды на дальнейшую жизнь, все детали кроя и оформления отдельных видов ее. Наплечная одежда шилась уже с воротником (за исключением горизонтального ворота). К полам верхней одежды обязательно пришивались клинья, боковины выравнивались (Фергана) и все края обшивались тесьмой. Сохранялся трехчленный принцип кроя, но цельность составных частей (рукавов и боковин) одежды в дальнейшем становилась необязательной (по-видимому, вследствие увеличения размеров этих деталей, не соответствовавших малой ширине местных тканей). И, наконец, мальчики, помимо разноцветной, могли носить верхнюю одежду и черного цвета. На этот один день голову мальчика впервые обвязывали длинным полотнищем (со сторонами 1:2) *кошак чорси* или *кош кайык*, т. е. двойным (поясным) платком. Этот убор назывался *печ* (у взрослых — *салла*). Рубашку же с горизонтальным вырезом ворота с этого времени не считали только детской и тем более обычной для всех и любого возраста.

Мужская наплечная одежда и в XIX, и в XX в. состояла из различных видов нательных рубах и верхних утепленных одежд. Мужские рубахи разделялись на два вида: распашную и нераспашную. Последняя в свою очередь различалась по вороту: в рубахе *пирахан* (таджики) или *яктак куйнак*¹⁹ (тюркоязычное население) вырез ворота был треугольным; в рубахе же *кифтаки* или *киптаки* (таджики), или *муллоча* (повсеместно, у всех), или *мусульмон куйнак* (ферганские сарты, ходжа, кипчаки) —

горизонтально-овальным. Распашная рубаха *ятак* была характерна для ферганских кара, а именно сартов и таджиков, не принадлежащим к группе ак; таково мнение представителей обеих групп (ак и кара), особенно жителей Андижана²⁰, Пската, Парката, Сиджака и др. Ферганский *ятак* (распашной)²¹, *ятак-куйнак* или *пирахан* были особенно короткими (причем даже у стариков он едва прикрывал колени). Длинная рубаха *муллоча* или *мусульмон куйнак*, известная повсеместно, имела распространение среди учащихся духовных заведений и служителей мусульманского культа разных уровней (что сохраняется и сегодня среди старшего поколения). Однако, как известно, духовенство представлялось не только вообще оседлым населением (сартами и таджиками)²², но, как и сельские старосты²³, состояло из принадлежащих к группе ак²⁴. Потому понятно мнение населения, что рубаха *муллоча*, или *мусульмон*, является исконно приличествующей группе ак (ходжа, тура, саид и т. д.) — *уларнинг азали куйнаги*. Это положение подтверждается и значением, приписываемым рубахе *муллоча-мусульмон куйнак*, часто уже не объясняемым населением. В ряде мест в «одеянии» новорожденного (согнутой пополам квадратной ткани) отверстие для головы прорезали только по горизонтали, причем с определенным смыслом — «*иримига*» («таков обычай»). Слабого ребенка иногда пытались лечить надеванием рубахи *муллоча* (при этом бока не сшивались); этот прием испытывали и на взрослых. Наречение таких имен, как Игитали, Худойберди, Ходжа и некоторых других обязательно сопровождалось облачением ребенка в рубаху *муллоча*, как и при пожелании различных добродетельных качеств. Рубаха такого покроя считалась красивой и называлась шахской, т. е. жениховской (как и жених — шахом), и входила в костюм жениха. Рубаха же с треугольным вырезом ворота считалась «неприличной» для жениха, а распашная — даже «недопустимой». *Мусульмон куйнак* якобы «способствовала» усвоению «исламской веры» и ее сохранению, в чем особенно нуждались именно кара. Этим и объясняется, почему курама, каракалпаки, кипчаки и другие старались чаще носить эту рубаху, особенно в детстве и юношестве, а затем в старости. Но, тем не менее, «любимой, закаляющей, делающей отважным и мужчиной» у них, как и у сартов и таджиков из кара, являлась распашная рубаха — *ятак*.

В XIX в. мужская часть населения носила еще один вид нераспашной рубахи с горизонтальным воротом — *гуппи куйнак*, *гуппича*, весьма распространенной еще и в первой четверти XX в. *Гуппи* носили даже сарты и таджики, особенно предгорных и горных районов. А для остального населения *коппо*, т. е. *гуппи*, была обычной одеждой, использовавшейся одновременно с войлочными *кебанаками*. *Гуппи* представляла собой двуслойную тканевую рубашку с прокладкой из шерсти (в скотоводческих районах, среди каракалпаков, киргизов, кипчаков и тюрков ее простегивали вместе с верхом). Для детской *гуппи* применяли тонкую мягкую шерсть, состриженную осенью цельным слоем с живота овцы, и без тканевой прокладки. Это средство (считавшееся лечебным при простудных заболеваниях) было известно и оседлому населению. В сартовских и таджикских *гуппи* использовали обычно хлопковую вату. Теперь рубаху *гуппи* носят лишь дети и старики самых отдаленных от городов районов.

Гуппи, нижняя многослойная рубаха сартов и таджиков, постепенно заменялась иной, распашной формой одежды, носимой к тому же только

поверх рубахи — *нимтан*, *нимча*, *камзулча* и т. д. И этот новый вид одежды принят всеми.

Рубеж XIX—XX вв. отмечается появлением новой рубахи небольшой длины, отличавшейся от старого типа рубахи стоячим воротником и вертикальным разрезом ворота — *ногай яка*, *бугма яка куйнак*. Впервые она появилась среди небольшого круга горожан-торговцев, местной интеллигенции — преподавателей новометодных школ, служащих печати и государственных учреждений и т. д. С 1920—1930-х годов эта рубаха стала типичной почти для всего населения Ташкента (за исключением, по-прежнему, служителей культа и стариков). Сельское население воспринимало эту рубаху медленно, особенно таджики отдаленных районов и кураминцы (в отличие от кураминок). В наши дни рубаха со стоячим воротником, носимая в основном стариками, в отличие от предшествующих форм, не стала характерной для ферганцев, хотя изредка встречается и там. Напротив, рубаха с отложным воротником и сплошным вертикальным разрезом спереди и рукавами, вшитыми в овальную пройму, распространилась в ферганских городах раньше и среди почти всех слоев населения. К настоящему времени в рассматриваемом регионе эту рубаху носят почти все.

Итак, рассмотренные нами различные виды рубах имеют свои ареалы и среду бытования. Наиболее древняя форма рубахи покроя *тугри-пичим* с горизонтальным воротом сохраняется среди служителей культа и среди стариков-ходжа и, реже, курама, кипчаков, каракалпаков, таджиков дальних селений. Рубаха *яктак* (распашная и нераспашная) по-прежнему характерна для ферганского населения, теперь в основном сельского, независимо от возраста и этнических различий. Рубаха со стоячим воротником повсеместно стала стариковской и в то же время типичной именно для таджикского населения, особенно Ташкентского оазиса.

Наплечная верхняя одежда мужчин в XIX в. была представлена несколькими видами (все они распашные): *тон* (*тун*) — *джома*, *камзул*, *нимтан*, *джелак*, *кебанэк*, *чакмон*. Судя по многозначности термина *тон*^{25—26} и широкой распространенности его среди народов Средней Азии и за ее пределами, этот вид одежды (как и термин) являлся весьма древним, особенно «ферганский» вариант. Последний носили все, особенно сарты, таджики и ходжа, причем молодые и среднего возраста. Этот вариант верхней одежды отличался от подобных малой длиной (до середины голени), прямыми боковинами, узостью в объеме (запах получался благодаря лишь передним клиньям), открытой грудью (так как небольшие передние клинья пришивались к стану низко) и, наконец, неизменно черным цветом верхней ткани, обязательно простеганной с ватой и подкладкой. Без *кора тон* («черного») ферганские мужчины обходились лишь в летнюю жару (оставались в белых *яктаках* — распашных или нераспашных и штанах). Но и тогда во время длительных полевых работ *тон* надевали обязательно. По их мнению, он предохранял тело от палящего солнца. Обычно это была старая, уже пропитанная потом одежда, почему она и называлась *чапар*, *чапан*, а у крестьян — *чапани*²⁷.

Жители Ферганы и ташкентских селений, особенно ходжа, во время посещения «святых» мазаров, свой *кора тон* (или один из них — зимой), распластав по ширине и свернув воротником и рукавами вовнутрь, накидывали наискосок через плечо или на шею; так носили иногда вместо хала-

та поясные платки. Такая манера ношения одежды была известна как «ходжинская» — *ходжалар расми*. Таджики называли ее также «брошенным, накинутым хвостом» — *партофтаи дум*, тюркоязычное население — *ташлама* или *тайлама*, сами же ходжа — *тилас*, *тайлас*. Возможно, о ней говорят и изображения на южноиракских миниатюрах XII—XIII вв.²⁸ Эта манера считалась традиционной при ношении платков, шарфов суфиями и имамами Востока²⁹. По-видимому, этим и объясняется сохранение термина *тайлама-тайласа* именно ходжами, составлявшими основной контингент суфиев даже в прошлом веке. Наконец, и все обозначения ее, бытующие даже в настоящее время среди местного населения, являются искаженными вариантами арабского термина *тэйлис-тилсан* (мн. ч. *тэялсэ*). Под последним подразумевался «конец тюбана, висящий в виде хвоста на плечах турецких монахов»³⁰.

Черного цвета верхняя одежда на вате, с рукавами, являлась обыденной для молодых и среднего возраста ферганцев, даже во время войны.

В XIX в., наряду с *кора тон*, существовала верхняя одежда и других, не черных расцветок: желтовато-белая в различные полосы (для молодых и женихов), красная. Употребление одежды светлых тонов ограничивалось определенными обстоятельствами и средой, возрастом людей. Так, в конце XIX в. участники «священной» войны против неверных — газавата (Андижанский и Мархаматский округа) — облачились в *малла тон*, или просто *малла* (желтоватый), по крою идентичный черному. *Малла тон* имелся в каждом доме хотя бы в одном экземпляре. В центре и на западе долины (в Сохском водном бассейне), основном районе средоточия сартов и частично таджиков, *малла тон* надевали во время общественных трапез (*дарвишона*), устраивавшихся в связи с весенним Новым годом. В светлых одеждах (*сафид джома*) выходили и таджики ташкентских предгорных и горных селений на новогодние гуляния Науруз.

В обычной же жизни одежда, именно верхняя распашная, светлых и белых цветов, серовато- и желтовато-белых, с розоватыми, салатными и другими пастельными тонами как каждодневная, сохранялась у ходжей (обычно старшего возраста), независимо от места их поселения. Светлый тон одежды ходжей имел даже свое название — *сура тон*. По словам старых ткачей (из Пската, Задиена, Маргелана и Намангана), *сур* или *сура* — полушелковая ткань серовато-белого цвета с редкими и узенькими полосками (темно-серых, зеленых, темно-бордовых (для стариков) и нежно-голубых, синих, розовых, желтых, красных (для молодых, особенно женихов) тонов. Эта ткань и изготовлялась специально для ходжей. Последние называли этот же *сура тон сара тон*, т. е. главный, особый тон, характерный лишь для них, ходжей. Он действительно был особым, как уверяют ходжа, отличаясь не только тканью, но и покроем *руми* *. Кроме того, поверх него нельзя было надевать другую одежду и закрывать таким образом одежду, служащую символом ходжей. *Сура*, или *сара тон*, не простегивали с ватой, и потому он считался *авростар тоном*, т. е. легким халатом без ваты. Аналогичное положение выявлено нами в Чадакском р-не и в Чартакской группе селений. Полосатая светлая одежда и здесь была характерной для *улама*,

* Покрой *руми* в данном регионе соответствует покрою типа кимоно, причисляемого к разновидностям туникообразного. — *Примеч. ред.*

оголык (ходжа), которых, соответственно, и называли *алатонлилар*³¹ (пестрохалатные).

Наконец, нами зафиксировано ношение верхней одежды красного цвета (однотонного и служившего фоном) — *кизил тон*. По мнению сельских жителей, этот цвет был более присущ прежней, причем не только мужской, верхней одежде. В настоящее время *кизил тон* встречается лишь в одеяниях стариков (Сукок, Паркат, Акташ, Обирахмат, Газалакат; в Фергане мы не получили подобных сведений). Красный цвет повсеместно воспринимался как средство сохранения здоровья, молодости. Ношение светлой и красной одежды, хотя уже ограниченное в нашем регионе определенными возрастными группами и различными обстоятельствами, возможно, уходит своими корнями в значительно более раннюю историю народов Средней Азии и связано с «людьми в белых одеждах» и «одетых в красное». Белый и красный цвета были символами народных движений VIII—XII вв., имевших место на территории Средней Азии, особенно в Шашской (Ташкентской) обл., Северного и Западного Ирана³². Поэтому едва ли можно объяснить лишь модой XX в. особенное распространение в Ферганской долине красной верхней одежды после Октябрьской революции и в годы Великой Отечественной войны³³.

Обычная стеганая одежда, особенно *кора тун*, служила также и накидкой — защитой от непогоды (а женщины Ферганы ею закрывались и от посторонних). Специальной накидки или другой одежды от дождя и холода у сартов и таджиков долинных низин не было. В то же время их соседи каракалпаки, кипчаки, тюрки и курама в ненастье надевали одежду с верхом из водонепроницаемого сукна или из кошмы местного производства — *чекман* и *кебэнэк* или *коппо*, *купэ*³⁴. Первый отличался от *тон* не покроем, а отсутствием подкладки и ваты и материалом, из которого он изготовлялся (из шерстяной ткани, второй — из валяной кошмы-войлока). Шерстяную ткань (из пряжи осенней стрижки) полотняного переплетения ошпаривали (в котле) кипящей водой, чтобы она впоследствии не пропускала воду. Цвет *чекмана* соответствовал естественному цвету бараньей шерсти — от различных оттенков коричневого до черного. Белый же *чекман* встречался редко и то лишь, у богатых людей. Как ткань, так и сам *чекман* изготавливали таджики обеих частей региона, кипчаки, каракалпаки, тюрки и курама.

Второй дождевик — *кебэнэк*, *купэ*, *коппо* был двух видов: с рукавами и без них и даже без проймы. Последний представлял собой как бы мешок с горизонтальной выемкой для шеи и вертикальным сплошным «разрезом» спереди. *Кебэнэк* валяли цельным, оставляя отверстия для головы и рук (шерсть весенняя). Однако при валянии *кебэнэка* соблюдали одно, неизвестное в литературе, правило: шерсть клали не беспорядочно, как в кошме (лишь бы толщина была одинаковой): здесь шерсть выкладывали как бы полосами, причем следующие полосы накладывали на предыдущие и так до верху (плеч). Этот прием, напоминающий кладку крыши из черепиц или щепы, увеличивает сток воды с *кебэнэка*, потому он и не промокает. В наше время *кебэнэки*, изготовленные около 50 лет тому назад, все еще сохраняются у пастухов — киргизов, курама, тюрков и кипчаков, особенно у отгоняющих скот далеко в горы (Алай и др.). *Кебэнэки* теперь

заменяются шерстяными *чекманами*; последние изотовляются из сукна домашнего производства.

В последней четверти XIX в. в обеих частях региона фиксируется принципиально новый по крою вид одежды — *камзан*, *камзул*. Судя по этому термину (по нашему мнению, этимология которого «недостаточный», «шитье с изъяном»), существовавшему уже в начале XIX в., а также по изобразительным материалам, одежда с некоторыми отступлениями от прямой формы существовала давно, в XV—XVI вв. Возможно, часто изображавшаяся верхняя одежда с короткими рукавами, меньшей длины, чем нижняя, уже тогда причислялась к *камзанам*. Отличие же *камзулов* XIX—XX вв. заключалось не только в длине рукавов и стана (они варьировали в различных сочетаниях), но и в резком изменении всего принципа покроя. В отличие от традиционного прямого (*тугри*) кроя, отдельные части этой одежды вырезались; они состояли из передних полотнищ, спинки и рукавов, вшитых в овальную пройму.

Судя по нашим полевым материалам, в Ташкенте первыми начали носить камзулы мужчины таких профессий, как преподаватели, мелкие торговцы, ремесленники-ювелиры, ткачи шелковых материй, портные и др.; постепенно он распространился всюду и среди всех групп населения. Ташкентский оазис, однако, остался по-прежнему основным районом бытования камзулов. В настоящее время и здесь в селениях *камзулы* носят почти все старики, а в городах — в основном служители культа.

Непосредственно на тело, под наплечную одежду, рубаху, надевали поясную — штаны. Употребление штанов было настолько обязательным, что это слово стало их обозначением — *лозима* (необходимый), одинаково принятым всеми и всюду³⁵. Одновременно таджики называли штаны *эзор* или *пойжома*, т. е. «покрытие для колен» или «одежда для ног»; тюркоязычное население — *иштон*, *аяктон*, т. е. «нижняя, внутренняя ножная одежда». В этом районе штаны также назывались *чилбар*, *шалбар*, *чилтон*. Нательная поясная одежда шилась из хлопчатобумажной ткани (бязь), а верхняя — из плотного шерстяного сукна и замши (тюрки, кипчаки, предгорные таджики); тканевые штаны, простеганные на вате, также надевали поверх нижних (сарты, таджики). Покрой штанов был одинаковым у всех этнических групп региона. Как и детские, штаны взрослых состояли из трех частей: двух штанин *балак* (кипчаки, каракалпаки, курама), *пойча* (сарты, таджики) и шага-ширинки *ау-аг*, *хиштак* (у всех, соответственно в женских и мужских штанах). Шаг *ау* имел форму параллелограмма или, в сложенном виде, треугольника, *хиштак* же мужских штанов — форму прямоугольника. Последняя форма почти исчезла, дольше сохранялась в верхних, особенно суконных штанах. По представлению старшего поколения (80—90-летних в 1951—1955 гг.), формы шага-ширинки воспринимались как половые органы (последний раз это отмечено нами в 1968—1975 гг. в селениях Обирахмат, Мазаркишлак, Катпут, Пиникан, Найман (около мазара Ходжа Турап). Эти представления, несомненно, отражаются в конструкции детских штанов без ширинок.

Мужские нательные штаны, обычно белого цвета (у сартов и таджиков) или же цветные однотонные и полосатые (у остальных групп населения), в теплое время года теперь носят в основном пожилые,

причем не только дома, но и в общественных местах, а молодежь, особенно сельская — только дома. Мужчины среднего возраста так же предпочитают свободные (легкие одинарные летом и иногда утепленные ватной подкладкой или более плотной толстой тканью — зимой) штаны прежнего покроя, удобные и в быту, и на работе. Изменение покроя этих штанов заключалось в установлении ромбовидной формы ширинки, упирающейся теперь в центр тупым углом, в превращении их в нижний вид одежды, в укорачивании.

Из новых видов мужской поясной одежды, примерно с 20—30 по 60-е годы, здесь утвердились верхние штаны типа галифе. Они бытовали особенно среди сельских работников среднего возраста (руководителей колхозов, агрономов, счетных, административных и партийных работников). Галифе считают весьма удобными, так как они просторны в верхней части. Штанины (отрезные под коленкой) плотно облегают ноги, поверх них обматывают портянки *пойтова* и надевают сапоги. В середине XX в. признание получили брюки (*бурук, шим*), известные и ранее. По крою они аналогичны галифе, но штанины их — цельные до низу, прямые и широкие, поэтому уже тогда их носили не только молодые, но и люди среднего возраста, а в городах — даже старики, хотя и редко. Впоследствии (в 60—70-е годы) эти штаны в соответствии с модой стали узкими, потому — в основном лишь молодежными. Широкие же брюки в селениях донашивались мужчинами, достигшими к тому времени среднего возраста, а в городах их превращали в основном в домашний, рабочий вид одежды. Отношение к штанам зависело также от материала и характера трудовой деятельности человека. Крестьяне предпочитают штаны из плотной бумажной ткани и носят их, как и галифе, заправленными в сапоги *этик* (кирзовые, хромовые — черные и желтые). Служащие учреждений, учителя и горожане используют и штаны из шерстяных тканей, но обуваются не в сапоги с высокими голенищами, а в низкие полуботинки (*бэтинкэ*). Сельское население, как и многие горожане, в домашних условиях пользуются не традиционной одеждой, хотя она обычно имеется в доме, особенно верхняя (ватная), а пижамной парой. Эта легкая и свободная одежда, как правило, шьется из полосатой ткани, традиционной для местного населения. Ее название принято всеми, ибо оно созвучно с давним обозначением штанов — *пойджома*. В то же время блузу нередко называют *куйнак-курта*, а штаны — *иштон-пойджома*.

Традиционные штаны, как и прежде, укрепляются на бедрах тесьмой специального плетения; пижамные же штаны продергиваются только резинкой. Однако в селениях резинку скоро заменяют обычной тесьмой, ибо она теряет свою эластичность. Галифе и брюки, объединяемые одним термином *шим*, имеют свои пояса с застежкой. Но они поддерживаются (на талии) также и кожаным ремешком; его пропускают через нашитые на пояс петли и застегивают спереди. Кроме того, ферганские таджики и узбеки, т. е. те же сарты, поверх *шим* обвязываются поясным почти квадратным платком, обязательно вышитым по всем сторонам и углам. Если рубашки современные — распахные или с вертикальным разрезом спереди (с отложным воротником, вшивными в овальную пройму рукавами с манжетами), то их заправляют в штаны; *яктаки* носят навыпуск.

Головные уборы населения Ферганско-Ташкентского региона разли-

чались по материалу (тканевые, войлочные, меховые), видам (платки, различной длины полотнища для обертывания головы, шапки), по оформлению (качеством и расцветкой ткани, дополнительными украшениями), манерой повязывания или надевания, сочетанием различных форм уборов. На выбор материала, расцветки и видов этих уборов, на их оформление влияли половозрастная, этническая принадлежность и нередко социальное положение человека.

Мужские головные уборы различались по покрою и по назначению, и некоторыми дополнениями. В XIX в. здесь были известны такие уборы, как *кулох*, *дупи* (изредка — *каллапуши*), *аракчин*, *теллак-тепак*, *бурук* (изредка — *барак*), *калпак*, *салла*. По литературным материалам (в основном словарным) почти все виды головных уборов (в том числе и женские, даже шахская корона) одновременно обозначались термином *кулох*. Со второй половины XIX в. под *кулохом* подразумевали лишь специфический конусообразный убор двух видов, носившийся двумя различными категориями духовенства. Войлочные конусообразные *кулохи* составлялись из двух половинок — высоких (до 23—26 см) равнобедренных треугольников, низкие же, облежавшие голову *кулохи* из ткани — из четырех треугольных долек. Эти части сшивались по вертикали, т. е. по длинным сторонам. Горизонтальное членение *кулохов* на верх (четыре сектора) и околыш лишь имитировались вышивкой (на верхнем покрытии войлока) или стежкой (на тканевых *кулохах*, часто проложенных ватой). Последний небольшой *кулох*, на острой макушке покрытый более нарядной тканью (обычно зеленого, иногда черного цветов), в отличие от громоздкого и вышитого *кулоха* из войлока, сверху обязательно оборачивается длинным полотнищем ткани, т. е. является составной частью более сложного головного убора *дастар*, *салла*. Ткань, навертывавшаяся на голову в *кулохе*, была только белой. Округлая эллипсовидная форма этого убора оставалась стандартной, как и соотношение его высоты и диаметра основания (примерно 1:1,5). Размер *кулоха*, по мнению ходжа, должен был гармонировать с человеком, создавать величественный вид и увеличивать рост. Высокий *кулох* был типичен лишь для странствовавших дервишей-каландаров, представителей так называемого черного духовенства. Низкий *кулох*, и обязательно в сочетании с белой намотанной тканью (*салла*), носили представители ортодоксального, или белого, духовенства (муллы, кази, преподаватели медресе, улемы и т. д.); обе группы духовенства состояли из сартов, таджиков и особенно ходжа. Эти уборы были настолько характерными для них, что духовенство расчленялось населением на *кулохдоров* и *салладоров*.

Со второй половины XIX в. *кулохи* постепенно исчезали, а в уборе *салла* (чалмы) его заменил *дупи*, *аракчин*. Изменение *салла* выразилось в нарушении пропорции ее сторон, уменьшении размера, в ограничении употребления (лишь во время молитвы, особенно в мечети) и расширении круга носителей (все молящиеся). Цветные *салла* (красный и черный цвета исключались) пастельных тонов (*нимранг*) были распространены среди остального населения; ткань наматывали по-разному, молодые мужчины даже скручивали ее. Тем не менее считалось, что *салла* приличествует муллам, ходжам и старым людям, а также жениху (*шах-киёв*) и борцам (*палванам*). Ношение *салла*, по мнению ферганцев (сартов и

таджиков), требует от человека степенного и даже строгого поведения, не характерного для молодых людей. Возможно, этим объяснялась ограниченность употребления *салла* в данном регионе, особенно в Фергане, где, по общему мнению, мужчины были крупными, сильными и экспансивными по сравнению с ташкентскими. Ее надевали на базар, в мечеть и во время священных войн против неверных (*газават*) (цвета *малла*, как и *малла тон*). По наблюдениям сартов и таджиков, каракалпаки и кураме не умели заворачивать свои *урама* (так называлась ими *салла*), но любили носить ее; последние не отрицают этого мнения.

Одновременно существовали *кулóхи* с горизонтальным членением (только на две части). В дальнейшем они изменились в размерах, оформлении и наименованиях. *Кулóхи*, датируемые XIV—XVIII вв.³⁶, состояли из околыша и круглого верха, сшивавшегося по двум радиусам в форме конуса. Этот мягкий верх (из двух слоев, соединенных стежкой в виде вписанных углов в каждой четвертинке) складывали плотными кругами-цилиндриками, что увеличивало защиту головы. Околош же *кулоха* прокладывали ватой (его простегивали горизонтальными линиями), что позволяло экономить более дорогую ткань верхней обертки *кулоха* и сохранять при этом должный размер всего убора *салла* или *дастар* (Шахимардан, Чадак, Богустан, Пскат, Лоиш). Оба края (вертикальный и горизонтальный) *кулохов* сохранялись до 30-х годов нашего века.

Кроме кулохов, в XIX в. существовали шапочки *дуни*. Один вид их, как и *кулох*, еще в конце XIX — начале XX в. сохранял высокий конусообразный верх и широкий околыш. Второй вид *дуни* отличался более низким околышем, квадратным верхом, т. е. был плоским. К 20-м годам нынешнего века шапочки второго вида стали обычными в этом регионе. По-видимому, этому способствовало постепенное исчезновение как войлочных и ватных *кулохов*, так и их носителей. Сегодня плоские *дуни* являются единственной традиционной формой местных головных шапочек подобного кроя.

По крою *дуни* одинаковы: на прямоугольный околыш нашивается квадратный верх (все на подкладке, простегивается и закрепляется бумажными фитилями). По оформлению мужские *дуни* разделяются на гладкие бархатные — зеленого, бордового цветов (только ташкентские) и украшенные разноцветным и цветочным орнаментом на белом и других фонах (в обеих частях региона), а также с изображением белого миндаля или стручкового перца на черном фоне. Последние известны как чустские *дуни* и распространены почти по всей Средней Азии. В самой Ферганской долине они делятся на три вида по местам их производства и бытования. Чустские *дуни* изготовления мастериц Наманганской обл. и в наши дни отличаются «крутостью» орнамента (полный миндаль с коротким и резко согнутым усиком) и значительной высотой околыша, что создает впечатление меньшего размера самой *дуни*. Их противоположностью являются так называемые маргеланские *дуни* с изображением длинного и плавного стручкового перца со слегка наклоненным коротким усиком; высота их минимальная, поэтому они неглубокие и широко покрывают голову. Эти *дуни* характерны для всей западной и центральной Ферганы. *Дуни* восточной части долины ниже чустской, но выше маргеланской. Белый

орнамент, больше напоминающий огурец, в тонкой части заканчивается довольно тупой округлостью, лишь слегка наклоненной. Эти своеобразия чувствских *дупи*, довольно заметные в Ферганской долине, отражали не только деление ее территории на три части, что было известно уже в IX—X вв. н. э.³⁷, но и какие-то взаимоотношения населения. Еще в 30—40-е годы житель одной части Ферганы, не переодевшись на «чужой» территории в соответствующую *дупи* (и даже верхнюю одежду), непременно подвергался в публичных местах весьма неприятным словесным и даже физическим воздействиям «местных» жителей. Особенно острые взаимоотношения существовали между маргеланско-кокандскими сартами и таджиками и андижанскими (их называли шариханскими или мархаматскими) сартами. За последнюю половину столетия отношения смягчились, этому способствовали различные переселения и смешение населения, взаимные заимствования элементов материальной культуры. Тем не менее и теперь считают, хотя и в иной форме, необходимым соблюдать обычаи соседей в ношении одежды. Старики, направляясь в «чужие» края, нередко замечают, что «надо уважать и других», или: «там существует иная форма одежды» и т. д. Поэтому андижанец в Маргелане или Коканде не только заменит свою *дупи* на местную, но и наденет узкий, без боковых фалд *кора тон*, и поясной платок завяжет не на талии, а на бедрах, как это делают здесь.

Зимние шапки *бурк*, *телпак* (низкие, округлые) шили без околыша, с обрамлением из коротких шерстяных завитков, свисавших внутрь шапки. Они были характерны для бедняков всех групп населения. Шапки с широким меховым обрамлением и суконным или бархатным покрытием носили в основном состоятельные люди (лица среднего возраста и пожилые). В целом же шапки с вертикальными частями чаще встречались среди каракапачков, курама, кипчаков, киргизов и тюрков, чем среди сартов и таджиков, особенно в Ташкентском оазисе. Сарты и таджики, в первую очередь ферганские, предпочитали небольшие шапочки (горизонтального членения) — *дупи*, *тупи*. Вокруг них зимой навязывали поясной платок *чорси*, *бельбог* (Фергана), или длинный пояс с вышитыми концами *миёнбанд*, *кийик* (Ташкентский оазис) или двойной поясной платок, особенно *куш кийик* (два вышитых квадрата 1×1 м).

Итак, мужская одежда Ферганско-Ташкентского региона несмотря на постепенное изменение состава, формы, материала, терминов и пополнение новыми видами, сохраняла традиционные черты, нередко дошедшие до нас из глубокой древности. К традиционным формам относятся нательная и верхняя наплечная одежда прямого покроя (*тугри*) и верхняя кроя *руми*. Особенностью мужской одежды у сартов и таджиков являлось бытование, во-первых, распашной нательной рубахи: короткой — в Фергане и длинной — в Ташкентском оазисе; во-вторых, прилегающего покроя этой рубахи и верхней одежды; преобладание у ферганцев белого цвета в нательной одежде и черного и цветного в темно-зеленую или синюю узкую полоску в сочетании с черными — в верхней одежде. Полосатые ткани были характерны для одежды детей и жениха и в целом для каракапачков, тюрков, кипчаков и курама. Ткани с цветочным орнаментом, причем мелким (особенно в Фергане), употреблялись лишь зажиточными людьми и только для верхней одежды (шелк, бархат, парча). Головной

убор состоял из тканевой шапки, у ташкентских сартов и таджиков — высокой и мягкой, оборачивавшейся длинным полотнищем или двойным платком-поясом, у ферганских же — менее высокой и твердой, лишь в холод оборачивавшейся одинарным поясным платком. Черты отличия одежды ходжа: нераспашной тип рубахи (белой) с горизонтальным воротом, полосатое покрытие и крой *руми* верхней одежды (светлых и красочных расцветок), высокий головной убор (войлочная шапка, тканевая обертка на меньшую тканевую же шапочку).

¹⁻² Особую значимость фиксации приданого отмечают А. К. Писарчик и О. А. Сухарева. Нам представляется также немало важным изучение состава подарков (одежды), приурочивающихся к другим событиям в жизни человека. Большое значение имеют, например, три комплекта (теперь новой) одежды (даже с обувью), заготовляемых каждым человеком после 63 лет (возраста пророка Мухаммеда); ими расплачиваются с обмывальщиками умерших. В целом же весь круг вопросов изучения одежды подробно определен коллективом этнографов еще в начале 60-х годов (Е. И. Маховой, С. П. Русакиной и др.).

³ *Сарупо* означал чаще комплект новой одежды. В XIX в. в Бухаре *сарупа* (*сарана*) состояла из верхней распашной одежды-*джама*, длинной специальной ткани для обертывания головы (поверх шапочки) — *салла* и проч. В России этим словом обозначали длинную женскую и мужскую одежду с рукавами и проймами — сарафан (Григорьев Г. Г. О некоторых известиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре: Записки Мирзы Шемса Бухара / Зап. имп. Казанского ун-та. 1861. С. 54. Примеч. 5). *Сарупа* (в полном или ограниченном составе) дарили одному из членов семьи, определенным родственникам с каждой брачавшейся стороны, в первую очередь жене и невесте. Ремесленники отмечали завершение обучения нового мастера подарком в виде *сарупо*, приготовленного обычно учителем-мастером. Различные административные чиновники (светские, духовные и военные всех уровней) постоянно получали *сарупо* от высшей инстанции (в том числе и от хана). Подношение комплектов новой одежды (среди других изделий, например ковров, вышивок) осуществлялось и от низших уровней к высшим. Эти подношения, собранные областными правителями, передавались хану уже под названием — *дастирхон* или *тартук*. Одаривание комплектом новой одежды во всех среднеазиатских ханствах установилось как одна из форм государственных пожалований (за те или иные заслуги и

обычную службу) чиновникам. В Самаркандской обл. *сарупо* (помимо старой, рабочей одежды) представлялось издолщиками; это являлось одной из трех форм расчета хозяина с ними за труд. Каждый человек с возрастом готовил себе новую одежду *сарупо*, которой он мог бы пользоваться «на том свете». С целью сохранения и передачи ему *сарупо* в день «страшного суда» эти вещи и поручали обмывальщикам умерших. Два других общих термина одежды (*киит-киим* и *устибош*) бытовали лишь среди тюркских народов. Первый термин обозначал ту часть калыма, материальных средств жениха, которая тратилась на приобретение одежды и тканей для одаривания молодых и всех их родственников, участвовавших в свадебных обрядах. Согласно данным Л. З. Будагова, в XVI в. почетная награда обозначалась термином *халат*, *хлат*. Она состояла «из платья или халата... шапки, сабли и кинжала... штандарта и лошади с... сбруей». В XIX в. халат — вообще награда, подарок; в русском языке он употребляется в значении домашнего костюма (см.: Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. I. С. 536). Однако в XX в. местное население этот термин не употребляет в быденной жизни.

⁴ Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб., 1856. С. 9—13; Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г.: Путевые заметки. СПб., 1868; Хорошихин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876; Навишкин В., Навишкин М. Очерк быта женщин туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 90—110; Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской обл. Нов. Маргелан, 1890—1901. Т. I—III; Шишов А. Сарты: Этнографическое и антропологическое исследование // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской обл. Ташкент, 1904. Кн. XI; Он же. Таджики. Ташкент, 1910; Добромислов А. И. Ташкент в прошлом и

- настоящем; Исторический очерк. Ташкент, 1912. Вып. 6.
- ⁵ Мы познакомились с фондами музеев ферганских городов: Андижана, Намангана, Ферганы и Шарихана, а также Музеем искусства и Музеем истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека (Ташкент). В г. Ленинграде мы работали в Гос. музее этнографии народов СССР (ГМЭ) и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ).
- ^{5а} В Андижанском музее паспортизацией фондов музея занимается группа сотрудников во главе с Р. Абдурахмановой; в Музее истории народов Узбекистана (Ташкент) они описаны этнографом А. С. Морозовой.
- ⁶ Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русайкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М., 1954. Раздел об одежде. С. 133—152; Сухарева О. А., Бижжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955. С. 110—115; Толстова Л. С. Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959. С. 102—110; Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 248—271.
- ⁷ Материалы об одежде ангреских курама остаются, к сожалению, не опубликованными (Файзиев Т. Узбеки-курама: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1963).
- ⁸ Бижжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков Ташкента // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960; Бижжанова М. А. Одежда узбеков Ташкента XIX — начала XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- ⁹ Рузиева М. Посмертная и траурная одежда узбеков г. Ташкента // Костюм народов Средней Азии. С. 133—151, 169—174.
- ¹⁰ Абдуллаев П. А., Хасанова С. А. Одежда узбеков. Ташкент, 1978; Исмаилов Х., Шаниязов К. Ш. Материальная культура узбеков XIX—XX вв. Ташкент, 1980.
- ¹¹ Все материалы сданы в Музей истории народов Узбекистана (Ташкент). Для этого же музея в 1956—1957 гг. нами также приобретена коллекция одежды и ковров в селениях Шаматон, Наматон, Китабе и Шахрисабзе (Кашкадарьинская обл.). Все эти предметы еще не использованы исследователем в научных публикациях.
- ¹² Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 16—52.
- ¹³ Рассудова Р. Я. К истории одежды оседлого населения Ферганско-Ташкентского региона // Сб. МАЭ. 1978. Т. XXXIV. С. 154—175.
- ¹⁴ Рассудова Р. Я. Женские головные платки (рукописи) // АИЭ (Л.).
- ¹⁵ Терентьев М. А. Кураминский уезд // Зап. РГО по отд-нию статистики. 1874. Т. IV. С. 129; Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скобелево, 1909. Прилож. 1, 5.
- ¹⁶ Рассудова Р. Я. Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 115—129; Она же. Скифские энэри — среднеазиатские холжа // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 101—103; Она же. К вопросу об этнических связях тюркоязычных народов Средней Азии // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976. С. 86—88.
- ¹⁷ Существование этого обычая в XIX в., возможно и ранее, отмечено Л. З. Будаговым (Сравнительный словарь... Т. 1. С. 295).
- ¹⁸ Такое отношение к воротнику одежды, по-видимому, объясняется тем, что жители Парката, Маргелана и Андижана славились как кураш-палаван, т. е. борцы-богатыри, выступавшие в противоположных партиях. По сообщению А. С. Морозовой, даже слово *анди*, как уверяли ее горожане еще в 50-х годах, означало боевой, храбрый, драчливый. И мы постоянно наблюдали даже в 70-х годах, как мальчики в этих местах боролись, хватая друг друга за воротники рубашек. До наших дней здесь сохраняются более широкие воротники с выступающими концами.
- ¹⁹ Будагов Л. З. Сравнительный словарь... Т. II. С. 161, 359.
- ²⁰ Характеристику *яктака* как одежды *кара* нам впервые сообщила сотрудница Андижанского краеведческого музея Р. Рахматулина, за что мы ей выражаем глубокую благодарность.
- ²¹ С увеличением длины этой рубашки (ниже середины голени) изменялось и ее название, и вид распахнутой одежды (также без подкладки). Это *джегде* (так произносилось каракалпаками, киргизами, кипчаками слово *яктак*); среди таджиков он бывал уже как чужое им слово (Рассудова Р. Я. К истории... С. 170—172).
- ²² Кармышева Б. Х. О мусульманском духовенстве в сельских районах Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в. // Бартольдские чтения. М., 1982. С. 24—26.
- ²³ Борнс А. Путешествие в Бухару в 1831, 1832 и 1833 гг. М., 1848—1849, Ч. III.
- ²⁴ Рассудова Р. Я. Социально-этнический состав сельского духовенства в Фер-

- ганско-Ташкентском регионе (XIX — начало XX в.) // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1984. По наблюдению А. А. Семенова, в конце XIX в. среди верхних зеравшанских таджиков рубашу с горизонтальным воротом носили также муллы и привилегированные люди (Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 28).
- ²⁵ — ²⁶ Им обозначали не только самые различные виды верхней одежды (кафтан разной длины, шубу, платье), но и штаны, и матерью на одежду, обувь и постель (*Будагов Л. Э.* Сравнительный словарь... Т. 1. С. 753).
- ²⁷ В современной литературе о Фергане и Ташкенте под термином *чапан* нередко подразумевается новая выходная одежда; в этом значении он неправильно переносится на одежду XIX в.
- ²⁸ *Горелик М. В.* Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник // СЭ. 1972. № 2. С. 38. Рис. 1.
- ²⁹ *Мец А.* Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 148, 313; *Март С. М.* Мохаррам // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 329.
- ³⁰ *Будагов Л. Э.* Сравнительный словарь... Т. 1. С. 755.
- ³¹ Эти наши материалы использованы О. А. Сухарева при характеристике местного населения Айкырана. Однако употребленный ею термин *чапан* (алачапан) здесь нами не зафиксирован, особенно как относящийся к оголукам.
- ³² *Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.* История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. С. 164, 188, 192—203, 218, 236—237; *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1948. С. 98, 107—109.
- ³³ *Абдуллаев Т. А., Хасанова С. А.* Одежда узбеков. С. 13.
- ³⁴ Назначение *чекмана* и *кебэнка* более ясно отразилось в других их названиях — *ямгурлык* и *эпинчак*, т. е. от *дождя* и *покрывало*. Под этими терминами (*емур-лук, епанча* или *япончица*) с XV—XVI вв. в русской среде бытовали широкие короткие (женские) и длинные (мужские, а также царские) безрукавные накидки. Их изготовляли из сукна с подкладкой; были и валяные — даже белые. В начале XX в. гражданское население не употребляло такой одежды; частично она сохранилась как военное обмундирование (Иллюстрированная энциклопедия реальных знаний / Сост. А. Е. Яновский. М., 1907. С. 279).
- ³⁵ Даже материал для нательной одежды продавался одним куском (*джура, джуфт*), так как ткался с расчетом на рубашку и штаны. Однако нательные штаны изготовляли только дома.
- ³⁶ *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // СЭС. 1954. Т. 1. С. 334—336.
- ³⁷ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1963. Т. 1. С. 211—220.

Женские рубахи-платья киргизов (к публикации карт Е. И. Маховой)

О. Б. НАУМОВА

Народная одежда киргизов всегда вызывала большой интерес этнографов¹, однако литература, посвященная ей, немногочисленна. Не много сведений и о женской рубахе-платье — предмете исследования данной статьи. Ценные и наиболее ранние материалы по этому вопросу стали известны благодаря публикации С. М. Абрамзоном этнографического альбома художника П. М. Кошарова, путешествовавшего в 1857 г. с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским по Иссык-Кулю². По рисункам художника можно составить представление о покрое и украшении женской рубахи Прииссыккулья. Дополнительные сведения дают и комментарии С. М. Абрамзона к рисунку вышитого нагрудника для платья. Краткое описание женского платья у памирских киргизов мы находим в работе Ю. А. Шибяевой, посвященной одежде киргизов Мургаба³. В обширной главе об одежде из монографии К. И. Антипиной, посвященной южным киргизам, приведены ценные материалы и о женской рубахе южных районов Киргизии, вариантах ее покроя, времени их появления⁴. Женская рубаха северных областей описана Е. И. Маховой в коллективном труде, посвященном быту киргизов селений Дархан и Чичкан⁵. Таким образом, имеющиеся в литературе сведения разновременны и относятся к отдельным районам Киргизии. Попытка обобщить весь материал по женской рубахе киргизов в пределах всей республики была предпринята Е. И. Маховой.

Елена Ивановна Махова — замечательный этнограф-полевик, большую часть своей научной деятельности посвятила изучению материальной культуры киргизов. Работая в 1951 г. в составе Киргизского отряда Памиро-Ферганской экспедиции, в 1951—1954 гг. в стационарной экспедиции в Прииссыккулье, в 1953—1955 гг. в составе этнографического отряда Комплексной киргизской археолого-этнографической экспедиции, она собрала огромный материал по этой теме, в том числе и по киргизской одежде⁶. Во время поездок были охвачены все без исключения районы Киргизии, так что можно говорить об очень солидной представительности собранных Е. И. Маховой сведений.

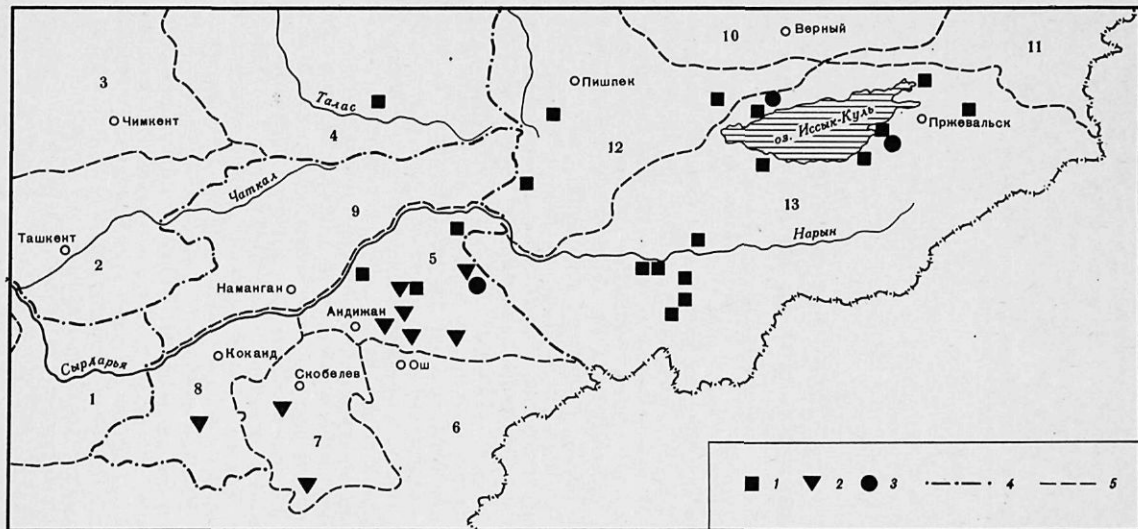

Рис. 18. Распространение различных вариантов женской рубахи во второй половине XIX в.:

Административное деление. Туркестанский край. Самаркандская область:

1 — Ходжентский везд (у.); Сырдарьинская область: 2 — Ташкентский у., 3. Чимкентский у., 4. Аулие-Атинский у.; Ферганская область: 5. Андижанский у., 6. Ошский у., 7. Скобелевский у., 8. Кокандский у.,

9. Наманганский у.; Семиреченская область: 10. Вернинский у., 11. Джаркентский у., 12. Пишпекский у., 13. Пржевальский у.

Виды туникообразных рубак:

1 — с горизонтально-вертикальным разрезом ворота, без воротника, с вышивкой или манишкой *онур*; 2 — с треугольным вырезом ворота и тесьмой *жиек* по его краям; 3 — со стоячим воротником; 4, 5 — областная и уездная границы

Собственный этнографический материал, а также изучение музейных и литературных данных позволили Е. И. Маховой выделить четыре комплекса в материальной культуре киргизов: северный, северо-западный, южный и смешанный с преобладанием южных элементов⁷. Они были подтверждены картами распространения в Киргизии различных вариантов юрты, женских головных уборов и способов узорного ткачества. Эти выводы Е. И. Маховой, доложенные ею на научной сессии 1956 г. по этногенезу киргизского народа, получили поддержку участников сессии и нашли подтверждение в других докладах⁸. В дальнейшем Е. И. Махова собиралась картографировать и некоторые другие элементы материальной культуры⁹.

Уже на сессии Е. И. Махова отмечала локальные различия в одежде киргизов, в частности в цвете, украшении ворота женской рубахи-платья, характерные для того или иного комплекса¹⁰, а в 1957 г. ею были составлены черновики двух карт: 1. «Распространение различных вариантов женской рубахи во второй половине XIX в.»; 2. «Распространение различных вариантов женской рубахи в конце XIX — первой четверти XX в.»

Основными источниками для Е. И. Маховой в составлении первой карты — на вторую половину XIX в. — послужили, помимо ее этнографических материалов, коллекции ГМЭ: № 14, 15, 43, 44, собранные С. М. Дудиным в 1901—1902 гг. в Алайской долине; № 5431 — альбом типов и видов, снятых Б. Л. Громбчевским во время путешествия в Северо-Западный Тибет в 1889—1890 гг.; № 4203 и 4314, собранные Ф. А. Фиельструпом в 1924—1925 гг. в Принссыкулъе. Из литературных источников ею были использованы «Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г.» Ч. Валиханова¹¹ и этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857 г.)¹².

Покрой рубахи-платья киргизок во второй половине XIX в. был в основном одинаков на всей территории Киргизии. Она была туникообразной, с прямыми или немного сужающимися к запястью рукавами. К основному полотнищу пришивались расширяющиеся книзу боковины. Под рукава шивали треугольные ластовицы. Платье делали длинным — до щиколоток, рукава закрывали кисти рук¹³. Основное полотнище было широким настолько, что шов, соединяющий стан с рукавами, приходился на 6—10 см ниже линии плеча¹⁴. В том случае, когда на рубаху-платье не надевалась верхняя одежда (халат, камзол и проч.), она подпоясывалась широким поясом. На юге (Алайская долина), судя по фотографиям С. М. Дудина, поясом служил длинный кусок ткани или платок, обмотанный несколько раз ниже талии¹⁵. По материалам Е. И. Маховой, в Тянь-Шаньской обл. (ныне — Нарынская обл.) пояс представлял собою широкую (более 10 см) полосу ткани на толстой теплой подкладке и завязывался сзади на талии¹⁶.

Различия в женской рубахе тех или иных районов Киргизии заключались в основном в форме ворота и способах его отделки. По этим признакам Е. И. Маховой были выделены для картографирования три варианта киргизской женской рубахи второй половины XIX в. (все они относились к типу туникообразных рубах): 1) рубаха с горизонтально-вертикальным разрезом ворота, без воротника с вышивкой по вертикальному разрезу ворота или со специальной широкой манишкой *онур*; 2) рубаха

с треугольным разрезом ворота и обшивкой его узкой тесьмой *джеек*; 3) рубаха со стоячим воротником.

Первый вариант киргизской рубахи-платья мы находим в альбоме П. М. Кошарова. На одном из рисунков представлена женская манишка «из белого меткалю. Вышитая красной бумагой в тамбур»¹⁷. Ворот манишки был округлым, вертикальный разрез застегивался на три пуговицы. На другом рисунке (тетрадь 2, рис. 4) изображена женщина в рубахе белого цвета с широкой вышивкой по вертикальному разрезу ворота. Такую же женскую рубаху видел Ч. Валиханов: «Дикокаменные женщины, замужние и девицы, носят белую рубаху из дабы, без воротника, обшивая грудной разрез вокруг красным шелком»¹⁸. Таким образом, вышивку делали или непосредственно на платье, или же на отдельно надевавшемся на платье нагруднике. Вышивка и на груди рубахи, и на нагруднике-манишке называлась *онур*. По прииссыкульским материалам Е. И. Маховой, манишку шили из белой маты или материи *каисуй*, тоже белого цвета. Вышивку делали швом *терскайык* (обратный шов), предназначенным в этих районах только для *онур*. Шов был очень тонким, плотным, вышивка сплошной: каждый новый стежок ложился на одну нить (в ткани) выше предыдущего. *Онур* вышивали также и другими швами — *шевеге* (тамбур), *койтермо*, *басма* (гладь). Узор вышивки был геометрическим. *Онур* вышивали шелковыми нитками разных цветов: красными, черными, желтыми, синими, зелеными¹⁹. Образцы таких вышивок на бархате и белой мате были приобретены в 1946 г. экспедицией Киргизского филиала АН СССР и Института этнографии АН СССР в Тогузтороуском р-не Тянь-Шаньской обл.²⁰ По свидетельству С. М. Абрамзона, словом *онур* называли не только вышивку на груди рубахи, но и саму рубаху-платье с такой вышивкой на груди²¹. Платье с вышивкой шили большей частью из белой ткани, хотя они могли быть и других цветов²². В первый раз *онур* надевали на невесту в день свадьбы. Его носили женщины молодые и среднего возраста²³.

Описанный вариант женской рубахи — *онур* — бытовал во второй половине XIX в. в северной и северо-западной областях Киргизии. Помимо женщин родо-племенной группы *бугу*, изображенных в альбоме П. М. Кошарова, и киргизок Прииссыкуля, описанных Ч. Валихановым, платье с такой же отделкой носили, по экспедиционным материалам Е. И. Маховой, женщины подразделений долоос, населявших прииссыкульские районы Пржевальского у. Семиреченской обл., сарыбагыш, тынымсейит, черик, азык, монголдор, карасакал, басыз, живших в южных и юго-западных районах (по рекам Нарын, Атбаш и Каракоюн) этого уезда. В Пишпекском у. такие рубахи носили киргизки групп солто, саяк, сарыбагыш; на западе, в Таласской долине, — женщины группы сарруу. В выделенной Е. И. Маховой смешанной области этот вариант платья бытовал у подразделений саяк и джедигер — в северной части Андижанского у. Ферганской обл.

Второй вариант киргизской женской рубахи-платья — с треугольным вырезом ворота, отделанным узкой длинной тесьмой или вышитой полоской ткани, представлен на фотографиях коллекции С. М. Дудина (ГМЭ, № 43—53, 43а—84, 43—133а) и описан К. И. Антипиной²⁴. По ее сведениям, этот вариант платья стал распространяться на юге Киргизии

в XIX в. Его носили молодые и пожилые женщины. По названию ворота платье получило название *узун джака*. Сложенную пополам ткань разрезали по сгибу и на 20—25 см по вертикали. Часто верхние края вертикального разреза подгибали, отчего вырез приобретал треугольную форму²⁵. Узкая тесьма окаймляла треугольный разрез ворота и спускалась далеко ниже пояса²⁶. Ткань для платьев этого варианта была разного цвета: у молодых — красного, у пожилых темных или светлых цветов²⁷.

Платье *узун джака* во второй половине XIX в. носили женщины родо-племенных подразделений мундуз, басыз, адигине (группа карабгыш), кутчу, кыдырше, населявших тогдашний Андижанский у. Ферганской обл.; в южных районах — группа ичкиликов (найман, кипчак), а также мунгуш, живших в Скобелевском у. Ферганской обл. Как видим, районы бытования рубахи-платья второго варианта совпадают с выделенными Е. И. Маховой южной и смешанной (с преобладанием южных элементов) областями.

На одной из фотографий С. М. Дудина²⁸ зафиксирована еще одна форма ворота туникообразной рубахи — треугольная, типа *пешкушо*, описанного О. А. Сухаревой²⁹ в качестве старинного покроя женских рубах Самарканда. (На карте Е. И. Маховой этот вариант рубахи не отмечен). Вероятно, ее можно отнести к разновидности второго варианта. От вертикального разреза ворота в обе стороны делали горизонтальные разрезы по плечам и собирали их спереди в сборки, благодаря чему ворот получал треугольную форму. В Самарканде вертикальный разрез ворота доходил до талии, а посередине скреплялся пуговицей или завязками. Судя по фотографии С. М. Дудина, южные киргизки делали разрез много короче, так, что он не требовал застежки. К сожалению, трудно определить, давно ли существовал такой покрой ворота в Южной Киргизии, или же он был нововведением, а также — как широко он был распространен во второй половине XIX в.

Таким образом, распространение двух вариантов женской рубахи делит территорию Киргизии на две части: первая включает северную и северо-западную области, вторая — южную и смешанную. В пограничной зоне бытовал и тот, и другой вариант женской рубахи: например, у подразделения мундуз — *узун джака*, а у рядом живущей группы саяк — *онур*. Интересно отметить, что киргизы подразделения басыз, жившие к северу от Ферганского хребта, носили платье первого варианта, а к югу от него — второго варианта. Подобные явления изменения форм культуры под влиянием соседних племен отмечены Е. И. Маховой и для других киргизских родо-племенных групп³⁰.

Интересен вопрос о том, когда сформировались отмеченные локальные различия в женской рубахе. По свидетельству информаторов К. И. Антипиной, платье *узун джака* стало бытовать у южных киргизов в XIX в. В то же время в этих районах знали в прошлом (вероятно, до широкого распространения *узун джака*) нагрудник, аналогичный северному *онур*. Его шили из черного бархата, вышивали швом *терскайык* (таким же, как и у северных киргизов) или *ильме*. Нагрудник прикрепляли поверх платья или халата³¹. Так же, как и на севере, на юге *онур* надевали только замужние женщины³². Таким образом, рубаха-платье варианта I

(с какими-то локальными особенностями, например, по цвету материи для нагрудника) до второй половины XIX в. была распространена более широко, возможно, по всей территории Киргизии.

Северные соседи киргизов — казахи также имели в женском комплекте одежды нагрудник *онир*. Он имел много общего с киргизским вариантом. Одной из разновидностей казахского *онир*, вероятно, древнейшего, так как его помнили немногие казашки, была вышивка на небольшом куске ткани, который нашивали на грудь платья. Платья с *онир* такого рода также носили только замужние женщины³³. Наличие такого общего элемента женской одежды подтверждает существование единых корней киргизского и казахского народов.

Впоследствии в южных районах Киргизии платье с нагрудником стало вытесняться рубахой-платьем варианта II (*узун джака*), характерной для соседей южных киргизов — горных таджиков и некоторых других среднеазиатских народов; подобная отделка тесьмой была свойственна и одежде ферганских узбеков^{34—35}.

Вариант III киргизской женской рубахи-платья — со стоячим воротником — во второй половине XIX в. лишь начал появляться на севере Киргизии: по полевым материалам Е. И. Маховой, в это время его носили женщины группы саяк на севере и джетиген на юго-востоке Иссык-Куля, а также киргизки группы басыз, жившей к югу от Ферганского хребта недалеко от Кок-Янгака. Это платье имело вертикальный разрез ворота (20—25 см) и воротник-стойку (2—3 см), застегивающийся на пуговицу или завязывающийся на шнурочки.

Киргизская женская рубаха-платье имела не только локальные, но и возрастные особенности. К сожалению, такого рода материал, относящийся ко второй половине XIX в., фрагментарен и не поддается картографированию. Так, известно, что на юге (современный Фрунзенский р-н Ошской обл., Алайская долина) пожилые женщины носили платья, к вороту которых со спины пришивалась полоса ткани 10—12×6—8 см из такого материала, как и само платье (вероятно, зародыш воротника). К. И. Антипина, зафиксировавшая эту особенность, считает такое оформление ворота наиболее архаичным³⁶.

Платья девочек и девушек во второй половине XIX в. также отличались особой формой ворота. У южных киргизов он был горизонтальным — от плеча до плеча, застегивался с одной или с обеих сторон на пуговицы или завязывался шнурочками. Разрез обшивали тесьмой или вышитой полоской ткани³⁷. На воротах девичьих платьев северных районов также не делали вертикальных разрезов³⁸, вероятно, разрезы были по одному или обоим плечам. Необычная форма ворота изображена на рисунке из альбома П. М. Кошарова³⁹, названном «Девуца, женщина и дитя Дикокаменных киргизов из племени Богинцев». Девушка одета в

Рис. 19. Киргизское женское платье:

1 — киргизка в платье *узун джака* (Алайская долина, 1891 г.). Фото С. М. Дудина, ГМЭ, 43—84.
2 — способы подпоясывания рубахи-платья: а — Ошская область, Ляйлякский район, 1955 г., фотоархив Е. И. Маховой, № 6/3; б — Ошская область, Наукатский район, 1955 г., фотоархив Е. И. Маховой, № 391; в — Тянь-Шаньская область, Тогузторуский район, 1954 г., фотоархив Е. И. Маховой, № 46/27

2a

25

26

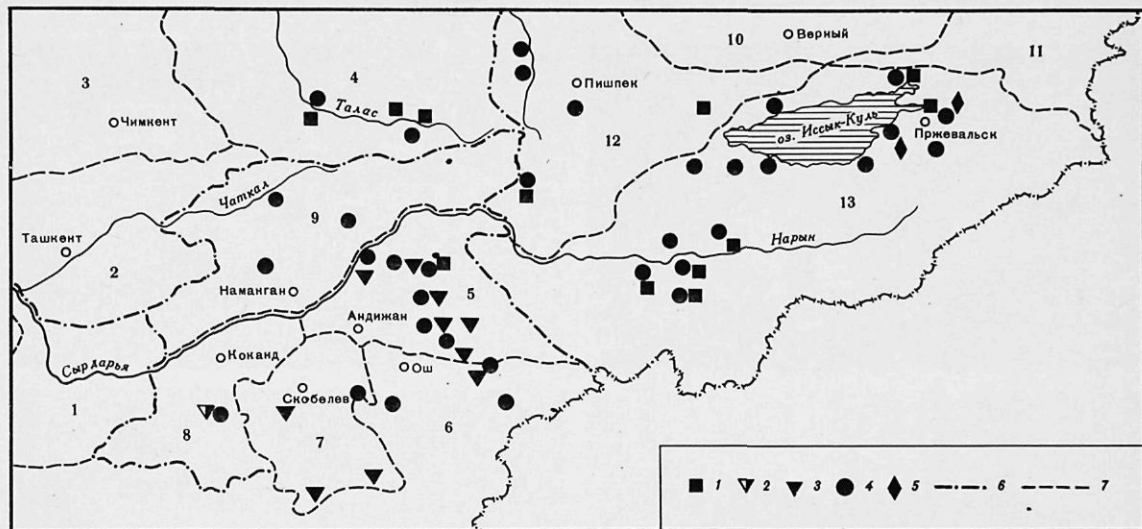

Рис. 20. Распространение различных вариантов женской рубахи в конце XIX — первой четверти XX в. (карта):

Административное деление.— См. рис. 18

Виды рубах:

1 — туникообразные рубахи: 1 — с горизонтально-вертикальным разрезом ворота, без воротника, с вышивкой или манишкой *онур*; 2 —

с треугольным вырезом платья типа *пешкушо*; 3 — с треугольным вырезом ворота и тесьмой *жиэк* по его краям; 4 — со стоячим воротником; 11 — выкройные рубахи-платья; 5 — отрезные по талии;

6, 7 — областная и уездная границы

белую рубаху с округлым воротом, от которого слева вниз идет вертикальный разрез. Интересно, что такой покрой ворота девичьих платьев встречался у памирских народов, хотя он больше известен по мужским туникообразным рубахам (у туркмен и др.)^{40—41}.

По сведениям Ч. Ч. Валиханова 1856 г., у киргизов в прошлом существовали девичьи нагрудники «убранные жемчугом, монетою. Называют их *алатамак*. Все это было в старину»⁴². Девичьи нагрудники (*алка*, *онир*, *онирше*), в отличие от женских, в конце XIX — начале XX в. широко бытовали у казахов. Их богато украшали вышивкой, лентами, монетами и проч. Близкие к казахским девичьи нагрудники носили девушки народов Поволжья⁴³. Девичьи нагрудники, украшенные монетами, существовали у каракалпаков⁴⁴.

Вторая карта распространения вариантов киргизской женской рубахи-платья была составлена Е. И. Маховой на период конца XIX — первой четверти XX в. Для работы над ней она использовала собственные этнографические материалы экспедиций 1951—1955 гг., экспедиционные фотографии К. И. Антипиной, а также многочисленные коллекции ГМЭ: № 4203, 4314 — поездки Ф. А. Фиельструпa 1924—1925 гг., № 23339 — С. С. Исаева 1929—1930 гг., № 23400, 23401 — К. Гиясова 1934 г., № 61530 — Е. И. Маховой 1936 г., № 6371 — Б. К. Балакина и Е. И. Маховой 1940 г.

Все разнообразие женских рубах этого периода можно разделить на два типа: 1) туникообразные; 2) выкройные.

К туникообразным рубахам относятся все выделенные выше варианты рубах, которые продолжали бытовать и в конце XIX — начале XX в. На рубеже веков туникообразные рубахи-платья варианта I (с манишкой *онур*) и варианта II (с отделкой треугольного ворота узорной тесьмой) были распространены в тех же районах, что и прежде: первые — на севере и северо-западе; вторые — на юге.

Большие изменения произошли в бытовании варианта III туникообразной рубахи (со стоячим воротником) — его стали носить по всей Киргизии. Его шили из разных по цвету материалов, в том числе и в северных районах, где раньше предпочитали белый цвет. Сначала вертикальный разрез на таких платьях делали без планки, затем с планкой⁴⁵. На севере к подолу платья пришивали оборки⁴⁶.

Вопрос о путях проникновения в Киргизию платья со стоячим воротником окончательно не решен. Вслед за С. М. Дудиным К. И. Антипина считает причиной его появления на юге Киргизии заимствование из женской рубахи уйгуров Кашгарии⁴⁷. Е. И. Махова находила аналогии такому фасону платья северных киргизов у казанских татар⁴⁸. О. А. Сухарева также объясняла замену старых форм ворота женских рубах стоячим воротником (в Самарканде) влиянием из России, осуществлявшимся через казанских татар⁴⁹.

В конце XIX — начале XX в. это платье сосуществовало с вариантами I и II туникообразных рубах, однако постепенно все более вытесняя их. На второй карте отсутствует значок бытования платья *онур* в Южном Прииссыккулье и на территории современных Кантского и Кеминского районов; тут оно уже в 20-х годах XX в. было вытеснено новым фасоном⁵⁰. К 50-м годам, в северных районах Киргизии платье с ма-

нишкой *онур* практически исчезло⁵¹; платье *узун джака* продолжали носить на юге только пожилые женщины⁵².

Популярность платья со стоячим воротником, распространившегося с начала XX в. во всех районах Киргизии и продолжавшего широко бытовать и в 50-е годы, видимо, не была случайной. Такое же платье носили узбечки, таджички, каракалпачки, казашки, татарки, удмуртки, башкирки⁵³. Популярность этого фасона в Самарканде О. А. Сухарева объясняла тем, что «стоячий воротник пришелся по вкусу местному населению, соответствовал и религиозному предписанию женщинам-мусульманкам прикрывать тело»⁵⁴.

Еще один, упомянутый выше для первого периода в Алайской долине, вариант туникообразной рубахи — с треугольным вырезом типа *пешкушо* отмечен Е. И. Маховой и в других районах Южной Киргизии — в современном Баткенском (у кипчаков) и Фрунзенском (у найманов) районах Ошской обл.

В конце XIX — первой четверти XX в. появляется новый тип платья — выкройной. Выкройные рубахи представлены двумя вариантами: I — отрезное по талии платье; II — платье на кокетке.

Отрезное по талии платье сначала сохраняло многие черты туникообразной одежды: к туникообразному лифу пришивали собранную в сборки юбку⁵⁵. Воротник был стоячим с вертикальным разрезом спереди. Затем появились и полностью выкройные платья — со скругленной проймой рукава, разрезной скошенной линией плеча, выкроенным по форме руки рукавом; появились и отложные воротники. Однако прежний переходный вариант, с туникообразным лифом, существовал наряду с новым до 60-х годов⁵⁶. Такие платья появились на рубеже XIX — XX вв. в северных районах Киргизии и в первой четверти XX в. еще не получили широкого распространения. На карте Е. И. Маховой они отмечены лишь в восточном Прииссыккулье у двух групп киргизов. Повсеместное бытование их в северных и северо-западных районах Киргизии произошло немного позднее и продолжалось до недавнего времени.

Вариант II выкройного платья (не отмеченный Е. И. Маховой на карте) был характерен для всего юга Киргизии. По сведениям К. И. Антипиной, он появился в этих районах в 20—30-е годы XX в.⁵⁷ Выкройное платье варианта II — это платье так называемого узбекского фасона. Оно имело кокетку, сборки на стане, вшивные рукава и отложной воротник⁵⁸. Такое платье продолжало бытовать в этих районах до недавнего времени.

Подведем некоторые итоги. Господствующим типом женской рубахи-платья у киргизов в рассмотренные периоды был туникообразный. Все разнообразие вариантов не затрагивало основ туникообразного покроя; изменения касались лишь оформления ворота. Вероятно, наиболее древним⁵⁹ и традиционным для всех киргизов был вариант рубахи-платья с широкой вышивкой на груди или на специальном нагруднике. Такое платье бытовало во всей Киргизии до XIX в., имея однако различия в нагрудниках северных и южных групп киргизов.

В XIX в. на территории Киргизии выделяются два ареала распространения рубахи-платья — северный и южный. В северном продолжало бытовать платье *онур*. В южном киргизки стали носить платье *узун джака*,

вероятно, заимствовав его у южных соседей. Впоследствии такое разделение территории Киргизии на два ареала осталось: с начала XX в. на севере начало распространяться платье, отрезное по талии, на юге — узбекского фасона, на кокетке. Возможно, в этих крупных ареалах можно выделить и более мелкие, однако имеющиеся данные пока не дают этому большого основания. Недостаточность материала по западным районам Киргизии не позволила выявить их специфику. Е. И. Махова, собиравшая там этнографические сведения в 50-х годах, зафиксировала бытование варианта III туникообразной рубахи-платья со стоячим воротником.

Каковы же причины существования локальных особенностей киргизской рубахи-платья? Несомненно, что, с одной стороны, они отражают этнокультурную специфику родо-племенных группировок, вошедших в состав киргизского этноса (этим, например, можно объяснить особенности в оформлении манишки-*онур*, которая у южных групп киргизов вышивалась на черном бархате, а у северных — на белой мате). С другой стороны, в более позднее время большое влияние на киргизов оказали их этнокультурные контакты с соседними народами. Эти контакты были усилены и различным административным объединением северных и южных районов Киргизии: северные и северо-западные уезды (Пржевальский и Пишпекский) входили в Семиреченскую обл. вместе с районами, населенными казахами; южные (Андижанский, Ошский, Скобелевский уезды) были включены в состав Ферганской обл., где проживали также узбеки и таджики.

В целом картографирование женской рубахи-платья подтверждает существование выделенных Е. И. Маховой комплексов материальной культуры киргизов. Особенно примечательно совпадение ареалов распространения вариантов рубахи-платья с ареалом распространения вариантов шапочки, надеваемой под *эльчек*⁶⁰. Надеемся, что публикация карт Е. И. Маховой явится еще одним шагом на пути к картографированию всего комплекса народной одежды, которое поможет углубить наши знания об истории и специфике культуры киргизского народа.

¹ Сухарева О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1979. С. 6.

² Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857 г.) // Сборник МАЭ. М.; Л., 1953. XIV.

³ Шибеева Ю. А. Материалы по одежде мургабских киргизов // КСИЭ. 1956. XXV.

⁴ Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов: По материалам, собранным в южной части Ошской обл. Кирг. ССР. Фрунзе, 1962.

⁵ Абрамзон С. М., Антипина К. И., Васильева Г. П., Махова Е. И., Сулайманов Д. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан // ТИЭ. Нов. сер. 1958. Т. XXXVII (далее: Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан).

⁶ Махова Е. И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. 1959. III. С. 44.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Там же. С. 110, 213—214, 223.

⁹ Там же. С. 215, 226.

¹⁰ Махова Е. И. Материальная культура... С. 49.

¹¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 228—288.

¹² Абрамзон С. М. Этнографический альбом... С. 147—193.

¹³ Там же. Отд. IV. Табл. II, 7; тетр. 2. Рис. 5; Антипина К. И. Особенности... С. 238—239.

¹⁴ См. фотоархив Е. И. Маховой; фото С. М. Дудина, ГМЭ, № 43—53.

¹⁵ См. фото С. М. Дудина, ГМЭ, № 43—53, 43а—84.

- ¹⁶ Фотоархив Е. И. Маховой, 1954 г. Тянь-Шанская обл., 22/25, 46/27.
- ¹⁷ *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом... С. 160.
- ¹⁸ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. С. 265.
- ¹⁹ Полевые материалы Е. И. Маховой 1953 г. (Иссык-Кульская и Тянь-Шанская области) и 1954 г. (Иссык-Кульская обл.).
- ²⁰ *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом... С. 165.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 160, 165; см. также: Альбом. Отд. IV. Табл. II, 9; *Махова Е. И.* Материальная культура... С. 49; Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. С. 175.
- ²³ Полевые материалы Е. И. Маховой 1954 г. (Иссык-Кульская обл.).
- ²⁴ *Антипина К. И.* Особенности... С. 239—240.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См. фото С. М. Дудина, ГМЭ, № 43—53, 43а—84 (опубликованы в указанной работе К. И. Антипиной); *Антипина К. И.* Особенности... С. 242. Рис. 144д.
- ²⁷ *Антипина К. И.* Особенности... С. 238; Фото С. М. Дудина, ГМЭ, № 43—53, 43а—84.
- ²⁸ ПМЭ, № 43—60.
- ²⁹ *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX—начало XX в.). М., 1982. С. 22.
- ³⁰ *Махова Е. И.* Материальная культура... С. 46.
- ³¹ *Антипина К. И.* Особенности... С. 240.
- ³² Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. С. 174; *Антипина К. И.* Особенности... С. 240.
- ³³ *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда. XIX—начало XX в. Алма-Ата, 1964. С. 81.
- ³⁴ — ³⁵ *Антипина К. И.* Особенности... С. 240; *Махова Е. И.* Материальная культура... С. 49.
- ³⁶ *Антипина К. И.* Особенности... С. 240.
- ³⁷ Там же. С. 239.
- ³⁸ Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. С. 174.
- ³⁹ *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом... Тетр. 2. Рис. 5.
- ⁴⁰ — ⁴¹ *Сухарева О. А.* Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии... С. 81—82. Рис. 3.
- ⁴² *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. С. 267.
- ⁴³ *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда... С. 95—97.
- ⁴⁴ Этнография каракалпаков: XIX—начало XX в.: (Материалы и исследования). Ташкент, 1980. С. 83.
- ⁴⁵ См.: *Антипина К. И.* Особенности... С. 239. Рис. 142в; Чертежи покровов женского платья из архива Е. И. Маховой. (Ср.: *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. С. 23.)
- ⁴⁶ Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. С. 178.
- ⁴⁷ *Антипина К. И.* Особенности... С. 240—241.
- ⁴⁸ Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. С. 178.
- ⁴⁹ *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. С. 24.
- ⁵⁰ Полевые материалы Е. И. Маховой 1954 г., Иссык-Кульская обл.
- ⁵¹ Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. С. 178.
- ⁵² *Антипина К. И.* Особенности... С. 239.
- ⁵³ Там же. С. 240.
- ⁵⁴ *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. С. 23.
- ⁵⁵ Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. С. 178.
- ⁵⁶ См. фотоархив Е. И. Маховой.
- ⁵⁷ *Антипина К. И.* Особенности... С. 241.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Е. И. Махова считала нагрудник *онур* «одним из самых архаичных элементов женского киргизского костюма» (*Махова Е. И.* Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии... С. 208).
- ⁶⁰ *Махова Е. И.* Материальная культура... Рис. 5.

Каракалпакские головные накладки

Н. П. ЛОБАЧЕВА

Обязательным элементом традиционного народного костюма каракалпачки конца XIX — начала XX в. были головные халатообразные накладки (*жегде*), относимые нами условно к комплексу головного убора. О каракалпакских накладках специальных исследований нет, общие же сведения находим в работах о традиционной культуре каракалпаков в разделе «Одежда»¹. Полевые материалы 40—50-х годов², когда производились массовые сборы по истории и культуре этого народа в разных районах его расселения, и коллекции одежды в собраниях ГМЭ и Каракалпакского музея искусств, значительно пополненные в эти же годы художником И. В. Савицким, позволяют расширить наши представления об этом интересном элементе костюма. Изучение данного вида одежды выявило значительное разнообразие ее у каракалпаков, что ввиду предстоящего картографирования потребовало детальной классификации накладок. Это и попытался выполнить автор, исходя из наличия материала.

У каракалпаков были только халатообразные накладки, носившиеся поверх головного убора при выходе на улицу. Согласно сведениям, полученным в 50-е годы, их надевали во время байрамов (праздников), идя на тои (свадебные и другие торжества). Время, когда они были повсеместной уличной одеждой женщин, как у других народов региона, установить не удалось.

Каракалпакское *жегде*, судя по аналогиям у других народов Средней Азии, имело прототипом плечевую одежду. Мнение о происхождении таких накладок от одежды типа халата в научной литературе давно утвердилось³. Причем у каждого народа был свой прототип из комплекса их костюма. Об этом свидетельствуют детали кроя накладок и терминология.

Головные халатообразные накладки, встречаемые только в Средней Азии, в costume женщин появились, видимо не ранее XVII—XVIII вв., поскольку в средневековых миниатюрах, передающих очень точно костюм той эпохи, не зафиксировано одежды, подобной нашим накладкам. Более ранний материал — стеновые росписи раннего средневековья, изделия из серебра, терракота античного времени, письменные источники тех эпох также не содержат сведений об аналогичной одежде в прошлом. Пись-

менные свидетельства о головных халатообразных накидках относятся к XVIII в. О появлении в Бухаре одной из разновидностей накидок — паранджи сообщают Филипп Ефремов и Филипп Назаров⁴. О наличии их в низовьях Аму-Дарьи говорят И. Гладышев и Д. Муравин⁵ (середина XVIII в.). Появление этого вида одежды у каракалпаков мы условно относим тоже к XVIII в. Причины, вызвавшие к жизни такой вид одежды, заключаются, вероятно, в соединении древних религиозно-магических представлений о необходимости укрывать женщину в особо значительные моменты ее жизни (например, во время свадьбы) от возможной порчи, «сглаза», с мусульманской тенденцией скрывать фигуру женщины от посторонних взоров, как это было и у других народов региона. В дни мусульманской реакции эпизодически носившиеся накидки (в Средней Азии пользовались для этой цели разнообразными халатами) превратились в обязательный элемент женского уличного костюма⁶. Факт существования накидок у каракалпаков говорит о включении их в ареал среднеазиатских культурных традиций. Дело в том, что ни у родственных им казахов, ни у киргизов накидок нет и не было.

И каракалпаки, и узбеки Северного Хорезма называли накидки термином *жегде*, идентичным термину *ягтак* (тадж.), означающему «однослойный» (халат). Действительно, эти накидки (за редчайшим исключением) не имеют подкладки. Распашной плечевой одежды под названием *жегде* у каракалпаков не сохранилось, но она известна по костюму этногенетически родственных им казахов, киргизов, некоторых групп дештикипчакских узбеков, в основном в мужском комплексе. *Жегде*, *жейден*, *желде*, *желден* — распашная нательная рубаша из ткани предпочтительно белого цвета была широко распространена у казахов в XVIII — начале XIX в., сохранившись позднее в костюме стариков и в составе погребальной одежды. Распашное *жегде* в комплексе мужской одежды южных киргизов, носившееся в XX в. только стариками и включавшееся в набор предметов савана, — также глубоко традиционный вид рубахи этого народа. Однослойный халат *чегда* известен ряду групп дештикипчакских узбеков южных районов Таджикистана⁷. *Жегде* — мужской летний халат без подкладки был у узбеков-кипчаков. По материалам К. Ш. Шаниязова, *жегде* носило оседлое и полuosедлое население долины Зерафшана⁸. Под названием *ягтак* мужской нательный халат из белой или в светлую широкую полосу, чаще домотканой материн, в начале XX в. известен в Фергане и некоторых других районах Узбекистана. Термин *жегде* в применении к халату, но уже женскому, встречен у кашкадарьинских узбеков. Здесь и женская накидка называется *жегде* (материалы Х. Исмаилова). Судя по приведенным данным, накидка *жегде* у каракалпаков также имела прототип в наплечной одежде под тем же наименованием.

Накидка *жегде* была обязательной в костюме каракалпачки примерно с пятнадцатилетнего возраста (ее надевали до замужества) и до конца жизни. Однако в зависимости от возрастной группы женщин она различалась по расцветке ткани и по отделке. Выделяются два основных вида накидок: накидки молодых и накидки пожилых женщин. В целом этот вид одежды в конце XIX — начале XX в. изготовлялся из домотканых, кустарных, а затем и фабричных тканей. *Жегде* молодых женщин шили

из цветных материалов преимущественно бордово-красного цвета в узкую белую полосу, воротники их всегда бывали из красного и черного сукна и покрывались вышивкой тамбурным и петельным швом. Обобщенно эту группу накидок называют *кызыл жегде* (красное жегде). *Жегде* пожилых женщин шились из ткани белого цвета и вышивались обычно крестом. Их называли *ак жегде* (белое жегде). Кроме того, в зависимости от качества и расцветки материала известно более дробное членение накидок: *падишаи-жегде*, *жилек жегде*, *урапек-жегде*, *нак жегде*, *алабоз жегде*, *ширш жегде*, *бике жегде*, *ак жегде*.

Падишаи жегде, шившееся из покупной шелковой или полушелковой ткани с абровым рисунком — *падишаи*, носили только девушки. *Жилек жегде* из местной кустарной полушелковой ткани бордово-красного цвета в белую полосу или из лощеной *алаш* (в прошлом домотканой) в узкую бордово-сине-белую полосу являлись принадлежностью костюма молодых женщин. Их могли носить и девушки. *Бике жегде* из белой в узкую красную полосу ткани входили в состав костюма женщин средних лет и пожилого возраста. Этот вид *жегде* был распространен, видимо, не во всех районах расселения каракалпаков и рано вышел из употребления. Информация о них получена лишь в Чимбайском и Караузьяском районах. *Ширш жегде* также носили женщины в возрасте от 30 до 40 лет. *Ак-жегде* шились из белой домотканины, затем фабричных белых тканей, часто из бельевой бязи. Начиная их носить с 40-летнего возраста. *Жегде* глубоких старух вышивкой обычно не покрывалось, лишь иногда вышивка петельным швом прокладывалась по швам *жегде*.

Все виды *жегде* были туникообразного покроя, как правило, имели пришивной воротник в виде длинной прямо полосы (у *ак жегде*) или вариантов шалевидной формы в отличие от женского безворотничкового халата каракалпачек (поздние экземпляры *кызыл жегде*, очевидно, в подражание женским халатам стали делать без воротников). Все виды *жегде* отличались от других видов одежды своеобразной пятиугольной ластовицей и шились без подкладки (*жегде* на подкладке — это исключение из правил) и всегда на руках, если даже украшались фигурной машинной строчкой. Различные части кроя *жегде* имели следующие названия: *жага бои* (перед) и *арт бои* (спинка), *шабу* — боковина, *жага* — воротник, *ишкуль* — ластовица.

Основным украшением *жегде* была вышивка, различная на разных видах накидок и имевшая свои названия. Некоторые из них мы записали. Так, на старушечьих накидках *ак жегде* встречалась вышивка под названием *умуртка тегис*, выполнявшаяся петельным швом; на *падишаи жегде* — *жене тегис*, *каип тегис*, считавшиеся простой вышивкой; на *кызыл жегде* тамбурная вышивка именовалась *есме*, *тепчиге*. Принципиальные различия в вышивке отмечаются между группами накидок *ак жегде* и *кызыл жегде*. Первые вышивались крестом цветным шелком. (Правда, в 50-е годы появились белые накидки с вышивкой «гладь вприкреп», располагавшейся на груди, спинке и на руках). Вторая группа характеризовалась тамбурно-петельной вышивкой. В обоих случаях было небольшое количество глади и некоторые другие швы.

Жилек жегде, кроме вышивки, украшались серебряными бляшками, тесьмой, кистями из крученых шелковых нитей с белым бисером на концах.

Ак *жегде* таких украшений не имело, зато очень часто (особенно наиболее старинные экземпляры) весь стан их покрывался вышивкой, чего не встречалось на красных *жегде*.

К 50-м годам *жегде* в основном вышли из употребления, хотя как семейные реликвии сохранялись в каждом доме. И это неудивительно, так как их изготавливали, практически в каждом доме, они входили в состав приданого. И сделать их должна была девушка-невеста с помощью своей *женге* — наставницы из жен старших братьев. Девушка вышивала не только *жипек жегде* для себя, но и *ак жегде* для подарка матери жениха, как нам сообщили в ряде районов Каракалпакии.

Жегде заменил большой платок — *бас орау*, набрасывавшийся или повязывавшийся поверх головного убора, сложенным на угол. Такие платки стали употребляться уже в конце 20-х годов в составе ежедневного уличного костюма, как правило, молодых женщин, что косвенно свидетельствует о том, что и *жегде* прежде было повседневной уличной одеждой.

В предвоенный период и после, вплоть до 50-х годов, наибольшее хождение имели два вида *жегде*: *ак жегде* и *жипек жегде*, имевшие многочисленные разновидности, которые, судя по паспортам музейных коллекций, и в 20-х годах XX в. существовали.

Остановимся подробнее на классификации основных групп *жегде*, беря критерием материал, характер отделки и особенности покроя, с целью их картографирования.

Ак жегде. Согласно полевым информациям, *ак жегде*, как говорилось, было элементом костюма пожилых женщин. Уже это обстоятельство позволяет считать их покроем более старинным. Подавляющее число их имеют воротник в виде прямой полосы разной ширины, «врезанный» в стан накидки, пришитый к стану либо по прямой линии, либо по треугольному выему на груди. В большинстве случаев они имели раскошенные боковины и рукава, сужающиеся к запястью. Однако, среди *ак жегде* встречались экземпляры с чертами архаического кроя — нескошенными боковинами, с воротником, пришитым по прямой нитке полей. Наиболее старинная традиция в покрое *жегде* зафиксирована на тех из них, которые имеют вышивку только крестом и окантовку краев *жиеком* — плетеной тесьмой.

Основная масса старинных *ак жегде* вышита крестом. Вышивались воротники, рукава и сам стан накидки по определенному стереотипу. Воротники имели ковровую зашивку с геометрическим рисунком, часто в виде пирамидок с квадратными уступчиками или разноцветных треугольничков, с обратной стороны подшивались дмотканой матой. Стан и рукава *ак жегде* покрывались вышивкой не сплошь, а по традиционной схеме: широко представлена ромбовидная сетка и елочкообразные линии (стилизованное древо), менее часто — небольшие медальоны, разбросанные в шахматном порядке. Были *жегде* и без вышивки стана или же она располагалась только по линии основных швов, но воротник был всегда вышитым. Иногда воротник *ак жегде* дополнительно обрамлялся полосками красного и черного сукна с тамбурно-петельной вышивкой, что характерно для *жегде* молодых женщин. На некоторых экземплярах *ак жегде* вместо традиционного *жиека* встречалась бейка из цветной однотонной ткани и машинная фигурная строчка — виды отделки более

позднего времени в истории каракалпакского костюма. Таким образом, на *ак жегде*, которые мы застали в 40—50-х годах, в отделке наблюдалось смешение черт глубоко традиционных с своеобразными инновациями.

Характер вышивки *ак жегде*, главным образом стана, и некоторые особенности кроя позволили выделить среди них несколько групп, имеющих свои разновидности: 1 — вышивка стана по ромбовидной сетке. По словам художника И. В. Савицкого — собирателя коллекций каракалпакской одежды ряда музеев страны и особенно Каракалпакского музея искусств, *ак жегде* с такой вышивкой характерны для каракалпакской вышивки, однако, в 40—50-х годах они встречались не только в районах расселения этой группы каракалпаков; 2 — с вышивкой по елочнообразным линиям. Такой орнамент, по словам И. В. Савицкого, раньше считался излюбленным в Чимбайском и Кунградском районах. К 50-м годам *жегде* с рисунком в виде стилизованного древа встречалось и в других местностях Каракалпакии. Этот факт не исключает того, что прежде каждая группа каракалпаков имела свои излюбленные орнаменты и варианты кроя *жегде*; 3 — *жегде* с вышивкой только по швам, совсем без нее или с вышивкой «гладь вприкреп», объединяемые одними и теми же пропорциями в крое различных деталей; 4 — накидки без воротника, сочетающиеся с вышивкой «гладь вприкреп»; 5 — с вышитым крестом воротником, но без вышивки по стану и без ластовиц. Эта разновидность кроя *жегде*, встречающаяся в Кунградском р-не, возможно, появилась под влиянием традиций одежды узбеков Северного Хорезма.

В пределах групп встречаются повторяющиеся вариации кроя, больше в воротнике, отделке за счет добавления машинной строчки, тамбурной вышивки на полосах цветного сукна и т. д. Ниже даем характеристику каждой группе *жегде*.

I группа. Боковины различной ширины со скосом или прямые с разрезами у подола; ширина стана около 40 см; длинные ложные рукава, широкие у основания и узкие в нижней части; клин к полё разной ширины с незначительным скосом; высота и ширина ластовицы варьируют, она может быть из цветного материала или вышитой; воротник — прямая полоса разной ширины, «врезан» в стан, пришит по прямой или косой линии полё, на спинке — по линии перегиба стана. Вышивка стана, часто и верха рукавов выполнена крестом по ромбовидной сетке, на воротнике сплошная зашивка, орнамент геометрический. Воротник иногда обрамлен узкими полосками красного и черного сукна с вышивкой тамбуром. Края *жегде* оплетены тесьмой — *жиеком*.

II группа. Стан длиннее и уже; боковины и клин со скосом, ширина их варьирует, как и высота ластовицы; ложные рукава длинные, широкие у основания; воротник — узкая или широкая прямая полоса, пришитая по прямому или косому срезу полё, сплошь зашит крестом, с полоской тамбура или без нее. Вышивка стана крестом по елочнообразным линиям.

III группа. Стан широкий (более 50 см), боковины широкие, со скосом; рукава сравнительно узкие; воротник пришит по косому срезу, иногда с полоской тамбура. Стан без вышивки или с вышивкой по швам, бывает с вышивкой «гладь вприкреп».

IV группа. Стан, боковины, у основания рукава широкие, имеют, как и боковины, скосы; ластовицы разной высоты; вырез ворота иногда ниже

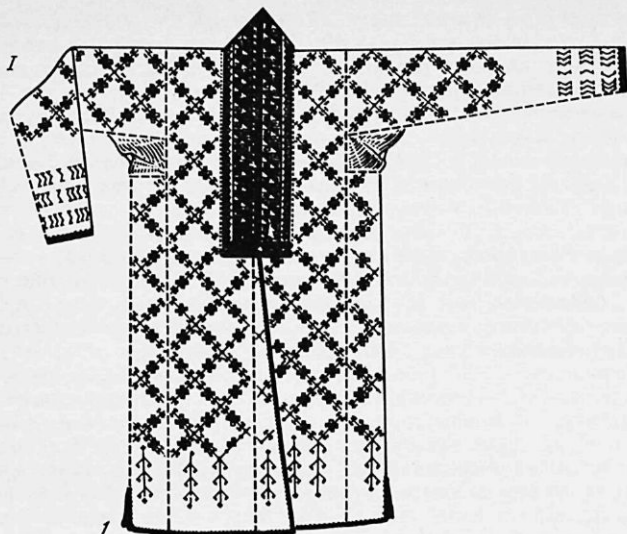

Рис. 21. Ак-жегде:

I группа (вышивка крестом по ромбовидной сетке): 1, 2, 3
II группа (вышивка крестом по елочкообразным линиям): 4, 5, 6

перегиба стана, со спины имеет подшивку, над головой может иметь широкую, выступающую над линией перегиба надшивку; в отличие от предыдущих вариантов, не имеет воротника и боковых разрезов. Вышивка на груди, спинке, рукавах «гладью вприкреп» (фиолетово-желтая гамма).

V группа. Стан широкий, короткий; боковины широкие, со скосом, без разрезов; ластовиц нет; рукава широкие у основания и сужающиеся к концу; воротник широкий, пришит по прямой линии полы. Вышивка крестом только на воротнике.

Жегде молодых женщин. Шились они из кустарных полушелковых или шелковых тканей бордового цвета в белую узкую полоску, в более раннее время — из домотканой *алаша* или пестрой бязи (*алабоз*) в мелкую полоску, с появлением фабричных тканей — из ситца такой же расцветки, девичье *жегде* — из *падшаи*. Когда шили из фабричных тканей, спинку обычно делали во всю их ширину и *жегде* получалось очень широким. Воротник у таких *жегде* всегда был из красного с черной окантовкой сукна и вышивкой по нему тамбурно-петельным швом. Как и на *ак жегде*, воротник с обратной стороны подшивался цветным ситцем или домотканой *матой*. Бордово-малиновый *жиек* бывал с желто-черной полосочкой или даже рисунчатый.

Покрой *кызыл жегде* всегда бывал туникообразным, ластовица (если имелась) пятиугольной формы, но ниже, чем на *ак жегде*, могла быть

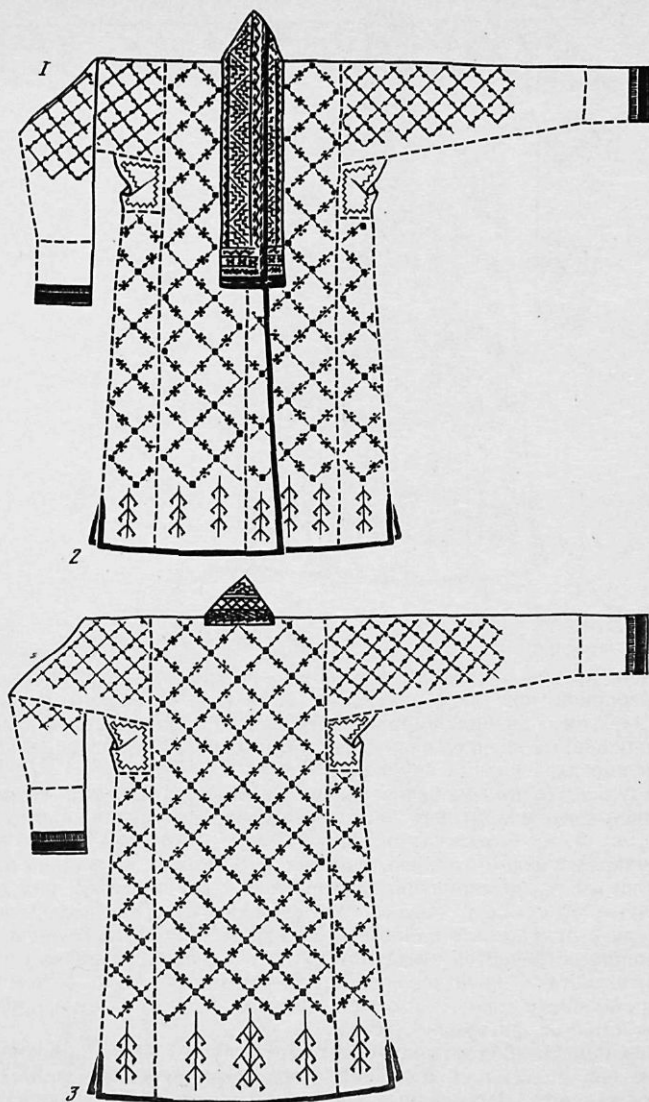

Рис. 21

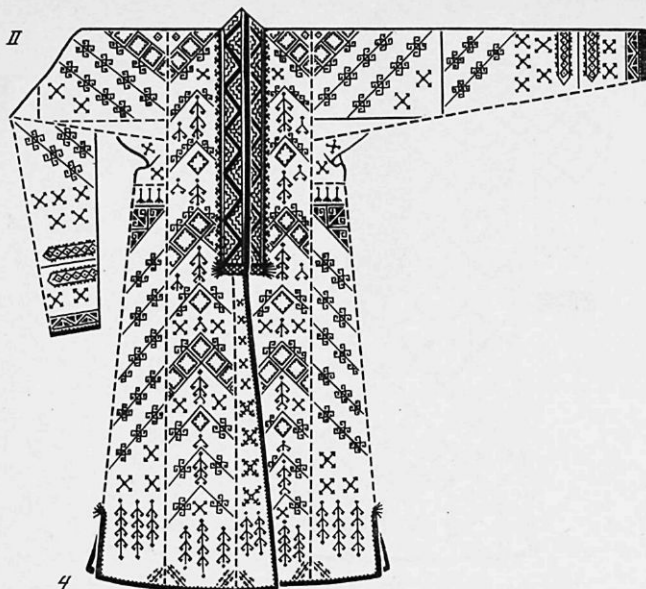

Рис. 21

из ткани другой расцветки. Боковины — широкие, часто очень широкие с присборкой под ластовицей, но не всегда с боковыми разрезами. Клин к поясу — разной ширины. Среди *жегде* молодых женщин выделяются три основных группы, в пределах которых есть свои отличия, повторяющиеся иногда в разных группах.

I группа. По покрою такое же, как *ак жегде*. Ластовица пятиугольная, но менее высокая, по шву часто оформлена вышивкой, иногда *жиеком* и вышивкой; на боковинах обычные разрезы. Наиболее частые вариации встречаются в форме (покрое) воротника: он может быть узким или широким (самый распространенный вариант — с расширением над головой), пришитым по прямому (редко) или скошенному срезу полы, соединяясь на груди с пришитым клином в нижней ее части. На груди в качестве украшения встречается плетенная из шелка тесьма (бордовых и зеленых тонов) с кистями, нити которых на концах закреплялись белым бисером. Иногда по поясу, подолу, боковым разрезам, концам рукавов прокладывалась машинная фигурная строчка.

II группа. Наиболее характерная черта группы — это широкие, присборенные под ластовицей боковины (как правило, *жиек жегде*), иногда художественно оформленные ромбовидной сеточкой («вафли») в виде треугольника или двух под названием *колтукча*, с помпончиками по краям; воротник часто шалевидный или отсутствует вообще.

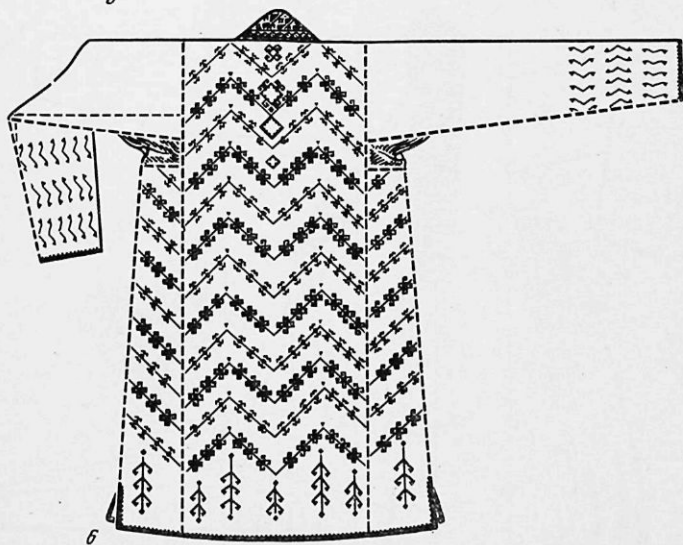
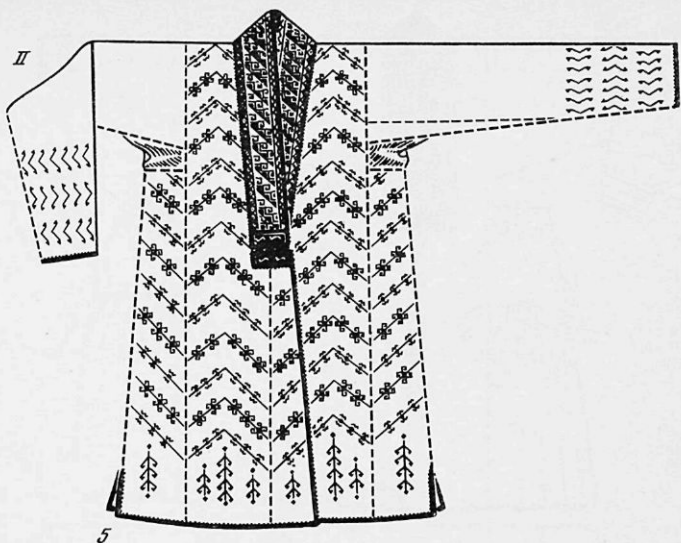

Рис. 21

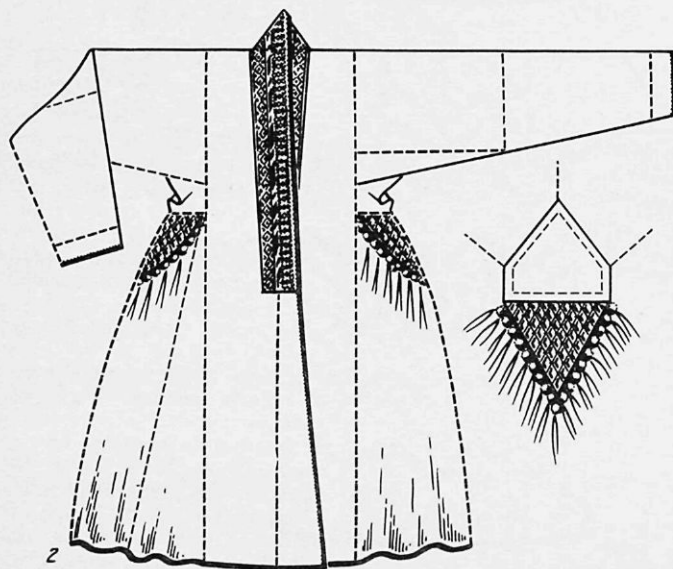
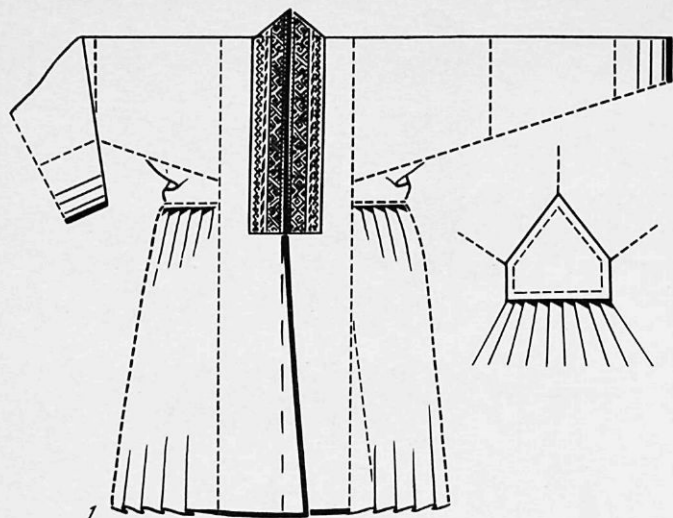

Рис. 22

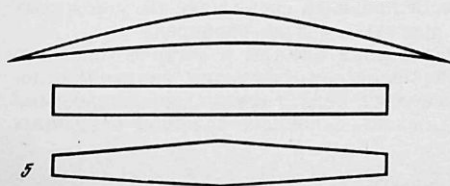
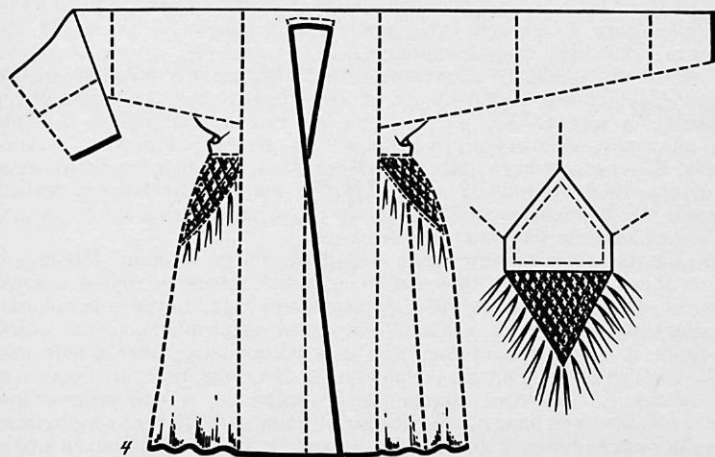
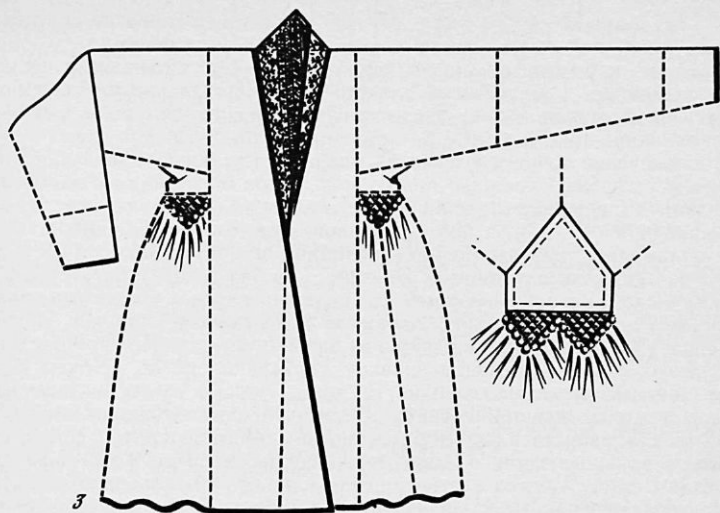

Рис. 22. Накидки молодых женщин
(жилек-жегде):
II группа: 1, 2, 3, 4, 5

III группа. Объединяет эту группу отсутствием воротника, вырез ворота часто ниже перегиба стана, ластовицы необязательны.

Пробное картографирование показало, что разновидности *жегде* молодых женщин, судя по материалам 40—50-х годов, также уже не имели определенной локализации, были распространены во всех районах Каракалпакии.

В заключение хочется высказать мнение, сложившееся на основании изучения этого вида одежды: прототипом *жегде* был, видимо, однослойный халат (распашная одежда типа халата), первоначально белый, покрывавшийся разноцветной вышивкой крестом, входивший в старину в комплекс одежды молодой женщины наряду с *кок койлек* и *ак кимешек*, также вышивавшихся крестом⁹. За это говорит богатство вышивки, часто красными нитками, что не согласуется с представлениями о костюме старых женщин; аналогии с костюмами народов других регионов, у которых верхняя одежда из белой дмотканины, украшавшаяся преимущественно счетной вышивкой, первоначально также была в составе костюма молодых женщин, а затем переместилась в комплекс одежды пожилых женщин и старух. Кроме того, есть сообщение информатора, правда, единственное (Муйнакский р-н, мюйтен-тели)¹⁰, о том, что *ак жегде* раньше носили и молодые женщины, а среди фотографий из коллекции А. А. Мелкова, относящейся к концу 20-х годов, находится снимок сравнительно молодой женщины в *ак-жегде*. В свете сказанного выше эти примеры не кажутся случайными. Однако в начале века данная традиция была, можно сказать, полностью утрачена, и *ак жегде* стали относить к костюму старой женщины.

Наплечная одежда, послужившая прототипом головной накидки *ак жегде*, существенно отличалась от женского халата, имевшего распространение в начале XX в.: 1 — она не имела подкладки; 2 — была с пришитым воротником, в отличие от безворотничкового женского халата; 3 — пятиугольная ластовица *жегде* отличалась от ромбовидной или квадратной ластовицы халата; 4 — в противоположность женским халатам *жегде* покрывалось вышивкой (воротник, стан и часто рукава); 5 — изготовлялось из ткани белого цвета.

Жегде из цветного материала — видимо, более поздние. Шились они уже по образцу *ак жегде*. Вышивка на них, выполненная другой техникой, вероятно, связана с кипчакскими культурными традициями, как показывают аналогии таковой у казахов, киргизов, дештикипчакских узбеков, имеющих в своем этногенезе, как и каракалпаки, кипчакский пласт.

Жегде без воротника в эволюционном ряду покроя этого вида одежды — явление, очевидно, сравнительно недавнее, и прототипом имело другой вид женской наплечной одежды — однослойный халат из полосатой материи традиционного комплекса, может, даже не прототип, а образец для подражания. Этот покрой *жегде* появился среди накидок у пожилых женщин. Они и вышивку имеют другую — «гладь вприкреп».

Последние годы бытования этого вида одежды в составе головного убора сопровождались активным процессом смещения различных локальных особенностей *жегде*, поскольку между всеми разновидностями всегда находятся переходные формы, объединяющие признаки различных групп.

Уже к концу 20-х годов *жегде* являлось элементом обрядово-праздничного костюма женщины. В повседневном уличном костюме его постепенно вытеснял большой платок — шаль, повязываемая на угол поверх тюбана. Фотографии конца 20-х годов свидетельствуют, что все молодые женщины в то время пользовались преимущественно большими платками, к 50-м годам совершенно вытеснившими *жегде* из быта.

- ¹ См.: *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХЭ. 1952. Т. 1; *Она же.* Народное орнаментальное искусство каракалпаков // ТХЭ. 1958. Т. 3; и др.
- ² Полевые материалы Каракалпакского отряда Хорезмской экспедиции, начальник Т. А. Жданко, собиратель Н. П. Лобачева, 1956—1959 гг.
- ³ См.: *Сухарева О. А.* К истории костюма населения Самарканда // Бюллетень АН УзССР. 1945. № 11—12; *Она же.* История среднеазиатского костюма: Самарканд (вторая половина XIX—первая четверть XX в.). М., 1982; *Пугаченкова Г. А.* К истории паранджи // СЭ. 1952. № 3; *Морозова А. С.* Головные уборы туркмен // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Т. VII. Сер. этногр. Ашхабад, 1963; *Лобачева Н. П.* К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты) // СЭ. 1965. № 6; и др.
- ⁴ *Ефремов Ф.* Десятилетнее странствование. М., 1950. С. 28; *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С. 51.
- ⁵ *Гладышев И., Муравин Д. В.* Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740—1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851.
- ⁶ См.: *Лобачева Н. П.* К истории...; *Бикжанова М. А.* Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960.
- ⁷ Подборку примеров см.: *Лобачева Н. П.* К истории...
- ⁸ *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.
- ⁹ См.: *Лобачева Н. П.* Из истории каракалпакского женского костюма: (К проблемам Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. № 4.
- ¹⁰ Полевые материалы Каракалпакского отряда Хорезмской экспедиции, Муйнакский р-н, 1956 г.

Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана)

З. А. ШИРОКОВА

Головной убор — один из наиболее интересных элементов национального костюма, в котором часто сохраняются своеобразные традиционные формы. В этнографической литературе имеются работы, посвященные формам головных уборов народов Средней Азии; специально, однако, таджикский головной убор в них не рассматривался.

В данной статье мы будем говорить о видах женских головных уборов, встреченных нами при сплошном обследовании территории Таджикистана, среди населения, называющего себя таджиками: Дарвазе, Каратегине, в Кулябской группе кишлаков, в кишлаках по среднему течению Вахша — Туткауле, Нуреке; в Бешкенте и Кабадиане, расположенных в низовьях Кафирнигана; в Гиссарской долине, в верховьях Зеравшана (часть бассейна р. Зеравшан от его истоков до г. Пенджикента), в г. Ленинабаде (до 1936 г. — Ходженте) и его пригородном селении Унджи; в г. Канибадаме и его пригороде — сел. Пултон; в г. Исфаре и расположенном рядом сел. Навгилем и кишлаке Чорку; в Аштском р-не в больших селениях Ашт, Понгаз, Пунук¹.

Все обследованные районы в основном заселены таджиками, однако здесь жили и другие народы: в Верхнем Каратегине тюркоязычное население представлено киргизами (Джиргатальский р-н); в Кулябской группе кишлаков неоднородным было население центральных и южных районов, треть всех жителей края составляли узбеки, жившие с Чубеке, Пархаре, Сари-чалме. Кроме того, на территории Куляба жили арабы, хазарейцы, туркмены, киргизы, афганцы и (в небольшом количестве) цыгане, индусы; в Гиссарской долине — в долине р. Варзоб основным населением являлись таджики, давние жители местности бассейна р. Зеравшан. Отдельные верхние кишлаки (группа кишлаков Зидди) заселены выходцами из Каратегина. В Гиссарской долине издавна жили также узбекские группы из потомков тюрко-монгольских племен: карлуки, калтатаи, мугулы; в Бешкенте и Кабадиане, а также в кишлаке Шуриен (по склонам хребта Газималик) жили узбеки-дурмены; в верховьях Зеравшана, в нижней части района, также жили узбеки; в Ходжентском р-не отмечаются

узбеки группы тюрк и дештикипчакские узбеки; север и юг населяют киргизы; в Ура-Тюбе расселены узбеки тех же групп, что и в Ходженте. Население Исфаринского р-на было связано на юге с киргизами предгорьев Туркестанского хребта, в Канибадаме — с узбеками, на северо-востоке Аштского р-на — с узбеками и киргизами. Между таджиками и этими группами населения наблюдается давнее общение вплоть до брачных связей, что, естественно, могло наложить известный отпечаток на культуру таджиков, создав ее локальные варианты.

Головные уборы таджиков можно разделить на две основные группы: головные уборы населения южных (горных) районов — Каратегина, Дарваза, Куляба и головные уборы населения северных (равнинных) районов — верховье Зеравшана, Ура-Тюбе, Ашта, Канибадама, Исфары, Чорку. В Гиссарской долине, в центре Таджикистана, встречаются головные уборы как северных, так и южных групп.

Головной убор таджичек сложный, включает обычно несколько элементов. В первую очередь остановимся на классификации составных частей комплексов женских головных уборов.

1. Головные уборы из кусков ткани

а). *Чалма из продолговатого куска ткани*. В Дарвазе женская чалма (*соба*) делалась из очень длинных (от 3 до 5 м) и широких кусков кустарных тонких белых тканей типа кисеи (*борики, шаши*), позднее из фабричной кисеи (*дока*), в наше время из марли. В верхнем Каратегине (кишлак Джиргаталя) чалма (*салла*) была из кустарной материи-калами или белой тонкой кисеи длиной от 3 до 5 м². В Ура-Тюбе чалма (*локи*) длиной 4—5 м изготовлялась из тонкой кустарной материи *хоса*³, позднее — из кисеи или марли (*дока*). В кишлаке Понгаз (Ашт) чалма — *алака, айлока* из белой кисеи имела длину 4 газа (1 газ=60 см).

б). *Большие головные платки*. Головной платок из марли или кисеи в южных районах называли *соба* (Дарваз), *дока* (букв. кисея), *латта* (Каратегин); в северных — *карс, дока, латта* (Зеравшан, Ура-Тюбе, Ленинабад, Исфара). Иногда их делали из более плотного материала. Для нарядных платков употребляют термин *румол (руймол), нумол*. К названию платка могло добавляться наименование ткани, из которой он был изготовлен, или название отделки.

В Таджикистане были распространены головные платки трех видов: прямоугольные (2—2,5×1,5 м), квадратные, или почти квадратные, размером примерно 1,5×1,5 м; 1,4×1,3 м; 1,25×1,25 м и треугольные. Прямоугольные платки встречались в основном на юге — в Кулябе и Дарвазе. Позднее там стали пользоваться платками, сшитыми вдвое из 3-х м, для пожилых — из 4—6 м материи. В Туткауле (Куляб) платки сшивали из 6 точек кустарной шелковой ткани (ширина почти 30 см); так как ткань была очень толстая, ее разрезали по диагонали на две косынки треугольной формы, называвшиеся *лачак*, но делали такие платки редко и носили их, как и квадратные.

Во всех других районах Таджикистана зафиксированы квадратные платки или приближающиеся к квадратным. Лишь пожилые женщины северных городов в домашних условиях носили иногда платки, приближающиеся к прямоугольным кулябским.

Большие платки в старину чаще всего делали, как и женские чалмы, из тонкой белой хлопчатобумажной ткани местной кустарной выработки, называвшиеся у таджиков Зеравшанской долины, в Ура-Тюбе, Ленинабаде, Исфаре, Канибадаме *хоса*; в Каратегине и Дарвазе — *шаши*; в Дарвазе, Кулябе, Матче — *борики*. В южных районах были головные платки и из шелковой материи полотняного переплетения, они назывались *казин* или *дорои*, *халил*, *шол*. Эти платки были более теплыми, поэтому их носили зимой. В верховьях Зеравшана мы не встретили платков из шелковой кустарной материи. В северных районах были распространены тонкие прозрачные шелковые платки *калгай* с отделкой, выполненной в технике батик. Платки привозили из Маргелана и Бухары⁴. Такие же платки бытовали в южных районах — в Гиссарской долине, называясь здесь *гули барра*, иногда также *калгай*, привозили их из Бухары.

Для зимнего времени для пожилых женщин платки делали из кустарной пуховой домотканой материи *тибит*. В Ура-Тюбе в прошлом изготовляли также платки-шали из козьего пуха⁵.

С давних пор были распространены головные платки фабричной работы как хлопчатобумажные — белые и цветные, так и шелковые. В настоящее время широко используются большие шерстяные платки — черные, синие, зеленые и белые с цветочным орнаментом.

В южных районах платки из белой кустарной хлопчатобумажной или шелковой ткани и из кисеи окрашивали техникой перевязки — *гулбаст* (Куляб, Дарваз), *гули барра*, *калгай* (Гиссар). В Гиссаре два последних термина, как упоминалось, употреблялись и для обозначения тонких прозрачных шелковых платков с батиком.

В южных районах — в Кулябе и в северных районах — в верховьях Зеравшана, Ура-Тюбе, Ленинабаде, Исфаре, Канибадаме, Чорку, Аште нарядные головные платки украшали вышивкой. На юге — более короткие, противоположные стороны прямоугольных платков украшали каймой, на севере в квадратных платках кайма шла по двум смежным сторонам и заполняла угол между ними.

в). *Небольшие платки*. Небольшие платки *нумолча*, *нумолак*, *карсак*, *нозбандак*, *чакабанд*, *дурра* (букв. чалма), *дурачаи*, *манчалбанд* имели размеры примерно 0,9×0,9 м. Для пожилых они были чаще всего из кустарных тканей белого и темного цвета, для молодых — фабричные, яркие.

г). *Налобная повязка*. Эта составная часть головного убора известна под названиями: *мандил*, *сарбандак* (Дарваз), *пешонибанд*, *сарбандак* (Куляб, Каратегин, Гиссарская долина, долина Зеравшана). В южных районах она бытовала, вероятно, издавна. Еще в 1903 г. А. А. Семенов отмечал, что молодые женщины и девушки повязывали на голову узкие и недлинные (четверти в 2—3), вышитые шелком повязки *сарбандак*⁶.

С пятидесятых годов XX в. вышитые налобные повязки почти не изготовляли, но старинные экземпляры всегда с любовью сохраняли, их приберегали для свадьбы, где они впервые надевались на невесту вместе с вышитой лицевой занавеской *рубанд*.

Повязка представляла собой полосу ткани длиной 50—60 см и шириной 4—8—10 см. К повязке пришивали две завязки или две длинные ленты из карбоса. При повязывании на голову ленты красиво спускались

по спине. Наиболее старые налобные повязки и концы лент к ним вышивали по *карбосу* гладью с изнанки — *чападузи* (*чапа* — шитье слева с изнанки), на левой же стороне был нанесен и рисунок⁷. Другие налобные повязки представляли собой полосу белой фабричной ткани, их вышивали с лицевой стороны двусторонней гладью по нарисованному с лицевой же стороны узору. Узор был растительный. Налобные повязки были также из белой ткани с вышивкой крестом. В Муминабаде сшивали повязки из нескольких полос: три цветных полосы (белая и две красных) накладывались друг на друга так, чтобы с одного края каждая из них была немного видна (примерно на 0,5 см), и сшивались. В административных центрах в очень богатых семьях носили золотошвейные налобные повязки⁸. Золотошвейные повязки первоначально привозили готовыми из Бухары, позднее стали вышивать и в Душанбе бухарские мастера.

Имели распространение налобные повязки из маленького цветного, позднее шелкового головного платка, который складывали в несколько рядов по диагонали, вкладывая внутрь картон, бумагу, ивовую кору. Повязка начиналась высокой и твердой. Для старых женщин повязка была очень мягкой, без картона.

II. Шапочки

Нами отмечено несколько видов их: шапочка с накосником, мягкая шапочка без накосника, тибетейка.

а). Шапочки с накосником имеют несколько названий: *кулута*, *шавкулак*, *шабкулак* (из *шабкулох* — ночная тибетейка), *калпушак*, *токи*, *телпак*; накосник называется *думбак* — хвостик (от *дум* — хвост). Они шьются всегда на подкладке, иногда имеют тонкий слой ваты. Шапочку и накосник делали чаще всего из разных тканей. Покрой их различен: один из них — шапочка без тульи, сшитая из прямой, продольной ткани, туго собранной на нитку в верхней части (на макушке получается маленькое отверстие), с накосником в виде прямоугольного продольного куска ткани. О. А. Сухарева отмечает, что это наиболее ранний покрой шапочки⁹.

Другой вариант покроя — шапочка сшита из прямой продольной ткани для околыша, который слабо собран на нитку в верхней части, и продольной ткани для накосника. На образовавшееся на макушке отверстие снизу или сверху нашивали или подшивали небольшую круглую тряпочку — зародыш тульи (Д—5—10 см). Эти шапочки являлись как бы переходной формой от шапочек с открытым отверстием к шапочкам с макушкой — тульей.

Третий вариант — шапочка с круглой тульей и околышем из прямоугольного куска ткани и довольно длинным накосником из продольной полосы материи, пришитой к задней части околыша. Иногда накосник вшивается прямо в околыш, доходит до самой тульи, перед околыша и накосник шьют чаще всего из разных тканей.

Накосник представляет собой либо прямую полосу материи, прикрывающую сверху косы, либо нижний конец его сшивают или края его соединяют шнуром. В последних случаях образовывался сквозной мешок, в который пропускали косы.

Первый вариант накосника — видимо, более ранний. Он мог быть очень длинным (до 60 см), расширяющимся книзу, за счет расширения его основы, к которой с обеих сторон пришивали еще по клину из раз-

резанного наискосок куска ткани, присоединенного к накоснику косой стороной. Шапочки шили таджики, живущие среди локайцев, и локайцы.

Перед шапочки, порой и накосник до самой макушки, обшивали косым кантом, либо тесьмой, тканой или сплетенной на руках и вышитой крестом. Тесьма могла быть вышита и тамбуром.

Шапочка кроится по размерам головы, накосник измеряют четвертью. У шапочек особо нарядным делали перед — из яркой хлопчатобумажной или шелковой ткани, накосник же (обычно из ткани другого цвета) украшали попроще. Встречаются шапочки, сшитые из кусков разных тканей, подкладка которых всегда делается из третьей ткани, так что шапочка шьется как бы из отдельных лоскутков (*курок*). Околыш шапочек украшался кантом, вышитой или тканой узорной тесьмой; иногда имел художественную строчку, выполненную на швейной машине нитками контрастного с фоном ткани цвета. В южных районах бархатные шапочки покрывались и золотошвейной вышивкой.

В верховьях Зеравшана передняя часть околыша некоторых шапочек прострачивалась параллельными горизонтальными строчками, между которыми при помощи спицы вставлялись фитильки из ваты. Под ткань околыша шапочки снизу прокладывали слой ваты, у макушки он был потолще, начиная от середины околыша вниз — более тонкий, и прострачивали мелкими горизонтальными параллельными строчками; верхняя часть околыша оставалась непростроченной и как бы валиком находила на нижнюю часть. В некоторых северных районах (Ура-Тюбе) такие шапочки раньше бытовали, но сейчас вышли из употребления.

Шапочки обычно приготавливала в приданое дочери мать, делая их до пяти штук.

б). Шапочка без накосника — *токисарак*, *токиисарак* (Гиссар), *кулох* (Исфара) — мягкая шапочка, состоящая из тульи и околыша. Чаше всего ее шили на подкладке без стежки, однако бывали и на ватной прокладке с легкой стежкой или же с матерчатой прокладкой. Тулья у них круглая (Д—16 см), околыш из косой ткани (9 см высоты). Шапочка простегана на руках, на тулье строчки идут от края к центру, на околыше — параллельными рядами (4 ряда). Край ее обшит узорной тесьмой, плетеной, тканой, вышитой тамбуром или крестом. Шапочки делали из хлопчатобумажных, шелковых или полшелковых тканей, в зажиточных семьях — из бархата. В южных районах преобладали шапочки красного цвета, в северных — они были более скромные по расцветке, но сшитые из более дорогих тканей. Такие шапочки бытовали в XIX — начале XX в. на юге — в Центральном Таджикистане (Гиссар) и на севере — в верховьях Зеравшана, а один экземпляр встречен в настоящее время в районах Исфары. Шапочки без накосника носили девушки, позднее — молодые и средних лет женщины, сейчас ими пользуются пожилые.

в). Тибетейка *токи* (южные районы), *капнок*, *туппи* (Центральный Таджикистан — Гиссар, северные равнинные районы). В южных районах околыш тибетейки кроили из косого куска ткани, макушка (тулья) была круглой. В северных районах их делали с квадратной тульей.

В южных районах первоначально тибетейки делали со вставленными в стежку скрученными жгутиками *пилта* из ваты, позднее — из бумаги, благодаря чему тибетейки получались с поверхностью в виде бороздок,

конической формы, более твердыми, чем шапочки. В дальнейшем от жгутиков отказались, а между верхом и подкладкой подкладывали картон или толстую бумагу, и тюбетейки становились плоскими и твердыми. Они назывались *токи* и *тос*. До последнего времени круглые женские тюбетейки полностью не вышивали, так как поверх них обычно накидывали головной платок. Нарядным стремились сделать лишь видный из-под платка околыш, а макушку шили чаще из какой-нибудь материи попроще. Околыш обшивали вышитой тамбуром тесьмой (*шероза*). В последние годы круглые бархатные тюбетейки стали вышивать бисером или золотой ниткой, среди молодежи стали модны привозные тюбетейки, распространенные в равнинных местностях — *тулли*, с квадратной тульей. Здесь их называют *токии фаргонаги* (ферганская тюбетейка).

В северных равнинных районах нам не удалось самим увидеть старых форм тюбетеек, но, судя по рассказам и фотографиям, в верховьях Зеравшана, в Пенджикенте они были с круглой тульей и конусообразным верхом. С 20-х годов повсюду в северных районах стали носить тюбетейки с квадратной тулей.

Тюбетейки вышивали гладью, разноцветными узорами (*чамандагул*), крестом и полукрестом (*ироки*) или бисером, а также делали из цветного бархата, парчи. Повсюду наиболее парадными считались тюбетейки, украшенные золотым шитьем.

Е. М. Пещерева относительно тюбетеек сел. Костакоз (Ходжент) писала, что в северных районах Таджикистана тюбетейки-*тулли* начали носить с 20-х годов, т. е. с того времени, когда стали снимать паранджу. До этого пользоваться ими для женщин считалось неприличным. Такое отношение к тюбетейке было характерно для всей Ферганы и Ташкента. Не носили раньше тюбетейки и таджички горных районов, за исключением припамирских, где бывала особая женская тюбетейка с плоским верхом. Что касается нижней части долины р. Зеравшан (районы Самарканда, Бухары), то там в начале XX в. тюбетейка под платком являлась головным убором женщин всех возрастов, кроме старух¹⁰.

III. Головной убор в виде капюшона с прорезью для лица

Головной убор пожилых женщин из белой ткани в виде капюшона с прорезью для лица, распространенный в XIX — начале XX в., в северных районах Таджикистана назывался *лачак*, *кулута*.

Этот, почти вышедший из употребления в Таджикистане элемент женского головного убора, в разных местностях именовался различно, и, кроме того, употребляемые для его обозначения термины у таджиков применяются и к иным элементам головных уборов: к пестрой шапочке с накосником — *кулута* и к головному покрывалу, завязываемому на темени и закрывающему грудь — *лачак*¹¹.

Сведения об этом головном уборе у таджиков единичны, поэтому мы приведем все случаи наблюдения его.

1. *Лачак*, концы которого спускались на грудь и спину, обнаружен нами в кишлаке Гусар (Колхозчичен), в верховьях Зеравшана¹². Кроился он следующим образом: бралась белая ткань длиной около полутора метров, один конец ее загибали по длинной стороне на 27 см. При этом учитывали, что в верхней (короткой) загнутой части должно остаться отверстие,

1

2

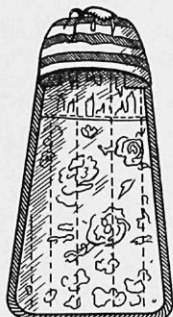
3

4

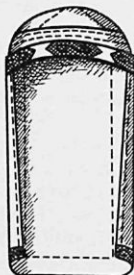
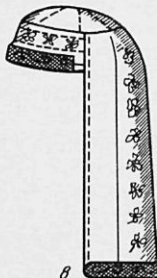
5

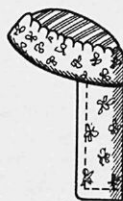
6

7

8

9

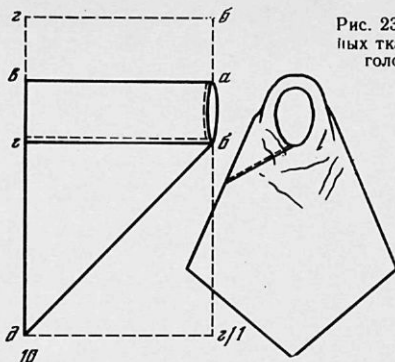
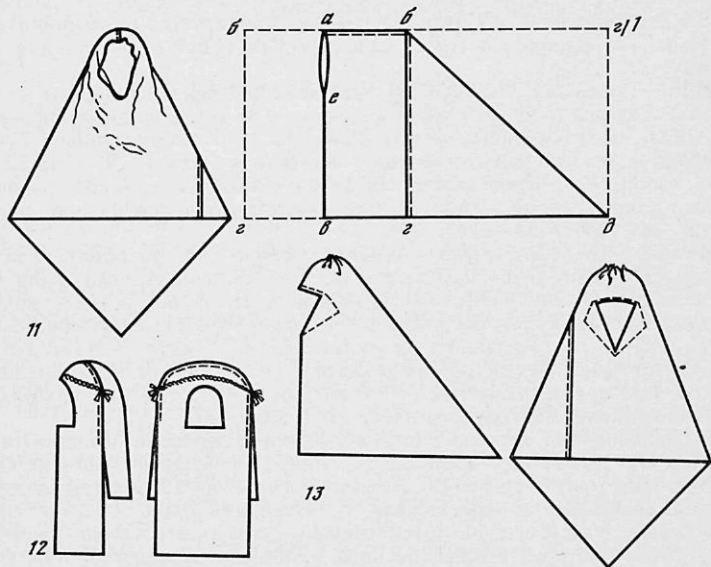

Рис. 23. Шапочки из разноцветных тканей и покроя старинного головного убора пожилых женщин:

1 — мягкая шапочка для молодой женщины. Нурек, юг, КП 567—48; 2 — шапочка с накосником, у макушки собрана на нитку. Нурек, КП 567—49; 3 — шапочка с накосником от макушки, скрепленным внизу шнурами. Катта—Курган, КП 297—2; 4 — шапочка с маленькой тульей, подшитой под околыш. Верховья Зеравшана, север, КП 1036—9; 5 — шапочка с тульей, нашитой на околыш. Каратегин, юг, 306—567; 6 — шапочка с маленькой тульей и длинным расклешенным накосником. Дагана—кик, юг, КП 175—29; 7 — шапочка с накосником от тульи, нашитой на околыш. Верховья Зеравшана, КП 181—31; 8 — шапочка с накосником от тульи, Каратаг—Бухара, юг, КП 932—1; 9 — шапочка с накосником, пришитым к низу околыша. Верховья Зеравшана, КП 643—II; 10 — лачак. Верховья Зеравшана, кишлак Гусар (Колхозчиен), КП 1193—195; 11 — *кулута*. Ура—Тюбе, Кп 1193—285; 12 — *кулута* полуовальной формы с цветным шнурком на лбу. Канибадам, с. Пулотон, КП 1185—40; 13 — современная *кулута* пожилой женщины. Исфара, с. Кулькент, КП 1216—10

предназначавшееся для лица. Затем длинный конец загнутой стороны сшивали с верхней кромкой ткани, оставшейся от загнутой части. Этот убор надевали на голову так, чтобы лицо было видно в это отверстие и острый угол спускался спереди. Такой головной убор несколько лет назад заказала для себя в Самарканде у одной *биотун* (по-мусульмански, «образованной женщины») Бибилюфия Усмонова, которой было в 1980 г. 72 года, но так ни разу его и не надела, потому что даже очень старые женщины *лачак* уже не носили, и она подарила его музею Института истории АН ТаджССР (КП 1193—195).

2. Интересен был и головной убор *кулута* из Ура-Тюбе и Канибадама. Пожилые женщины — Амбар Джалилова 85 лет из махалла Ями Ура-Тюбе, Тошбиби Мухамеджанова 78 лет и Латофат Бобоходжаева 60 лет из сел. Пулотон (Канибадам) сказали нам, что, когда они были маленькими, они видели такой головной убор на пожилых женщинах, носили его не их матери и даже не бабушки, а прабабушки¹³. Покроя *кулуты* они, разумеется, не знали, но сказали, что такой же головной убор сохраняется в женском саване и поэтому посоветовали обратиться к омывальщице умерших (*мурдашуй*), которая одновременно и приготавливала для них одежду.

В Ура-Тюбе нам сшили *кулуту*, как и *лачак*, из белой ткани, с прорезью для лица, концы головного убора спускались на грудь и спину, скроен он был таким образом: брали белую ткань длиной 142 см, шириной 77 см, загибали ее по длинной стороне на 1 четверть и 4 пальца, т. е. на 32 см. Верх короткой загнутой части сшивался с верхней кромкой основной ткани, оставшейся от загиба. Разрез для лица делался на шве загиба (на 27 см) (КП 1193—285).

Кулуту в Канибадаме сшили из белой материи, она имеет полуовальную форму. Состоит из двух отдельных полос. Передняя часть была длиннее — 79 см, задняя короче — 57 м. Полосы были сшиты по бокам (не до конца) и на темени. Сверху они были вырезаны полукругом. На расстоянии 10 см от темени в ткани прорезалось отверстие для лица, сверху — полукруглое, снизу — отрезное по прямой линии (18×14 см). На место, приходившееся на лоб, был пришит широкий шнур, свитый из трех цветных ярких лент красного, желтого и голубого цвета (КП 1185—40).

3. Большинство женщин Ленинабада совершенно не помнили таких уборов. Они считали, что его здесь никогда не было и в нем не было нужды, поскольку в старину женщины всегда были закрыты паранджой. В понимании Сифат Сайфуллоевой 76 лет, термин *кулута* означает большой белый, иногда сильно подсиненный, платок *румоли дока*, размером 154×154 см, который в прошлом носили пожилые женщины. Сложенный по диагонали вдвое платок спускали на лоб и, перекрестив концы под подбородком, закидывали их на плечи и спину, а один конец со спины накидывали на макушку. Это сооружение из платка напоминает изучаемый головной убор. Такое понимание термина *кулута* может объясняться тем, что и здесь существовал убор описанного выше типа. Когда он исчез из быта, его название могло перейти на большой белый платок.

Однако в женском саване¹⁴, который также шился из белой ткани, подобный убор, несколько видоизмененный, существовал, но он рассматривался не как головной убор, а как одежда. Эту часть савана называли

куртаи таг, т. е. «нижняя рубашка». Она надевалась, как мешок, на голову, доходя спереди и сзади до середины туловища. На уровне лица в ней делалось отверстие, дальше ткань оставалась неразрезанной. Наряду с этой «нижней рубашкой» лицо умершей женщины закрывалось поверх еще одним куском ткани, рассматриваемым как лицевая занавеска и называвшимся *рупушак* или *чашмабанд*, т. е. так же, как черная волосная сетка, носимая с паранджой.

4. И, наконец, в Исфа́ре (сел. Кулькент) мы встретили *биотун* Джахонбиби Ибрагимову 84-х лет, которая с 40-летнего возраста постоянно носила головной убор *кулута*. Она впервые надела его тогда, когда ее выбрали в качестве *биотун*. *Кулуту* здесь кроили следующим образом: брали кусок белой ткани (примерно 110×70 см), загибали длину на 1 четверть, оставшуюся длину ткани по кромке сшивали с загнутой тканью, ее боком. По краю отложенного загиба сверху на 1 четверть отмерялась налобная часть (*пешони*). Сама макушка собрана на нитку и затянута. Вниз от *пешони* сделан на одну четверть прорез для лица, сверху он подгибался и был равен четырем не очень широко расставленным пальцам, внизу сходил на нет (КП 1216—10).

КОМПЛЕКСЫ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ

Рассмотрим состав и манеру ношения женских головных уборов.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ИЗ КУСКОВ ТКАНИ

1. *Чалма*, намотанная прямо на голову. В южных районах (Дарваз) длинную чалму-шарф (*соба*) носили пожилые и средних лет женщины. Оставляя на спине длинный конец, они наматывали чалму-шарф вокруг головы, пропуская ткань под подбородком, закрывая ее краем нос и рот и забрасывая конец на темя. Этот способ ношения называется *фукунул* — (букв. закрывающий рот и нос).

Молодые женщины, спустив по спине свободный конец чалмы-шарфа, который волочился по земле (что считалось модным), наматывали остальную часть вокруг головы, закрывая лоб, а самым концом, поддерживая его рукой, прикрывали рот и нос. Этот способ ношения чалмы также называется *фукунул* или *дурха* (вероятно, от *дурра* — чалма). Оставленный на спине и волочащийся по земле длинный конец чалмы-шарфа подчеркивал стройность женщины и зрительно делал фигуру более высокой.

Молодые женщины после свадьбы лицо закрывали полностью, а концы шарфа забрасывали на голову. Такой способ повязывания чалмы-шарфа назывался *харам* (запретный), т. е. «скрывающий лицо». Среди таджиков Дарваза чалма-шарф была широко распространена в XIX — начале XX в.

Ношение чалмы без других дополнений встречено и в северных районах. Так, в Ура-Тюбе до похорон очень близкого человека соблюдался такой обычай: все его ближайшие родственницы распускали волосы, одной из самых близких женщин (например, дочери) повязывали белую чалму — *саллаи ноз* в три оборота, втыкали в нее цветы и зеленые веточки,

в последнее время стали прикреплять к чалме и фотографию умершего. Если умирала невеста, чалму повязывали ее сестре или матери. Чалма составлялась из головных платков невесты. К чалме прикрепляли мелкие украшения — серьги, кораллы и пр., в последнее время также могли прикреплять и фотографию умершей. То же делали, если умирал молодой человек.

II. *Чалма в сочетании с платками.* В северных районах — в кишлаке Понгаз (Ашт) пожилые женщины повязывали чалму-алока (*айлока*) поверх платка. Витки чалмы накладывались немного на левый бок, затем переходили на другую сторону и накладывались снова наклонно, перекрещиваясь на лбу. Чалму покрывали еще платком, один конец которого закидывали за спину, другой выпускали вперед. Женская чалма в головном уборе была распространена в Аште в конце XIX — начале XX в. Нам рассказала об этом и показала чалму жительница этого кишлака Тутуниссо Саидова (70 лет), намотав чалму себе на голову. Такой головной убор она, будучи маленькой, видела на пожилых *ойбону* (чица мусульманских молитв). Она сообщила, что в приданом ее матери (1894 г. рождения) был кусок ткани в виде небольшой чалмы-саллача, оборота в два, которую повязывали как налобную повязку поверх платка.

В северных районах (Ура-Тюбе, Исфара) в день свадьбы женщина со стороны невесты повязывала на голову матери жениха поверх головного убора чалму-локи из тонкой белой материи¹⁵. В Ленинабаде тонкую белую чалму повязывали на головной убор матери и бабушке мальчика в день его обрезания¹⁶.

Что касается юга, то у таджичек Каратегина во время свадьбы невесте набрасывали на голову сложенный по диагонали белый платок, поверх которого голову обкладывали комками ваты и обматывали чалмой из длинного куска (3—5 м) белой марли или кустарной материи *калами*.

III. *Уборы из больших и малых головных платков, иногда в сочетании с налобными повязками.*

1) Уборы из большого или маленького платка.

Способы повязывания больших платков настолько многочисленны и разнообразны, что трудно перечислить все возможные варианты. В основном их можно разделить на две группы: ношение платков развернутыми и сложенными по диагонали:

а). Платок прямоугольный, большого размера (юг — Дарваз, Куляб, Каратегин). Такие платки носили всегда развернутыми, концы их никогда не завязывали, они свободно свисали по бокам или же закидывали на спину, или подтыкали в складки. Манера повязывания этих платков была очень похожа на повязывание чалмы-шарфа *соба* в Дарвазе¹⁷. Ношение простых и вышитых прямоугольных платков было одинаковым, только при вышитых платках всегда стремились сделать так, чтобы максимально была видна вышивка.

б). Платок квадратный большой (ношение его с вышитыми налобными повязками и отдельно). Квадратный платок носили обычно сложенным по диагонали, надевали его и развернутым, но сравнительно редко. Нами эта манера ношения платков зафиксирована только в старинном головном уборе южных районов (Дарваз). Так покрывали голову молодухи: надви-

Рис. 24. Способы повязывания чалмы и употребления платков:

1 — повязывание чалмы айлока, айлока с платком. Ашт, к. Понгаз, север; 2 — повязывание чалмы локи бабушкой в день обрезания внука. Ленинабад, север; 3 — повязывание квадратных платков, сложенных по диагонали. Ура—Тюбе, север; 4 — квадратный платок, сложенный по диагонали и накиннутый на золотойшейную повязку пешонабанд. Каратаг—Бухара, юг.

нув край платка на лоб, поверх него повязывали узкую налобную вышитую повязку *мандил* или *сарбандак*¹⁸.

Что касается больших квадратных платков, сложенных по диагонали, то их носили как в южных, так и в северных районах. Без изменений их носят до сих пор. В северных районах сохраняются головные платки, украшенные ручной вышивкой, которые в кишлаках повседневно носят пожилые женщины, а девушки — только во время бракосочетания. Они являются также траурными платками. Для пожилых их вышивают черными и синими или черными и зелеными нитками, иногда белыми. У молодых допускается и красный цвет.

Все многочисленные способы ношения сложенных по диагонали платков можно объединить по двум признакам: ношение платков с распущенными или свободно закинутыми концами и ношение их с завязанными концами.

Манера ношения платков с распущенными концами характерна для всего Таджикистана. В северных районах (Ленинабад) пожилые женщины так носили платок в домашних условиях в жаркое время года. Они накидывали большой белый кисейный, сложенный по диагонали платок, нагнув его на лоб: оба конца отводили к затылку, один конец там и оставался, а другой обводили вокруг головы и, спустив к лицу, откидывали конец на темя. Этот способ ношения платка называли *куканча* (кокандский). В южных районах таким образом носили платки не только дома, но и в пределах своего кишлака. Этот старинный способ ношения платка во всех его вариантах сохраняется до сих пор как среди молодых, так и пожилых женщин.

Другой способ ношения платков, характерный для пожилых женщин северных районов (Матча — верховья Зеравшана, кишлак Пунук — Ашт, Ура-Тюбе) и молодых и пожилых женщин южных районов, состоял в следующем: платок накидывали на лоб, один угол оставляли сзади на спине, а второй обматывали вокруг головы, пропуская под подбородком, и закидывали за голову, при этом закрывая рот и нос¹⁹.

Существует много вариантов и способов ношения платков с завязанными концами. В северных районах наиболее характерно перекрещивание под подбородком концов накинутаго на голову платка, которые завязываются узлом на шее. Так повязывали головные платки и в летнее и в зимнее время при всех сочетаниях платка с другими головными уборами. В южных районах таким способом повязывают большие фабричные, особенно шелковые платки, молодые женщины в зимнее время. Женщины, особенно молодые, набрасывали на голову платок, спуская его низко на лоб, а концы завязывали на затылке, односторонним или двусторонним бантом.

в). Манера повязывания маленького платка.

Способы повязывания маленьких платков девушками и молодыми женщинами весьма разнообразны и нередко индивидуальны. Остановимся на некоторых из них: маленький платок (бывает с проложенной в середине бумагой) молодые женщины опускали низко на лоб, завязывая высоко на затылке, при этом укладывали его на голове, в виде пилотки, сдвинув на одну сторону лба. Такой способ повязывания назывался *куканча*, *куканди* (кокандский). Он был широко распространен в северных, а на юге —

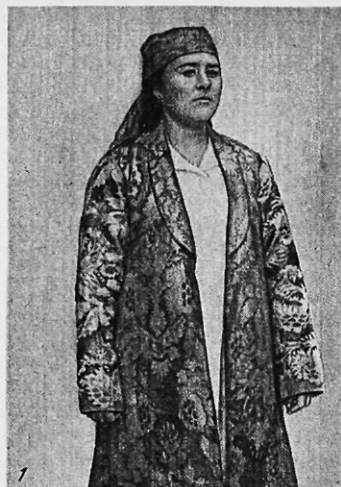

Рис. 25. Манера повязывания маленьких платков:

1 — старинная манера повязывания маленьких платков девушками. Канибадам, с. Пулотон, север;
 2 — старинный головной убор молодой женщины. Север; 3 — старинная повязка пожилых женщин
кушкорча, или *кушкорак*. Ленинабад, север; 4 — старинная женская повязка, белый платок сложен
 по краю гармошкой

в центральных районах. Другой способ заключался в следующем: платок складывался углом, вкладывали в него полосу бумаги, завертывали ее вместе с платком в один, а если платок был побольше, то и в два слоя так, чтобы угол оставался незавернутым. При повязывании угол свешивался на лицо, а затем его забрасывали назад. Создавалось впечатление, что надеты налобная повязка и платок. Такой способ повязывания платка назывался *самарканди* или *куканди*, т. е. «по-самаркандски» или «по-кокандски». В последние годы женщины постарше, сложив платок косынкой, завязывают его концы простым узлом на затылке или переводят на лоб и завязывают узлом. Девушки и молодые женщины, набросив платок на голову, концы его перекрещивают на затылке вместе с косами и затем завязывают их на лбу.

В северных районах во время чтения молитвы женщины пожилые, распустив небольшой платок, накидывали его на голову и завязывали под подбородком двумя ближайшими концами.

2). Убор из двух и более платков разного размера.

В северных районах в конце XIX — начале XX в. девушки носили один платок, завязывая его чаще всего узлом на затылке. Молодые женщины сразу после свадьбы начинали носить два платка — большой и маленький. Сначала на голову накидывали сложенный по диагонали большой белый платок, перекрещенный под подбородком, а поверх него — надвинутый на лоб и туго завязанный небольшой шелковый или бумажный, свернутый по диагонали полосой в виде налобной повязки, в 15—17 см шириной. Бывало, что маленький платок складывали и повязывали косынкой. Платки полностью закрывали голову и скрывали волосы замужней женщины. Убор из двух платков был очень распространен в северных районах. У старших по возрасту женщин узел делали на затылке, а у молодых концы переводили на лоб и завязывали их там. Этот маленький платок носил название *дуррача* (уменьшит. от тадж. *дурра* — «чалма»). Со временем последовательность в надевании платков становится другой: вниз повязывали маленький платок, а большой завершал головной убор. Молодые женщины носили цветные *дуррача*, постарше — черные, глубокие старухи — чаще белые²⁰. Раньше налобные повязки были очень высокие, твердые, с выпущенным углом платка с бахромой. Такая манера ношения называлась *согуча*. В верховьях Зеравшана (Пенджикент) два платка носили до того времени, когда женщина переставала рожать. Этот момент в ее жизни отмечался надеванием шапочки *кулута* и иногда более мягкой налобной повязки. Поверх шапочки могли надевать маленький платочек, последовательность в повязывании платков могла быть и другой.

В дальнейшем прослеживается переход ко все более продолжительному ношению девичьего убора — одного платка — женщинами других возрастов. Сначала его продолжали носить недавно вышедшие замуж женщины. В 50—60 годах его не снимали до рождения одного-двух детей.

В южных районах налобную повязку из платков повсюду надевали только во время свадьбы, лишь в отдельных районах Гиссарской долины продолжали носить и после свадьбы два платка, повязывая их узлом на затылке.

В северных районах в парадных случаях повязывали головной убор следующим оригинальным образом: край нижнего большого белого плат-

ка *карс*, сложенного по диагонали, закладывали встречными складками (*чимчима*), которые сильно проглаживали, и в таком виде накидывали на голову.

Платок надвигали низко на лоб, а поверх повязывали второй небольшой платок-*дурра* черного или какого-либо темного цвета так, чтобы складки белого платка были видны на два пальца из-под него.

В северных районах после отказа от паранджи ее роль выполнял большой черный или черный с цветами шерстяной платок, который, выходя из дома, женщины накидывали на голову, придерживая за края зубами. Платок был настолько большой, что полностью скрывал фигуру женщины. Бытовавшие светлые платки большого размера, служившие основным головным убором замужних женщин, постепенно начинают выходить из употребления, сохраняясь только у самых пожилых. Остальные же в летнее время, часто и зимой, носят один маленький головной платок. Женщины средних лет и пожилые маленький платок стали повязывать вокруг головы, завязывая на лбу. Этот способ повязывания называется *локича* (от *локи* — «чалма»).

Сложный головной убор из разных шапочек и платков

1) Убор из шапочки и большого платка, поверх которых повязывался небольшой платок или налобная повязка.

Вопрос о ношении шапочек девушками и замужними женщинами решался в разных местах по-разному. Из южных районов лишь в Гиссарской долине в XIX — начале XX в. головным убором девушек и молодых женщин была мягкая шапочка без накосника (для других мест юга шапочки не были характерны) и большой головной платок. Замужние женщины после рождения трех-четырех детей носили мягкие шапочки с накосником, поверх которых накидывали большой платок. Что касается севера, то сведения о шапочках в верховьях Зеравшана очень разные. В боковых долинах, по словам информаторов, шапочку с накосником в XIX в. носили и до замужества. Среди экспонатов Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР (Ленинград) 1926—1927 гг., работавшей в верховьях Зеравшана (кишлаки Джиджик, Искандаркуль), были шапочки *кулута* с накосником. В описании одной из них отмечено, что «шапочку-*кулуту* носили и дети дома, не повязывая голову платком, девочки носили *кулуту* (с платком? — З. Ш.) лет с 12»²¹.

Вопрос о ношении шапочки без платка остался нами невыясненным. Однако уже позднее в верховьях Зеравшана (в боковых долинах) девушки до свадьбы носили один платок, наброшенный на макушку головы, а шапочку с накосником (*кулута*) в сочетании с большим платком надевали после свадьбы.

Большинство информаторов считало, что шапочка с накосником была принадлежностью костюма замужних женщин и впервые надевалась только после свадьбы, на свадьбу невесте поверх большого платка повязывали налобную повязку. Головной убор пожилых замужних женщин обычно ограничивался шапочкой, поверх которой повязывали большой платок и иногда — маленький платочек. В 50-е годы у молодых женщин шапочка была заменена маленьким платком.

2) Убор из тибетейки в сочетании с платками.

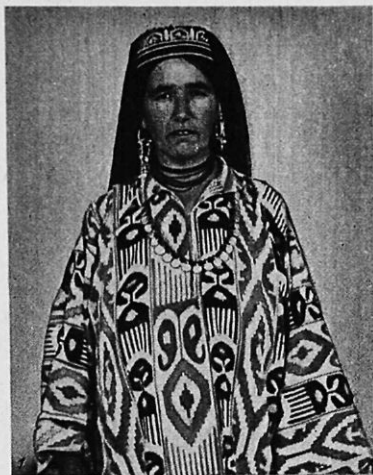

Рис. 26. Современный головной убор:

- 1 — современный головной убор юга: круглая тюбетейка и платок. Гиссарская долина, к. Косимобод;
2 — современный головной убор на севере: квадратные тюбетейки. Ура—Тюбе, сел. Якатол

В южных районах тюбетейки с круглой тульей (*токи*) носили с большим головным платком, в последние годы — чаще с маленьким. Модные тюбетейки (более плоские и твердые) надевали молодые, тюбетейки со жгутиками (*пилта*) — женщины постарше.

В северных районах (Пенджикент, верховья Зеравшана, в Ура-Тюбе, Ленинабаде) в головном уборе молодых женщин тюбетейка была распространена уже в начале XX в. С 20-х же годов появились тюбетейки с квадратной тульей²². Тюбетейку чаще носили с платком маленького размера. Его повязывали теми же способами, что большие головные платки. Бывало, что платок распускали полностью, покрывая тюбетейку одной стороной.

В последние годы тюбетейки повсюду выполняют роль самостоятельно-го головного убора.

3). Сложный головной убор из шапочки или тюбетейки и многих платков.

Среди женских головных уборов таджиков особое место занимает убор, обнаруженный в шестидесятые годы в кишлаке Зидды (Гиссарская долина). Он не имеет параллелей в таджикском головном уборе других районов. Здесь девушки носят тюбетейку и платок, изредка два платка. Головной убор женщин после рождения ребенка сильно меняется, в нем постепенно появляется несколько платков, больших (*нумоли калон*) и маленьких (*нозабан-дак*), разного цвета, повязанных молодыми и средних лет женщинами поверх тюбетейки, старыми — поверх шапочки с накосником. Повязываются поочередно маленький и большой платки. Маленький пла-

ток облегает лоб и завязывается узлом на затылке, сверху подвязывается большой платок, концы которого перекрещиваются под подбородком и завязываются также на затылке. И так повязывают поочередно пять-семь, а пожилые до 10 платков, причем надо, чтобы они были видны один из-под другого в виде полосы в 1—1,5 см. Заканчивается головной убор обычно небольшим платком, концы которого обвертываются вокруг головы и завязываются узлом на лбу, иногда на затылке, или же, наоборот, большим платком²³.

4). Сложный головной убор пожилых женщин, составной частью которого был белый убор типа капюшона с прорезью для лица, бытовавший в XIX — начале XX в. в Северном Таджикистане.

Этот головной убор состоял из нескольких элементов, в разных районах отличался по составу, по манере ношения и по названиям. В Гусаре (верховья Зеравшана), по рассказам Бибилютфии Усмоновой, этот головной убор имел следующий вид: на голову сначала надевали шапочку из цветной ткани с накосником (*кулута*), поверх — белый головной убор с прорезью для лица (*лачак*), спускавшийся острым углом на грудь. Поверх *лачака* повязывался сложенный в виде налобной повязки пестрый или цветной платочек (*чакабанд*), сверху накидывали сложенный углом большой квадратный белый платок — *карс*.

Похожим на описанный был старинный головной убор и в городе Ура-Тюбе. Он также представлял собою белый головной убор с прорезью для лица, но назывался здесь *кулута*. Надевали его прямо на голову так, что острый угол спускался на спину. Поверх *кулуты* голову повязывали белой чалмой (*локи*) метра 3 или 4 длиной, что нам превосходно продемонстрировала Амбар Джалилова из махаллы Яси. Этот головной убор был распространен в Ура-Тюбе в основном в XIX в., бытовал он там и в начале XX в. в комплексе костюма пожилых. Сейчас таких головных уборов не носят.

В Канибадаме *кулута* имела полуовальную форму, она также надевалась на голову, спускаясь на грудь и спину. На лбу был цветной шнур, свитый из разноцветных лент. Поверх всего накидывался большой платок.

Как мы указывали, в Исфаре (сел. Кулькент) биотун Джахонбиби Иб-рогимова 84 лет с 40-летнего возраста, когда ее выбрали в этом качестве, постоянно носила подобный головной убор из белой ткани, называемый здесь также *кулута*. Ее полный головной убор имел следующий состав: сначала она надевала шапочку, называемую *кулох*, из темно-синего бархата на подкладке (могла быть и на вате). Ее шапочка не имела накосника, но бывали и с накосниками того же покроя, что и цветные шапочки горного Таджикистана, известные также под названием *кулута*. Поверх шапочки она надела опускавшийся на грудь и спину белый головной убор с прорезью для лица, острый угол которого лежал на спине. Его она назвала *кулута*. Поверх него накинула большой белый платок, сложенный по диагонали, перекрестила концы под подбородком и закинула их за спину. Поверх этого платка на лоб повязала маленький цветной платочек *дурра*, несколько раз сложенный в полосы по диагонали; спереди надо лбом она сложила его вроде пилотки. Для этого в складки налобной повязки прокладывалась бумага.

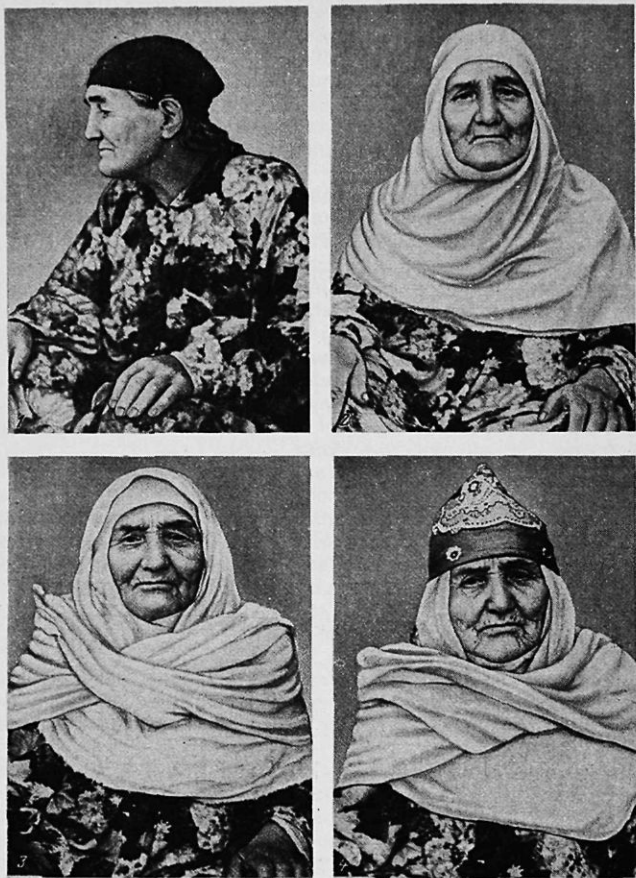

Рис. 27. Старинный головной убор *биотун* Джахонбиби Ибрагимовой. Исфара, сел. Кулькент, северные районы:

1 — шапочка *куллах* из темно-синего бархата; 2 — белый убор *кулута*, надетый поверх шапочки; 3 — белый большой платок *карс*, накиннутый поверх кулоха и кулуты; 4 — маленький цветной платочек *дурра*, сложенный по диагонали в несколько рядов и повязанный на лоб поверх большого платка

Подводя итоги, можно сказать, что головной убор для женщин всех возрастов и всех районов Таджикистана был абсолютно обязательен. В ряде случаев удалось установить различия в головных уборах между северными и южными районами.

В XIX — начале XX в. на юге Таджикистана (Дарваз) среди женщин

средних лет и пожилых бытовал головной убор *соба* — чалма из куска легкой ткани белого цвета, наматывающийся непосредственно на голову, остаток которой волочился по земле. Сейчас она вышла из употребления. В северных районах головной убор XIX — начала XX в. — чалма *локи* из 3—4 м белой ткани, наматывавшаяся на белую *кулуту* (Ура-Тюбе), а также чалма *алока*, *айлока*, носившаяся в сочетании с платком и бытовавшая в Аштском р-не, также исчезли в наши дни из головного убора женщин. До последних лет чалмы сохранились лишь в обрядовом костюме как южных, так и северных районов. Ее кратковременно повязывали на головной убор невесты (верхний Каратегин — юг), матери жениха (Ура-Тюбе, Исфара — север), матери и бабушке во время обрезания сына или внука (Ленинабад — север).

В южных районах молодые женщины носили большие прямоугольные платки накинутыми на голову серединой широкой стороны. В Дарвазе носили их распущенными, с вышитой налобной повязкой. Платки обматывали вокруг головы, концы забрасывали на темя или подтыкали куда-нибудь в складки, но никогда не завязывали узлом. Сейчас вышитые платки сохраняются в Кулябе в качестве свадебного головного убора. Для северных районов такая манера повязывания платков была не характерна.

Ношение квадратных платков, сложенных по диагонали, имело широчайшее распространение во всем Таджикистане, как в южных, так и в северных районах. Все многочисленные способы их употребления можно объединить по двум признакам: ношение платков распущенными или со свободно закинутыми концами и ношение их с завязанными концами. Очень большие платки (от 1,5 до 2 м) были характерны для населения юга Таджикистана в головном уборе молодых и пожилых, на севере — только пожилых женщин. Их складывали по диагонали и обматывали вокруг головы, но не завязывали узлом, а подтыкали куда-нибудь в складки или закидывали на голову. В южных районах так повязывали платки у себя дома или в пределах своего кишлака, в северных районах — только в своем доме. Возможно, в манере повязывания платков в домашних условиях сохраняются наиболее древние формы, бытовавшие когда-то более широко.

Квадратные белые платки, меньшие по размеру, на севере вышивали по смежным сторонам. Раньше они были очень распространены в повседневном головном уборе старых женщин, в траурном костюме или покрывались невесте во время бракосочетания.

В южных районах (Гиссар) девушки до замужества носили шапочку без накосника и платок. В северных районах (Зеравшан) носили один платок. Вопрос о ношении одних шапочек без платка нами не совсем еще выяснен. После замужества почти повсюду головной убор состоял из шапочки с накосником и платка или большого и маленького платков. К старости, когда женщина переставала рожать, головной убор усложнялся: надевали шапочку с накосником, большой головной платок и маленький платочек. В северных равнинных районах (Ура-Тюбе, Ленинабад и др.) маленький платок, носимый девушками, сменялся после замужества на два платка — большой и маленький. В манере ношения и составе девичьего и женского головного убора наблюдались значительные различия. В дальнейшем прослеживается более продолжительное ношение девичьего убора после замужества.

Особняком стоит головной убор женщин кишлака Зидды (Гиссар). Здесь девушки носили шапочку и платок, замужние женщины накручивали тюрбан из платков разного цвета, что приближало этот головной убор к головным уборам дештикипчакских узбеков — кунгратов, дурменов.

В прошлом столетии в северных районах отмечен сложный головной убор, важной составной частью которого был белый убор с прорезью для лица в сочетании с двумя-тремя дополнительными элементами. В единичных случаях этот элемент убора сохранился даже до наших дней в костюме биотун. В Чорку, Исфаре и Канибадаме существует мнение, что белый головной убор с прорезью для лица бытовал еще до появления паранджи. Паранджа вошла в быт, по словам информатора, лет 150—200 тому назад. После этого белый головной убор с прорезью для лица стал уже выходить из быта. До распространения паранджи считалось необходимым, чтобы у женщины были закрыты волосы, начиная с пробора, горло, запястья и лодыжки ног. Этим требованиям удовлетворял описанный убор, дополненный платьем с длинными рукавами и шароварами до щиколотки. В то время требование — закрывание всего лица и всей фигуры женщины, которому отвечала паранджа, к выходному костюму женщины не предъявлялось.

Это мнение местного населения имеет некоторое основание: оба предмета одежды — и белый головной убор с прорезью для лица и паранджа выполняли одну функцию — скрывать женщину от посторонних взглядов. При этом исторически убор с прорезью для лица был, очевидно, более ранней формой одежды, чем паранджа. Вопрос о происхождении и времени появления паранджи не раз привлекал внимание советских этнографов, имеется ряд обстоятельных работ, затрагивающих эти вопросы. Ученые отметили, что первые письменные сообщения о парандже как особом виде одежды относятся к XVIII в.²⁴

В настоящее время в головном уборе девушек и молодых замужних женщин повсюду отмечена тенденция быстрого стирания различий, отражающих их семейное положение. Намечается и некоторая унификация в его составе: повсюду в Таджикистане наиболее распространенной формой головного убора молодых и средних лет женщин стали тюбетейка и платок или один небольшой платочек, изредка одна тюбетейка. Женщины постарше носят большой или большой и маленький платки, шапочку или два платка. Дальнейшие изменения идут по линии принятия более удобных форм, не мешающих при работе и в то же время соответствующих народным традициям и климату.

¹ В наше рассмотрение не входят головные уборы населения Ягноба и Памира. Одежда этих областей исследуется другими авторами.

² Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 200.

³ Из всех бумажных тканей Ходжента это была самая широкая тонкая и белая ткань. Она производилась из фабричной пряжи 40-го или 58-го номера. Ширина доходила до 1,5 м. См.: *Турсунов Н. О.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974. С. 82—83.

⁴ О производстве этих платков см.: *Турсунов Н. О.* Из истории... С. 98; *Сухарева О. А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в.: Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962. С. 66—69, 81—82.

⁵ *Мухтаров А. М.* Очерки истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. С. 78—79.

⁶ См.: *Семенов А. А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 30.

⁷ Таким же швом в Дарвазе вышивали

- нашивные нагрудники на платьях из карбоса и старинные лицевые занавески (*рубанд*). См.: Таджик Каратегина и Дарваза. Вып. 2. С. 117—120.
- ⁸ О золотошвейных мастерах см.: *Пещерева Е. М.* Бухарские золотошвей // Сб. МАЭ. М.; Л., 1955. Т. XVI. С. 266.
- ⁹ См.: *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // СЭС. 1954. Вып. 1. С. 306.
- ¹⁰ См.: *Пещерева Е. М.* Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954. С. 150.
- ¹¹ У казахов и каракалпаков сходный по покрою и функциям головной убор называется *кимешек*. См.: *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда XIX — начала XX в. Алма-Ата, 1964. С. 103—127; Каракалпаки // Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 474—485.
- ¹² См.: *Сухарева О. А.* Древние черты... С. 305—306; *Писарчик А. К.* Материалы к истории таджиков Нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 119—122.
- ¹³ По материалам М. А. Бикжановой, головной обл. делался из 15—20 м белой ткани и состоял из: 1. *Синабанд* — полоса из 1 м ткани, покрывающая грудь умершей; 2. *Таоратлата* — прокладка; 3. *Куртаи таг* — нижняя рубашка от головы до талии с прорезью для лица; 4. *Куртаи ру* — верхняя рубаха от плеч до конца ног; 5. *Эзори ду поча* — шаровары с двумя штанинами; 6. *Чашмабанд*, *рупушак* — белая ткань для закрывания лица; 7. *Кафани ру* — большое верхнее покрывало, в которое заворачивается умершая. Требуется, чтобы у покрывала со стороны головы и ног оставалось еще по 20 см.
- ¹⁵ В кишлаке Чорку (Исфара) вместо чалмы на головной убор матери жениха женщина со стороны невесты клала сложенный вчетверо платок.
- ¹⁶ См.: *Ершов Н. Н., Широкова З. А.* Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969. С. 26. Табл. 19.
- ¹⁷ О способах повязывания платков на юге Таджикистана см.: *Широкова З. А.* Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. С. 170—176; *Она же.* Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976. С. 88—108.
- ¹⁸ На Памире вышитые налобные повязки (*кур, мандил*) начинали надевать на мальчиков и девочек в возрасте до года (сообщение Л. Бахтоваршоевой).
- ¹⁹ Подробнее о способе повязывания платков см.: *Широкова З. А.* Традиционная и современная одежда... С. 91—103.
- ²⁰ См.: *Пещерева Е. М.* Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. С. 149—150.
- ²¹ См.: МАЭ (Ленинград), сектор Средней Азии и Казахстана, картотека описания фондов Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР (Ленинград). 1926—1927 гг. Описание экспоната КП 3655—1.
- ²² См.: *Пещерева Е. М.* Домашняя и семейная жизнь. С. 150.
- ²³ Выпуск одного платка из-под другого в этом уборе напоминает головной убор узбеков-кунграт, хотя форма всего головного убора отличается. См.: *Узбеки // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1.* С. 299. По словам Б. Х. Кармышевой, дештикипчацкие полукочевые узбеки-кунграты, дурмены и другие имели близ кишлака Зийда летовки, куда выкочевывали с семьями. Бывали случаи смешанных браков.
- ²⁴ См.: *Сухарева О. А.* К истории костюма населения Самарканда // Бюл. АН УЗССР. 1945. № 11/12. С. 39; *Пугаченкова Г. А.* К истории «паранджи» // СЭ. 1952. № 3; *Васильева Г. П.* Туркмены-нохурлы // СЭС. 1954. Вып. 1. С. 163—165; *Лобачева Н. П.* К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-чалаты) // СЭ. 1965. С. 35.

Головные уборы казахов (опыт локальной классификации)

И. В. ЗАХАРОВА, Р. Д. ХОДЖАЕВА

Одежда занимает особое место в материальной культуре народа, отражающей его многовековую историю. Изменяясь под влиянием новых экономических и политических условий жизни народа, одежда стойко сохраняет ряд древних черт в формах, деталях покроя и украшений, выявление которых представляет материал для изучения конкретной истории народа и его культуры. Помимо основной функции — защиты тела — одежда выполняет функцию полоразделительную и социально-разделительную¹, с чем связана особая традиционность ее национальных форм.

Самой выразительной и своеобразной частью народного костюма являются головные уборы, поскольку они играют первенствующую роль в опознавательной функции одежды. В головных уборах устойчивее всего сохранились как половозрастные, так и территориальные различия.

Данная статья содержит некоторые итоги подготовительной работы по картографированию казахской одежды для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». Задача статьи — выделить в имеющемся историко-этнографическом материале типичные и традиционные для казахов виды головных уборов и их территориальное распространение, насколько отчетливо его можно проследить на последнюю треть XIX в.; определить территориальные комплексы головных уборов на этот же период; выяснить, насколько позволяет материал, изменение покроя каждого вида и время его существования.

Вторая половина XIX в. — период, когда под воздействием новых условий жизни шел довольно быстрый процесс изменения материальной культуры казахов, но старые родо-племенные традиции еще были живы и оказывали свое влияние на общественную и культурную жизнь народа, что вело и к сохранению территориальных и племенных различий в одежде, восходящих к более раннему времени.

В основе статьи лежат материалы, собранные из разнообразных источников, которые можно подразделить на четыре группы: полевые исследования, музейные коллекции, описания в этнографической и географической русской литературе, иллюстративный материал.

Полевые материалы, которые легли в основу работы, были собраны этнографическими экспедициями послевоенного времени. В 1947—1953 гг. в ряде областей Казахстана работали экспедиции Института этнографии АН СССР и Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР по изучению современного быта и культуры сельского населения, материал по старой национальной культуре собирался попутно. С 1955 г. изучение казахской одежды в ее историческом развитии становится одной из центральных тем казахских этнографов, и основное внимание в полевой работе уделялось выявлению старых национальных форм. Этнографические экспедиции 1955—1980-х гг. охватили практически все области Казахстана. Полевые материалы хорошо представляют одежду 40—70-х годов, данные опросов позволяют углубить сведения, но не далее, как на начало XX в.

Вторая группа источников — предметы казахской одежды, хранящиеся в музеях. Наиболее обширными коллекциями обладает Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ), среди которых имеются и самые ранние экспонаты, собранные в 60-х годах XIX в.² Значительное число экспонатов находится в Музее антропологии и этнографии АН СССР, в Центральном государственном музее Казахской ССР, в Казахском музее искусств. Из областных музеев более крупными коллекциями располагает Омский областной краеведческий музей, экспонаты которого собирались с 80-х годов XIX в.; беднее представлена одежда в областных музеях Казахстана — Чимкентском, Актюбинском, Целиноградском и других³.

Довольно обширный музейный материал далеко не полно представляет комплексы одежды казахов различных областей. Большинство сборов сделано в советское время. Среди коллекций, собранных до революции, преобладают разрозненные элементы костюма, причем многие собиратели стремились приобретать нарядную одежду. Использование части музейных коллекций для картографирования затруднено их депаспортизацией.

Третью группу источников составляет историко-этнографическая и географическая литература по Казахстану. Наиболее ранние описания одежды казахов относятся к середине и второй половине XVIII в.: Гладышева и Муравина (40-е годы)⁴, П. С. Палласа⁵, И. Г. Георги⁶, капитана И. Г. Андреева⁷. Из литературных данных первой половины XIX в. интересны сведения доктора Саввы Большого⁸, С. Б. Броневского⁹, А. И. Левшина¹⁰, А. Евреинова¹¹, П. Небольсина¹².

Во второй половине XIX в. количество русской литературы по Казахстану возрастает, но одежде в ней уделяется мало внимания. Более полноценная информация содержится в работах М. Красовского¹³, В. Потто¹⁴, Б. Даулбаева¹⁵, Х. Кустанаева¹⁶. Содержательную характеристику одежды казахов начала XX в. мы встречаем в книге немецкого ученого Р. Карутца, трижды побывавшего на Мангышлаке¹⁷.

В советской литературе довоенного периода новых материалов по традиционной казахской одежде немного. Заслуживают особого упоминания статьи членов Антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР, работавшей в 1926—1927 гг. в Актюбинской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областях. Подробные детальные описания

Рис. 28. Мужские и женские тубетейки и их раскрой:

Мужские тубетейки.

1—4. Восточный Казахстан, 40-е годы XIX в. С иллюстраций в кн.: Moser H. A travers l'Asie Centrale. La steppe Kirghize, le Turkestan russe—Boukhara—Khiva. Le pays des turcomans et la Perse. Paris, 1885. с. 563, 310, 559; 5—6. Сырдарьинская область, 1902 г. С фотографий С. М. Дудина, ГМЭ, альбом 75, № 57—9, 57—15; 7. Старший жуз, 60-е годы XIX в. С рисунка «Султан Большой Киргизской Орды» в журнале «Воскресный досуг», 1864, № 73, с. 357; 8. Усть-Каменогорский уезд, 1913 г. С фотографии В. Н. Васильева. ГМЭ, фотоколлекции № 3040, альбом 116, № 6—7; 9. Кульджа, конец XIX в. С фотографии, Омский областной краеведческий музей, ОМК—4027, № 109; 10. Старший

одежды в статьях С. И. Руденко сопровождалась историческим экскурсом с выделением локальных и племенных особенностей костюма¹⁸.

Литература, включающая материал по казахской одежде, вышедшая в послевоенный период, написана на основе новых полевых материалов и представляет собой в большинстве случаев экспедиционные отчеты¹⁹. На базе источников, собиравшихся для подготовки Атласа, авторы настоящей статьи написали первую специальную монографию, посвященную казахской одежде²⁰.

Наибольшее значение в качестве источника для настоящей темы представляет дореволюционная литература. Она охватывает большой период времени от середины XVIII в., но сведения ее далеки от полноты. Подавляющая часть описаний поверхностна, лишена важной для исследования детализации: очень немногие наблюдатели обращали внимание на местные особенности одежды. Неравномерно освещена территория Казахстана. Больше всего сведений о западных казахах (Младший жуз и Букеевская Орда), довольно много, в том числе и ранних данных, об одежде казахов Северного и Восточного Казахстана. Слабее представлен Центральный Казахстан и особенно поздние и немногочисленные сведения об одежде казахов Старшего жуза, населявших южную полосу.

Ценным дополнительным источником служит иллюстративный материал. К этой группе относятся иллюстрации в книгах о Казахстане, начиная с рисунков, опубликованных у П. С. Палласа, И. Г. Георги, А. И. Левшина, Рошенберга²¹, картины и рисунки художников А. Орловского, Т. Г. Шевченко, В. В. Верещагина и других, зарисовки казахского ученого и просветителя Чокана Валиханова²². Особую ценность представляют этнографические альбомы художников В. Н. Плотникова²³ и П. М. Кошарова²⁴. Следует отметить два иностранных издания с оригинальными рисунками с натуры — английского акварелиста Т. В. Аткинсона и французского путешественника Мозера²⁵. К концу XIX — началу XX в. относятся фотографии, хранящиеся в музеях. Из них наиболее интересны коллекции С. М. Дудина и де-Лазари в Музее антропологии и этнографии, Н. Н. Пантусова — в Центральном музее Казахстана, фотоколлекции в Омском краеведческом музее. Отдельные зарисовки и фотографии казахов помещались в русских иллюстрированных журналах «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Нива» и других.

Несмотря на обилие источников по одежде казахов, возникают серьезные трудности при выделении устойчивых вариантов традиционных форм и их картографировании, что определяется неравномерностью сведений

жуз, середина XIX в. С рисунка Ч. Ч. Валиханова «Султан Большой орды Мамырхан Рустемов» — Собрание сочинений, Алма-Ата, 1972, т. V, с. 109

Покрой тюбетеек (а — раскрой, б — чертеж).

11. Вариант 1. Оренбургская губерния, середина XIX в. ГМЭ, фонд музея народов СССР, № 23537;

12. Вариант 2. Оренбургская губерния, середина XIX в. ГМЭ, фонд музея народов СССР, № 23529;

13. Вариант 3. Павлодарский уезд, начало XX в. ГМЭ, основной фонд, коллекция 1062, предмет 7.

Женские тюбетейки.

14. Восточный Казахстан, 40-е годы XIX в. С иллюстраций в кн.: Moser H. A travers l'Asie Centrale. La steppe Khighrize, le Turkestan russe—Boukhara—Khiva. Le pays des turcomans et la Perse. Paris, 1885. с. 563; 15. Семиречье, начало XX в. С фотографии С. М. Дудина, МАЭ, коллекция 1199; 16—17. Актюбинская область. С фотографии экспонатов Актюбинского областного музея

по этнографии казахов разных территорий до XX в. Со второй половины XIX в. в народной казахской одежде начинаются довольно быстрые изменения. Наиболее интенсивно они происходили в Западном и Северном Казахстане, в Прииртышье, возле крупных русских городов. Поэтому иногда преобладание тех или иных вариантов покроя головных уборов на разных территориях в один хронологический период объясняется различной интенсивностью смены старых форм новыми, а не устоявшимися локальными особенностями.

Головные уборы казахов делятся на две группы: мужские — шапки различных форм и размеров и замужних женщин — покрывала и тюрбан (женская чалма), и то и другое — из белой ткани. Девушки носили головные уборы, однотипные с мужскими. Головной убор молодухи сочетал в себе черты той и другой группы — твердой (войлочной) шапки и покрывала.

Мужские головные уборы. Мужские шапки подразделяются на следующие виды: 1. Небольшая нижняя шапочка из ткани, тюбетейка; 2. Шапочка из ткани с меховой опушкой (*тебетей*). 3. Шапка из войлока (*калпак*); 4. Башлык из плотной ткани (*кулэпара*); 5. Теплая шапка, подшитая мехом (*борик*); 6. Зимняя меховая шапка (*тымак*). Девушки носили тюбетейки и шапки с меховым околышем.

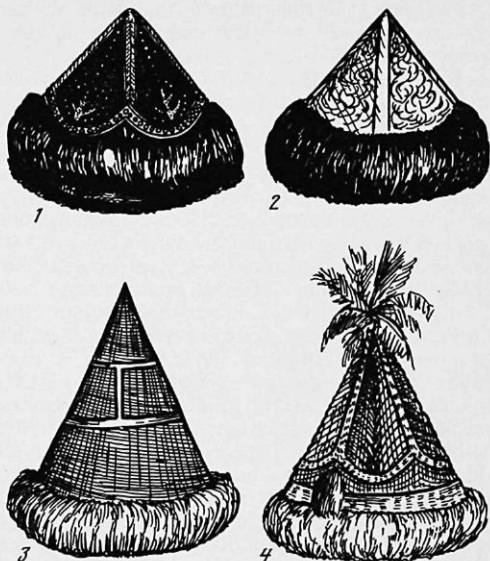
Небольшие шапочки из ткани (*такыя*, в Восточном Казахстане — *кепеш*) мужчины носили как обязательный нижний головной убор. Шили их из плотных тканей различного цвета и качества, обычно с подкладкой из мягкой ткани, иногда на тонком слое шерсти или ваты. Наиболее распространенной формой во второй половине XIX в. была тюбетейка, сшиваемая из слегка расширяющегося книзу околыша (*етегеи, жиеги*) в 5—7 см шириной и макушки, состоящей из четырех треугольных клиньев (*сай*). В зависимости от их формы макушка могла быть заостренной, конической, округленной или совсем плоской. Шапочка с конической верхушкой преобладала в XIX в. Таковы наиболее старинные тюбетейки из музейных коллекций²⁶, шапочки на рисунках Орловского, Аткинсона и Валиханова²⁷. Об остроконечной шапочке, как обычной у мужчин, говорят в своих описаниях наблюдатели первой половины XIX в.²⁸ Линии соединения клиньев макушки иногда заделывали в форме острых ребер, что придавало ей пирамидальную форму. Наряду с этим с середины XIX в. бытовали тюбетейки с округлой, облегающей верхушкой²⁹. Для придания большей жесткости околыш и макушку простегивали частыми стежками. Украшением нарядных тюбетеек была вышивка шелком и канителью, обшивка краев и швов полосками ткани, контрастной по цвету.

Другой вариант, более архаичный, — тюбетейка с макушкой, скроенной в виде круга с вынутым сектором; при сшивании она приобретала коническую форму, поэтому по рисункам ее невозможно отличить. Нам известны два экземпляра тюбетеек такого покроя из коллекций ГМЭ, собранной в оренбургских степях в середине XIX в.³⁰

Третий вариант отличается значительно расширяющимся книзу околышем и сравнительно небольшой плоской макушкой, скроенной в форме круга. Наряду с другими формами он представлен в коллекции из Павлодарского у. (1906 г.), по полевым материалам — в Талды-Курганской и Семипалатинской областях.

Рис. 29. Тибетей:

- 1 — Оренбургская губерния, середина XIX в. С зарисовки экспоната ГМЭ, фонд музея народов СССР, № 23550;
- 2 — Западный Казахстан, середина XIX в. С рисунка Вл. Плотникова из журнала «Советская этнография», 1953, № 4, с. 115;
- 3 — Восточный Казахстан, начало XIX в. С иллюстрации в кн.: Moseg H., цветная вклейка;
- 4 — Западный Казахстан, конец XIX в. С рисунка в кн.: «Казахская народная одежда». Алма-Ата, 1958, таблица 28 (такья — борик) (1—3 — мужские, 4 — девичья)

У казахов в прошлом бытовали шапочки из кожи и шкуры жеребенка, по покрою и формам близкие к тибетейке (коллекция из Павлодарского у., 1906 г.)³¹. В литературе о них упоминаний нет, и можно только высказать предположение о более широком их распространении в прошлом.

В южных районах Казахстана и на Сырдарье казахи охотно покупали тибетейки изделий среднеазиатских ремесленников.

У девушек тибетейка не была обязательным головным убором, но ношение небольших шапочек прослеживается с середины XVIII в. Исследователи казахского быта первой половины XIX в. указывали, что девичья «скуфья» была остроконечной. Судя по редким изображениям, по покрою и форме она не отличалась от мужской. В конце XIX в. появляется тибетейка в форме невысокого цилиндра с цельной макушкой, выкроенной в виде круга. Девичьи тибетейки обычно были украшены, помимо вышивки, различными нашивками из бусинок, серебряных бляшек или монет, кораллами, бахромой с кистями; к макушке пришивали кисть из ниток или бисера, пучок перьев филина (*уки*), служивший оберегом.

В Северо-Западном Казахстане встречалась оригинальная форма нарядной шапочки, которую обычно шили из бархата и покрывали золотошвейной вышивкой: к цилиндрическому околышу сверху пришивали длинный овальный лоскут, который не только закрывал макушку, но спускался сзади вниз, ниже края шапочки. Возможно, это редуцированный, превратившийся в украшение накосник, хорошо известный в Средней Азии.

Второй тип небольшой шапочки из ткани по покрою напоминал тюбетейку, но был больше по размеру, на подкладке из шерсти и с меховым нешироким околышем. В отличие от тюбетейки мужчины его носили как верхний головной убор. В ГМЭ имеются два почти одинаковых экземпляра, сшитые из яркого бархата, с конической верхушкой, украшенные галуном, канителью и блестками, обе они происходят из Оренбургской губ. и относятся к середине XIX в.³² Ровная опушка из меха бобра или выдры (около 8 см шириной) над ушами надставлена небольшими кусочками искусственного меха. Такого же типа шапочка описана П. Небольсиным у букеевских казахов³³. По источникам она прослеживается от Урала до Тургая, в Джунгарии, в Центральном Казахстане. На западе ее называли *тебетей*. К началу XX в. она исчезла из быта. Нет данных о таком типе шапочки по Южному Казахстану.

Высокая коническая шапка с неширокой меховой опушкой входила и в комплекс девичьих головных уборов Западного Казахстана. Ее мы узнаем на рисунке в книге А. И. Левшина³⁴, есть экземпляр в Центральном музее Казахстана, датируемый концом XIX в.³⁵

Следующий тип — войлочная шапка *калпак* с полями имела в Казахстане повсеместное распространение и поныне сохраняет свое значение летнего головного убора. Шили ее преимущественно из белого войлока, иногда при валянии в войлок подсыпали толченый мел, чтобы усилить белизну. По покрою выделяются три варианта. Первый — выкроенный в виде полукруга, с одним швом, приходящимся сзади. Нижнюю часть разрезали с боков и отворачивали как поля. Единственный музейный экземпляр происходит из северного Семиречья³⁶. С большой вероятностью можно предположить, что такой же покрой был у остроконечных *калпаков*, изображенных Ч. Валихановым на рисунке «Казахи Большой Орды»³⁷.

Второй вариант: *калпак* сшивали из двух одинаковых половин, по форме напоминающих якорь, тулья была высокая, узкая, со скругленной макушкой, а несшитые внизу полулунные края сильно расширялись, их отгибали, образуя этим поля. По рисункам этот тип прослеживается с XVIII в., а со второй половины XIX в. исчезает. Чаше верхнюю часть тульи кроили отдельно из двух или четырех одинаковых долек. Таков покрой большинства экземпляров из музейных коллекций; так же был сшит очень старый *калпак*, хранившийся у одного из колхозников Талды-Курганского р-на, который, по словам хозяина, принадлежал его дальнему предку бию, жившему при Аблай-хане. Широкие поля обшивали тканью — черной или красной, реже — других цветов. На тулье нашивали полоски темной ткани, галун или шнуры, закрывавшие и одновременно закреплявшие швы. Иногда войлок сверху покрывали тканью. Покрытый бархатом или парчой, расшитый шелком или канителью, *калпак* являлся обязательной принадлежностью парадного султанского костюма. По имеющимся у нас источникам, *калпак* такого покроя в XVIII — первой половине XIX в. был распространен в северной половине Казахстана, по южным областям сведений нет. В XIX в. этот убор был в составе одежды знатной верхушки. Во второй половине XIX в. эта форма исчезает из быта.

Третий вариант покроя — из четырех одинаковых клиньев подтреугольной формы; при сшивании получалась коническая тулья с уплощенной

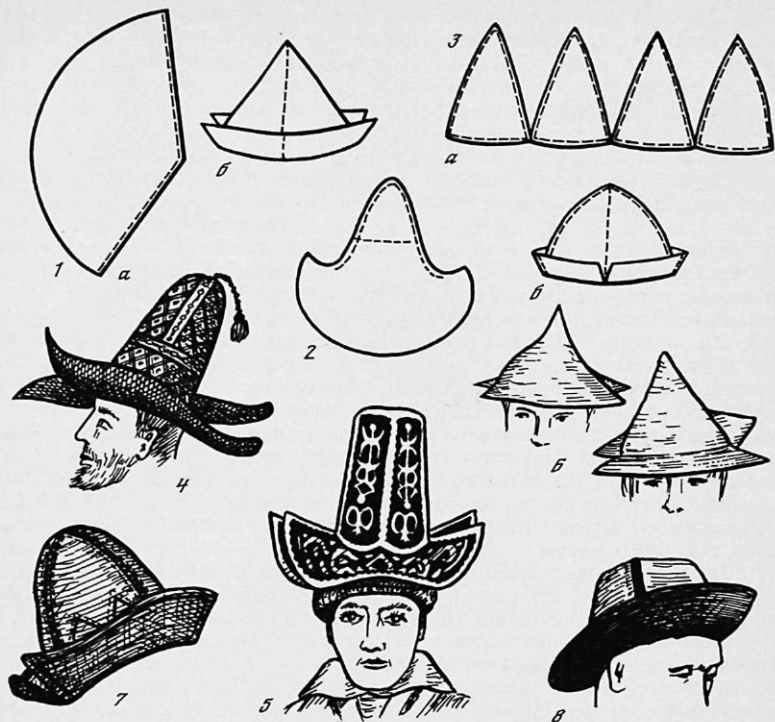

Рис. 30. Войлочная шапка *калпак* и ее покроя:

Покрой (а — раскрой, б — чертеж):

1 — Семиречье, конец XIX в. МАЭ, коллекция 403, предмет 3; 2 — Северный Казахстан, XIX в. Омский краеведческий музей, ОМК, № 2992; 3 — Южно-Казахстанская область. Полевые материалы 1958 г.

Внешний вид:

4. XVIII в. С рисунка «Киргиз на коне» из кн.: И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1795; 5. Оренбургские степи, 80-е годы XIX в.; 6. Старший жуз, середина XIX в. С рисунка Ч. Ч. Валиханова «Казахи Большой орды». Собрание сочинений, т. V, с. 122; 7. Южно-Казахстанская область, 1950 г. С рисунка в кн.: «Казахский народный костюм», таблица 59; 8. Талдыкурганская область, с фотографии, полевые материалы 1960 г.

или скругленной верхушкой, что зависело от оформления верхней части клина. Наряду с более обычными разрезными полями (*айыр*), делали поля и без разреза (*донгелек*). Этот вариант распространился со второй половины XIX в. Отогнутые поля всегда обшивались темной или яркой тканью, почти обязательно обшивались швы. Вверху нередко пришивали кисть из ниток.

Войлочный *калпак* такого покроя является типичным и для киргизского национального костюма. В Казахстане он, вероятно, распространился с юга. К рубежу XIX — XX вв. четырехклинный *калпак* известен во всех областях, но в северной части Казахстана он не принадлежал к широко бытующим типам головных уборов. Здесь в качестве летней шапки использовали *башлык*.

Самый универсальный и обычный тип казахской шапки — *борик*, которую мужчины носили круглый год. Основной покроем был одинаков по всему Казахстану. Ее сшивали из четырех одинаковых подтреугольных долей, в зависимости от их формы — с плавным постепенным расширением от верхнего угла или в форме удлиненной трапеции со скошенным треугольным завершением — была различна конфигурация тульи: конусообразная, заостренная, характерная для начала XIX в., сменилась более низкой кеглеобразной или пирамидальной с плоской квадратной макушкой. Шили ее из ткани на толстой подкладке из шерсти или ваты, простеганной частыми швами, а нижнюю часть обшивали изнутри широкой полоской меха. При ношении нижний край шапки отворачивали, образуя меховой околыш, ширина которого произвольно менялась от ширины отворота. Под мех дополнительно подкладывали шерсть, чтобы опушка была более выпуклой. Известны такие шапки и на сплошной меховой подкладке. Мы уже высказывали мнение, что ее начальной формой был *калпак*, сшитый из шкуры, который стал покрываться материей³⁸. В XX в. начали носить *борик* с отдельно скроенным и пришитым снаружи околышем, покрытым мехом.

Шапку с меховым околышем с тем же наименованием носили и девушки. По форме она не отличалась от мужской, и на протяжении XIX в. ее внешний облик так же менялся от высокого остроконечного конуса до низкой, облегающей голову шапки с уплощенной верхушкой. Судя по дошедшим до нас экземплярам, сравнительно поздним (конец XIX в.), и полевым материалам, девичья шапка не выворачивалась, т. е. меховую опушку пришивали снаружи. Наряду с покроем тульи из четырех клиньев с начала XX в. появляется и новая разновидность — из отдельно скроенного цилиндрического околыша и плоской или слегка выпуклой макушки из четырех треугольников. Меховая опушка обычно была несколько уже околыша, реже закрывала его целиком. Меховые шапки имели девушки только зажиточных семей. Для опушки брали ровный пушистый мех выдры или бобра, тулью шили из дорогой ткани, чаще из бархата яркого цвета. Шапку обычно украшали, пришивая на макушке шелковые кисти, нитки из бисера или султанчик из перьев филина. Иногда тулью украшали нашитыми серебряными бляшками или перламутром, но не располагали их часто. Сочетание яркой ткани и пушистого меха делало шапочку достаточно нарядной.

Описанные выше головные уборы широко распространены и у других народов Средней Азии. Два типа мужских шапок — *башлык* из ткани и зимняя меховая шапка *тымак* свойственны только казахскому костюму. Оба эти типа обнаруживают генетическую близость между собой, отличаясь по существу только материалами для изготовления. Их шили из тульи, к которой пришивали со всех сторон лопасти, спереди за-

Рис. 31. меховая шапка борик:

1. Оренбургская губерния, начало XIX в. С картины Орловского «Киргизы». 2. Талды-Курганская область. С фотографии, полевые материалы 1961 г. 3. Восточно-Казахстанская область. С фотографии, полевые материалы 1959 г. 4. Семиречье, начало XX в. С фотографии С. М. Дудина, МАЭ, коллекция, 1199, негатив 177. 5. Талды-Курганская область. С фотографии, полевые материалы 1931 г. (1—3 — мужские, 4—5 — девичьи)

щищавшие лоб и глаза, с боков и сзади — шею. Разница в покрое сводилась к особенностям покроя и размерам лопасти.

У казахов было несколько терминов, обозначающих башлык. Самый распространенный — *кулэпара*; возможно, он происходит от корня *кул*, *кэл*, который входит в наименование ряда головных уборов народов Средней Азии (*кулох*, *кулутэ*, *кэлэк*, *саукеле*). В западных областях, наряду с этим, пользовались другими наименованиями (*жалбай* или *жалбагай*), а в Приаралье и на нижней Сырдарье — *далбай*. Башлык в прошлом шили из домотканого верблюжьего сукна (*шекпен*); позднее использовали покупные плотные ткани, изнутри подшивали легкой тканью, изредка делали тонкую прокладку из шерсти. Носили его летом поверх других шапок для защиты от солнца и пыли. В XX в. башлык стал выходить из употребления, но во второй половине XIX в. в Центральном и Северном Казахстане он был обязательной частью одежды пастухов и табунщиков. Шили казахи этот убор и в советское время, хотя в музеях сохранились только единичные экземпляры.

По покрою выделяются три варианта башлыков. Наиболее распространенный вариант покроя — из тульи, сшитой из четырех клиньев, к которой спереди пришивали козырек, а с боков и сзади — длинную лопасть,

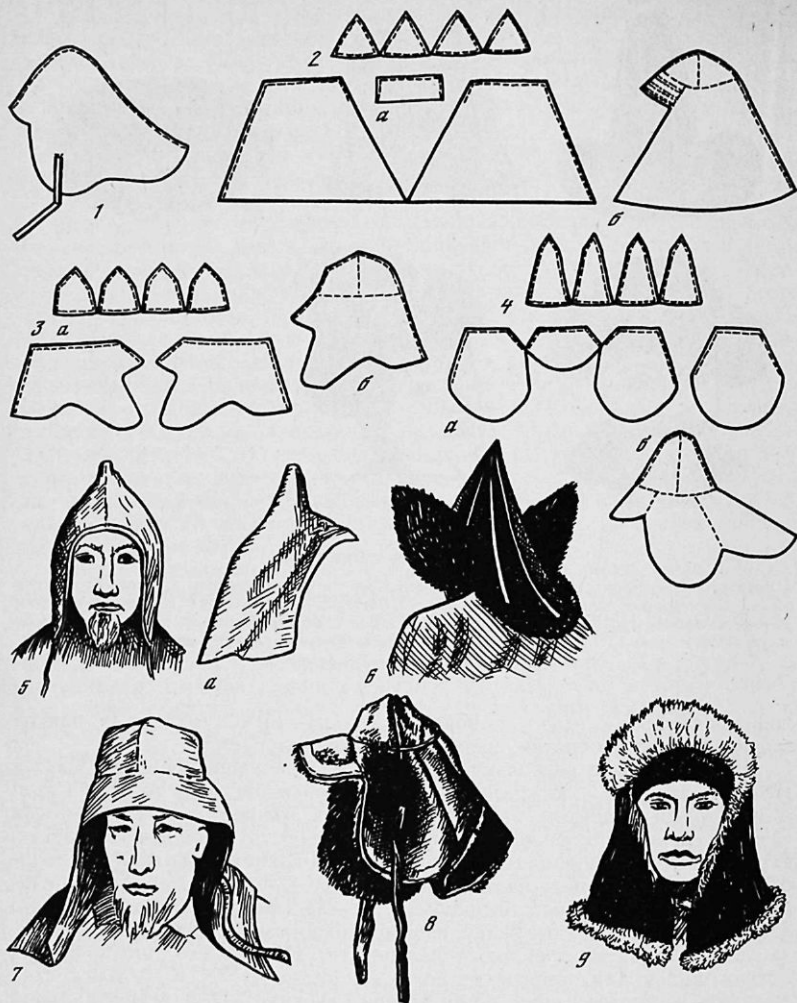

Рис. 32. Башлык и тымак

Покрой башлыка: 1 — вариант 1, Восточно-Казахстанская область, полевые материалы 1959 г.; 2 — вариант 2, разновидность 1 (а, б), Целиноградская область, полевые материалы 1957 г.; 3 — вариант 2, разновидность 2 (а, б), Кызыл-Ордынская область, полевые материалы 1958 г.; 4 — вариант 3 (а, б), Оренбургская губерния, середина XIX в. ГМЭ, фонд музея народов СССР, № 23541

выкраиваемую в форме трапеции из одного куска или из двух одинаковых частей со швом сзади. Иногда боковые части кроили более короткими и скругляли спереди. Лопасть закрывала шею, ниспадая на плечи и спину. Козырек простегивали частыми швами для придания ему твердости. На Сырдарье налобная часть составляла одно целое с задней лопастью, скроенной из одного или двух одинаковых кусков. Вариант 2, 1-я и 2-я разновидности. В западных областях встречается другой покрой — с отдельно выкроенными и пришитыми к тулье налобником, наушниками и назатыльной лопастью (вариант 2); такой покрой прослеживается с середины XIX в. Встречается он и в Центральном Казахстане.

В Восточном Казахстане и у казахов Горного Алтая наряду с башлыком описанного покроя (вариант 2) шили башлыки, существенно отличающиеся по конструкции покроя: из двух одинаковых половинок. Соединительный шов проходил от налобной части до назатыльной посередине головы. Размеры его были сравнительно невелики. Эта форма нигде более не прослеживается и, вероятно, явилась результатом монгольского влияния, судя по аналогии с башлыками и меховыми шапками монголов и тувинцев (вариант 1).

В Южном Казахстане, в пределах территории Старшего жуза, башлык не прослеживается. Даже на просьбу объяснить значение терминов, обозначающих этот убор, чаще всего отвечали незнанием.

Меховая шапка *тымак* была распространена по всему Казахстану и до недавнего времени оставалась наиболее популярным зимним головным убором, особенно у скотоводов старшего поколения. Она состояла из тульи и четырех больших лопастей, соединенных друг с другом швами в верхней части. Основу тульи делали из войлока, сверху покрытого тканью, лопасти обычно шили на толстой шерстяной прокладке, тщательно простеганной, и обшивали пушистым мехом, преимущественно лисьим или овчиню. Цвет и качество покровной ткани были очень разнообразны. Предпочитали бархат, сукно, плотные бумажные ткани, покрывали шапку и дешевыми бумажными тканями, такими, как сатин и ситец.

Тулья шивалась из четырех клиньев. При сравнении ранних форм (XVIII — начало XIX в.) и более поздних прослеживается такое же изменение формы тульи, как и у других шапок, от высокой и узкой к более низкой и широкой. Существуют значительные варианты в соотношении длины наушников и назатыльника, особенно по длине задней лопасти (от 19 до 40 см), но определить эти вариации по территории невозможно. О существовании в прошлом различий в форме *тымак* разных родо-племенных групп говорят многие информаторы старшего поколения, но, очевидно, это сохранилось только в памяти. Есть утверждение в литературе, основанное на рассказах, что, например, у найманов *тымак* имел более высокую тулью и короткие лопасти, а у аргынов

Внешний вид: 5, а — Кош-Агачинский район Горно-Алтайской области. С фотографии, полевые материалы 1962 г.; 6 — Западный Казахстан, середина XIX в. С публикации рисунка Вл. Плотникова в журнале «Советская этнография», 1953, № 4, с. 115; 7 — Оренбургская губерния, начало XIX в. С картины художника Орловского; 8 — Тургайская область. Рисунок из полевых материалов 1956 г.; 9 — Мангышлак, начало XX в. С рисунка из кн.: Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1911

тулья была более широкой, а лопасти длиннее. Более короткие лопасти, особенно задняя, почти равная по длине боковым, прослеживается в материале Восточного Казахстана, где преобладают найманы, но там, где они живут по соседству с аргынами, разницы в форме нет.

Наряду с описанной выше повсеместно распространенной формой встречается и другой покрой с одной большой лопастью, заменяющей наушники и назатыльник. Ареал распространения — Мангышлак, приуральские степи, Тургай, т. е. Западный Казахстан.

Оригинальная форма покроя выявлена в Восточном Казахстане, известная только по устным сообщениям и исчезающая с середины XIX в.: тулья шапки сшивалась из двух полос, образующих высокий усеченный конус, а сверху пришивали круглое донышко³⁹. Вероятно, это наиболее архаичная форма покроя тульи.

Женские головные уборы. Головные уборы женщин отличаются большим разнообразием в зависимости от возраста и семейного положения. Более прочно сохранялись в них и территориальные различия, которые сами казахи объясняли различиями родо-племенными.

Первый год замужества женщина носила *сзукеле*, формы которого восходят к глубокой древности⁴⁰. Подтверждением непрерывности традиции высокого головного убора как священного и парадного являются новые археологические находки на территории Прииртышья — *сзукеле*-образные женские уборы в погребении, датированном периодом раннего средневековья⁴¹.

Сравнение музейных экспонатов, происходящих из разных областей Казахстана, говорит об однотипности *сзукеле*. Оно состояло из двух основных частей: непосредственно на голову надевали коническую шапочку из ткани, простеганную с подкладкой, до 25 см высотой, иногда к ней пришивали налобник и назатыльник. Поверх надевалось собственно *сзукеле* из тонкого фетра, обшитого яркой, чаще красной тканью, в форме высокого конуса с косо срезанной верхушкой, так что задняя часть была выше передней в пределах 10 см. В верхней части — отверстие, у богатых его закрывали особым серебряным навершием. Снизу, а иногда посредине его оторачивали полосой меха. Лицевая часть украшалась всевозможными нашивками: галуном, кораллами, бусами, серебряными бляшками, иногда золотыми и драгоценными камнями. Так же украшены были и лопасти, пришитые у *сзукеле* сзади и с боков. Обычно с боков еще прикрепляли длинные подвески из нитей коралла, бирюзы, серебряных цепочек и пластинок, шелковых кистей, которые доходили до пояса.

Обязательным дополнением к *сзукеле* была большая накидка (*желек*) из легкой ткани, которая чаще прикреплялась к макушке и которой можно было закутать всю фигуру. В старину шили специальные покрывала, обычно из белого шелка, кисеи, украшая их вышивкой. Старые формы стали исчезать во второй половине XIX в., заменяемые шальями фабричного производства. Одновременно и *сзукеле* начало выходить из употребления и дольше сохранялось в богатых семьях, где передавалось из поколения в поколение. Сохранность его удлинялась, поскольку из убора молодухи оно превращается в ритуальный свадебный убор.

Головной убор замужней женщины состоял из нижней части — покрывала и верхней — тюрбана или женской чалмы. С начала XIX в. их

Рис. 33. Саукеле:

1—2 — шапочка, одеваемая под саукеле; 3—4 — саукеле. (1 — Петропавловский уезд, 1908 г. ГМЭ, основной фонд, коллекция 1471, предмет 1; 2 — по рисунку в кн.: Казахский народный костюм, таблица 23; 3 — с рисунка в кн.: Дм. Львович. По киргизской степи. Пгр., 1914, с. 42; 4 — Старший жуз, середина XIX в. По рисунку «Киргизка Большой Орды» в журнале «Воскресный досуг», 1864 г., № 72, с. 349)

делали только из белой ткани, но, по сведениям наблюдателей XVIII в., использовались и ткани других цветов⁴².

В Северо-Западном Казахстане (Уральская и Тургайская области) нижнее покрывало представляло собой сложенное треугольником квадратное полотнище, которое накидывали на голову, перекрещивая концы на груди или закидывая их за плечи. На остальной территории Казахстана в качестве нижнего убора служил *кимешек* — капюшон с вырезом для лица, который, закрывая плечи, грудь, сзади углом спускался по спине, образуя сужающийся книзу «хвост» (*куйрук*). Среди *кимешек* по деталям

покрыю, оформлению наголовной части, длине и форме «хвоста», характеру украшений существует большое разнообразие.

Сводка всех имеющихся в нашем распоряжении материалов свидетельствует о том, что некоторые отличительные детали, как, например, отдельно вшитая макушка, налобник, форма завершения наспинной части *кимешека*, не являются существенными при выделении устойчивых вариантов. Они могут совпадать у *кимешек*ов, отличающихся основными конструктивными формами. Способ украшения *кимешека* отражал возрастные отличия. За основу выделения вариантов мы приняли общую конструкцию покроя.

Наиболее архаичная форма — *орама кимешек* — зафиксирована в западных районах Акмолинской обл. у аргынов. По словам старых людей, такой *кимешек* носили еще в 20—30-х годах, но уже в начале XX в. он начал заменяться другой формой: это особым образом скроенный кусок ткани с шелью для лица, не сшитый, его закрепляли на голове. При ношении он не отличался от обычного *кимешека*, спереди полукругом закрывая грудь, а сзади спускаясь в виде длинной и широкой лопасти.

Второй вариант обнаруживает генетическую близость к этой форме, он выкраивался из цельного куска ткани и сшивался одним швом, приходящимся сбоку, вырез для лица так же прорезался в виде щели. Такая форма сохранилась в Омском и Атбасарском уездах, на севере Аулиеатинского, в Чимкентском уезде у одного из племен Среднего жуза, жившего там (конграт). *Кимешек* конгратов отличался оригинальной деталью: макушка его не была зашита, спереди к ней пришивали обязательно неподрубленный прямоугольный кусок ткани, который и закрывал голову сверху. Разновидность этого же варианта встречается у кзылординских казахов; прямоугольный кусок ткани длиной вдвое больше ширины складывали по длине пополам и сшивали сторонами, прилегающими к сгибу. Получался квадрат с двумя слоями ткани; один служил наспинной частью *кимешека*, другой — лицевой. Его несшитый нижний угол обрезали, придавая форму полукруга, а в верхнем углу вынимали отверстие для лица. Угол, приходившийся на макушку, немного срезали и материю по вырезу собиравали или пришивали, также в сборку, небольшой круглый лоскут (*тебе*) — макушку.

Покрой *кимешек*ов, преобладавших у казашек Среднего жуза, вероятно, были связаны происхождением с описанным выше. *Кимешеки* шили из отдельно скроенных лицевой и наспинной части (вариант 3). В Северном и Центральном Казахстане лицевая сторона выкраивалась трапецевидной или подтреугольной, в верхней узкой части вырезалось отверстие для лица; наспинная, в форме неправильного ромба, обычно была длинной, достигая концом коленей или даже доходила до пят (1-я разновидность). В Восточном Казахстане *кимешек* был меньше по длине, а передняя часть представляла собой прямоугольник со скошенными верхними углами; к его боковым сторонам пришивалась близкая к квадрату наспинная лопасть (2-я разновидность).

У племен истык Младшего жуза, локализованного на нижней Сырдарье, был своеобразный по покрою *бурмел кимешек* (вариант 4). Его лицевая часть выкраивалась как прямоугольник; нижняя, длинная сторона спускалась на грудь, а верхняя собиравалась и обрамляла лицо с боков,

удерживаемая на голове завязками. Иногда к верхнему углу наспинной части пришивали шапочку-макушку.

У казашек Южного Казахстана был наиболее распространен *кимешек*, скроенный из куска ткани, сложенной по длине пополам. У получившегося прямоугольника половину отрезали по диагонали и сшивали по срезу. Шов приходился на середину спины. Выкройка имела вид равнобедренного треугольника. Здесь делали вырез для лица, нередко пришивали отдельную круглую или овальную макушку и налобник. Для экономии ткани при раскрое обычно нижнюю, остроугольную часть «хвоста» сшивали из двух треугольных кусков, оставшихся при выкраивании основной части *кимешека* (вариант 5). Близок к этой форме вариант 6, распространенный там же, сшиваемый из двух одинаковых продольных частей соединительными швами на груди и на спине.

Изучение различных приемов раскроя *кимешека* позволяет предположить, что этот убор имел две основных исходных формы: покрывало, накрываемое на голову, от которого происходят варианты 1—3, и кусок ткани, подвязываемый под подбородком (*лачак* в Узбекистане)⁴³ — варианты 4—6. Границы этих групп вариантов покроя примерно совпадают с границами расселения казахов Среднего и Старшего жузов.

Характер украшения *кимешека* находился в прямой зависимости от возраста. Самые нарядные были у молодых женщин. Лет с 30 считалось уже неприличным носить *кимешек* с украшением из серебра и бус, а пожилые, имевшие взрослых детей, ограничивались узенькой скромной вышивкой или строчкой из цветных ниток. Наибольшее внимание уделялось нарядному оформлению краев лицевого выреза, реже располагали украшения на нагрудной части и обшивали бахромой края «хвоста». Самым распространенным украшением была вышивка, ее дополняли нашивками из бус, кораллов, серебряных бляшек, с XX в. использовали серебряные монеты. Особенно нарядные *кимешеки*, по нашим источникам, были у казашек Семиречья. Но следует учитывать и то обстоятельство, что здесь ношение *кимешека* в сельской местности сохранялось дольше как традиция, тогда как в ряде северных и восточных областей *кимешек* уже в 30-х годах нашего века стал выходить из употребления, и в то время, когда начали собирать массовый полевой материал, он сохранял свое значение только в одежде пожилых казашек. По этой причине наши данные о различиях в приемах украшения *кимешека* неполны.

Обязательной частью украшения *кимешека* молодых женщин в Семиречье была довольно широкая полоса вышивки цветными нитками или канителью, обрамлявшая лицо вдоль щек и подбородка, а иногда и сверху. Дополнением служили ряды нашитых кораллов, бус, специально отлитых серебряных бляшек разного размера. Нагрудную часть только изредка окаймляли несложной вышивкой вдоль нижнего края. Одна из родоплеменных групп найманов — кызаи (Джунгария) славилась яркой сложной вышивкой, располагавшейся вдоль лицевого выреза и на нагрудной части *кимешека*; никаких других материалов для украшения они не использовали. В Северном и Центральном Казахстане вышивки были попроще, чаще пользовались нашивками из кораллов, бус и серебра. В Южном Казахстане и на Мангышлаке, помимо вышивки, часто пользовались нашивками из яркой ткани или узорной тесьмы, на нарядные *кимешеки* наши-

вали серебро по швам нагрудной части, чаще использовали бахрому, которой украшали края нагрудной и наспинной частей.

Верхнюю часть головного убора женщин составлял тюрбан, сделанный из большого куска белой ткани. Наиболее часто его называют *жаулык*, но в прошлом, очевидно, термин *жаулык* применялся к всему комплексу головного убора замужних женщин, и многие пожилые казахи помнят именно общее его значение, поэтому к слову *жаулык* для обозначения тюрбана добавляют *устинги* (верхний). В Южном, Центральном, Восточном Казахстане его нередко называют *шарши*, буквально «квадрат» (по форме используемого для него полотна). В Семиречье, на Алтае и в Синьцзяне тюрбан именуют *шылауиш*, в Южном и Центральном Казахстане выделяют тюрбан старых женщин под названием *кундик*. Эта наиболее обычная у казахов в прошлом и обязательная часть головного убора в основном изучалась путем опроса. К 50-м годам тюрбан почти повсюду вышел из употребления, в музеях он хранится чаще в развернутом виде. Дополнительным источником служат иллюстративные материалы, позволяющие хотя бы предположительно определить способы накручивания и ношения тюрбана.

В большинстве случаев для тюрбана сшивали квадрат из ткани, размером от 2×2 м и больше. Его складывали по диагонали, а затем отгибали полосу в 15, 20, 25 см шириной. Чаще складывали несколько раз, превращая в полосу из многих слоев ткани. Другая форма — длинная, шириной в точу полоса ткани, которая также складывалась в полосу нужной ширины. На юге Казахстана и в Семиречье пожилые женщины носили тюрбан из полосы ткани, причем размер ее должен быть таким, чтобы хватило на саван. На Мангышлаке сшивали точу ткани спиралью, иногда просто сшивали в длинную двуслойную полосу (*бурама жаулык*). У некоторых групп найманов в Семипалатинской обл. выкраивали треугольный платок с сильно вытянутыми концами, из которого делали тюрбан. Но две последние формы были редки и сочетались с более распространенным квадратным полотнищем.

Полную картину распространения разных форм тюрбанов трудно составить из-за фрагментарности материала. Разнообразие способов закручивания ткани на голове было очень велико, причем существовали большие различия в способе ношения, в зависимости от возрастной группы женщин.

На территории бывшей Тургайской обл. молодые женщины в начале XX в. носили *сулама* или *сзукеле жаулык*, который недаром носит второе название, поскольку по форме он восходит к *сзукеле*. Основу его составлял плотный каркас из нескольких слоев бумаги или картона (в прошлом, вероятно, войлок) в виде довольно высокого усеченного конуса до полуметра высотой, обшитого тканью, конец которой сзади свободно спускался на спину. В первой половине XIX в. такой убор был распространен и в Букеевской орде⁴⁴, т. е. был свойствен всему Северо-Западному Казахстану. Внизу его обрамляли нашивками позумента, расшивали бусами, а с боков прикрепляли серебряные украшения. Женщины среднего возраста делали его пошире и пониже и носили без украшений. Пожилые женщины накручивали тюрбан без каркаса.

Следы использования твердого каркаса для тюрбана молодых женщин прослеживаются у аргынов в бывшей Акмолинской обл., но форма их была

иной, более обычной: на голову наматывали витками полосу ткани, но подкладывали спереди бумагу, чтобы «держалась прямо». В восточной части Семиречья из картона или бумаги делали невысокую цилиндрическую основу, на нее наматывали ткань таким образом, что получался пышный тюрбан с мягкими вертикальными складками спереди и сложным узлом сбоку, от которого свисали свободные концы. Тюрбан прочно закреплялся с помощью булавок, одевали и снимали как шапку, храня в свернутом виде.

В конце XIX в. преобладали тюрбаны без всякого каркаса, которые наматывались каждый раз при одевании горизонтальными рядами. Наиболее простая форма — в Восточном Казахстане, в Лепсинском у. Семиречья: из сложенного вдвое квадратного полотнища отгибалась по диагонали полоса и в один оборот обводилась вокруг головы, сзади связывалась пышным узлом, узел чаще завязывался под платком, нижний свободный угол платка ниспадал на спину. Размеры полотнища были относительно небольшими. Для такой формы использовался и описанный выше выкроенный из ткани треугольник с удлинненными концами.

В Южном Казахстане преобладала другая форма: квадрат ткани целиком складывался в полосу, ею дважды обводили голову, при втором обороте перекрещивая спереди. Сзади связывали концы, которые спускались на спину, иногда доходя до пояса. Молодые женщины обшивали концы бахромой и кистями. Иногда на спину спускался только один конец, другой пропускали через повязку и он свешивался слева за ухом.

Широко распространена была «башнеобразная» форма, когда вся ткань, сложенная в полосу, последовательно накручивается на голове, а концы заправляются между витками или скрепляют повязку узлом сзади. Тюрбаны такой формы мы встречаем в Семиречье, в Аулиеатинском у., на Сырдарье и в Центральном Казахстане. Такую же форму имели тюрбаны пожилых женщин в западных областях.

На Мангышлаке и в западной части Тургайской обл. бытовала еще одна форма, которая как бы заменяла собой и нижний и верхний головные уборы. Материя так же складывалась в одну полосу, одним концом ее обводили голову снизу вверх и обратно, вокруг лица, а другой заматывали сверху горизонтальными рядами. Носили его только пожилые женщины.

Тюрбан, или женская чалма, которая в XIX в. была обязательной частью головного убора замужней женщины, имела широкое распространение у народов Средней Азии⁴⁵. По археологическим материалам она прослеживается в южных областях Средней Азии с кушанской эпохи⁴⁶.

Изучение форм головных уборов казахов свидетельствует о сохранении территориальных различий в казахской одежде вплоть до XX в. Эти различия не очень значительны. Они сводились главным образом к деталям покроя одних и тех же видов головных уборов, распространенных у всех казахов. Очень немногие формы имеются в комплексе только одного или двух регионов. Что же касается различий в конструкции покроя, то здесь разнообразия было больше, чем мы можем проследить по нашим материалам.

Большинство видов головных уборов было распространено по всему Казахстану: тибетейки, войлочные шапки, меховые *борик* и *тымак*, *сэуке*-

Рис. 34. Женские тюрбаны:

1 — Западный Казахстан, первая половина XIX в. С рисунка в кн.: Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832; 2—4 — Тургайская область. С фотографий и рисунков. Полевые материалы, 1956; 5 — Талды-Курганская область. С фотографии, полевые материалы, 1960; 6 — Каракалпакская АССР, 1940 г. С фотографии А. А. Мелкова, МАЭ, коллекция негативов 1330, негатив 16; 7 — Южно-Казахстанская область. С фотографии, полевые материалы 1968 г.; 8—9 — Кызыл-Ординская область. С фотографии, полевые материалы 1958 г.; 10 — Алма-Атинская область. С фотографии, полевые материалы 1951 г.; 11 — Семиречье, начало XX в. С семейной фотографии; 12 — Актюбинская область. С фотографии, полевые материалы 1956 г.; 13 — Восточный Казахстан, XX в. С фотографии Омского краеведческого музея, ОМК, 3527; 14 — Букеевская орда, конец XIX в. С иллюстрации «Простая киргизка» в кн.: А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXII. Труды антропологического отдела, т. XIV, вып. 1, 1891г.

ле и тюрбаны. В некоторых видах головных уборов, например, тубетейках, войлочных *калпак*, *борик*, *сэукеле* локальных особенностей проследить не удастся. Разные варианты покроя отражают общие изменения в покрое шапок, которые прослеживаются на протяжении XIX в. Повсеместное распространение имеет один из вариантов *тымак* (1-й по нашей классификации) с четырьмя отдельно скроенными лопастями.

При картографировании головных уборов⁴⁷ довольно четко выделяются три ареала: западный, включающий территорию от Букеевской орды до Тургая, от Оренбургских степей до Северного Приаралья, северо-восточный — территория Акмолинской и Семипалатинской областей (область «сибирских киргизов») и южный — от Семиречья до Сырдарьи. В каждом из них можно проследить остатки более узких территориальных групп, обладающих некоторыми особенностями в головных уборах: район Мангышлака — в составе западного ареала, в северо-восточном — собственно Восточный Казахстан. Особое место занимает территория нижнего течения Сырдарьи, где встречаем довольно пестрое сочетание разных форм, присущих трем основным ареалам.

Западный комплекс отличается следующими особенностями: наличие мужской и женской конусовидной шапочки с меховой опушкой (*тебетей*), распространение башлыка с преобладанием варианта 3 покроя, а именно с отдельно выкроенными наушниками и назатыльником, нарядная девичья тюбетейка со спускающейся с верхушки лопастью, покрывало, одеваемое как нижний головной убор замужних женщин (отсутствие *кимешека*), тюрбан на твердом каркасе у молодых женщин, тюрбан из очень большого полотнища у пожилых, который заменял обычно нижнюю и верхнюю часть убора (вариант 6). На Мангышлаке формы очень близки, но нет свидетельств о существовании тюрбана на твердой конусовидной основе, отсутствует шапочка с назатыльной лопастью; наряду с квадратным полотнищем для тюрбана пользовались еще особо сшитым *бурама жаулык*.

Комплекс головных уборов Северного, Центрального и Восточного Казахстана сближает с западным наличие шапочки *тебетей* и башлыка, но преобладает башлык с цельной лопастью (2-й вариант). Нижний убор замужних женщин — *кимешек* 1, 2, 3 вариантов покроя, мягкие тюрбаны. Собственно Восточный Казахстан несколько выделяется, особенно покроем *кимешека* (вариант 3, разновидность 2), небольшим тюрбаном (вариант 3). Только здесь встречается башлык из цельнокроенных половин (вариант 1).

В южной полосе Казахстана отсутствуют башлык и *тебетей*, широко распространен войлочный *калпак* из четырех клиньев. Преобладает *кимешек* из одной длинной полосы или двух треугольных частей (варианты 5 и 6). Тюрбаны в большинстве близки к формам, распространенным в Центральном и Северном Казахстане. Комплекс женских уборов восточной части Семиречья отличает своеобразный тюрбан на твердом каркасе (вариант 2).

В Казалинском и Перовском уездах (современная Кызыл-Ординская обл.) мы встречаем большое разнообразие в головных уборах: покрывало и *кимешек* нескольких вариантов, присущих и северо-восточному и южному ареалам, один вариант *кимешека* (4-й) встречается только на этой территории. Тюрбаны мягкие. В комплекс мужских уборов входит башлык, близкий к форме, преобладавшей в северо-восточном ареале (вариант 2).

Сравнение границ территориальных различий в формах головных уборов с картой родо-племенного расселения казахов начала XX в. свидетельствует об их совпадении, хотя и не абсолютном. Основные ареалы приблизительно соответствуют территориям Младшего, Среднего и Старшего жузов, хотя на Тургае, например, который входит в западный ареал,

проживало довольно много казахов, относящих себя к племенным группам арғынов и кипчаков Среднего жуза. Некоторые особенности внутри крупных ареалов прослеживаются в таких районах, где жила довольно компактная родо-племенная группа: найманы в Восточном Казахстане, адаи на Мангышлаке, албаны, жалаиры и суаны в восточном Семиречье. Сочетание форм, свойственных разным территориальным комплексам на территории нижней Сырдарьи, также не случайно, так как это район стыка и совместного проживания всех трех казахских жузов.

Наши материалы позволяют только наметить приблизительные границы локальных комплексов, которые в прошлом, возможно, были более четко выражены и более дробны. Память об отличиях в деталях головных уборов даже среди соседних родо-племенных групп еще в наше время сохраняли представители старшего поколения, хотя в большинстве случаев это уже не соответствовало реально существовавшим в их молодости отличиям.

Традиционность форм, определяемая социально-разделительной функцией костюма, сохраняла свое значение в докапиталистический период. В феодальном казахском обществе, в силу особенностей экономики, прочно удерживались пережитки родо-племенных отношений. В основе территориальных различий в одежде лежало культивируемое в средневековье обособление крупных родо-племенных групп, которые фактически скрывали под собой феодальные политические объединения.

По мере проникновения капиталистических отношений и исчезновения пережитков родо-племенных связей значение прежних отличий в одежде терется, что приводит к быстрому стиранию территориальных различий в культуре. В среде казахского кочевого населения процесс происходит быстрее, чем у оседлых земледельческих народов Средней Азии. К тому же казахи раньше ощутили влияние русской культуры, что также ускорило процесс ликвидации различий, определявшихся пережитками родо-племенных делений. Это сопровождалось распространением некоторых форм головных уборов, например *кимешека*, в западные районы, а с другой стороны, заимствованием предметов русской одежды (платки, шали, шапки-ушанки и др.). В процессе заимствования важную роль сыграло проникновение товарно-денежных отношений в казахское хозяйство и связанное с этим сокращение в быту использования материалов собственного изготовления (войлок, шкуры, домотканое сукно), замена их покупными материалами и готовыми изделиями.

¹ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 8.

² См.: Сазонова М. В., Морозова А. С., Лейкина С. М. Одежда народов Средней Азии и Казахстана в коллекциях Государственного музея этнографии Народов СССР // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.: Л., 1961.

³ Подробные сведения о музейных коллекциях в статье: Русьякина С. П. Музей-

ные этнографические фонды как источник для составления историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы... О коллекциях Центрального государственного музея Казахстана см.: Казахский народный костюм. Алма-Ата, 1958.

⁴ Поездка из Орск в Хиву и обратно в 1740—1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравыным. СПб., 1851.

⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным

- местам Российского государства, по повелению Санктпетербургской Академии Наук. СПб., 1773. Ч. I.
- 6 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1795. Ч. II.
  - 7 *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков: Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1795—1796. Ч. CXIV, CXV.
  - 8 Замечания о киргизах: Из записок доктора Саввы Большого // *Сын Отечества*. 1822. Ч. 80. № 235.
  - 9 Записки генерал-майора [С. Б.] Броневского о киргизах-кайсаках Средней Орды // *Отечественные записки*. 1830. Ч. 43. № 123.
  - 10 *Левшин А. И.* Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Т. I—III.
  - 11 *Евреинов А.* Внутренняя, или Букеевская киргиз-казахья Орда // *Современник*. 1851. Ч. XXIX. № 10.
  - 12 *Небольсин П.* Очерки Волжского низовья. СПб., 1872; *Он же.* Рассказы проезжего. СПб., 1854.
  - 13 *Красовский М.* Область сибирских киргизов. СПб., 1863. Ч. 1/3.
  - 14 *Потто В.* Из путевых заметок по степи // *Военный сборник*. 1877. № 11.
  - 15 *Даулабаев Б.* Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 г. // *Зап. Оренбургского отд. РГО*. 1881. Вып. IV.
  - 16 *Кустанаев Х.* Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894.
  - 17 *Каруц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1911.
  - 18 *Руденко С. И.* Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагзы // *Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик*. Казаки. Л., 1927. Вып. 3; *Он же.* Очерк быта северо-восточных казаков // *Материалы комиссии экспедиционных исследований*. Сер. Казахстанская. Л., 1930. Вып. 15.
  - 19 *Корбе О. А.* Культура и быт колхозного аула // *СЭ*. 1950. № 4; *Корбе О. А., Махова Е. И.* Экспедиция в Казахстан // *КСИЭ*. 1952. Вып. XIV; *Захарова И. В.* Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР*. 1956. Т. 3; *Она же.* Об итогах этнографических экспедиций 1955—1956 гг. // *Там же*. 1960. Т. 8; *Востров В. В.* Итоги этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР за 1955 г. // *Изв. АН КазССР*. Сер. истории, философии, экономики и права. 1957. Вып. 2 (5).
  - 20 *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда XIX — начала XX в. Алма-Ата, 1964.
  - 21 *Rochenberg.* Les peuples de la Russie ou description des mœurs etc des divers nations de l'empire de Russie. P., 1813.
  - 22 *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Алма-Ата, 1972. Т. V.
  - 23 Хранится в ГМЭ. Частично опубликовано: *Бежкович А. С.* Этнографические рисунки В. Н. Плотникова по быту казахов, 1859—1862 гг. // *СЭ*. 1953. № 4.
  - 24 Хранится в ГМЭ. См.: *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857) // *Сб. МАЭ*. 1959. Т. XIV.
  - 25 *Atkinson T. W.* Oriental and Western Siberia: a Narrative of seven years exploration and adventures in Siberia. Mongolia, the Khirghise steppes. Chinese Tartarie and past of Central Asia. L., 1858; *Moser H.* A travers l'Asie Centrale. P., 1885.
  - 26 ГМЭ. Фонд музея народов СССР. № 23527, 23530.
  - 27 *Atkinson T. W.* Oriental... P. 553, 559; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. V. С. 107, 108, 109, 113.
  - 28 Живописное путешествие по Азии. М., 1893. Т. I. С. 190; Записки саратовского купца Жаркова о киргизах // Библиотека для чтения. 1852. Т. CXV, ч. 1, отд. 3, сент. С. 8.
  - 29 *Atkinson T. W.* Oriental... P. 363.
  - 30 ГМЭ. Фонд музея народов СССР. № 23528, 23529.
  - 31 ГМЭ. Основной фонд. Кол. 1062. Предмет 20.
  - 32 ГМЭ. Фонд музея народов СССР. № 23550—23552.
  - 33 *Небольсин П.* Очерки... С. 168.
  - 34 *Левшин А. И.* Описание... Т. III. Рисунок «Костюм киргизской девушки».
  - 35 Казахский народный костюм. Табл. 28. МАЭ. Кол. 403. Предмет 3.
  - 36 *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., Т. V. С. 122.
  - 37 *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда... С. 68.
  - 38 *Аргынбаев Х.* Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX — начале XX в. (по материалам Восточного Казахстана) // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР*. 1959. Т. 6. С. 72.
  - 40 *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда... С. 165.

- ⁴¹ Раскопки Ф. Арслановой в Павлодарском Прииртышье. Ждановский могильник. Графическая реконструкция в книге: *Агапов П., Кадырбаев М.* Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 120. Рис. 3.
- ⁴² Живописное путешествие по Азии. Т. 1. С. 191.
- ⁴³ *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // СЭС. 1954. Вып. 1. С. 305—306.
- ⁴⁴ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867. С. 92—93.
- ⁴⁵ *Сухарева О. А.* Древние черты... С. 304;
- Писарчик А. К.* Материалы к истории одежды таджиков Нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- ⁴⁶ См.: *Мешкерис В. А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии.
- ⁴⁷ См.: *Захарова И. В.* Классификация и картографирование казахских головных уборов (XIX—XX вв.) // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 104—107.

Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии¹

Т. Н. ТОМИНА

Кочевые и полукочевые народы Средней Азии — это население огромного мира пустынь, полупустынь и степей, окружающих среднеазиатские оазисы с севера, запада и юго-запада. Несмотря на то, что в конце XIX — начале XX в. процесс оседания кочевников здесь шел уже довольно интенсивно, народы, связанные со скотоводством и ведущие комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, еще сохраняли полуоседлый и полукочевой образ жизни, архаические черты в социальной организации и материальную культуру, свойственную скотоводам-кочевникам. К ним в полной мере относятся киргизы, каракалпаки, большинство туркмен (за исключением искони оседлого земледельческого населения прикопетдагских районов), часть узбеков (так называемые полукочевые группы: потомки средневековых дештикипчацких племен — кипчаки, кунграты, кырки, локайцы, дурмены и др., а также более древних домонгольских и периода монгольского завоевания тюркских племен — тюрки, карлуки, барласы и др.), немногочисленные группы среднеазиатских арабов и белуджей и даже таджики-хардури на юге Узбекистана.

Ткани в одежде этого круга народов Средней Азии до недавнего времени не были предметом специального изучения. Задача их исследования как одного из элементов материальной культуры встала в связи с работой над Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана².

В дореволюционной литературе интересующий нас вопрос не получил должного освещения. Русские исследователи и путешественники XIX — начала XX в. не ставили своей задачей изучение одежды и тканей кочевого и полукочевого населения Средней Азии, и сведения о них носят в их работах слишком общий, отрывочный характер. Исключение составляют дневники и зарисовки выдающегося казахского ученого этнографа Чокана Валиханова, сумевшего чрезвычайно точно подметить наиболее характерные для того времени черты киргизского народного костюма и обстоятельно описать ткани, ввозившиеся в Среднюю Азию из Кашгара³. Имеются также отдельные заметки, касающиеся одежды и домашних промыслов туркмен, данные Н. Н. Муравьевым, М. Н. Галкиным, К. Боде,

П. М. Лессаром, А. Вамбери, П. П. Огородниковым⁴. Краткие сведения о каракалпаках и полукочевых хивинских узбеках содержатся в записках, сделанных во время русских военных экспедиций и в первые годы после завоевания Россией Хивинского ханства. Из них можно отметить сочинения Гладышева и Муравина, В. Григорьева, М. И. Иванина, Г. И. Данилевского, Н. Н. Муравьева, А. В. Каульбарса⁵. Материалы по полукочевым узбекам Бухарского ханства содержатся в трудах А. Борнса, Н. В. Ханыкова, позднее А. Д. Гребенкина, А. П. Хорошхина, Д. Н. Логофета и др.⁶ Все они, не занимаясь специально одеждой, лишь попутно отмечали у кочевников-скотоводов одежду из шерстяной армячины, пестрые халаты из тканей среднеазиатского производства, яркие шелка восточного и переднеазиатского происхождения и начавшееся проникновение русского текстиля⁷. Однако сведения о них настолько неполны и фрагментарны, что не позволяют составить обстоятельного представления о тканях в одежде исследуемых народов в конце XIX — начале XX в. В современной этнографической литературе вопрос о тканях и качестве ставился неоднократно. Он затрагивается в разделах «Одежда» по каждому исследуемому народу в 2-томном академическом издании «Народы Средней Азии и Казахстана»⁸. Кроме того, сведения о киргизском костюме и тканях для него мы находим в трудах этнографов-киргизоведов: С. М. Абрамзона, К. И. Антипиной, А. Д. Бурковского, Е. И. Маховой, Ю. А. Шибяевой и др.⁹ Материалы о производстве и применении тканей в одежде отдельных туркменских племен содержатся в работах Г. П. Васильевой, А. С. Морозовой, А. Пиркулиевой, Ч. Язлыева¹⁰. Вопросы о тканях в одежде каракалпаков касается в своих работах Т. А. Жданко¹¹. Ценную информацию о тканях у полукочевых узбеков мы находим в исследованиях, посвященных отдельным этнографическим группам узбеков: локайцам (Б. Х. Кармышева), дурментам (Н. Г. Борозна), карлукам и кыпчакам (К. Шаниязов)¹². В 1981 г. вышла в свет обобщающая работа К. Ш. Шаниязова и Х. И. Исмаилова по материальной культуре узбеков, где этому вопросу также уделяется должное внимание¹³. Сведения об одежде и тканях у среднеазиатских арабов содержатся в работах Х. Исмаилова и О. А. Сухаревой¹⁴, а по белуджам ТССР — Э. Г. Гафферберг¹⁵. Ценным источником для исследования вопроса о тканях послужили также словари языков тюркских народов.

Помимо опубликованных в этнографической литературе данных для изучения тканей в одежде кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии были использованы другие виды источников: музейные и полевые этнографические материалы.

Прежде всего были изучены материалы по одежде и тканям интересующих нас народов в музейных коллекциях. Богатейшим источником послужили для нас хранилища ГМЭ и МАЭ (Ленинград). К наиболее ранним поступлениям в Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ) относятся «кауфманские» коллекции, собранные для Русской этнографической выставки 1867 г. и коллекции С. М. Дудина: 1891 — 1892 гг. — по киргизам и 1901—1907 гг. — по туркменам. Следующими по времени сбора являются коллекции, составленные уже после революции: Ф. А. Фиельструпа (1925 г.) и Турди Мир Гиясова (1928 г.) по киргизам, А. Л. Мелкова (1929 г.), С. П. Толстова (1934 г.), Е. И. Махо-

вой и О. А. Корбе (1938 г.) — по каракалпакам, В. Г. Мошковой (1937 г.) и А. С. Морозовой (1938—1939 гг.) — по туркменам, Б. К. Балакина и Е. И. Маховой (1940 г.) — по киргизам. Из поступлений послевоенных лет следует отметить собрания одежды и тканей А. С. Морозовой и М. Д. Перлиной (1958, 1962 гг.) по туркменам, М. В. Сазоновой и М. Д. Перлиной (1962 г.) по каракалпакам, С. М. Лейкиной (1956 г.) по киргизам. В фондах Ленинградского музея антропологии и этнографии (МАЭ) нами были использованы коллекции Г. К. Шульца (1928 г.) по каракалпакам, Д. Д. Старыкевич и Н. П. Дыренковой (1928 г.) и К. К. Юдахина (1947 г.) по киргизам.

Богатый материал по одежде и тканям у полукочевых и кочевых в прошлом народов Средней Азии содержится в государственных исторических музеях Москвы (ГИМ) и союзных республик Средней Азии, а также в музеях изобразительного искусства Самарканда, Бухары, Нукуса, Хивы и краеведческих музеях городов Ферганской долины.

Помимо подлинных предметов одежды, в качестве вспомогательного источника были привлечены изображения тканей в одежде на фотографиях и рисунках, выполненных в конце XIX — начале XX в. Большой интерес для нас представляют хранящиеся в фотоархиве ГМЭ фотоальбомы С. М. Дудина, дополняющие собранные им же коллекции по киргизам и туркменам, фотоальбом Г. Л. Громбчевского, снявшего в 1889—1890 гг. по поручению ИРГО типы киргизов Памира. В этом же фотоархиве нами были использованы современные материалы Б. С. Гамбурга по узбекам Самаркандской обл. Ценный изобразительный материал хранится в архиве Ленинградской части Института этнографии. Из архива МАЭ при изучении киргизской одежды нами был использован этнографический альбом художника П. М. Кошарова¹⁶ и фотографии А. Л. Мелкова (1928 г.) по каракалпакам. Особое место среди изобразительных материалов по нашей теме занимают коллекции рисунков и фотографии, хранящиеся в Научном архиве Института этнографии (Москва). Это, в первую очередь, богатейшие материалы Хорезмской экспедиции, собранные в течение многих полевых сезонов в Каракалпакии (Т. А. Жданко) и Туркмении (Г. П. Васильева). Целую серию фотоальбомов и коллекции рисунков составила Е. И. Махова, внесшая большой вклад в изучение материальной культуры киргизского народа (1940—1960-е гг.). Из архива Среднеазиатской экспедиции для нашей темы представляют интерес фотографии и рисунки по полукочевым в прошлом узбекам, собранные Б. Х. Кармышевой, Г. П. Снесаревым, Н. Г. Борозной.

Наконец, в качестве основного источника был использован полевой этнографический материал автора, в течение нескольких полевых сезонов работавшей в составе Среднеазиатской экспедиции Института этнографии по одежде и тканям у разных народов Средней Азии. Полевые материалы по киргизам, собранные автором в Ошской и Джалаалабадской областях КиргССР в 1971 г. и в Зааминском и Бахмальском районах Джизакской обл. УзССР в 1977 г., были дополнены материалами Е. И. Маховой, проводившей в 1953—1955 гг. сплошное этнографическое обследование Киргизии в составе Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и АН КиргССР и любезно предоставившей автору для использования свои записи. По туркменам материал собирался на севере Туркмении:

в Куня-Ургенчском, Ленинском и Ильялинском районах Ташаузской обл. (1972 г.) и на юге республики: в Бахарденском, Геоктепинском и Кызыл-Арватском районах (1973 г.). В 1976 г. проводились полевые работы по данной теме в Каракалпакской АССР. Материал по полукочевым узбекам собирался в течение трех полевых сезонов: в 1977 и 1978 гг. — в Галляларальском, Джизакском, Зааминском, Бахмальском и Фаришском районах Джизакской обл., а в 1980 г. — в Сырдарьинском и Ховастском районах Сырдарьинской обл. УзССР.

Ткани из шерсти. Разнообразное по историческим судьбам и этнической принадлежности кочевое и полукочевое в прошлом население Средней Азии, находясь на одинаковом уровне развития производительных сил, выработало многие общие черты в хозяйственно-бытовом укладе и материальной культуре, в том числе и в производстве тканей для одежды. Так, общей для всех исследуемых народов, несмотря на разное соотношение в их хозяйстве скотоводства и земледелия, была традиция производства тканей из шерсти — основного продукта скотоводческого хозяйства. Причем производство шерстяных тканей у них не выходило за рамки домашних промыслов и являлось занятием исключительно женским. Все предварительные процессы, связанные с подготовкой шерсти к тканью, также выполнялись женщинами. Шерсть очищали, мыли, разбивали, расчесывали на гребне *дарак*. Затем чистую шерсть пряли вручную с помощью веретена *урчук* (узб.), *уршык* (каракал.), *ик* (туркм.), *ийк* (кирг.)¹⁷. Ткали на ручном горизонтальном узконовойном станке типа *ормек*, *урмак* самого примитивного устройства, характерного для всех кочевых и полукочевых в прошлом народов региона. Всем шерстяным тканям, применявшимся в одежде, было свойственно наиболее простое по технике полотняное переплетение. Ширина точки тканей не превышала 20—30 см. Шерстяная домотканина *шал* (узб.), *чакмень* (туркм.), *таар* (кирг.), *барак* (белудж.), *карта* (араб.) выделялась из верблюжьей и овечьей шерсти, козьего пуха и волоса. Наиболее популярной у скотоводов Средней Азии была армячина из верблюжьей шерсти, шедшая в основном на изготовление мужских халатов — *дуэ чакмен* (туркм.), *пийази* (кирг.), *тоо-чекпен* (кирг.), *малла чакмен* (араб.). Для *чакменей* выбиралась самая тонкая и мягкая шерсть с горба и шеи верблюда. Опытные рукодельницы пряли из нее тонкую, туго скрученную пряжу, из которой получилась очень прочная и красивая ткань. Процесс подготовки пряжи и изготовление самой ткани был зафиксирован нами у хорезмских иомутов. Перед тем, как заправлять станок, спряденную шерсть в мотках *келеп* подвергали специальной обработке *петлемек* — кипятили 20—30 мин. в растворе пшеничной муки, чтобы нитки стали более прочными и гладкими. При тканье в основу и уток берется одинарная нить — очень тонкая и туго спряденная. Причем в процессе изготовления ткани нить утка дополнительно смачивается либо в молоке, либо в мучном растворе и сильно прибивается тяжелым *глычем*, чтобы ткань стала более плотной¹⁸. Свои технологические секреты были у туркменок сарык Иолотани, славившихся производством *агари* из верблюжьей шерсти. При подготовке пряжи они пользовались соленым тестом. Его месили до тех пор, пока не начинала выделяться похожая на молоко жидкость *пети* — (молоко теста). Пети кипятили до клейкого состояния, затем в клейкую массу по-

мешали пряжу и, закрыв котел крышкой, держали в нем пряжу в течение двух часов. После этой процедуры пряжа становилась прочной и приобретала желаемую окраску. При добавлении в пряжу шелка получали настолько тонкую, высококачественную *агари*, что будучи туго сжатой, кусок такой ткани, рассчитанной на один халат, можно было продеть через кольцо¹⁹. В начале нашего века с ростом товарности скотоводческого хозяйства туркмен халаты из ткани *агари* стали изготавливаться специально для продажи и обмена и пользовались большим спросом и высоко ценились не только в Туркмении, но и далеко за ее пределами. Производство *чекменей* из верблюжьей шерсти, характерное для всех скотоводов региона, в хозяйстве которых были верблюды, особенно широко было распространено у туркмен, у которых в рассматриваемый период в связи с сохранением пустынного пастбищного скотоводства количество верблюдов в стаде преобладало по сравнению с другими народами Средней Азии. Путешественники и исследователи, посетившие Туркмению в XIX в., единодушно отмечали повсеместное бытование там этого вида одежды. По полевым этнографическим данным, производство верблюжьей армячины прослеживается в конце XIX — начале XX в., вплоть до наших дней, у большинства туркмен Хорезма, Прибалхана, Средней Амударьи, в Марыйском, Иолотанском, Пендинском оазисах, т. е. повсюду, где дольше всего сохранялось скотоводческое направление в хозяйстве²⁰. Причем эта традиция, наиболее сильно выраженная у скотоводов иомутов, кзыл-шихов, сарыков, имеет явную тенденцию к убыванию у туркмен с преобладанием оседло-земледельческого хозяйства. Так, туркмены емрели и карадашлы на севере Хорезма, так же, как и нохурли, мурчали и али-эли южных прикопетадских районов, традиционно сохранявшие в быту *дуэ чакмен*, сами не ткали шерстяных тканей, а предпочитали покупать готовые изделия из шерсти у соседних скотоводческих племен — иомутов, шихов и гоклен²¹. То же можно сказать и о каракалпаках Хорезма, у которых в конце XIX — начале XX в. верблюдов было крайне мало: они содержались в стадах только самых богатых баев и использовались исключительно как выючные животные в торговле для перевозки тяжелых грузов. По сообщениям информаторов, верблюжий *шапкен* продолжал почитаться как традиционная выходная одежда богачей, но его покупали у соседних казахов или иногда ткали сами из покупной (у казахов же) шерсти²². По сведениям А. Д. Гребенкина, традиция производства верблюжьей армячины в конце XIX в. наблюдалась у зерафшанских каракалпаков. Они «из верблюжьей шерсти приготавливают плохую армячину (*кокма чекмен*)»²³. По этнографическим материалам, широко бытовали халаты из верблюжьей шерсти у киргизов, как на севере, так и на юге Киргизии²⁴. *Пийази* был очень любим за прочность и красоту; светло-бежевый цвет *мелле* — естественный цвет верблюжьей шерсти — считался богоугодным. Такой легкий, добротный, изящный халат был скорее выходным, шегольским нарядом, нежели рабочей одеждой, и был доступен лишь состоятельным людям. В рассказах стариков *пийази чепкен* выступает как традиционная свадебная одежда жениха, подарочная одежда, например, как подарок мальчику в день суннат-тоя. Почти все дореволюционные авторы подчеркивали высокие технические качества ткани *пийази*, ставшей в конце XIX — начале XX в. предметом торговли и даже экспорта. Верб-

люжья армячина «по дешевизне своей и по нежности цветов телесного и светло-коричневого нашла много потребителей и между русским населением. Белую армячину офицеры и писары употребляли на пальто, светло-коричневая шла на обивку мебели»²⁵. Среди полукочевых узбеков верблюжий *чекмен* был также традиционной одеждой и почитался как сельскими жителями, так и горожанами. Однако вопрос о производстве верблюжьей армячины у них недостаточно изучен. Судя по материалам А. Д. Гребенкина и современным этнографическим данным, можно говорить о наличии верблюдоводства, а следовательно и использования верблюжьей шерсти для ткачества лишь у поздних дештикипчакских полукочевых узбеков.

А. Д. Гребенкин отмечал разведение верблюдов и производство ткани из верблюжьей шерсти в конце XIX в. у узбеков подразделений кипчак, туркмен, найман и тюяклы²⁶. К. Шаниязов зафиксировал использование, «хотя и в незначительном количестве», верблюжьей шерсти для шитья верхних мужских халатов «у кипчаков Зеравшана, живших на границе оазиса со степью, у которых сохранилось вплоть до революции отгонное животноводство»²⁷. По полевым материалам автора, производство верблюжьих *чекменей* бытовало у полукочевых дештикипчакских узбеков кырк, юз-тюяклы, найман Джизакской обл. УзССР²⁸. О производстве тканей из верблюжьей шерсти у полукочевых узбеков Северного Хорезма нет единодушного мнения. По наблюдениям Г. П. Васильевой, хивинские узбеки, так же, как и каракалпаки Хорезма, не занимались изготовлением верблюжьих *чекменей*²⁹, а по свидетельству Н. Г. Борозны, изучавшей узбеков-дурменов Хорезма, местные богатые дурмены «покупали белое сукно из верблюжьей шерсти у кунгратов, которые занимались верблюдоводством...»³⁰.

Ткачество из верблюжьей шерсти в конце XIX — начале XX в. отмечено и у среднеазиатских арабов. Х. И. Исмаилов сообщает об изготовлении *малла чакменей* из верблюжьей шерсти арабами Кашкадарьи. По полевым материалам автора, производство верблюжьих *чакменей* было распространено в исследуемый период у арабов Каракульского р-на Бухарской обл. УзССР³¹.

В заключение описания этого вида ткани добавим, что, кроме выделки широко известных по всей Средней Азии мужских халатов, верблюжья шерсть употреблялась на изготовление мужских штанов и рубаш — у особенно богатых скотоводов туркмен и киргизов, мужских и женских кушаков у туркмен-кызылшихов, а также на скатерти *дастархан* и молитвенные коврики *жайнамаз*, зафиксированные К. Шаниязовым у узбеков-кипчаков³².

Ткачество из овечьей шерсти, так же, как и само овцеводство, было распространено у всех кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии. Об этом свидетельствует вся имеющаяся по этим народам литература, как дореволюционная, так и современная этнографическая. Отметим, однако, что в хозяйстве скотовода-кочевника овечья шерсть шла в основном на хозяйственные нужды, связанные с кочевым бытом: изготовление войлоков для покрытия юрты и орнаментированных войлоков, украшающих ее интерьер; ткачество различных мешков и торб, гладких и узорных полос, стягивающих решетку юрты, декоративных

ворсовых и безворсовых ковровых изделий и постилочных ковров. Поэтому на производство тканей для одежды расходовалась лишь незначительная часть получаемого от овцеводства сырья. Овечью шерсть обрабатывали и пряли так же, как верблюжью; ткали на том же *ормеке*. Обычно для тканья употребляли пряжу естественного цвета овечьей шерсти — белую или коричневую; иногда пряжу ссучивали из двойной белой и темной нити, получая серый цвет; вырабатывали также ткань в белую и коричневую полосу — *ала-таар* (кирг.); изредка пряжу красили в синий или красный цвет. Узкая (24—28 см) шерстяная дмотканщина *шал* (туркм.), *шол* (узб.), *таар* (кирг.), *сауб* (араб.), *барак* (белудж.) — шла в основном на производство мужской одежды: халатов, грубых теплых штанов и рубах, обмоток для ног, а также мужских и женских кушаков. Для изготовления портянок *долок* (туркм.), *пайтава* (узб.), *байтаба* (каракалп.) брали двойную, слабо ссученную пряжу из белой (у туркмен), серой или коричневой (у киргизов) шерсти. Ткали простым полотняным переплетением, без плотного прибавления утка. Готовую ткань заваривали крутым кипятком, отчего она становилась мягкой. Такие теплые, мягкие, хорошо пропускающие воздух обмотки были очень удобны под грубые кожаные чарыки пастухов в любое время года. Из темной овечьей шерсти ткали мужские и женские пояса: *кушок* (узб.), *кара кушок* (туркм.), *белкур*, *сокмокур* (кирг.). Иногда концы кушаков или все полотнище ornamentировались цветными поперечными полосами, клеткой или незатейливым узором, вытканым вторым челноком, — *гуль кушок* (туркм.). По мере роста товарности полунатурального в прошлом хозяйства кочевников эти теплые красивые кушаки стали предметом торговли на местных рынках и охотно покупались соседними земледельцами. Так, туркмены-нохурлы предпочитали покупать готовые *гуль кушок* у соседних гокленов и кызыл-шихов. Из тонко спряденных одинарных нитей белой овечьей шерсти с добавлением козьего пуха на юге Киргизии ткали мужские чалмы³³. Тонкая одинарная нить с плотным прибавлением утка в процессе тканья шла на изготовление *шола* для мужских рубах. Обычно для этого брали светлую некрашенную пряжу, белую или бежевого цвета; иногда ее красили в красный (туркмены-иомуты, шихи, гоклены) или синий цвет (туркмены-сарыки, чандыры, эсары), употребляя растительные красители — местный руян или покупной индиго. Иногда цветные нитки ткали в чередовании с белыми, отчего ткань приобретала переливающийся оттенок³⁴. Из более толстой, ссученной из двух нитей пряжи изготовляли грубую материю для мужских штанов и верхних мужских халатов. Теплые мужские штаны *шым* (узб., кирг.), *сым* (каракалп.), *джалбар* (туркм.), незаменимые в зимнюю стужу в степи или горах, шили из серой или темной одноцветной шерсти естественной окраски или полосатой *ала-таар* у южных киргизов. Повсеместно у всех исследуемых народов бытовал верхний мужской халат из светло-коричневой, серой или темной шерстяной армячины — *чекмен* (узб., туркм.), *чепкен* (кирг.), *шалшекпен* (каракалп.). Халаты из овечьей шерсти различались не только по цвету, но и по качеству. У всех туркмен почитались *чакмени* из светло-коричневой шерсти *мелли гузи*, напоминающей по цвету верблюжью шерсть. Сарыки выделявали иногда ткань *агари* из высококачественной овечьей шерсти — весенней стрижки *чирази*, имеющей синева-

тый переливающийся оттенок. По сведениям К. Шаниязова и Х. Исмаилова, у узбеков-кипчаков долины Зеравшана и арабов Кашкадарьи изготовляли дорогие *кокма чакман*, а из низкосортной шерсти — более грубые *кук чакман*. Бая и знатные люди носили только *кокма чакман*, а простой народ — *кук чакман*. Халаты из грубой шерстяной армячины часто имели мягкую тонкую войлочную подкладку. Такие халаты носили пастухи, которым во время откочевки со стадом в горы или пустыню нередко приходилось ночевать прямо на земле. Они отмечены у южных киргизов — *ширдамал*, полукочевых узбеков дештикипчакского происхождения Самаркандской, Джизакской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей УзССР — *кебенек*, *кебанак* (узб.), арабов Кашкадарьи *чайдамия*³⁵. Кроме изучаемой нами территории, *кебанек* был широко распространен у соседних казахов³⁶. По сообщению В. П. Курылева, у анатолийских турок термином *кепенек* назывался пастушеский плащ из войлока³⁷.

Кроме вышеназванных мужских халатов, сотканых из овечьей шерсти, у ряда исследуемых народов были также распространены халаты из валяного сукна домашнего производства *басма чепкен* (кирг.), *басма чакмен* (узб.). Производство валяного сукна в конце XIX — начале XX в. в Средней Азии не было повсеместно и различалось по технике производства у разных народов. Впервые производство *басма чепкен* подробно описано К. И. Антипиной у южных киргизов. У ичкиликов Ошской обл. КиргССР ткали неплотную *таар* из слабо ссученной пряжи. Затем полученную ткань заливали кипятком и, когда вода остывала, разминали ногами, отчего ткань становилась плотной, превращалась в сукно. Аналогичный способ изготовления сукна зафиксирован нами у киргизов-ичкилик Заамина и Бахмала, а также у полукочевых узбеков Джизакской обл. УзССР. Однако, по нашим наблюдениям, на территории Джизакской обл. сукновалением занимались не все узбеки, а лишь узбеки-тюрки и барласы, принадлежащие по происхождению к ранним тюркским племенам. Несколько иная техника производства сукна была отмечена автором у киргизов-адигине Ошской и Джалалабадской обл. КиргССР, по генеалогии и материальной культуре родственных северным киргизам Тянь-Шаня и Иссык-Куля, а также у киргизов-багыш (подразделение тагай) Алабукинского р-на Ошской обл. У них также сначала ткали узкую редкую *таар*, затем сшивали ее в две точки, что было необходимо (с учетом усадки) для стана халата, после чего расстилали ткань на циновке, посыпали сверху слоем мягкой короткой поярковой шерсти, которая должна была дать ворс; далее покрывали приготовленную ткань со слоем шерсти рядном, сбрызгивали крутым кипятком и скатывали тугим рулоном, который потом валяли вручную, топтали и мяли ногами — *бассат*, *тевелейт* (кирг.), чтобы вкатать и пригладить ворс³⁸. Таким образом, выработка сукна приближалась к кошмовалению, так как в процессе изготовления сукна обработке подвергалась не только сама ткань, но, как и при кошмовалении, в нее вкатывался, валялся слой поярковой шерсти. Не случайно, по К. К. Юдахину, термин *тепме* (кирг.) применяется для обозначения как домотканой материи из поярка, так и тонкого войлока из поярка³⁹. Следует подчеркнуть, что производство сукна с применением валяния было присуще в основном южным киргизам. Е. И. Махова отмечала, что у них

«верхняя одежда из домотканого валяного сукна заменяет *каментай*» — халат из кошмы, широко распространенный на севере Киргизии, а на юге встречающийся редко⁴⁰. Еще один вид производства — *босма шол* или *босма алача* (узб.) — описан К. Шаниязовым у отдельных кипчацких групп бассейна Зеравшана. «Ее ткали так же, как и другие виды шерстяной материи. Однако в процессе тканья *босма алача* между нитями ее основы вставляли в небольшом количестве пряжи мягкой шерсти и затем ровно и очень низко обрезами ножницами; в результате получалась ткань с ворсом, которая пользовалась на рынке большим спросом. Ткань *босма шол* отличалась мягкостью и из нее шили дорожные халаты⁴¹. Однако описанную выше ткань можно назвать сукном *босма* лишь условно, по наличию в ней ворса, а не по технике производства. На наш взгляд, по технологии изготовления *басма алача* у кипчаков Зеравшана напоминает не столько сукновальное, сколько производство низковорсовой ткани на узконовой станке, что считается отличительным этнографическим признаком поздних узбекских племен⁴². Интересно подчеркнуть, что у киргизов сукновальное, так же как обработка шерсти и ткачество, было занятием чисто женским, в то время как у ранних узбекских племен — тюрков и барласов — производством сукна, его валянием, по полевым материалам автора, занимались не только женщины, но и мужчины. Помимо описанных нами кочевых и полукочевых народов Средней Азии, производство сукна в пределах региона было характерно также для таджиков Каратегина⁴³, а за его пределами — для таджиков Панджшира в Афганистане⁴⁴, встречалось оно и у некоторых народов Северного Кавказа: осетин, абазин, кабардино-балкарцев, ногайцев и др.⁴⁵

В заключение раздела о шерстяных тканях в одежде кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии коротко остановимся на использовании для одежды козьего пуха. Выше уже упоминалось употребление козьего пуха вместе с овечьей шерстью для изготовления чалм южными киргизами. Аналогичное использование этого вида животноводческого сырья для *тевит салля* (узб.) зафиксировано К. Шаниязовым у кипчаков Зеравшана и автором у большинства полукочевых узбеков Джизакской и Сырдарьинской обл. УзССР. Кипчаки, по свидетельству К. Шаниязова, использовали козий пух также для тканья мягких и теплых портянок *тивит пайтава* (узб.). Остается отметить еще пояса из козьего пуха *суттук кушок* (туркм.), производимые скотоводами-чарва и популярные у всех хорезмских туркмен⁴⁶. Упругая и колючая козья шерсть для одежды почти не употреблялась; она шла в основном на изготовление различного рода веревок, необходимых в хозяйстве кочевника. Но иногда козья шерсть использовалась для тканья жесткой и редкой *шалгулач* (туркм.), а в тяжелые годы бедняка на юге Туркмении шили из нее мужские штаны и рубахи — «дырявые», редкие *чопыр балаг* и *чопыр койнек* (туркм.).

Хлопчатобумажные ткани. Сочетание скотоводства и земледелия в комплексном хозяйстве кочевых и полукочевых народов Средней Азии обусловили сосуществование у них различных видов ткачества соответственно исходному сырью: шерсти или растительному волокну хлопчатника. Однако, если производство шерстяных тканей было у них исконным, неразрывно связанным со скотоводством, то традиция выработки хлопча-

тобумажных тканей не была столь древней и повсеместной. Возникшая в глубокой древности у оседлых земледельческих народов региона, культура производства хлопчатника и хлопчатобумажных тканей была воспринята кочевниками в связи с постепенным оседанием их на окраинных землях оазисов и не могла быть повсеместной и устойчивой, как и исторически обусловленное непостоянство и неустойчивость их земледелия и оседлости. Так или иначе, к концу XIX — началу XX в., по имеющимся литературным и этнографическим данным, большинство кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии освоили производство хлопчатника и занимались прядением и ткачеством волокон хлопка местных сортов. По свидетельству А. Д. Гребенкина, исключительными кочевниками, знакомыми только с ткачеством шерстяной армячины, у полукочевых узбеков были турки, найманы и тюяклы; митаны занимались выделкой бумажных материй, «но в незначительном количестве»; мингов же он называет «преимущественно перед прочими узбеками производителями бумажных материй»⁴⁷. Изготовление своей хлопчатобумажной дмотканы отмечено в конце XIX — начале XX в. у полукочевых узбеков дештикипчакского происхождения: локайцев, дурменов, кыркков, кипчаков и др. По материалам К. Шаниязова, «ткачеством из хлопчатобумажной пряжи занимались лишь отдельные хозяйства оседлых кипчаков бассейна Зеравшана, которые наряду с другими земледельческими культурами сеяли и хлопок». Он же фиксирует производство хлопчатобумажных тканей у карлуков Пахтакорского и Галаясскийского районов Самаркандской обл. УзССР, которые издавна сеяли хлопок⁴⁸.

А. Д. Гребенкин отмечает в конце XIX в. ткачество из хлопка у зерафшанских каракалпаков⁴⁹. Свое производство хлопчатника зафиксировано Т. А. Жданко и нами для конца XIX — начала XX в. у каракалпаков Хорезма и более оседлого населения, в районах с развитым поливным земледелием (Кунград, Кегейли), а обработка покупного хлопксырца — в районах с более экстенсивным, зерновым земледелием, где обработка земли и выращивание хлопчатника были по силам лишь наиболее зажиточным хозяйствам. У киргизов производство хлопчатобумажных тканей для одежды отмечено К. И. Антипиной на юге Киргизии, преимущественно у ичкиликов, и нами — в северных районах Ошской обл. (Джанги-Джол и Алабуха)⁵⁰. У туркмен прядением и ткачеством хлопка занималось большинство полукочевых племен юга Туркмении и долины Средней Амударьи⁵¹. На севере, среди хивинских туркмен, оно было известно у земледельческих племен карадашлы и емрели, обладавших довольно развитой и устойчивой культурой ткацкого производства, возникшей, по-видимому, задолго до их переселения из южной Туркмении. У хивинских йомутов хлопчатник появился позднее, лишь в 20-х годах нашего века, и в небольшом количестве. В основном урожай хлопка шел здесь на продажу узбекам и в редких случаях перерабатывался для собственных нужд⁵². Хлопчатобумажные ткани домашнего изготовления отмечались в начале XX в. также у арабов Кашкадарьи и белуджей Южной Туркмении⁵³.

Материалы этнографических исследований свидетельствуют о постепенном и неравномерном освоении кочевыми и полукочевыми народами среднеазиатского региона традиций хлопководства и хлопкоткачества.

Первоначально, научившись выращивать хлопок, они еще не умели сами его перерабатывать. Так, туркмены-иомуты Куня-Ургенча, начавшие культивировать хлопчатник в 20-х годах нашего столетия, весь урожай хлопка продавали узбекам и только небольшое количество оставляли для нужд семьи. То же наблюдалось в начале века и у полукочевых узбеков-кырк Джизакской обл.: им было выгоднее продать хлопок-сырец и купить у оседлых сартов готовые ткани или пряжу, чем перерабатывать хлопок своими несовершенными орудиями труда — ручным веретеном и *ормеком*. Постепенно бывшие кочевники переняли у оседлых земледельческих народов выработанную ими технику прядения и хлопкоткачества и усвоили навыки обращения с новыми для них, более совершенными орудиями — ножным станком и самопрялкой *чарх*. Этот процесс постепенного перехода от архаической техники, связанной с производством шерстяных тканей, к более прогрессивной технике хлопкоткачества четко прослеживается на этнографических материалах конца XIX — начала XX в. А. Д. Гребенкин констатировал у полукочевых узбеков-минг в конце XIX в. одновременное применение в прядении бумажных ниток как ручного веретена, так и «колеса» (*чарх*)⁵⁴. По нашим материалам, киргизы северных районов Ошской обл. (Джанги-Джол и Алабука), не имевшие в начале нашего века своего хлопководства, привозили готовую пряжу от узбеков Ферганы и ткали сами на примитивном старинном *ормеке*. Каракалпаки также нередко покупной хлопок пряли на веретене *уришк* и ткали ткань на *ормеке*. Узбеки-кырк, продавая свой хлопок-сырец, предпочитали покупать у оседлых узбеков Джизака готовую пряжу и ткали ее на *ормеке*.

Применение в хлопкоткачестве полукочевых народов архаичных орудий труда, характерных для производства шерстяных тканей у скотоводов-кочевников, свидетельствует о низком уровне освоения ими техники хлопкоткачества, свойственной оседлым земледельцам, т. е. об их недавней оседлости, что мы наблюдали у ранних полукочевых узбеков Джизакской обл., и, наоборот, производство хлопчатобумажных тканей на ножном станке можно считать отличительным признаком у них значительного оседания, как и у поздних узбеков-кырк и найман⁵⁵. Отметим также, что на первоначальной стадии заимствования на ножном станке по традиции работали только женщины, и лишь постепенно, по мере того, как ткачество принимало характер ремесла, им начинали заниматься и мужчины. Это подтверждается на примере полукочевых узбеков-минг, а также узбеков-кунгратов Северного Хорезма. Процессы предварительной обработки и прядения хлопковой пряжи на *чархе* всегда оставались чисто женским занятием, не выходящим за рамки домашних промыслов. Горизонтальный ткацкий станок с подножками, как и самопрялка *чарх*, заимствованные оседающими кочевниками, хорошо известны по литературе, посвященной ткацкому ремеслу у оседлого сартовского населения Средней Азии. Отметим только, что ножной станок был однотипен на всей территории региона, несмотря на некоторые локальные различия в устройстве и терминологии некоторых деталей. Так, сам станок для производства как хлопчатобумажных, так и шелковых тканей на юге Туркмении, в прикопетдагской полосе, назывался *тара*. Этот же термин бытовал у туркмен-карадашлы и емрели в Хорезме, куда они были переселены с юга. Одновременно у их соседей, туркмен-иомутов и чоудоров, ткацкий станок

с подножками и углублениями для ног назывался *козак*, — так же, как у соседних с ними каракалпаков, у которых он зачастую покупался и которые, в свою очередь, заимствовали его у хивинских узбеков. У туркмен долины Средней Амударьи, живущих в тесном контакте и испытывающих длительное культурное влияние узбеков, аналогичный ткацкий станок назывался узбекским термином *дукон*. Характерно, что у эрсари и других групп туркмен на Средней Амударье в ткацком станке имеются педали для ног (*аяк басар*), регулирующие поднятие нитей основы, в то время как у других туркмен их функцию выполняют веревочные петли (*узени*). У полукочевых узбеков, расселенных на границах Чача, Бухары и Ферганского оазиса, а также в самом Среднеазиатском междуречье, чересполосно и в непосредственном контакте с оседлым узбекским и таджикским населением, так же, как и у киргизов, испытывавших культурное влияние узбеков Ферганы, ножной станок для производства хлопчатобумажных тканей повсеместно назывался узбекским термином *дукон*. Терминология различных деталей ткацкого станка также отражает этнокультурные влияния, которые испытывали на себе оседающие кочевники со стороны узбеков и таджиков, носителей оседло-земледельческой культуры.

Все хлопчатобумажные ткани домашнего производства независимо от типа станка, на котором они были вытканы, были простого полотняного переплетения и различались лишь качеством пряжи, спряденной на ручном веретене или на *чархе*, шириной точи, зависящей от ширины навоя станка — на узконавойном *ормеке* она не превышала 24—28 см, а на *дуконе* — достигала 35—40 до 60 см техникой самого тканья и, наконец, расцветкой и применением в одежде. Здесь мы имеем такое множество вариантов, что описать их в рамках статьи не представляется возможным. Отметим только, что самым несложным было производство ткани из некрашеной пряжи, и процесс изготовления тканей для одежды усложнялся окрашиванием готовой ткани или только пряжи, дальнейшим приготовлением навоя из цветных ниток и применением цветного утка. Окраской обычно занимались сами женщины, используя покупные красители, такие, как индиго, нил, а чаще местные, растительного происхождения, полученные из коры грецких орехов и жженого проса (черно-бурый цвет), листьев тутовника и растения *ак маш* (желто-оранжевый), коры лоха *жиде* (желтый цвет), растения солянки — *томарбою* и *сарычон* (красный цвет) и др. Там, где было возможно, предпочитали покупать готовую окрашенную пряжу или отдавать свою пряжу в окраску специалистам-красильщикам в городах. Так же поступали в отношении окончательной декатировки тканей: отвозили в города специалистам-лощильщикам⁵⁶.

Наиболее простым по производству видом ткани была бязь — грубый белый холст из некрашеной одинарной хлопчатобумажной пряжи *ак-мата*, *биз* (туркм.), *боз* (узб.), *нока* (араб.), *годд* (белудж.), *карбяз* (перс.). Качество бязи зависело как от толщины по-разному спряденных ниток, так и от техники самого тканья, от типа ткацкого станка — ручного *ормека* или ножного станка. В Северном Хорезме высоко котирировалась бязь туркмен-емрели, выделявшихся среди хорезмских туркмен своими оседлыми земледельческими традициями. Вытканная на *козаке* с подножками, емрелинская бязь ценилась на местном рынке даже выше узбекской бла-

годаря ширине (60 см) и плотности, достигаемой ручным прибавлением утка тяжелым саблевидным *дессиком*, употребляемым обычно при тканье шерсти на *ормеке*. Бязь других туркменских племен Хорезма, недавних кочевников, сотканная на первых этапах освоения ими хлопководства на узконовойном *ормеке* из грубой пряжи веретенной крутки, за свою добротность также ценилась населением, но обычно она вырабатывалась в небольших количествах, не на продажу, а для удовлетворения собственных нужд и по трудоемкости обходилась дороже покупной узбекской бязи городских ремесленников-ткачей. Некрашенная бязь кремоватого оттенка — естественного цвета волокна местных сортов хлопчатника — употреблялась в основном на нательную мужскую одежду — штаны и рубахи, особенно одежду стариков, и саван. У туркмен, каракалпаков и белуджей белая одежда из некрашеной бязи была повседневной рабочей одеждой мужчин. На нательную одежду шла также крашенная бязь. Готовая ткань, выкрашенная в красный цвет различных оттенков, использовалась для шитья женских платьев, штанов и головных уборов, одежды девочек, а также на рубахи, кушаки и чалмы для молодых парней и женихов⁵⁷. Бязь, выкрашенная в синий цвет, в основном употреблялась на мужские рубахи и штаны, на одежду мальчиков, иногда на мужскую чалму (у туркмен-сарыков и эрсари). В конце XIX в. у каракалпачек бытовали платья из синей бязи с вышивкой крестом⁵⁸. Бязь коричнево-бурой расцветки шла на одежду пожилых женщин — туркменок и каракалпачек. А выкрашенная в черный цвет, бязь употреблялась на одежду старых женщин у белуджей⁵⁹, а также повсеместно на траурную одежду. Кроме того, для нательной одежды и легких длинных халатов из хлопка ткали белую, типа бязи, материю, орнаментированную узкой — в одну-две нити — полоской в основе или в основе и утке, что давало рисунок в клетку. Полукочевые узбеки и арабы признавали для мужской нательной одежды только полосатые ткани с белым утком: *джида*, *тохума* (узб.), *сокалиф нока* (араб.) для взрослых, с негустыми, скромных тонов (синяя, бежевая) полосками по белому фону, для молодых — с красными или розовыми полосками по белому фону, для мальчиков — такой же или еще более яркой расцветки⁶⁰. По нашим материалам, белая ткань в крупную клетку (*атна*), образуемую узкими красными полосками в основе и утке, употреблялась на тюрбаны пожилых каракалпачек и туркменок-карадашлы, а также на мужские и женские клетчатые кушаки у карадашлы. У киргизов и полукочевых узбеков клетчатая *катак* (узб.), *катак боз* (кирг.) шла на женские платья и шаровары пожилых женщин. Для нательной одежды женщин вырабатывались более дорогие и нарядные ткани из крашеной хлопчатобумажной пряжи. Из тонких красных ниток хивинские номути ткали специально для женских платьев одноцветную, с двумя светлыми полосками по кромке плотную ткань *алача* (туркм.). У емрели и карадашлы Хорезма такая же ткань темно-вишневого цвета (*гырмызы*) называлась *йуплюк кетени* (турк.). В зависимости от цвета утка — красного, белого или синего ткань приобретала разные оттенки, что использовалось при соблюдении возрастных отличий в одежде молодых, средних и пожилых женщин. У туркмен-текинцев Ахала *алача* была как гладкой, одноцветной, так и полосатой. А в долине Средней Амударьи *алачой* туркмены, как и соседние узбеки и таджики, называли ткань в полоску. В Хорезме особенно славилась

алача, вырабатываемая туркменками-карадашлы подразделения Казылар. Они изготовляли ткань из пряжи двух цветов: в основе и утке чередовались нити красного и синего цвета, что создавало выработку в мелкую клетку. С двух сторон по кромке шла желтая полоса. Туркменки-емрели ткали *алачу* из красных и белых ниток в основе и утке. Подобная по технике изготовления и окраске ткань для женской одежды на юге Туркмении называется *сейдлиш* (туркм.), а у каракалпаков ткань в мелкую синесиреневую клетку называлась *шатраш* (каракалп.).

Кроме употребления в женской нательной одежде, полосатая *алача* широко использовалась для верхней одежды — мужских и женских халатов (туркм.). У туркмен она так и называлась *донлык мата* (халатная ткань). Причем если грубая толстая *тохума* полукочевых узбеков, сотканная на *ормеке* из спряденной на ручном веретене пряжи, шла в основном на одинарные халаты без подкладки, более тонкая и плотная *алача* изготовлялась обычно на *дуконе* из более тонкой и качественной пряжи, спряденной на *чархе*, и предназначалась на дорогие нарядные халаты с подкладкой, как легкие, так и на ватной стежке. В отличие от *тохума*, *алача* ткали с цветным утком, что, помимо окраски основы, также учитывалось при соблюдении половых и возрастных различий в одежде. Наиболее яркие, насыщенные красным цветом ткани употреблялись в одежде молодых женщин, более сдержанные, приглушенные темным утком — в одежде мужчин и пожилых людей. У туркмен наиболее популярными из них были сорта: *серенди* для халатов молодых женщин, *зейтуни* — для молодых мужчин и *сары кирпик*, *чепбетов*, предназначавшиеся на халаты пожилых людей. Необходимо отметить, что полосатая многоцветная *алача* по своей технологии была самой трудоемкой из всех хлопчатобумажных тканей, и ее производство было освоено в исследуемый период только наиболее оседлыми из кочевых и полукочевых в прошлом народов Среднеазиатского региона. Кроме туркмен Хорезма, Средней Амударьи и Прикопетдагской полосы, *алача* в конце XIX — начале XX в. вырабатывалась каракалпаками — *алаша* (каракалпак.) и южными киргизами — *аляк* (кирг.). Причем каракалпакская *алаша* темно-лилового или коричневатомалинового цвета в узкую полоску, также, как и туркменская бумажная *донлык мата*, подвергалась еще специальной декатировке — крахмалилась и ложила до глянца, для чего отвозилась городским специалистам — *мореши*.

У киргизов Ошской обл. большой популярностью пользовалась светлая хлопчатобумажная ткань в узкую белую и бежевого цвета полоску, которая шла на чалмы, легкие одинарные халаты набожных стариков и молитвенные коврики. Для верхних халатов употреблялась более грубая домотканина, изготовленная из двойной бумажной нити рыжеватого цвета (*мелле*). Из крашеной пряжи южные киргизы ткали полосатую *аляк* в сине-зеленую и коричневую (разных оттенков) полоску, с обязательным темным утком. Из нее шили верхние мужские халаты.

Полукочевые узбеки среднеазиатского междуречья остановились в основном на производстве белой *тохума*, а трудоемкую красочную *алачу* покупали у оседлого сартовского населения.

Производство цветной *алачи* в синюю, красную и белую полоску и более грубой и менее насыщенной цветом, с белым утком — *калами* (узб.),

а также некрашеной *буз* (узб.) отмечено К. Шаниязовым у полукочевых в прошлом узбеков карлуков Самаркандской обл. и кипчаков Зерафшана. Причем у кипчаков ткачеством хлопчатобумажной материи занимались в начале XX в. лишь отдельные хозяйства, которые одновременно с другими культурами сеяли хлопок. У узбеков-карлуков издавна сеяли хлопок в Пахтакорском и Галяаскийском районах Самаркандской обл. Полученное волокно пряли на прялке *чарх* и ткали на *дуконе* с подножками. Некоторые хозяйства специализировались на производстве пряжи и предпочитали продавать ее или обменивать на готовую алачу и калами⁶¹.

Шелковые ткани. Если освоение кочевыми и полукочевыми в прошлом народами хлопкоткачества свидетельствует о значительной степени их оседания, то появление у них шелководства и шелкоткачества требовало еще более прочной и длительной оседлости, ибо опыт выращивания тутовых деревьев и разведения шелкопряда, освоения техники обработки и ткачества шелка, поколенная передача этих производственных традиций были неразрывно связаны с длительным и непрерывным пребыванием населения на одном месте. Таким образом, наличие у бывших кочевников шелкоткачества может рассматриваться как явление, характеризующее высшую степень их оседлости.

Происхождение шелководства и шелкоткачества в Средней Азии уходит в глубокую древность. Установлено, что искусство разведения шелковичного червя было заимствовано из Хотана не ранее V в. н. э. Однако еще до начала VI в., до арабского завоевания оно распространилось не только в Согде и Фергане, но и в Мервском оазисе и Гургане, у юго-восточного побережья Каспийского моря⁶². На протяжении истории Средней Азии, полной разорительных завоевательных войн и вынужденных массовых переселений племен, производство шелка и шелковых тканей неоднократно подвергалось уничтожению. Однако культурная традиция сохранялась и дошла до наших дней в местах, соответствующих очагам древнего земледелия в Средней Азии: в Самарканде, Бухаре, Ходженте, на юге Туркмении, по среднему течению Амударьи и в Хорезме. Из интересующих нас кочевых и полукочевых народов лишь немногие в конце XIX — начале XX в. были знакомы с производством шелковых тканей. У туркмен Северного Хорезма шелкоткачеством занимались наиболее оседлые иомуты, хотя культура шелкопряда была известна издавна на более обширной территории, о чем свидетельствуют, в частности, корни тутовника, сохранившиеся до наших дней и обнаруженные археологами в местах покинутых туркменских поселений Уаза. По рассказам очевидцев, в 1900-х годах почти в каждом хозяйстве хорезмских туркмен-иомутов на Кушбеги-ябе и Хан-ябе были насаждения тутовника, женщины разводили шелкопряда и занимались размоткой коконов. Однако шелкоткачество освоили лишь немногие. Обычно в больших иомутских селениях на этом специализировались две—три женщины. Как и хлопчатобумажные ткани, шелк ткали на *козаке* с ножными петлями (*узен-ни*), техникой полотняного переплетения. Большой популярностью пользовался темно-малиновый с двумя желтыми полосками по кромке шелк *кетени* (туркм.), употреблявшийся на женские платья, отделку женских штанов и детские рубахи. Красный в узкую желтую с черным полоску шелк *алатоо* (туркм.) шел также на женские нарядные халаты, покрытие

женских шуб и *парауз* — широкую полосу, которой отделявали по́лы, ворот и обшлага мужских шуб, халатов и овчинных тулупов. В основном производство шелковых тканей у иомутов Куна-Ургенча удовлетворяло лишь нужды хозяйства, которое им занималось. Но иногда, по сведениям Г. П. Васильевой, шелк вырабатывался на заказ или на продажу, и целые семьи специализировались на шелкоткачестве: женщины изготавливали ткани, а кто-нибудь из старших мужчин сбывал готовую продукцию на базаре или непосредственно в туркменских аулах. Выделкой шелковых тканей на рынок начали заниматься в засушливые годы и хорезмские туркмены-агары, однако, как только появлялась возможность обеспечить водой посевы, земледелие снова становилось их главным занятием. Наиболее развитой и устойчивой традицией шелкоткачества среди северных туркмен обладали емрели и карадашлы — носители древней оседлоземледельческой культуры юга Туркмении. Они в значительной степени удовлетворяли потребность в шелковых тканях наиболее удаленной от освоенных орошаемых земель Хорезма скотоводческой периферии. Из их продукции особенно славилась густо-вишневая, с одноцветными основой и утком шелковая *дераи* (туркм.) с двумя светлыми полосами по кромке, которая шла на самые дорогие и нарядные женские платья. *Дараи* без полос по кромке употреблялась у карадашлы на женские халаты-накидки *башон* (туркм.) и головные платки *гыйнач*. Популяры были также емрелинские тончайшие (в одну шелковую нить в основе и утке) одноцветные красные шарфы *мадали* и редкие, из шелка-сырца *кесары* (туркм.) — малинового и розового цветов. Те и другие использовались женщинами для головных уборов, а молодые мужчины употребляли их в качестве кушаков⁶³. У каракалпаков шелководство появилось сравнительно поздно в районах с наиболее развитым оседлым земледелием. Но, освоив под влиянием соседнего узбекского населения самопрялку *чарх* и ткацкий станок с подножками *козак*, они постепенно научились и шелкоткачеству. В основном каракалпаки вырабатывали шелковую ткань *жипек* (каракалп.): малинового цвета в узкую белую полосу — для женских головных халатов-накидок *кызыл жегде*, а также для мужских и женских выходных халатов. Для окончательной отделки готовую ткань возили в город, где в специальных лошильных-мастерских ее ложили. Однако своего шелка было мало и в большинстве случаев предпочитали покупать коконы шелкопряда или готовую шелковую продукцию у городских узбеков.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о шелкоткачестве у полукочевых узбеков, что свидетельствует, видимо, не столько о неизученности вопроса, сколько о низкой степени оседлости этой группы племен в конце XIX — начале XX в. В монографии А. Д. Гребенкина мы не находим об этом никаких данных. К. Шаниязов, обстоятельно исследовавший быт и историю кипчаков и карлуков, также умалчивает о развитии у них шелкоткачества в интересующий нас период. По нашим полевым материалам, полукочевые узбеки Джизакской и Сырдарьинской областей в начале XX в. кое-где начинали осваивать шелководство, но шелкоткачеством не занимались. Так, узбеки-канлы кишлака Пшагар Зааминского р-на Джизакской обл., по сведениям информаторов, имели насаждения тутовника, занимались выращиванием шелкопряда и размот-

кой коконов, но ткачества шелков не знали. Узбеки-кырк этого же кишлака также имели свой шелк, но в небольшом количестве, и использовали нитки для плетения и вышивки отделочной тесьмы *чалма* (узб.), плетения накосников *чач-бау* (узб.) и изготовления кисточек *пулак* для украшения одежды. Выработкой тканей из шелка они не занимались. Остальные обследованные нами полукочевые в прошлом узбеки шелководством не занимались, хотя некоторые из них — узбеки-мугал и барлас, относящиеся к ранним тюркским племенам в составе полукочевых узбеков, населяли такие места в ущельях Бахмальских гор, где были древние насаждения тутовника, и жители употребляли в пищу его ягоды. Этот факт свидетельствует об отсутствии у них традиции шелководства.

Совершенно не знакомо было производство шелковых тканей киргизам, арабам и белуджам Средней Азии, у которых, несмотря на начавшийся процесс перехода к оседлости, в конце XIX — начале XX в. сохранились еще очень сильные пережитки кочевого скотоводческого быта.

Ткани из кендыря. Говоря о тканях собственного изготовления в хозяйстве кочевников, остановимся на еще одном виде тканей, в прошлом применявшемся в одежде народов Средней Азии, ныне совершенно забытом, — *торка*. Эта ткань вырабатывалась из волокна дикорастущего прядильного растения кендырь (*Aprosnum sibiricum*). Один из видов его — кызыл-кендырь — издавна использовался как сырье для ткачества каракалпаками, живущими по берегам рек и озер и сочетавшими в своем комплексном хозяйстве земледелие и скотоводство с рыболовством. Первые упоминания о *торка* содержатся в записках А. М. Никольского «О рыболовстве в водах Аральского бассейна», а также у И. И. Гейера, отмечавшего, что волокно кендыря, «будучи обработано, дает чудную ткань, по красоте и блеску мало чем уступающую шелку»⁶⁴. Из нее, по предположению Т. А. Жданко, в прошлом изготавливались старинные каракалпакские платья *кок койлек*, вышитые крестом⁶⁵. Именно Т. А. Жданко привлекла внимание этнографов к этой своеобразной ткани. Новые данные о *торка* были получены нами от информаторов каракалпаков в 1976 г. По их воспоминаниям нам удалось восстановить технологию изготовления *торка*: ручную обработку коры кызыл-кендыря мужчинами, запаривание ее и трепание волокна. Полученное таким образом тонкое, как волос, серебристое волокно женщины взбивали палочками так же, как шерсть. Пряли с помощью обычного веретена *уршик* или самопрялки *шарык*. Предпочиталась веретенная пряжа, так как она получалась более тонкой и прочной, туго скрученной. Обычно употреблялась пряжа естественного светло-серебристого цвета. Ткали *торка* на *ормеке*, так как волокно кендыря отличалось упругостью и уток необходимо было сильно прибавать *клычем*. Ткань получалась исключительно прочная и красивая. Причем от воды она становилась еще более плотной и водонепроницаемой⁶⁶. Самая тонкая пряжа использовалась для материала на женские платья. Более грубая ткань употреблялась на мужские рубахи и штаны. Самая толстая и прочная, сотканная в несколько нитей ткань шла на изготовление знаменитых мужских халатов *торка тон*. О прочности *торка тон* сложили легенды. Естественно, что такой трудоемкий и дорогостоящий материал, как *торка*, не был доступен каждому. Однако в прошлом он бытовал у каракалпаков достаточно широко. Причем в отличие от таких

сравнительно поздно освоенных видов ткачества, как хлопок и шелк, производство ткани *торка* из волокна дикорастущего кендыря — традиция, восходящая к глубокой древности.

К сожалению, мы не располагаем пока этнографическими материалами о существовании *торка* у других народов Средней Азии. Однако, по лингвистическим данным, эта ткань была знакома в Средней Азии не одним каракалпакам. В современных словарях тюркских народов *торка* переводится как «сорт драгоценной шелковой или шерстяной ткани»⁶⁷. Во всяком случае наличие термина *торка* во многих тюркских языках свидетельствует о древности происхождения и широком распространении в прошлом в тюркском мире как самого термина, так и его носителя — ткани, выработанной из волокон дикорастущих растений, в том числе и из кендыря. Об особых сортах холста, вывозимых в согдийские колонии VI—VIII вв., возможно, также из волокна растительного происхождения, сообщают китайские источники. Льянную ткань *синизи* называет также Ал Мухаддаси в числе разнообразных тканей, вывозимых из Самарканда тюркам⁶⁸. Наличие в конце прошлого века дикорастущей и сеяной конопли отмечает К. Л. Задыхина у кунгратов дельты Амударьи⁶⁹. Традиция производства тканей из растительного волокна косвенно свидетельствует о древних этнокультурных и этногенетических связях народов Средней Азии, в частности Приаралья, с угорскими народами Урала и Поволжья и древним тюркским миром Южной Сибири. Как отмечает Т. А. Жданко, обские угры, а также башкиры и некоторые народы Поволжья сохраняли древнюю хозяйственно-культурную традицию выработки прядельного волокна из дикорастущих растений (конопля, крапива)⁷⁰. Аналогии каракалпакскому кендырному холсту прослеживаются и в древнескифском мире Алтая: по материалам С. И. Руденко, ткань из растительного волокна кендыря обнаружена во 2-м Пазырыкском кургане (V—IV вв. до н. э.)⁷¹. По этнографическим материалам Л. П. Потапова, одежду из холщовой ткани собственного изготовления имели северные алтайцы: шорцы, кумандинцы и челканцы⁷². А. Анохин в начале нашего века отмечал ткачество «из крученых ниток льна» у телеутов (белых калмыков)⁷³.

Подытоживая вышесказанное в отношении тканей домашнего производства в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии, отметим, что в конце XIX — начале XX в. они освоили обработку и ткачество всех имеющихся в их распоряжении видов сырья: от шерсти — основного продукта их скотоводческого хозяйства и волокна дикорастущих растений до трудоемкой и технически более сложной, свойственной развитым оседлым земледельцам культуры хлопчатника, вплотную подойдя и, как мы могли проследить на примере наиболее оседлых каракалпаков и отдельных туркменских племен, уже начав освоение шелкоткачества. Однако как в этот исторический период, так и особенно на более ранних этапах их перехода к оседлости, кочевые и полукочевые народы региона всегда испытывали значительный дефицит в тканях для одежды, который покрывался за счет их постоянных торгово-экономических связей с соседними земледельческими и другими, более удаленными цивилизованными народами. Общеизвестна извечно существующая взаимодополняемость, «экономический симбиоз», по словам В. В. Бар-

тольда, двух типов хозяйства — оседлоземледельческого и кочевого скотоводческого, хозяйственная специализация которых способствовала устойчивости в каждом из них хозяйственно-бытового уклада и традиций. Степняки-кочевники не могли существовать изолированно от земледельческого населения оазисов, между ними издревле установилась тесная хозяйственная связь: регулярная торговля и обмен продуктов скотоводства на хлеб и ремесленные изделия.

Покупные ткани. Привозные ткани вошли в обиход кочевников еще в древности. Уже гунны получали одежду из китайских шелковых и бумажных тканей в качестве подарков, военной добычи и в обмен на продукты хозяйства. В Кенкольском могильнике (I в. н. э.) были найдены мужские и женские рубахи из шелка. Археологические раскопки тюркского периода свидетельствуют о распространении на территории Средней Азии еще в те времена шелковых тканей импортного происхождения.

Афригидские памятники Хорезма дают текстиль, содержащий иноземные камчатные ткани. Фрагменты пурпурных шелковых тканей были обнаружены в курганных захоронениях Джетыасар на Сырдарье. Через всю Среднюю Азию проходил знаменитый шелковый путь; караваны везли товар, останавливаясь на местных базарах и в караван-сараях и ведя торговлю с кочевым населением степей. Древние китайские и сасанидские шелка, знаменитый мервский *мулхам* и согдийские ткани, шерстяные ткани из Термеза и Чаганиана, бухарские *занденчи*, самаркандская серебристая *симгун* и красная *мумарджал* средневековых авторов — все эти реки текстиля протекали по караванным тропам, осаждаясь и впитываясь по пути в степях и пустынях Средней Азии⁷⁴. О древности бытования на этой территории шелковых и златотканых материй свидетельствует «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, содержащий множество терминов тканей, ныне совершенно забытых и сохранившихся лишь в эпосе. *Беренжиы, бута, буулум, темгей* — означают сорта дорогих материй и одежду из них. *Курсоко* (или *куреоке тон*) — означает халат из златотканой шелковой материи; *кэжим* — парча, дорогая златотканая материя⁷⁵. В конце XIX—XX в. импортные ткани продолжали поступать в Среднюю Азию и попадали в одежду кочевого и полукочевого населения. Как свидетельствуют литературные и этнографические материалы, большое место в импорте во второй половине XIX в. занимали ткани восточного происхождения, особенно кашгарские. Ч. Валиханов подробно описывает их в своем «Отчете о городах Восточного Туркестана на 1858—1859 гг.»⁷⁶. По свидетельству Ч. Валиханова, а также судя по зарисовкам его современника художника П. М. Кошарова (1857 г.) и фотографиям М. Дудина (1901—1902 гг.), большой популярностью у северных киргизов и кочевых узбеков пограничных со Среднеазиатским междуречьем степей пользовалась кашгарская белая бумажная бязь *даба*, являвшаяся главным отпускным товаром шести городов. О том, что кашгарская бязь пользуется у кочевников особым предпочтением по своей прочности и доброте, писал Ч. Валиханов. Из перечисленных им сортов белой бязи в памяти информаторов в конце XIX — начале XX в. сохранилось три: *кок джиек* (или *кок куйрук*), *шан мата* и *шиша*, идущие на мужскую и женскую нательную одежду. Среди хлопчатобумажной продукции Алтышара Ч. Валиханов называет также *китайку* — крашеную бязь и кашгар-

ский бумажный холст *чакмен* — серого, коричневого и темно-синего цветов, идущий на шитье верхних халатов. Большое значение в одежде кочевого населения северо-восточных районов Средней Азии в этот период имели готовые кашгарские халаты из бумажной материи в темно-синюю полоску, называемой *тимпа*, а также из ткани *баранг*, — по характеристике К. К. Юдахина, плотной одноцветной кустарной хлопчатобумажной ткани: «*Баранданг кылган, кок чепкен*» («Из баранга сшитый синий чепкен»), «*Кашгардын баранг чепкен*» («кашгарский чепкен из баранга»). Среди кашгарских тканей, вывозимых на продажу в кочевую степь, отмечалась также набойка *саргяз*, с простеньким узором в виде арабесок по белому фону, использовавшаяся как подкладочный материал. Набойка с белым узором по синему фону шла на белье и халаты. Значительную роль в экспорте Кашгара играли шелковые и полушелковые ткани, среди которых Ч. Валиханов отмечал «полосатую, вроде парчи», грубую полушелковую материю *машра*, производившуюся в Хотане, и шелковую *дэраи*. Из шелковых тканей восточного происхождения, популярных среди кочевого населения степей, можно назвать также *тувар* (*тубар*), которая по словарю К. К. Юдахина и устному свидетельству Б. Х. Кармышевой, представляла собой сорт одноцветного китайского шелка, гладкую одноцветную *барангсоз*, привозимую из Турфана, *чооженчу* — чесучу. По этнографическим наблюдениям и сообщению Н. Люкошина, «шелковые материи носят исключительно женщины, а полушелковые служат также и для шитья мужских халатов»⁷⁷. Наконец, повсеместно в Средней Азии была распространена шелковая парча *кымкан* (*кимхаб*, *кимхо*) красноватых, розовых и сиреневых тонов, с крупным златотканым узором, *зарбаб* (*зарбарак*), почти полностью затканная мелким золотым узором, и одноцветная парчовая, напоминающая русский глазет, ткань. Дорогие златотканые материи *тас* обычно использовались в обрядовой одежде: из них шили свадебные халаты богачей, свадебный женский головной убор *шоколо* (кирг.), их предназначали на ритуальное покрывало для покойника. Происхождение *кымка* связывают с Китаем, однако большинство сохранившейся до наших дней одежды, сшитой из парчи, явно не китайского, а скорее переднеазиатского и даже русского и западноевропейского происхождения⁷⁸. Во второй половине XIX в. кашгарские ткани доминировали среди привозных тканей у населения северо-восточных районов Средней Азии — на севере Киргизии и в пограничных с Мавераннахром степях. В южных областях среднеазиатского региона и во внутренних степях самого Междуречья, так же, как и на севере и в северо-западных областях, где кочевое и полукочевое население находилось в тесном контакте с узбекско-таджикским оседлым населением, господствовала текстильная продукция городских ремесленников-ткачей. Кокандская конкуренция, оттеснявшая кашгарцев, отмечается в конце XIX в.⁷⁹ и на севере Киргизии. Южная же Киргизия в этот период, по материалам Б. Л. Тагеева (1897 г.), Б. Л. Громбчевского (1898—1899 гг.) и С. М. Дудина (1901—1902 гг.) буквально заполонена узбекско-таджикскими тканями⁸⁰.

Прежде всего у киргизов и полукочевых узбеков большой популярностью пользовались узбекские пестрые и яркие шелковые и полушелковые ткани: *адрас-башаи*, *бекасам-шаи* (*канаус*), *дараи*, *гульбара*. Полу-

шелковые полосатый *бекасам* и пестрый с абровым узором *адрас* употреблялись в основном на верхнюю одежду; более скромных расцветок, приглушенный темным утком *бекасам* шел под мужские халаты, а яркий *адрас* — на женские халаты и платья; однотонная плотная шелковая бязь *дараи* и яркие *абровые шаи* — на женские платья и отделку штанов; тонкая легкая *гульбара*, обычно с абровым узором, употреблялась на женские головные уборы. Из бумажных тканей производства городских тканей наибольшим спросом пользовались полосатые *алача* и *калами*, шедшие в основном на мужскую одежду: первая — плотная и тонкая, из высококачественной окрашенной пряжи, вторая — более грубая, из толстой пряжи, в цветную полоску по белому фону и с белым утком. «Среднеазиатские бумажные товары, — отмечал Ч. Валиханов, — хотя крайне грубы, но прочны и поэтому нравятся киргизам, не требующим ни ярких красок, ни ярких узоров, а одной лишь прочности»⁸¹. Простая хлопчатобумажная бязь среднеазиатского производства не выдерживала конкуренции дешевой кашгарской *дабы* там, где она была доступна. В качестве подкладочного материала кочевое население использовало узбекскую набойку с мелким узором по розовато-белому фону. Большим спросом пользовались узбекские поясные платки и мужские тюбетейки *чусты* кокандской работы⁸². На юге Киргизии предпочитали текстильную продукцию Ферганы и Коканда, в то время как полукочевые узбеки южных областей Узбекистана снабжались в основном тканями Ходжента и Бухары, а полукочевое население пограничных с оазисами северо-восточных районов Средней Азии и внутренних степей Среднеазиатского междуречья получало в основном ремесленную продукцию Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе. Туркмены среднего и нижнего течения Амударьи наряду с бухарскими и ходжентскими тканями пользовались текстильной продукцией, поступавшей к ним как от узбеков Хорезма, так и от их сородичей из Южной Туркмении. В Хорезме, как у полукочевых туркмен, так и у каракалпаков и полукочевых узбеков-кунгратов и кипчаков господствовали узбекские сартовские ткани местных ремесленных центров: Хивы, Куня-Ургенча, Кунграта, Ходжейли. Большой популярностью пользовались мужские халаты *хывадон* из лошенной хлопчатобумажной *алачи* в узкую сине-зеленую и сине-красную полоску, а также шелковая темно-красная *дераи*, идущая на женскую одежду, и легкие красные и розовые шелковые шарфы *тирме*, употреблявшиеся на женские головные уборы и кушаки для молодых мужчин⁸³. В то же время в одежде полукочевых хивинских узбеков и каракалпаков широко бытовали бухарские и ходжентские шелковые абровые ткани — *шаи* и *адрас*, использовавшиеся в основном в женской одежде: для дорогих нарядных платьев и халатов, отделки женских шуб и каракалпакских *кимешек*. В одежде туркмен было популярно привозное из южных прикопетдагских районов Туркмении *гырмызы* — шелковое полотно темно-вишневого цвета, с желтыми полосками по кромке, употреблявшееся на женские платья, *гырмызы донлык* — темно-вишневая в узкую черную и белую полоску шелковая ткань, шедшая на мужские и женские халаты, полушелковые полосатые *зейтун* и *чепбетов* — также для халатов — и тончайшие, чисто шелковые шарфы — малиновые *мадали*.

С юга, через персидскую и афганскую границы на территорию Сред-

ней Азии проникали иностранные текстильные товары. Из Ирана туркмены-иомуты и хивинские купцы привозили персидскую набойку темного-оливкового цвета с рыжеватыми *бодомами* и кисею *дока ференги*. Из Ирана же на юг Туркмении проникали английский ситец *мумичит*, употреблявшийся на мужские и женские рубахи, а также ситецвые набивные платки *айли яглык* с растительным орнаментом по красному полю. Из Индии транзитом через Афганистан в Коканд и Бухару привозились английские набивные ситцы и сукно. В XVIII в. Россия также выступала посредником в торговле тканями западноевропейских государств со среднеазиатскими ханствами: через пограничные янцкие крепости в Хиву перевозили заграничный ситец *фаранги чит* и цветные шелковые платки *гулнар румал*. Но уже с начала XIX в. с развитием своей текстильной промышленности Россия сама начинает экспортировать ткани в Среднюю Азию и пытается вытеснить иностранцев со среднеазиатских рынков. В 1894 г. в целях создания более благоприятных условий для торговли русским текстилем правительство России приняло меры для сокращения доступа на среднеазиатские рынки товаров англо-индийской промышленности и изделий других соседних стран. Заинтересованные в новых рынках сбыта, русские купцы и фабриканты старались учитывать спрос кочевого населения на определенные виды текстильных изделий, фактуру и расцветку тканей и в конце XIX в., особенно после присоединения Средней Азии к России, стали усиленно осваивать среднеазиатский рынок.

Среди русских товаров, отправлявшихся степнякам-кочевникам, отличались сукна низших сортов, драдедам и ситцы, нанки, коленкор, миткаль. Широкой популярностью пользовались русские пунсовые платки *айдынлы*. В большом количестве раскупалась русская кисея (*затка*), употреблявшаяся на мужские и женские чалмы и саван. Миткаль и набивные ситцы шли на нательную одежду и подкладку халатов. Из дорогих шерстяных и шелковых тканей шили верхнюю одежду. Из темного одноцветного сукна *нооту*, *манат* (кирг.), *ушыга* (каракалп.), *маут* (узб.) шили мужские и женские халаты, шубы, верхние мужские штаны. Популярной у полукощевого населения была дешевая красная бумазая *кызыл манат*, *урус манат*, часто заменявшая сукно и шедшая на отделку головных уборов — девичьих головных уборов-*тебетей* (кирг.) и каракалпакских *кимешек*ов, а также киргизской набедерной одежды *бельдемчи*. Темный русский драп шел на изготовление мужских верхних халатов и штанов. Большой популярностью пользовались однотонный бархат *мак-мал* (узб.), *баркут* (кирг.) и рубчатый вельвет *чий баркут* (кирг.). В старину особенно ценился плотный черный манчестер *тас баркут* (лысый бархат). Для народной праздничной и ритуальной одежды покупали дорогую парчу с крупным gobelennым рисунком, сделанную с учетом вкусов среднеазиатского покупателя.

¹ В статье не затрагиваются казахи пограничных с Казахстаном районов Средней Азии. Об их одежде и тканях см.: *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда. XIX—начало XX в. Алма-Ата, 1964.

² Автор статьи опубликовала свои исследования по тканям киргизов, туркмен и каракалпачков. См.: *Смешко (Томина) Т. Н.* Ткани в одежде киргизов (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Костюм народов Средней Азии*. М., 1979;

- Она же. Ткани домашнего производства в одежде туркмен северо-западного Хорезма в конце XIX — начале XX в. // Новое в этнографических и антропологических исследованиях Института этнографии в 1972 г. М., 1974. Ч. 1; Она же. Ткани в одежде южных туркмен конца XIX — начала XX в. // ПИИЭ. 1974 г. М., 1975; Она же. Ткани в одежде каракалпаков в конце XIX — начале XX в. // Этнография каракалпаков. XIX — начало XX в.: (Материалы и исследования). Ташкент, 1980.
- ³ Валиханов Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль // Избр. произв. Алма-Ата, 1958; Он же. Отчет о состоянии Алтышара или шести городов Восточного Туркестана в 1858—1859 гг. // ЗРГО по отдаленной этнографии. 1904. Т. XXIX.
- ⁴ См.: Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. М., 1822. Ч. I—II; Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868; Бодэ К. О туркменских поколениях Ямудах и Гоклепах (Писано в 1842 г.) // ЗРГО. 1847. Кн. II; Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения (Земли сарыков и салоров) // Изв. РГО. 1885. XXI; Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1867; Огородников П. П. Тревожные места // Дело. 1876. № 7.
- ⁵ См.: Поездка из Орск в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравыным // Геогр. изв. РГО. СПб., 1850; Григорьев В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости // ЗРГО. 1861. Кн. 2. Иваниц М. И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873; Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства // ЗРГО. 1851. Кн. 5; Муравьев Н. Н. Путешествие...; Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. // ЗРГО. 1881. Т. IX.
- ⁶ См.: Борнс А. Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компании А. Борнса. М., 1848. Ч. II.; Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1873; Гребенкин А. Д. Узбеки // Русский Туркестан: (Сборник, изданный по поводу политехнической выставки). М., 1872. Вып. 2; Хороших А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. I.
- ⁷ О тканях русского производства и торговле России со Средней Азией см.: Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856; Тетеревиных А. Н. Очерк внутренней торговли киргизской степи. СПб., 1867; Костенко Л. Ф. Туркестанский край: (Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа). СПб., 1880. Т. III.
- ⁸ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. I; М., 1963. Т. II.
- ⁹ См.: Абрамзон С. М. Очерки культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946; Он же. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова // Сб. МАЭ. 1958. XIV; Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962; Бурковский А. Д. Техника современных домашних промыслов и ремесел в киргизских колхозах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1951; Махова Е. И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. 1959. Т. VI; Она же. Одежда // Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. М., 1958; Шибалева Ю. А. Материалы по одежде мургабских киргизов // КСИЭ. 1956. Вып. XXV.
- ¹⁰ Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; Морозова А. С. Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX в. // СЭС. 1971. III; Овезов Д. М. Племя Мурчали // Труды ЮТАКЕ. 1959. Т. IX; Пиркулиева А. Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Аму-Дарьи во второй половине XIX — начале XX в. Ашхабад, 1973; Язлыев Ч. Туркменская домотканая материя «агар» // Памятники Туркменистана. 1973. № 1.
- ¹¹ Жданко Т. А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. IV.
- ¹² Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. 1954. Т. XXVIII; Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966; Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964; Он же. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.
- ¹³ Шаниязов К. Ш., Исмаилов Х. И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1981.
- ¹⁴ Исмаилов Х. И. Традиционная одежда

- аравов Кашкадарьинской области УзССР // Костюм народов Средней Азии. М., 1979; *Суهارева О. А.* О ткацких ремеслах в самарканде // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981.
- 15 *Гафферберг Э. Г.* Одежда белуджей Туркменской ССР // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970.
  - 16 *Кошаров П. М.* Этнографический альбом диких каменных киргизов племени богинцев // АИЭ. (Л.). № 116.
  - 17 Типы веретена, способы прядения у туркских народов Средней Азии оказались вовсе не одинаковы. Б. Х. Кармышева выделила восемь основных типов ручного веретена. Два из них были распространены у исследуемых нами народов: 7-й тип — у туркмен, арабов низовья Кашкадарьи и узбеков-карлуков Кашкадарьи; 8-й тип — у казахов, у поздних, а местами и ранних, полукочевых узбеков, а также ногайцев Закавказья. См.: *Кармышева Б. Х.* Ткачество и прядение у народов южных районов Таджикистана и Узбекистана (XIX—начало XX в.). // Проблемы типологии и этнографии. М., 1979. С. 258; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в. М., 1976. С. 83—86.
  - 18 См.: Полевые материалы Т. А. Смешко // ИЭ. Туркменский отряд Среднеазиатской экспедиции 1972 г.
  - 19 *Языев Ч.* Туркменская домотканая материя...
  - 20 См.: *Васильева Г. П.* Преобразование...; *Ниязкычиев к.* Туркмены-човдурцы...; Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1972 г.; *Пиркулиева А.* Домашние промыслы и ремесла...; *Бабаджанов Р.* Туркмены Тедженского оазиса в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // Труды ИАЭ АН ТССР. Сер. этнограф. 1962. Т. VI; *Языев Ч.* Очерк хозяйства и общественной организации туркмен-сарыков Иолотанского оазиса в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
  - 21 Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1972—1973 гг.
  - 22 Полевые материалы Т. Н. Смешко. Каракалпакско-Джизакская группа. 1976 г.
  - 23 *Гребенкин А. Д.* Узбеки... С. 98.
  - 24 См. сноску 10 статьи, а также: *Кармышева Б. Х.* Поездка к киргизам Джиргата в 1954 г. // Изв. Отд-ния обществ. наук АН ТаджССР. 1956. Кн. 10/11; *Смешко Т. Н.* Ткани...
  - 25 См.: *Пашино П. И.* О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области // Изв. РГО. 1967. Т. III. С. 125.
  - 26 *Гребенкин А. Д.* Узбеки... С. 82, 101, 107.
  - 27 *Шаниязов К.* К этнической истории... С. 207.
  - 28 Полевые материалы Т. Н. Смешко. Джизакский отряд, 1977 г.
  - 29 *Васильева Г. П.* Преобразование... С. 59.
  - 30 *Борозна Н. Г.* Материальная культура... С. 110.
  - 31 См.: *Исмаилов Х.* Традиционная одежда... С. 230; Полевые материалы Т. Н. Смешко. Бухарско-Хивинский отряд, 1971 г.
  - 32 См.: *Шаниязов К.* К этнической истории... С. 207.
  - 33 *Антипина К. И.* Особенности... С. 54.
  - 34 Об этом сказано в упоминавшихся работах А. Пиркулиевой, Ч. Языева, К. Овезбердыева, К. Шаниязова и Х. Исмаилова, полевых материалах Т. Н. Смешко за 1972 г.
  - 35 См.: Фонды областного историко-краеведческого музея г. Ош. КиргССР. Кп. № 921/213; Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1977, 1980 гг.; *Суهارева О. А.* История среднеазиатского костюма...; *Шаниязов К., Исмаилов Х.* Этнографические очерки... С. 74; *Исмаилов Х.* Традиционная одежда... С. 230.
  - 36 См.: *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда... С. 55.
  - 37 См.: *Курылов В. П.* Одежда анатолийских турок // Сб. МАЭ. 1970. XXVI. С. 254.
  - 38 См.: Т. Н. Смешко. Ткани... С. 216.
  - 39 См.: *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 726.
  - 40 *Махова Е. И.* Материальная культура... С. 48—49.
  - 41 *Шаниязов К.* К этнической истории... С. 209.
  - 42 См.: *Кармышева Б. Х.* Ткачество... С. 253.
  - 43 Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 229.
  - 44 *Андреев М. С.* По этнологии Афганистана: Долина Пенджшир: (Материалы поездки в Афганистан в 1926 г.). Ташкент, 1927. С. 28—29.
  - 45 *Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973. С. 19—20; *Кунижева Л. З.* Домашние промыслы и ремесла абазин в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1974; *Мамбетов Г. Х.* Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. Нальчик, 1962; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура... С. 83—86.
  - 46 Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1972 г.
  - 47 *Гребенкин А. Д.* Узбеки... С. 76—107.

- 48 См.: Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы... С. 144; Борозна Н. Г. Материальная культура... С. 110; Шаниязов К. К этнической истории... С. 211; Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1977, 1978 гг.
- 49 Гребенкин А. Д. Узбеки... С. 98.
- 50 См.: Антипина К. И. Особенности материальной культуры... С. 54.
- 51 См.: Овезбердыев К. Материалы... С. 20; Языев Ч. Очерк... С. 20; Пиркулиева А. Домашние промыслы... С. 18—25.
- 52 Васильева Г. П. Преобразование...; Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1972 г.
- 53 Исмаилов Х. Традиционная одежда... С. 229; Гафферберг Э. Г. Одежда... С. 54.
- 54 Гребенкин А. Д. Узбеки... С. 76.
- 55 Эта мысль, подтверждаемая нашими материалами 1971, 1976, 1977 гг., высказана Б. Х. Кармышевой относительно узбекских племен (Кармышева Б. Х. Ткачество... С. 253).
- 56 Гаврилов М. Ф. Ткацкое искусство... С. 47—48.
- 57 Овезов Д. М. Племя... С. 113; Васильев Г. П. Туркмены-нохурлы // СЭС. 1954. I. С. 155.
- 58 См.: Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения... С. 79; Огородников П. П. Тревожные места... С. 23; Поездка из Орска... С. 587—588; Жданко Т. А. О близости... С. 169—170.
- 59 Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1971, 1972, 1976 гг.; Гафферберг Э. Г. Одежда... С. 54.
- 60 Исмаилов Х. Традиционная одежда... С. 229; Материалы Т. Н. Смешко. 1977—1978, 1980 гг.
- 61 См.: Смешко Т. Н. Ткани домашнего производства... С. 103; Она же. Ткани в одежде киргизов... С. 217; Она же. Ткани в одежде южных туркмен... С. 112—113; Васильева Г. П. Преобразование... С. 58; Шаниязов К. Узбеки-карлуки... С. 80; Он же. К этнической истории... С. 211 и др.
- 62 Массон М. Е. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда // Белек. Фрунзе, 1946, С. 47—51.
- 63 Васильева Г. П. Преобразование... С. 57—58; Полевые материалы Т. Н. Смешко 1972 г.
- 64 Никольский А. М. О рыболовстве в водах Аральского бассейна // Изв. РГО. 1888. Т. XXIII. С. 673; Гейер И. И. Туркестан. Ташкент, 1909. С. 514.
- 65 Жданко Т. А. О близости... С. 170.
- 66 См.: Смешко Т. Н. Ткани домашнего производства... С. 104—108.
- 67 См.: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. С. 753; Каракалпакско-русский словарь/Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958. С. 649; Краткий казахско-русский словарь/Под ред. Г. Мусабаяева. Алма-Ата. С. 210. Вероятно, это были ткани не чисто шерстяные или шелковые, а с примесью растительного волокна торка.
- 68 Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 109, 270.
- 69 См.: Задыкина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи // ТХЭ. 1952. Т. I. С. 346.
- 70 Жданко Т. А. О близости... С. 170.
- 71 Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. С. 58.
- 72 Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. С. 226—228.
- 73 Материалы А. Анохина // АИЭ (Л.). Ф. II. Оп. 1, Д. 36. Л. 7 об.
- 74 См.: Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 271—274.
- 75 Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 115.
- 76 Валиханов Ч. Отчет о состоянии Алтышара... С. 462.
- 77 Лыкошин Н. Чайкумская волость Ходжентского уезда: Справочная книга Самаркандской области. Самарканд, 1906. Вып. VIII. С. 107.
- 78 Халаты из такой парчи имеются почти во всех местных музеях Средней Азии, а также в фондах ГМЭ и МАЭ.
- 79 Северцев Н. А. Путешествия... С. 247.
- 80 См.: Тагеев Б. Л. Памирские киргизы // Нива. 1897. № 38. С. 896.
- 81 Валиханов Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль... С. 268—269.
- 82 Фотоальбом и отчет о поездке С. М. Дудина // Архив ГМЭ.
- 83 Васильева Г. П. Преобразование... С. 225; Полевые материалы Т. Н. Смешко. 1972 г.

Список сокращений

- АИЭ (Л.) — Архив Института этнографии (Ленинградская часть)
Бюл. АН УзССР — Бюллетень Академии наук УзССР
ГМЭ — Государственный музей этнографии
ЗРГО — Записки русского географического общества
ЗИРГО — Записки императорского русского географического общества
Изв. РГО — Известия русского географического общества
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ПИИЭ — Полевые исследования Института этнографии
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник
ТИАЭ АНТССР — Труды Института археологии и этнографии Академии наук Турк-
менской ССР
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

Содержание

Предисловие

3

ЛОБАЧЕВА Н. П.

О некоторых чертах региональной общности
в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана

5

МОРОЗОВА А. С.

Традиционная народная одежда туркмен

39

САЗОНОВА М. В.

Женский костюм узбеков Хорезма

90

ЛЮШКЕВИЧ Ф. Д.

Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса
и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в.
(опыт сравнительной характеристики)

107

РАССУДОВА Р. Я.

Сравнительная характеристика мужской одежды населения
Ферганско-Ташкентского региона (XIX—XX вв.)

139

НАУМОВА О. Б.

Женские рубахи-платья киргизов
(к публикации карт Е. И. Маховой)

157

ЛОБАЧЕВА Н. П.
Каракалпакские головные накладки
169

ШИРОКОВА З. А.
Традиционные женские головные уборы таджиков
(юг и север Таджикистана)
182

ЗАХАРОВА И. В., ХОДЖАЕВА Р. Д.
Головные уборы казахов
(опыт локальной классификации)
204

ТОМИНА Т. Н.
Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии
228

Список сокращений
253

Традиционная
одежда народов
Средней Азии
и Казахстана

Утверждено к печати
Ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства
С. Н. Романова

Художник
Г. И. Камзолова

Художественный редактор
И. Д. Богачев

Технический редактор
И. В. Бочарова

Корректор К. П. Лосева

ИБ № 38950

Сдано в набор 01.06.88
Подписано к печати 21.10.88
Формат 70×90¹/₁₆

Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура литературная.

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,3. Усл. кр. отт. 21,48. Уч.-изд. л. 20,8

Тираж 4100 экз. Тип. зак. 1668

Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

